

**ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ**

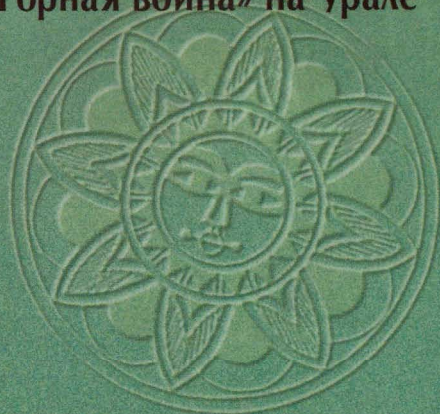

ТАЙНЫ СЕДОГО УРАЛА

Битва за Каменный Пояс
Викинги открывают
Биармию
Уральские
конкистадоры
Первоосвоители края
«Горная война» на Урале

Л.М. СОНИН

Л.М. Сонин

Тайны седого Урала

Москва
«Вече»
2009

Сонин Л.М.
С62 Тайны седого Урала / Л.М. Сонин. — М. Вече, 2009. — 352 с. — (Тайны Земли Русской).

ISBN 978-5-9533-3368-9

Священные Рифейские горы Гиперборейского Севера, Каменный Пояс, за которым открываются «незнаемые» просторы Югорского лукоморья. Таков Урал в преданиях старины. В его истории слились воедино саги викингов о легендарной Биармии, летописные повествования о русских землепроходцах, волшебные сказы о Хозяйке Медной горы. Истинным средоточием тайн, сокровищницей России предстает Урал и на страницах этой книги. Ее автор, екатеринбургский писатель Лев Сонин рассказывает о секретах древних пермских рудокотов и об уральских самоцветах, о Ермаке и о Строгановых, о первоосвоителях сурового и прекрасного горного края...

ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-9533-3368-9

© Сонин Л.М., 2009

© ООО «Издательский дом «Вече», 2009

От автора

Почему возникла эта книга? Разве история Урала — это нехоженые тропы, «белые пятна»? Отнюдь нет. О Каменном Поясе написано немало, существует очень много литературы, посвященной ему. Однако, на взгляд автора, все эти тома, выходявшие в свет в разные годы и, конечно, содержащие немало полезных сведений и важных открытий, все же не отвечают в должной мере тяге массового читателя, особенно усилившейся в последнее время, к по-иному поданному историческому материалу. Ведь большинство из изданного грешит либо академично-школярским стандартом мышления, идущим от «классового метода» познания истории, либо состоит из набора прописей и вдобавок утомляет серостью изложения...

С другой стороны, писать историю родного края непросто. Особенно о его древнейших временах. Не столь много сохранилось преданий, легенд, и того меньше — документальных данных. Сложно из такого небогатого материала соткать живой, яркий узор рассказа...

Автор, конечно же, не обольщается надеждой полностью утолить интерес читателя. Лежащая перед вами книга не содержит исчерпывающего описания тех или иных периодов истории края. В ее главках, при отборе тем, автор искал интересные и характерные эпизоды, наиболее точно, по его мнению, отображающие эпоху, нравы людей, их взаимоотношения в обществе...

О чем автор постарается здесь поведать читателю?

О самых простых и в то же время важных вещах.

Как сотворились Уральские горы? Как, когда появился на теле планеты их тысячеверстный бугроватый шов, во-едино крепящий два великих материка? Откуда пошло имя «Урал»? Что за люди — уральцы? Как оказались первые из них на этой земле? Давно ли? Как устраивалась их жизнь здесь? Чем они занимались в разные времена? Каковы основные этапы освоения Урала, овладения его богатствами, становления «опорного Края державы»?

Таковы главные тематические пункты представляемой книги об Урале.

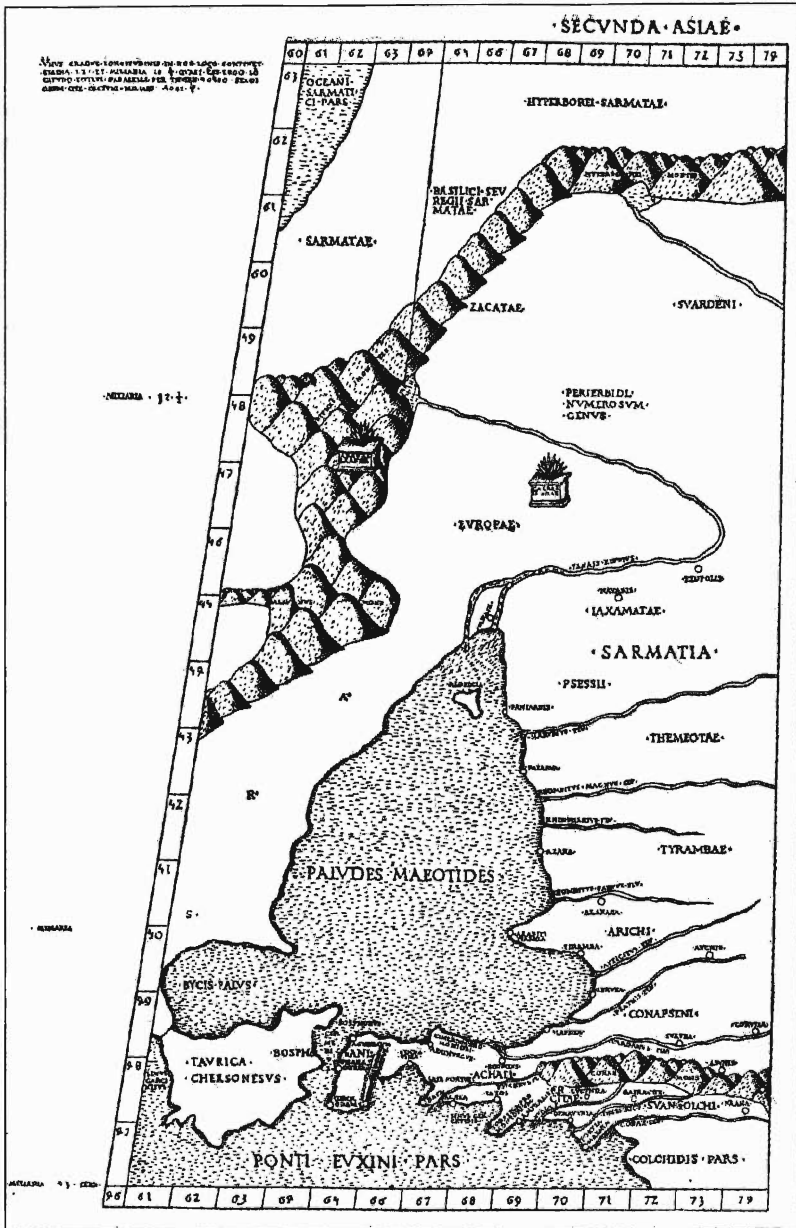

КРАЙ ОБРЕТАЕТ ИМЯ

Рифей, Камень, Каменный Пояс — Урал...

Знакомые все названия, не правда ли? Дальним эхом легенд, поэтическим образом воспринимается ныне большинство из них. Тем не менее все до одного — вполне официальные. Все значатся в солидных фолиантах, в трудах ведущих для своих времен географов. Все они, каждое в соответствующую пору, были признанным в Европе именованим заметной на нашей планете горной страны. Почему же за цепями крутобоких кражей, протянувшихся осанистыми рядами от Ледовитого океана до приаральских пустынь, закрепилось вот это их сегодняшнее название? Почему именно оно состоялось в веках?

Вопрос не праздный. Наречение имени — не обыденное событие. Во все времена обживания Земли человеком названию места его обитания придавалось значение первостатейнейшее. И понятно — отчего. Ведь оно должно говорить о многом. И о принадлежности обозначаемого к роду, виду предметов, и отличии его от других подобных, но к этому же роду, виду принадлежащих. В самом имени хранится и тайна его наречения (кто, собственно, нарек?), и много еще всякого, свидетельствующего о нравах, обычаях, особенностях существования имядарителей.

Часть карты азиатской Сарматии по Птолемию.
 Рифейские горы располагаются с юго-запада на север

Так что названия на Земле не появляются случайно. Они скрупулезно просеиваются народной памятью и если уж утверждаются, то заслуживают самого серьезного изучения их истоков.

Потому естествен и понятен интерес, с которым многие исследователи пытаются разобраться в непростом пути обретения Уралом своего сегодняшнего имени.

Следует сразу сказать — при изучении извивов этого процесса ученым, краеведам открылось немало неожиданного. Даже парадоксального.

Ну, хотя бы такое. Древнейшие на Земле горы, основательно обживаемые людьми уже около ста тысяч лет, свое теперешнее имя обрели совсем недавно. И совсем неясно, что означает оно, языку какого народа обязано своим появлением.

Сегодня однозначно установлено только одно: имя Урал на русских, а затем и иностранных географических картах появилось только в 1701 году.

Но отнюдь не однозначны объяснения — откуда появилось это имя, из языка какого народа оно вышло.

Существуют несколько точек зрения на эту проблему. Однако основное соперничество идет между двумя, кажущимися наиболее очевидными.

— Какие могут быть споры?! — горячатся сторонники одной из них. — Все ведь так просто! Послушайте, как звучит у исконных уральских обитателей — манси — обозначение «вершина горы»: «Ур ала». Так о чем может быть разговор! От этого сочетания двух мансийских слов и родилось имя «Урал».

Традицию такого понимания заложил в середине прошлого века известный геолог Эрнест Карлович Гофман, много труда вложивший в изучение Северного и Южного Урала.

Эту версию усердно пестуют и западные родственники манси — мадьяры. Венгерские ученые последовательно ее отстаивают во многих своих публикациях по истории мадьярского языка.

— Полноте, — останавливают оппонентов сторонники другой точки зрения. — Вы что, забыли: ведь еще почти за сто

лет до Гофмана Петр Симон Паллас, не менее маститый издатель Урала, записал башкирское название южноуральских гор — Урал-тау. Разве не очевидно — именно от этих исконных уральских обитателей идет название и всей этой горной страны!

Правы кажутся в своих утверждениях обе стороны!

Только... Только никак не могут объяснить сторонники первой версии: почему сами-то манси никогда Урал Уралом не называли и не называют. «Нёр» — именуют они эти горы. Что означает просто и весомо — «камень»... Только не могут и сторонники второй версии удовлетворительно объяснить, а что, собственно, значит на башкирском языке (вообще у тюрков) слово «урал»! Убежденные последователи этой версии следуют в основном традиции, заложенной В.Н. Татищевым. Василий Никитич утверждал, что «урал» означает «пояс», производя это название от тюркского глагола «уралу», «оралу» — опоясываться. Общеизвестна тонкая поэтичность тюркских образов, но чтобы называть так горы, предполагаемому автору имени надо было бы по крайней мере представить себе, что же они опоясывают. Пока удовлетворительного объяснения этому никто не представил.

Есть еще несколько попыток объяснить, откуда пришло слово «урал». Некоторым ученым представляется возможным появление названия с Востока. По-эвенкийски «гора» — «урэ». Люди тунгусо-маньчжурской языковой культуры, пришедшие в эти края с Востока, вполне могли принести ему такое название, тем более что появление буквы «л» в продолжении слова ставит его просто во множественное число. Но противники данной версии не могут взять в толк, почему русские географы восприняли название от пришлых, а не коренных жителей.

Итак, подведем нашему небольшому этимологическому экскурсу некоторые итоги. Поначалу напрашивается даже и ошарашивающий вывод: кажущееся столь же древним, как и окатанные миллионами веков вершины уральских хребтов, общепризнанное ныне их название на картах мира появилось как бы... ниоткуда. Во всяком случае, не

очевидно, что оно пришло в наши дни памятью о давних пра-жителях здешних мест. Как Хоса-Нёр — название скалистого хребта на Северном Урале (на русском языке это мансийское имя означает «длинный святой камень») или скопление нескольких горных цепочек на Южном Урале, означаемое на картах «массивы Крака», название, которое (это установлено однозначно) восходит к древнетюркскому Кырк-Арка — «сорок хребтов».

И не виден смелый первопроходец, нашенский Америго, предъявивший миру свое название вновь открытой земли.

Но, может быть, имя Уралу найдено после долгих изысканий и его появление освящено авторитетом географической науки?

Действительно, самое время посмотреть, как же появлялись все имена — «синонимы» Урала, кто, как и когда присваивал их этому краю.

Считается, что первое письменное свидетельство об Уральских горах прозвучало в Геродотовой «Истории», написанной в V веке до н. э. Великий автор бессмертного сочинения в нескольких главах «Мельпомены», четвертой книги своего труда, пересказал содержание поэмы некоего Аристея, жителя греческого города Проконесса, в которой тот описал своё путешествие в земли за Азовским морем (его древние греки называли Меотийским озером). Путешествие Аристея состоялось, по Геродоту, в VII веке до н.э.

Из Геродотова описания следует, что Аристей отправился от Меотийского озера по реке Танаис (так называли в Античном мире Дон) к северу. В пути он встретил немало народностей и племен, хоть и варварских, хоть и с разными обычаями, но живущих (кто в лесах, кто в степях) вполне по-человечески. В одной из самых отдаленных стран Аристею повстречались иирки, народ, обитающий у подножия высоких гор. Горы эти Аристей назвал Рифеями. Неподалеку от них жил другой народ — исседоны.

По-видимому, поэма Аристея из Проконесса была единственным на ту пору солидным источником информации о столь отдаленных от греческих городов землях. Во всяком

случае, Геродот отнесся к описаниям Аристеея весьма уважительно. И великий космограф Древнего мира Птолемей посчитал для себя обязательным использовать его данные при создании ставшей знаменитой карты мира. Конечно, из не совсем отчетливых указаний путешественника Птолемей не мог установить с очевидностью, где точно возвышаются Рифейские горы. Античный географ попытался определить это сам. Имелось несомненное свидетельство Аристеея: горы располагаются к северу от Танаиса. Имелось и тысячу раз подтвержденное античное знание об окружающем мире — все великие реки (а Танаис, по их убеждению, был великой рекой) стекают с великих гор.

Так на карте Птолемея появились Рифейские горы. Он расположил их в верховьях реки Танаис строго к северу от Понта Эвксинского (Черного моря), почти на северном краю Земли. Горы на карте были вытянуты небольшой цепью с юго-запада на северо-восток, и ближайшим к ним соседом с востока оказались Гиперборейские (северные) горы, из которых вытекала не менее великая река Ра (Волга). Гиперборей были вытянуты уже строго с запада на восток.

Более тысячи лет карты Птолемея служили всем образованным людям западного мира авторитетным сводом сведений по космографии и географии. И нарождающееся Возрождение, безусловно, воспринимает его видение мира. Вот и Роджер Бэкон (1214—1295), великий средневековый ученый, монах-францисканец, десятилетия проживший в монастырских тюрьмах за неумную страсть к знаниям, лишь повторяет Птолемея в своих географических изысканиях по востоку Европы: «...Река Танаис берет свое начало в высоких горах, которые называются Рифеями. Они действительно простираются к северу, потому что за ними не находят больше никакого народа...»

Наверное, следует подчеркнуть: интерес Бэкона к столь отдаленным краям был отнюдь не случаен. Именно оттуда, с востока, над народами Центральной и Западной Европы стремительно нависали тогда грозные тучи Чингизовых и Батыевых туменов. И даже жителям Италии и Альбиона

казалась неотвратимой страшная угроза — разделить судьбу раздавленных русских княжеств. Потому географические подробности ранее почти неизвестных «просвещенному миру» областей Европейского Востока становились жизненно важными, могущими повлиять и на направление движения татаро-монгольских орд, и на исход схваток с ними.

Обостренное внимание к географии восточных областей высказывалось тогда многими просвещенными людьми Европы. В том числе интерес вызывали и Рифеи. Слово это, видимо, настолько вошло в культурный обиход, стало широко известным, что великий Данте Алигьери, нисколько не боясь быть непонятым, вводит в свой сонет Рифей образом дальнего угрюмого Севера:

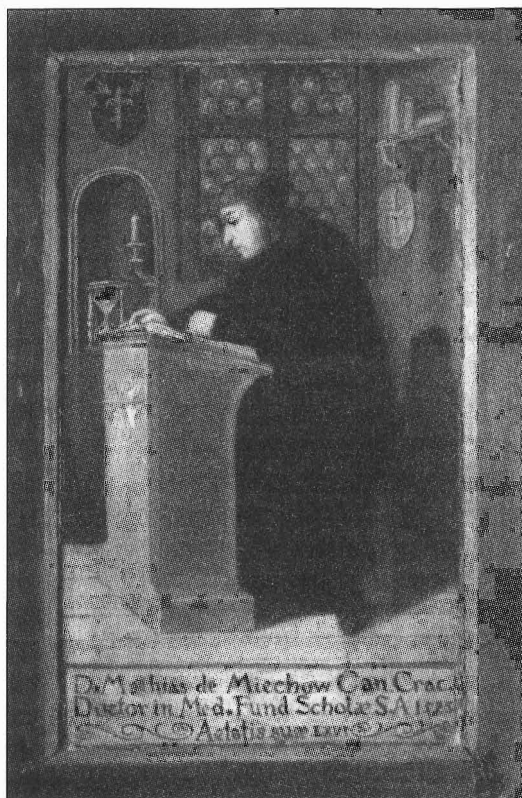
*Pot com gru, ch'alle montagne Rife
Votossar parte, e parte inter l'arene.*

(Судьба разделила пути, и часть журавлей потянулась к Рифейским горам. А часть потянулась в пустыню...)

Тем не менее необходимо еще раз отметить: никто тогда не оспаривал точность карты Птолемея. И только через двести лет после смерти Р. Бэкона нашелся смельчак, усомнившийся в достоверности птолемея знания мира. Им оказался итальянский учёный, настолько влюбленный в античный мир, что он даже отказался от своего христианского имени и известен ныне под именем, взятым им из древнеримских хроник, — Юлий Помпоний Лэт (1425—1498).

Юлий Помпоний Лэт прославлен в веках прежде всего уже тем, что создал первую Римскую академию — поначалу как литературное товарищество, объединившееся для изучения античных рукописей.

Не совсем ясно, что заставило его покинуть благодный мир средневековой Италии и отправиться на длительный и малокомфортный вояж по Северо-Восточной Европе. Но именно в результате этого путешествия просвещенная Европа впервые узнала — никаких Рифейских гор в верховьях реки Танаис нет! Река берет свое начало из необозримых болот в совершенно равнинной местности. Информация Юлием

Матвей Меховский

Помпонием Лэтом была несколько раз перепроверена. «Так рассказывали мне люди, живущие у истоков Танаиса», — обронил он в одном месте описания своей поездки. В общем, Лэт «закрыл» Рифеи. Но следом неизменно вставал вопрос: а куда все же делись горы из верховий этой реки?

Следовало на него как-то отвечать.

Конечно, можно бы и признать — ошибся, мол, Клавдий Птолемей, нет в Северной Европе никаких Рифейских гор. Но такое заявление было бы прямым покушением на истину, которой верили почти две тысячи лет.

Как поступить в столь щекотливой ситуации?

Найденный Лэтом выход был и прост, и изящен и, думается, делает честь человеку, высоко чтящему античных авторов. Он стал активно интересоваться у москвитов: а вообще-то у вас хоть где-нибудь горы есть? Есть, ответили ему москвиты, в Югре. Вот тут, думается, Юлий Помпоний облегченно вздохнул — есть горы!

Естественно, это могли быть только Рифейские горы — не мог же ошибиться Птолемей. Просто он пользовался не совсем точным переводом Геродота. Да и у Геродота написано о горах уж очень туманно.

Уточнив у москвитов, где же располагается эта Югра, Юлий Помпоний Лэт написал в отчете о своих странствиях: «...От Борисфена (Днепра) Скифия тянется до Рифейских гор, которые замыкают ее с востока и простираются на север вплоть до Ледовитого океана. Эти горы столь же высоки и возвышенны, как и Альпы. В отдаленнейших пределах их живут югры...» И ни слова — о реке Танаис.

Вот так — элегантно, тихо, никак не акцентируя факта перестановки гор, не компрометируя Птолемея, — звучит поведенное путешественником. Но мы-то сегодня не можем не отметить — именно в этом труде, впервые широко признанном в Европе, ученым было определено точное местоположение Уральских гор и признано, что именно они и есть Рифеи. Случилось это в самом конце XV века.

Но если Юлий Помпоний Лэт сам не придал проведенному «уточнению» сколько-нибудь большого значения, то нельзя сказать, что так же восприняли данный факт другие европейские ученые.

По-видимому, впервые узнавший о нем из римских сообщений и затем перепроверивший эти сведения расспросами пленных московитских воинов польский ученый Матвей Меховский решил сделать себе громкое имя на снятии с европейских карт Рифейских гор в верховьях реки Танаис. Еще бы, представлялась возможность публично осрамить самого Птолемея!..

В 1517 году Матвей Меховский издает «Трактат о двух Сарматиях», где уже в авторском обращении к епископу Ольмюнскому темпераментно и даже с некоторой запальчи-

востью заявляет: «...Утверждали также, что в тех северных областях находятся известнейшие в мире горы Рифейские и Гиперборейские, а из них вытекают не менее славные реки, описанные и воспеты космографами и поэтами: Танаис, Борисфен... и величайшая из рек Волга.

Все это далеко от истины, и нелишним будет, основываясь на опыте (всеобщем учителе), опровергнуть и отвергнуть это как невежественное и непроверенное сообщение...

Вышеупомянутые три реки... начинаются и текут из Московии... Что там нет гор, называемых Гиперборейскими, Рифейскими и Аланскими, это мы точнее точно знаем и видим, как и то, что вышесказанные реки возникли и имеют истоки на равнине...»

Матвей Меховский отказал Рифеям в праве на существование вообще. Видимо, он очень осторожно относился к повсеместно ширившемуся острому интересу и восхищению античным миром и с радостью использовал возможность уличить древних авторов в ошибках.

Книга Меховского действительно всполошила тогдашний ученый мир. Поверивший его аргументации Альберт Камнезе (кстати, он знал и личные впечатления своих отца и брата от посещения Московии) в письме к папе Клименту VII восклицает, что не может-де... «надивиться дерзости географов, которые без стыда и совести рассказывают невероятные вещи о Рифейских и Гиперборейских горах....», которые, — это уже ему вторит Павел Иовий, тоже известный тогда ученый, — «...положительно известно в настоящее время, нигде не существуют...»

Тут самое время сказать, что многие современные нам авторы упрекают Меховского в неоправданном снятии Рифеев. «Ведь это Урал!» — восклицают они, поддерживая концепцию Юлия Помпония. Нет. Меховский был более близок к современному знанию, чем римлянин. Он тоже знал о существовании гор на северо-востоке Европы. И описал их в том же труде, там, где рассказывает о народе югры (угры — мадьяры). «Югры вышли из Югры, самой северной и холодной скифской земли у северного океана... Югра — самая северная страна и вовсе не имеет высочайших и не-

доступных гор, ни таких, как Альпы в Италии, ни таких, как Сарматские горы. Следовательно, неверно говорят некоторые историки, что гугны (гунны) вышли из своей области — из величайших и недоступных гор. В Югре, впрочем, есть горы, покрытые густым лесом, но это пологие и легкодоступные горы средней величины и высоты, скалистые и утесистые...»

Так что знание Меховского об Урале было достаточно точным. И он обоснованно противился устоявшемуся мнению, что в этих горах берет начало лежащие далеко к западу Дон и Днепр. Он понял — ничего-то об этих горах Птолемей не знал. Отвел им место на своей карте мира по интуиции. А она — подвела.

Думается, современные критики Меховского близки к своей позиции к мнению австрийского императора Максимилиана I (Матвей Меховский неосторожно послал ему в подарок свою книгу). Император, истовый поклонник Птолемея, был страшно раздосадован покушением на авторитет своего кумира. Решительный человек, он вознамерился немедленно же опровергнуть нахала. Воспользовавшись предложением подписать какой-то договор, он послал в Москву своего дипломата Франческо да Колло, главной целью поездки которого было доказать розысками на месте неоправданную гнусность покушения Меховского на святые авторитеты.

Впрочем, суть поручения хорошо описал сам да Колло:

«Императору прислана была книга, написанная знаменитым врачом и ученым из Кракова, в которой он осмелился уличить в досадных ошибках государя всех космографов Птолемея. Там, где последний описывает северные страны, и особенно там, где он учит, что Танаис берет начало в Рифейских горах, что якобы этого или подобного ему горного кряжа в России вовсе не существует. Его величество, хорошо осведомленный в географических вопросах и большой почитатель Птолемея, которому он, как все образованные люди, обязан своим знанием космографии, прочел его замечание о Птолемея с большим неудовольствием и дал нам ясное указание исследовать этот вопрос заново...»

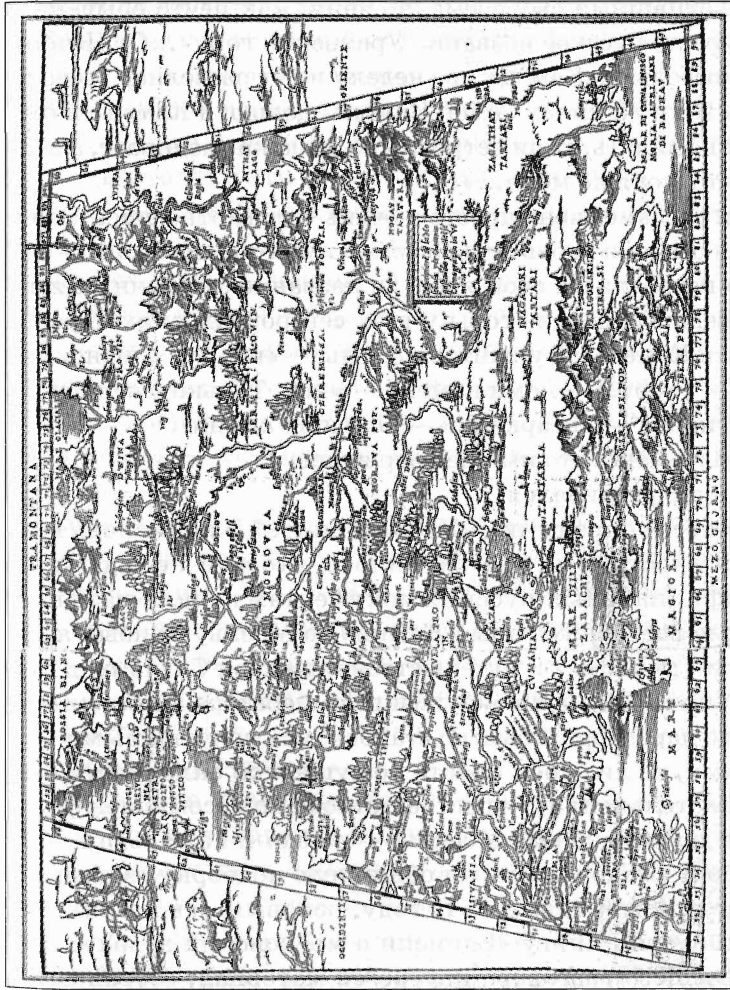

Во время пребывания в Москве да Колло старался собрать все сведения, чтобы опровергнуть Меховского. Но уже и опытному царедворцу было слишком одиозным утверждать, что да, стоят, мол, Рифеи в верховьях Танаиса. Поневоле пришлось, чтобы хоть как-то обелить Птолемея, принять трактовку Юлия Помпония. Тем более что и сам Франческо в беседах со сведущими людьми удостоверился, что в дальних северных пределах Московского государства, в стране, называемой Югра, действительно есть горы. Он вслед за Лэтом и отождествил их с горами Птолемея. Но тут же доказал себе, что все же источники великой реки Танаис находятся там, а не в княжестве Рязанском (по Меховскому). Для пущей важности в своем донесении императору да Колло прибавил, что на обратном пути из Москвы, в польском городе Петракове, он имел случай видеть самого Меховского и разубедить его в ошибке. И Меховский (якобы. — Л. С.) сознался, что был введен в заблуждение, основав свое показание на рассказах пленных московитян, содержавшихся в Кракове.

Да Колло, конечно же, был истый придворный ученый. Государю нужны Рифеи — значит, они есть. И если даже немного их сдвинуть в сторону, то главное все же — утвердить угодное императору знание о них. Чтобы, не дай бог, не прогневить властелина. И дипломат решил хоть и передвинуть Рифеи, но оставить там истоки Дона (Танаиса). На всякий случай.

На первый взгляд может показаться странным сегодня, что спор о наименовании гор, расположенных в дальних московитских пределах, вели почему-то иностранцы. Будто бы он не касался русских. Но это отнюдь не так. Просто у русских этот вопрос никогда не возникал.

К моменту приезда в Москву да Колло (июнь 1518 года) русские уже давно примерились к горам на своих восточных рубежах. Отряды московских воинов все чаще проникали в азиатские пределы. И, естественно, давно уже определились с названием порубежных гор. Вот доказательство тому.

Карта Московии, составленная европейским географом. 1551 г.

В одном из воинских рапортов конца XV века, о карательной экспедиции ратников Ивана III во главе с князьями Семеном Курбским и Петром Ушатым, посланных зимой 1499 года (на лыжах) расправиться с угорскими князьями, не уплатившими своевременно дани, как нечто обыденное прозвучало русское название Уральских гор: «...От Печоры шли воеводы до Камени две недели и тут развелись воеводы князь Петр да князь Семен Камень-щелью; а Камени в оболоках не видать, коли ветрено ино оболока раздирает, а длина его от моря до моря...»

Так русские очень просто и очень честно отнеслись к присвоению имени вновь открываемой ими горной стране — они точно перевели на свой язык ее название с коренных языков. Ведь Уральские горы у всех североуральских народов звались Камень. И у хантов камень — «кёв», и у манси камень — «нёр», и у коми камень — «из». Только у ненцев немного иначе — «нгарка пэ» — большие камни.

Тем не менее это имя не удержалось.

Как же развивался

процесс «окрещения» Урала дальше? В него вновь вмешался иностранец. Так случилось, что в те же годы, когда в официальных русских документах начали называть далекие восточные горы «Камни», в Москву прибыл австрийский дипломат и путешественник барон Сигизмунд фон Герберштейн. То ли в окружении императора Максимилиана I все царедворцы быстро становились искушенными географами, то ли барон просто по душевной склонности был любознательным путешественником, но несомненен факт, что за два посещения Москвы — в 1517 и 1526 годах — он быстро и умело насобирал обширную подборку сведений о стране пребывания. В 1549 году, основываясь на них, барон выпустил книгу «Записки о московских делах». Для темы нашего разговора интересен материал, собранный в разделе «Указатель пути к Печоре, Югре и Оби». Автор утверждает, что основой раздела послужил перевод какого-то русского путеводителя. Может быть, и так. Во всяком случае, из книги следует: барон был наблюдателен,

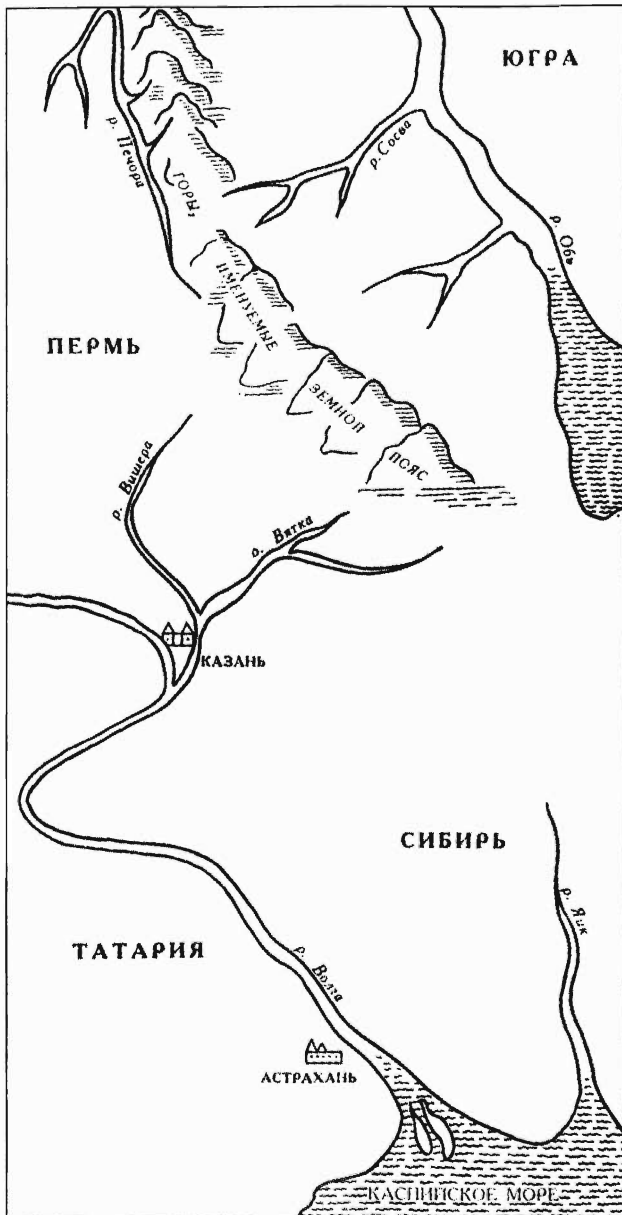
умел работать с документами и находить истину в спорах. Что никаких Рифейских гор в верховьях Дона нет, ему в 1519 году было уже очевидно. Но куда-то же надо было поместить эти столь любезные сердцу его императора горы! И он написал: «...За Печорой простираются до самых берегов ее высочайшие горы, они совершенно лишены леса и почти даже травы. Хотя они в разных местах имеют разные имена, однако вообще называются “Поясом мира”... и во владении государя Московского можно увидеть одни только эти горы, которые, вероятно, представлялись древним Рифейскими...» Барон дал новое название горам, потому, вероятно, что был убежден: Птолемей просто ничего не знал толком об этих краях...

В другом месте Герберштейн говорит, что, имея в разных местностях разные названия, горы на северо-востоке Европы носят одно, общее, имя — Земной Пояс. Вот так, как бы совершенно случайно, в географический обиход было запущено еще одно название Урала. Тоже ниоткуда взялось?

Известный комментатор Герберштейна Е. Замысловский в книге «Герберштейн и его историко-географические известия о России» (СПб., 1884. С. 130—131) пишет: «Земной Пояс, может быть, было переводом названия инородческого и потому дано было хребту, принимаемому за естественную грань двух частей света, что он тянется на весьма значительном расстоянии от юга к северу, между тем как ширина его сравнительно ничтожна».

И еще одно название Герберштейн отыскал у Урала: «Ниже Оби... находятся следующие реки: Сосьва (Sosva), Березва (Beresvua) и Данадим (Danadim), которые все начинаются с горы Камень Большого Пояса (rnonte Camen Bolschega Poissa)» и соединенных с нею скал...»

Герберштейн был, по всей видимости, неплохо осведомлен о названиях Урала в других странах. Приводимые им имена позволяют предположить, что источником сведений для австрийского дипломата служили не только русские документы.

Уральские горы на карте Московии
С. Герберштейна (1549 г.)

В русской же традиции Урал так и продолжал оставаться Камнем. Правда, изыскания Герберштейна отразились и на русской традиции. Спустя многие годы после выхода его книги — в 1685 году — дьяк Никифор Вонюков описывает Урал так: «Который Камень лежит от моря-океана поясом до моря Хвалынского и широк зело, и на том Камени великие озера, а в них всякая рыба, кроме осетров и стерлядей...»

Но на этом поиск имени для обширной горной страны отнюдь не остановился. В самом конце XII века за географическое описание востока России принялся тобольчанин Семен Ремезов. Он создал колоссальный труд — Атлас Сибири, составленный из 23 карт. С запада Сибирь Ремезовым обрамлена цепью гор, которую он назвал кратко и выразительно — «Камен Урал» (в «Чертеже земли Тобольского города»). Вышедшие в 1701 году, эти карты впервые узаконили слово «Урал» как обобщенное название цепи горных кряжей на границе Европы и Азии.

Последнюю точку, точнее, утвердительную печать на свидетельстве о крещении Урала Уралом, поставил великий русский государственный деятель и ученый Василий Никитич Татищев.

Татищев был широко, европейски образованным человеком. Он был и очень добросовестным, и неуемно любознательным ученым, разработки и выводы которого во многих направлениях исторического знания ценны и поныне.

Принимаясь за «Общее географическое описание всей Сибири», Татищев, несомненно, ознакомился со всеми доступными ему опубликованными сведениями об этих местах (а ему, знавшему несколько иностранных языков, имевшему обширную библиотеку, доступно было многое), переспрашивал знатоков, сопоставил всю информацию и убежденно записал: «...От Тобола к западу те же горы до вершин рек Яика и Белой... Уральские. ...От верховий выще объявленных рек... горы оные поворотили прямо к северу, даже до моря Ледовитого... и зовутся они горы по-татарски Урал, по-русски — Пояс Каменный».

Так, с легкой руки сенатора, многих русских орденов кавалера, тайного советника В.Н. Татищева и закрепились за Уралом эти имена.

Итак, имя названо. А что же «включает» оно в себя? Что представляет собою Урал как географическое понятие? Каковы его «объемы», границы?

В Урал принято включать территорию между Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнинами. В ее состав, как яркий, определенный компонент, входит Уральская горная система, которая простирается почти меридионально к югу от Карского моря. Длина ее более 2000 километров, ширина от 40 до 150 километров. Наиболее высокая точка — гора Народная (1895 м). Реки относятся к бассейну Северного Ледовитого океана (Печора с Усой; Тобол, Исеть, Тура и другие — системы Оби) и Каспийского моря (Кама с Чусовой и Белой, река Урал). Много озер.

Административно Урал перекраивался неоднократно. С конца XX века в состав Уральского Федерального округа входят Свердловская, Челябинская, Оренбургская, Курганская и Тюменская области. Исторически и экономически с Уралом тесно связаны Приуралье и Зауралье, территории, прилегающие к нему с запада и востока.

Как родились Уральские горы

Урал на Земле — явление уникальное.

И по своей роли планетарного шва, некогда скрепившего два великих материка.

И по изобилию здесь природных ландшафтов, разбросанных щедро по всему его пространству.

И по климатическому разнообразию.

В самом деле, где вы найдете еще такой край, у которого изголовье остужалось бы вековыми льдами Северного океана, а подножие обжигалось прокаленными песками пустынь? Край, где в один и тот же июньский день сияет неза-

ходящее солнце над цветущей приполярной тундрой и роскошно расстилается разнотравье альпийский лугов. Где можно всласть поохотиться в кедрачах или, налюбовавшись стройными хорами нарядных березовых колков, остановиться у башкирского кочевья, напиться вдоволь охлажденным кумысом, наблюдая при этом, как все вокруг вибрирует в знойном степном мареве...

А теперь от этих поэтических картин Уральского края придется перейти к более прозаическим, но весьма для нашего рассказа необходимым вещам. Небезынтересно, думается, уяснить для себя — как же появилось на теле планеты столь необычное природное творение, какие силы воздвигли его. Неизбежен потому небольшой экскурс в науку, изучающую Землю, — в геологию.

Что современная наука определяет понятием «Урал»?

Строго говоря, Урал — это горная страна с прилегающими к ней с запада и востока участками двух великих равнин. Почему так считают геологи, обсудим позже. Как говорилось ранее, Уральская горная страна лежит на планете довольно узкой полосой, ширина которой редко где превышает сто пятьдесят километров, вытянута же она от приаральских пустынь до Ледовитого океана более чем на две с половиной тысячи километров. Этим она похожа на многие известные на Земле горные массивы — Анды, например. Только горы на Урале хоть и часто скалисты, но значительно ниже, менее круты, более обыденны, что ли, нежели их прославленные собратья где-нибудь в Альпах или Гималаях.

Но если горы Уральские внешне ничем не поражают, то совершенно уникально содержание их недр.

Урал всемирно знаменит богатством и разнообразием своего геологического строения. Это неопровержимая истина. Но надо до самого тонкого оттенка значимости этого факта осознать — Урал, может быть, единственное на Земле место, где специалистами отысканы горные породы, образованные практически во все периоды существования планеты. И минералы, появление которых могло быть обусловлено существованием здесь (конечно, в разное время) всех мыс-

лимых и в недрах Земли и на ее поверхности физико-химических режимов. Какая-то несусветная мешанина разновозрастных и разнохарактерных геологических порождений!

Но и это еще не все.

В изобильный перечень геологических образований Урала естественно уложился и уникально обширный спектр богатейших залежей почти всех известных на нашей планете полезных ископаемых. Нефть и алмазы. Железо и яшма с мрамором. Газ и малахит. Бокситы и корунд. И... и... и... Список бесконечен — не всё ведь еще открыто, да и не все виды полезных ископаемых мы еще знаем.

Всё это — и поражающее воображение даже искушенных профессионалов разнообразие, и обилие кладов недр, и беспрецедентная их разновозрастность — всё это сделало Урал геологической Меккой мирового сообщества. Еще с Петровской поры это началось — и не окончилось поныне. «Все промелькнули перед нами, все побывали тут...» Историки утверждают, что созданный царским повелением более ста лет назад Российский геологический комитет был и учрежден в основном, чтобы ученые мужи определились наконец в этой природной катавасии, Уралом названной...

Только... только огромное число исследований не упростило решения задачи, ради которой и съезжались академические светила на Урал. Задачи понимания — как же все это здесь соединилось?!

Каждый из мировых авторитетов из обилия увиденных фактов делал свою выборку, собирал свою логическую цепочку. И утверждал со свойственным каждому темпераментом и последовательностью свою истину. И только её.

Перечислить все созданные гипотезы образования Урала — занятие не для краткого очерка. Здесь нужна обширная монография. Ведь разноречивость тысячу раз удостоверенных и перепроверенных наблюдений сложила невероятный калейдоскоп из фактов. Исследователям надо было логически увязать очевидную реальность нахождения буквально рядом самых разнородных отложений. И дробящиеся ныне под ногами кремнистые плитчатые сколки образований дна океана, отбушевавшего здесь триста-четырееста

миллионов лет назад. И валунчатые гряды, занесенные в глубь древнего материка ледниковыми массивами сотни тысяч лет тому назад. И обнажения пород гранитного или габбрового ряда, разрушаемые ныне ветрами и солнцем, но которые могли образовываться только на многокилометровых глубинах земных, в мрачном горниле царящих там тысячеградусных температур и многотысячных атмосферных давлений. И песчаные косы отложений рек, промывших здесь не один миллион тонн песка и галечника из разрушающихся гор...

Так что и по сей день все это позволяет на равных существовать одновременно десяткам самых различных предположений о том, как жила Земля в уральских пределах за всю ее миллиарднолетнюю историю. И по сей день расшифровка истинной ее истории — актуальная и сложнейшая проблема геологов.

Правда, сегодня ученые определились хотя бы с критерием, по которому они разделяют гипотезы становления Уральской горной страны.

Критерий этот — космогонический.

Он наконец-то позволил сгруппировать все точки зрения по их отношению к исходному веществу планеты Земля.

Сторонники одного подхода сходятся во мнении, что все видимые с Земли небесные тела — и планеты в том числе — образовались как результат сближения, уплотнения рассеянного до того космического протовещества. Оно либо было таким же, что и посейчас падающие на нашу планету метеориты, либо было ошметком огненно-жидкого расплава. В число создателей гипотез, созданных на этом посыле, входят и философ Кант, и прославленный математик и астроном Лаплас, и выдающийся советский исследователь Отто Юльевич Шмидт. Кстати, в советских школах изучались в основном гипотезы из этого ряда. И их не так уж и легко опровергнуть — метеориты продолжают исправно вонзаться в Землю и по сей день, наращивая ее массу. А что и поныне земное ядро — жидкое, не сомневается, наверное, ни один геолог. Да и закон всемирного тяготения доселе исправно определяет ход светил и планет.

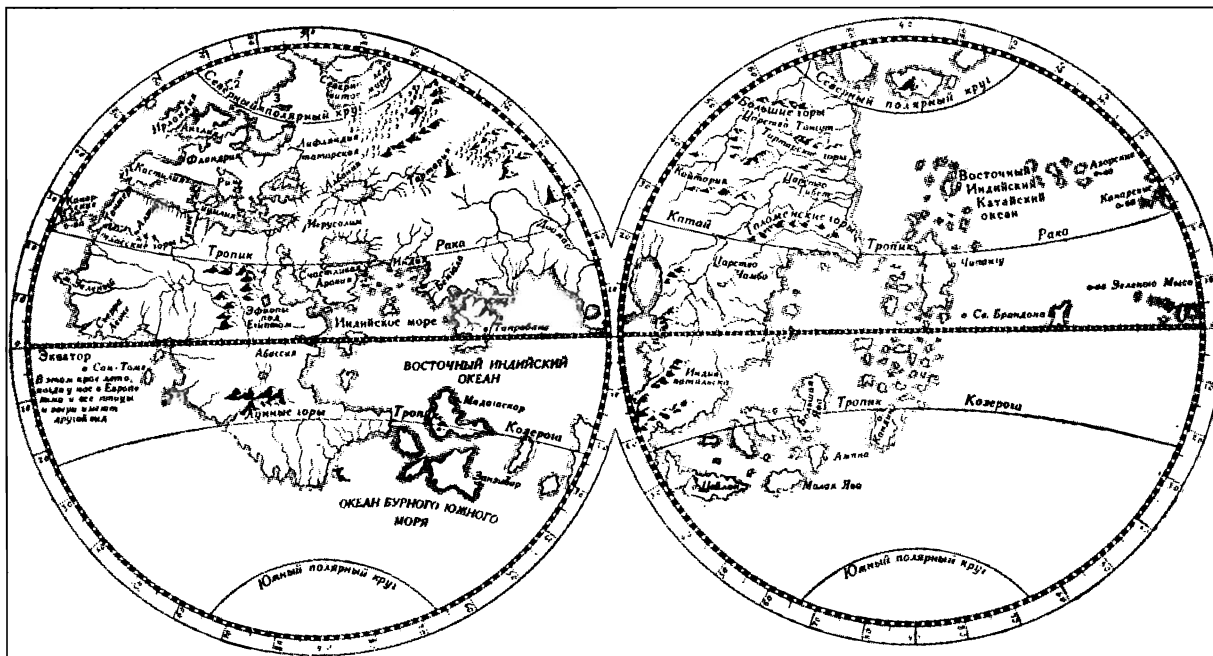

Сторонники другого подхода утверждают, что все планеты (Земля, естественно, для них не составляет исключения) суть обломки от протовещества, образовавшиеся вследствие его взрывного расширения, то есть налицо, по их мнению, процесс разуплотнения вещества Вселенной. Подобного взгляда не отрицал и великий Ломоносов, его придерживаются ныне многие ведущие геологи и космологи мира и нашей страны..

И их убежденность понятна. Астрономы установили: идя к Земле, свет от всех видимых звезд смещается в красную часть спектра. И есть только одно этому удовлетворительное объяснение — все звезды разлетаются от некоего центра. Это следствие разуплотнения вещества космоса.

Согласно последним оценкам, планета наша существует как обособленное небесное тело около четырех с половиной миллиардов лет. Так вот: на Урале найдены породы, возраст которых определен как не менее чем трехмиллиардный. И вся «трагедия» для сторонников гипотез в том, что и этот установленный факт легко объясняется с позиций обеих точек зрения...

Как же жил Урал от зарождения планеты до наших дней? Естественно, тут тоже предлагаются две разные картины. Сторонники «сжимающейся» Земли считают, что все это время Урал вел себя как колеблющаяся струна (конечно, медленно колеблющаяся и, конечно, огромная струна), — он то воздымался к небесам, ощериваясь скальными пиками гор, то опускался, прогибаясь к земному центру, и тогда — на всем пространстве понижения — его заливали океанические валы. Естественно, колебания эти не были столь просты, последовательны и однонаправлены. Во время их случались и сколы, и разрывы земной тверди, и смятие отдельных участков ее в гофре складок, и образование разной глубины трещин. В зияющие провалы трещин устремлялась снизу и сверху вода, вырывались из земельных недр потоки раскаленных лав, и тучи вулканического пепла застилали небо и солнце, изрыгаясь из жерл огнедышащих вулканов. Отложений такого сорта множество на Урале.

Глобус Мартина Бехайма (1492 г.)

Во время подъема участков Урала на них обычно образуются развалы щебня, галек, песка. Во время опусканий реки сносили разрушенный материал в океаны и моря, засыпая их прибрежные зоны глинами, илом, песком. Отмирающие микроорганизмы создавали в морях километровые толщи известняков и других типично океанических геологических образований..

И этих всех пород в достатке на Урале, что, по мнению сторонников первого подхода, вполне достаточно, чтобы признать его истинным.

Сторонники «разъединяющейся» Вселенной считают, что Земля расширялась скачками. Картина образования Урала им рисуется такой. При очередном значительном расширении тела нашей планеты она вздрогнула, растрескавшись, и огромные материковые глыбы, поломанные распирающим их расширяющимся веществом земных недр, медленно, как в ледоходе, поползли по лику планеты. (Кстати, установлено, что все материки и посейчас это делают, смещаясь каждый в своем направлении со скоростью до нескольких сантиметров в год.) Пространство же между материками стало быстро заполняться отпыхивающимися газами, расплавленным веществом глубинных недр. Оттуда же на земную поверхность выплескивались и образующиеся при том же процессе разуплотнения огромные массы соленых вод будущих океанов и морей. Так было на местах современных океанов.

Урал же образовался так. Обломки древних материков, разъезжаясь друг от друга по округлости нашей планеты, с другой стороны, неизбежно должны были сближаться с каким-либо другим обломком тоже от ранее бывшего целым куском суши. Так стали сближаться от чего-то отколовшаяся Европа и откуда-то отломившаяся Азия. При сшибке края сблизившихся обломков стали крошиться, сминаться, колоться. Какие-то куски сближающихся материков выдавливались на поверхность Земли, какие-то задавливались вовнутрь, сминались в складки. От гигантских давлений что-то плавилось, что-то расслаивалось, что-то совершенно меняло свой изначальный облик. Образовалась чудовищная ме-

шанина из самых разнородных образований, которую склонные к юмору геологи окрестили «битой тарелкой». Выжатые же блоки пород образовали вдоль линии соприкосновения материалов цепочки уральских хребтов.

Произошло описанное, по мнению авторов этой идеи, довольно давно, не одну сотню миллионов лет назад. Но не следует думать, что то был последний акт расширения нашей планеты. Геологи полагают: разломы земной коры в пределах Урала происходили с тех пор еще не раз. Одним из последних событий такого рода они считают образование раскола на Южном Урале, протянувшегося в линию от Бредов через Троицк к Копейску. Здесь, считают энтузиасты идеи, идет зарождение такой расщелины земной тверди, которая может через пару сотен миллионов лет разрастись до размеров Атлантического океана. Просто она в самом начале этого славного пути. Следующим этапом видится им образование гигантской впадины типа Байкала — где-то через сотню тысяч лет, затем расползающиеся берега зарождающегося моря (типа Красного) — еще через две-три сотни тысяч лет, ну а затем уж прямой путь к новому Великому океану. Интересно бы посмотреть...

Места сшибок материков тоже пронизаны многочисленными трещинами, становятся легко проницаемыми для рудоносных растворов.

С позиций этих подходов легко объяснимы обилие и богатство полезных ископаемых на Урале...

Как бы они ни появились на теле планеты, но Уральские горы последние несколько десятков миллионов лет неизменно возвышались на границе двух материков, открытые зимою и летом всем ветрам, дождям, снегам, прокаливаемые солнцем, промораживаемые морозными зимами. Все природные стихии вносили свою лепту в разрушение некогда величавых хребтов. Вершины гор постепенно обрушались, рассыпались на бесчисленные обломки из мелких и крупных глыб, становились пониже, поокруглее. Так они постепенно и превратились в то, что мы наблюдаем сегодня, — в сообщество нескольких тесно приставленных друг к другу не слишком высоких и не слишком скалистых цепочек горных хреб-

тов, вытянутых большей частью почти строго с юга на север (или наоборот). Необходимо отметить, что на юге и севере Уральской горной страны ее горы и более высоки, и более скалисты. В центральной же ее части они значительно понижены, кое-где это просто высокие осанистые холмы.

И еще одну особенность в строении Уральских гор может подметить путешественник, пересекающий их с запада на восток. По широтному направлению горная страна асимметрична. В Русскую равнину она переходит как бы плавно, чередой постепенно понижающихся западных предгорий. Переход же ее в Западно-Сибирскую низменность более резок. На значительной части Урала он выглядит так: горы, горы, горы, обрыв — и сразу низкое, заболоченное Зауралье.

Современные климатические зоны Урала сформировались относительно недавно, в последние пару сотен тысяч лет, почти непосредственно перед заселением Урала человеком. В ту пору на планете появились наиболее отчетливые следы похолоданий. Они достаточно полно прослежены на всем протяжении Уральских гор, проявились и в смене растительности и видового состава животного мира. Похолодание на планете привело к ее оледенению. Но занятная деталь: если на европейской части нашей страны языки ледников проникли до широты современного Днепропетровска, то на Урале даже в пору самого глубокого оледенения они не проникали южнее верховий Печоры.

Если судить по ископаемой растительности, то до последнего ледникового периода климат на Урале был довольно-таки благостный. Здесь — почти на всем протяжении — росли тогда хмелеграбы (дерево средиземноморского климата, найдено в бассейне реки Печоры), дубы, липы, грабы, орешник. Обильны были кустарники, и найдено множество спор и пыльцы трав. Но в период оледенения и следа не осталось от привольного лесостепного редколесья с обширными открытыми пространствами. Оно сменилось таежными хвойными лесами, а роскошное разнотравье на значительных пространствах было потеснено лебедой и полынью.

В доледниковое время уровень Мирового океана был на сто пятьдесят — двести метров ниже современного. На шель-

фах современных северных морей в наше время обнаружены многие километры некогда глубоких долин, прорытых тогда в земной тверди Печорой и Обью. И ложе Камы лежало на сто пятьдесят метров ниже ее нынешнего уровня. Вершины же Уральских гор были в среднем на 200—500 метров выше современного уровня. А раз горы были выше, то и реки, берущие в них начало, текли быстрее. Вообще, с Урала стекали тогда могучие потоки. Свидетельством их мощи ныне являются россыпи валунов, которые они выносили с гор далеко на равнину. Такие валуны — до полутора метров в диаметре — можно нередко найти, гуляя в окрестностях Ханты-Мансийска.

Да и значительно более водообильными были уральские реки.

Вот течет сегодня возле Вишневых гор речка-невеличка Хмелевка. Невзрачная такая, смиренная Золушка. А установлено точно, что некогда это была весьма и весьма крупная река, протекала она по западным склонам Потаниных и Вишневых гор, вбирая в себя и долину нынешней речушки Горькой, и впадала в нынешние озера Большой и Малый Кочан и Ара-Куль. Тогда эти озера были одним огромным целым — морем, а ныне только на самых глубоких местах древнего бассейна сохранились зеркала его вод.

Видимо, недаром пора таяния ледников эпохи самого крупного оледенения Урала получила у специалистов название «время великих вод».

Вообще, периоды оледенения серьезно сказались на становлении современного облика Урала. И не только Урала. Позвольте познакомить вас с одним гидрографическим казусом, происшедшим в ту пору.

Мы уже упоминали выше, что ледниковые покровы на Русской равнине добрались до излучины Днепра у современного Днепропетровска и до широты города Ивделя на Урале. Ледники напрочь перекрыли и перекроили привычную дотоле структуру стоков рек. Так, реки бассейна Печоры стали стекать в Каму — через Вятку. Ледник неодолимой стеной подпрудил и воды древней большой реки, некогда протекавшей в местности между нынешними городами Юрьевцем и

Васильсурском. Она текла на север и впадала в пра-Унжу, принадлежащую тогда к бассейну Дона. Подпруженные воды, непрерывно пополняемые тающим ледником, переполняли чашу возникшего водоема и, изливаясь через возвышенность водораздела возле нынешней Казани, вливались в струи Камы. Постепенно они совершенно перепилили этот водораздел, образовали вполне достойное речное ложе. Так появилась великая река Волга.

Рассматривая дальнейший процесс становления бассейна Волги, геолог Г.Ф. Мирчинк пришел к убеждению, что он «...является, в сущности, историей усиления мощи Камы. Притоки Камы, постепенно нарастая в мощи и числе, создали современную Волгу. Исторически, в геологическом смысле этого слова, правильнее было бы считать Волгу притоком Камы...»

Не правда ли, глубоко символично, что струи уральской реки Камы скромно и неприметно превратились в великую русскую реку Волгу?

Не от такого ли гидрогеологического факта и пошла традиция, в соответствии с которой вся обильная мощь Урала неназойливо, негромко, но весомо стала олицетворяться мощью России...

Со времени первого большого оледенения Урала как появились, так до сего времени и сохранились все основные его климатоландшафтные зоны — тундровая (гольцевая), горно-таежная, таежно-равнинная, лесостепная и степная.

Вот так все на Урале сложилось к моменту появления здесь человека.

Как человек пришел на Урал

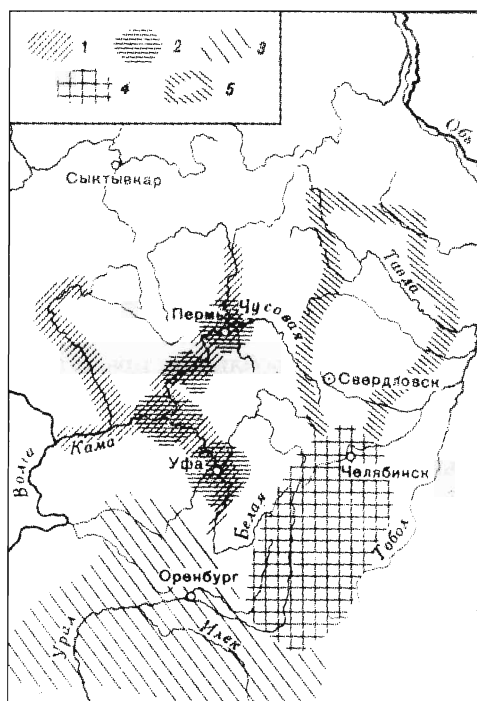
Люди на Урале появились совсем недавно. Это если сравнивать со временем появления человека вообще на нашей планете. Судите сами. По современным оценкам, самые первые люди на Земле объявились где-то около трех миллионов

лет назад. Примерно через два миллиона четыреста лет они начали потихоньку, проникать на территорию нынешней России. И только еще через полмиллиона лет — примерно сто тысяч лет назад — первые люди появилась на Урале. Во всяком случае, ни геологи, ни археологи не находят более ранних следов людской деятельности на территории нашего края. Так что, по историческим мерам времени, люди только-только принялись осваивать Урал.

Как они выглядели, эти прапрауральцы? Пока мы точно этого не знаем — не найдено останков первых поселенцев Урала. Но приблизительный облик их представить можно: известные исследователи Урала археологи О.Н. Бадер и В.А. Оборин в книге «На заре истории Прикамья» высказывают мнение, что первыми уральцами стали самые что ни на есть обычные неандертальцы. Свое мнение они обосновывают установленным научным фактом, что люди на Урал пробирались несколькими путями (подробнее об этом поговорим несколько позже). Один из этих путей вел из Средней Азии на Южный Урал. И тут Бадер и Оборин кстати припомнили, что в Узбекистане академик Окладников отыскал полный скелет неандертальца (правда, совсем еще мальчишки), жившего примерно во время первоосвоения Урала. Воссозданный по этой находке антропологами облик неандертальца и был представлен ими как облик уральца эпохи проникновения людей на уральские земли. Итак, каков же он был?

Низкорослый, но, что называется, с широкой костью, плотный, мускулистый. Ноги неандертальца были несколько коротковаты, зато руки длинноватые, хватистые. Может, потому, что приходилось ему часто прокрадываться по лесу, выслеживая добычу, или настороженно вслушиваться в его шумы, остерегаясь многочисленных врагов, привык он при ходьбе пружинисто сутулиться. Лицо этого человека носило явные признаки «обезьяньего родства» — убегающий назад лоб, приплюснутый широкий нос, толстенные надбровья нависали над небольшими глазами. В общем, на мой взгляд, вполне достойный портрет готового к самоутверждению бывалого землепроходца.

Население Урала в эпоху раннего
железного века. 1 — ананьинская
культура; 2 — союзы племен (кара-
абызский, чегадинский, гляденовский);
3 — самаро-уральская группа
савроматской культуры;
4 — восточноуральская группа
савроматской культуры;
5 — гамаюнская культура

Чем занимались эти люди?

Думаю, что точно сказал об этом Константин Бальмонт:

*В пещере начертил он на стене
Быков, коней. И чаровали, гривы.
Он был охотник смелый и счастливый.
Плясали тени сказок при огне...*

Да, это были смелые и счастливые охотники — так следует из всех оставленных ими следов своей деятельности. Может, даже излишне смелые. Непонятно? Поясню. Пришельцы относились к так называемой мустьерской культуре (по имени пещеры Мустье во Франции, где найдены и подробно описаны одни из первых подобных стоянок наших предков). Так вот, мустьерский человек оставлял после себя буквально опустошенные территории. Археолог С.Н. Замятин исследовал стоянки того периода жизни неандертальца на Кубани (кстати, второго места, откуда мигрировали первожители на Урал). Так вот, на одной из стоянок он насчитал, что здесь было съедено около двух тысяч четырехсот зубров. Немало, учитывая, что охотничьи отряды меняли свои стоянки, как только путь для доставки к ним пищи крупного веса — в несколько сот килограммов — становился слишком длинен. Но оказалось, это далеко не полный объем трофеев древних охотников стоянки. Данные Замятина скорректировал другой известный археолог, Н.К. Верещагин, который задался вопросом: а насколько же найденное на стоянке число охотничьих трофеев соотносится с общим числом животных, убитых добытчиками с этой стоянки? Верещагин стал прикидывать — сколько зубров охотники не дотащили до базы, съев их по пути, сколько костей от зубров было просто разбросано по сторонам и не попало в учтенную Замятиным кучу, сколько всего растащили хищники, наконец, сколько костей просто смылось дождями и потоками после того, как стоянку покинули люди... Так когда Верещагин свел все свои цифры, оказалось — забито было по крайней мере в десять раз больше зубров, чем учтено Замятиным.

Верещагин пошел еще дальше.

Он задал себе более сложный вопрос: а сколько же было возможно организовать таких стихийных боен диких зверей тогдашним землянам? Сколько их было можно организовать хотя бы на месте нынешней европейской части нашей страны? Конечно, по его мнению, людей тогда здесь обитало немного. Высока была и детская смертность, и всякие саблезубые тигры не дремали, опять же пенициллина еще не изобрели.

В общем, Верещагин пришел к выводу, что на Русской равнине и в Крыму тогда обитало около десяти — пятнадцати тысяч жителей. Дальше в ход пошла такая арифметика. Для пропитания, в общем, не столь уж и большой кучки людей (всего-то одна дивизия полного состава) требовалось им забивать в год около... 120 тысяч оленей. Или 80 тысяч лошадей. Или 30 тысяч бизонов. Или 10 тысяч мамонтов. Впечатляет? Откуда же взяты такие цифры? Получены они из анализа рациона современных канадских эскимосов, и поныне проживающих на северной окраине Американского континента и питающихся, как и их предки тысячи лет назад, почти исключительно плодами охоты. Так вот, каждый эскимос съедает в день, как подсчитал исследователь их быта Моуэтт, в среднем два килограмма мяса.

Естественно, никакой животный мир такого массивированного истребления не выдюжит. Потому-то охотники, выбив дичь на одном участке Русской равнины, опустошив ее, вынужденно переходили на другой. Так и дотопали до Урала. Тем более что все же количество людей медленно, но выросло. Следовательно, и зверей забивали побольше, — голод не тетка.

В то же время было бы неверно все многообразие поводов для миграции неандертальцев сводить к одной причине. Как не вспомнить, что именно к поре заселения Урала людьми надвинулся на Европу крупнейший вал ледника, перекрывший огромные пространства охотничьих угодий. Конечно, значительно сократились ареалы охоты. Но человек вновь доказал свою высокую приспособляемость. Как? Ко времени проникновения на Урал мустьерский человек был уже в некотором роде достаточно цивилизован. Он знал, как разжечь огонь, умел строить жилище, изготавливать одежду, создавать оружие из камня. И, что существенно, вполне постиг простую истину, что свежее мясо долго сохранить не удастся. Оно портится. А ситуация вокруг диктовала необходимость дорожить добытыми трофеями: и мест охоты все меньше, и на глазах буквально убывали стада животных. Тогдашние люди скоро догадались о надежном способе хранить добычу — заморозить ее. Поначалу, видимо, так они делали

в ледниках высоких гор. А затем, когда ледник пришел к ним на равнины, стали немедленно использовать и его. Так что охотники стали и по этим причинам обживать не очень, казалось бы, уютные для проживания зоны в приграничье оледенения. Обживая эту зону (а она в ту пору простиралась от места современной донской станицы Вешенской до современного Ивделя), неандертальцы, как утверждают археологи, не позднее чем за семьдесят тысяч лет до нас добрались до берегов Северного Ледовитого океана, по уральской, кстати, территории.

Следы пребывания человека древнего каменного века (палеолита) на Урале обнаружены практически на всей его протяженности. Есть они и в верховьях реки Урал — всего-то в сорока километрах от нынешнего Магнитогорска, есть и по течению реки Пышмы, в полутора километрах от города Сухого Лога, есть и в верховьях реки Печоры. После того как ученые основательно присмотрелись к этим стоянкам, стали для них очевидны два вывода. Первый — все стоянки человека палеолита на Урале оставлены охотниками, так как не обнаружено там ничего, кроме костей и охотничьих орудий. Слишком тонок на них был культурный слой: поспал, поел, обработал добычу — и вновь на новые места в гон за очередной жертвой. Второй — стоянок этих многовато отыскалось на территории края, что доказывает: Урал тогда был заселен довольно плотно.

Конечно, прибыв на новые места, неандерталец не изменял своим старым привычкам: все так же «браконьерничал», губя до нескольких тысяч мамонтов в год, причем предпочитал бить мамонтенков-недорослей, неопытных еще зверей — их легче было выследить, обмануть, загнать в ловушку, да и легче притащить добычу до пещеры.

Такая практика не могла вскоре же не отразиться на составе уральской фауны. Недаром известный геолог В.А. Лидер, специалист по изучению новейших геологических отложений Урала, суммируя результаты многолетних своих наблюдений, отметил: «... Осадки моложе ханмейского возраста (то есть если им менее тридцати пяти тысяч лет. — Л. С.) включают очень мало костей крупных млекопитающих...

Факты подтверждают большую роль человека в уничтожении ряда крупных млекопитающих (мамонтов, носорогов, быков, лошадей) и изменение ареалов обитания современных видов...»

(А мы и доселе наивно пытаемся объяснить гибель мамонтов какими-то космическими причинами. Выбили, и все тут! Не было у наших предков Красной книги...)

Потому, наверное, стал изменяться и набор костей в пещерах древних охотников. Не думаю, что только производственной специализацией были определены такие вот наборы костей в пещерах. В Бызовой 99 процентов косточек — из мамонтовых скелетов. В Медвежьей 66,7 процента костей принадлежали уже северным оленям, и только 1,3 процента — мамонтам, а в Крутой Горе и вовсе нашли много видов костей — и от мамонта, и от северного оленя, и от волка. А на стоянке под Сухим Логом выкопали совсем уж разнокалиберный набор: кости волка, лисицы, песца, пещерного медведя, росوماхи, сайгака, северного оленя, бизона, лошади, шерстистого носорога, зайца, сурка... Видимо, настолько оскудели леса, что били и волокли всё подряд. И что характерно, именно на последней стоянке найдены были уже и кости птиц, и кости рыб. Это симптоматично: значит, уже стали искать новые виды животных для пропитания. И к чести тогдашнего человека, он нашел правильный выход — именно с той поры в отложениях стоянок стали встречаться кости домашних животных. Человек стал осваивать методы интенсивного хозяйствования.

Определившись с обликом и занятиями неандертальцев, начавших обживать уральские земли, давайте все же определим — а откуда же они прибыли сюда?

Разобраться в этом вопросе нам поможет анализ каменных изделий, обнаруженных на стоянках древнего уральца. Ассортимент их, кстати, достаточно велик — около 60 наименований.

В мустьерской культуре Русской равнины давно установлены два устойчивых типа обработки каменных орудий: двусторонняя и односторонняя. Очагом распространения первой культуры стал на Русской равнине район в верховьях и

бассейнах Дона, Днестра, Десны. Центром же, откуда распространилась вторая культура, были Крым и Кавказ. Так, люди, пришедшие на Урал, принесли с собой обе эти культуры. Показательны раскопки на стоянке Крутая Гора в среднем течении Печоры. Там сначала исследовали первый культурный слой, который представлял уже не просто место привалов охотников, а устроенное из костей крупных мамонтов жилище, неплохо спланированное, с местом для очага и разделки туш. В жилище том нашли много довольно тщательно, с двух сторон, обработанных каменных поделок. Особенно повезло изучавшему эту пещеру Е.М. Тимофееву. Он отыскал среди отложений культурного слоя характерные для равнинной культуры двусторонне обработанные треугольные наконечники (для стрел?) с вогнутым основанием. Стало очевидным — в этой пещере останавливались охотники, наследовавшие западную культуру, или, что вероятнее, сами и принесшие ее сюда. Но случайно кто-то копнулся в отложения этой пещеры поглубже — и проник в еще один культурный слой: набор каменных орудий из кремнистых плиток, пластин, отщепов, обработанных с одной стороны. Стало ясно — в пещере этой останавливались и люди, шедшие на Урал с Кавказа. Или из Крыма. Правда, кавказская версия выглядит более убедительной, поскольку в числе каменных орудий из этого слоя оказались скребок и резец, изготовленные из обсидиана — вулканического стекла. Такой горной породы на Урале пока не выявлено. По облику же своему и природным качествам камень оказался во всем близким к подобным горным породам в Армении, для которой они не редкость.

На Урале оказалось много стоянок, где сохранился каменный инвентарь и первого и второго типа. Так что считается установленным, что с западного направления на нашу землю люди пришли с двух сторон, с двумя разными культурами.

Но, как оказалось, то были не единственные пути прихода обитателей на уральскую землю. В Медвежьей пещере был найден еще один набор каменных орудий, который, как думает О.Н. Бадер, очень близок по набору признаков к сибирским изделиям палеолита.

Однако и это еще не все. Сравнение изделий из камня на уральских стоянках мустьерского человека позволило определенно указать на еще один путь миграции неандертальцев — из Средней Азии, вдоль Каспия, по реке Урал и далее вдоль западного склона Каменного Пояса до бассейна Камы. Почти по всему этому пути были найдены обработанные в «среднеазиатской» манере каменные изделия из южно-уральской яшмы.

Так что, как видим, Урал заселялся сразу с четырех сторон — и с Русской равнины, и с Кавказа, и из Средней Азии, и из Сибири. Это все дало основание тому же О.Н. Бадеру утверждать: уже с древнейших времен заселения Урала человеком здесь происходило смешение нескольких антропологических типов людей — европеоидного и монголоидного. Да и тюрки еще «вмешались».

Другой известный исследователь древних поселений на Урале, В.В. Любин, обобщая находки следов человеческой деятельности той поры, отмечает, что поселенцы находились на довольно высоком уровне тогдашней цивилизации. Они умели добывать огонь, строить жилища, в том числе и утепленные, изготавливать одежду. И умели упорно трудиться, достигая довольно высокого результата в придании задуманной формы каменным орудиям.

Но в ту пору люди овладели и еще одним умением.

Они начали осмысленно осваивать минеральные богатства Урала.

Выше уже упоминалось о широком распространении поделок из южноуральской яшмы. Ныне известны и другие случаи разработок древними месторождений камня. Тогдашние уральцы активно эксплуатировали, к примеру, месторождение кварцитов близ современной деревни Баранчата (возле Нижнего Тагила). Там на откосе обширной выемки найдены и камнеотбойники из крупных кварцевых галек, и хорошо сохранившиеся следы сколов, отщепов кварцевых заготовок.

Может, это и стало одной из главных причин того, что с тех пор люди на Урале прижились всерьез и надолго. Здесь было в изобилии материала для изготовления рубил, ножей, скребков, наконечников. В достатке было зверья. И много пещер,

где можно было найти пристанище. Как утверждает археолог Л.Н. Рогачев, много изучавший древние поселения, они тогда создали даже и устойчивую культуру ведения домашнего хозяйства.

Жили небольшими, достаточно изолированными общинами. Социальная же организация бытия этих переселенцев, по мнению уже несколько раз цитированных выше О.Н. Бадера и В.А. Оборина, была довольно-таки примитивной. Пока они еще не придумали себе богов, не создали хотя бы простейшую общину, не имели даже семьи. Вообще, в области брачных отношений у них не было никакого порядка. Отец и дочь, мать и сын, брат и сестра вступали в беспорядочное сексуальное партнерство. Впрочем, уже вскоре началось появление возрастных брачных групп. Примерно в ту же пору люди стали делать намеренные захоронения умерших членов общины. Стало проявляться уважение к смерти. А следовательно, и к жизни.

Подытожив эпоху заселения Урала древним человеком, можно сказать, что к концу этого периода (это примерно десять тысяч лет до нашего времени) здесь сложился человек уже совсем современного, своеобразного антропологического вида.

Обитатели Каменного Пояса вместе с историей прошли по всем ступеням формирования современной цивилизации, не миновали ни одной.

Итак, вслед за палеолитом мы вступаем в мезолит.

К мезолиту сложился уже повсеместно и современный нам климат, и современная нам структура речной сети, и расположение озер, и состав и ареалы животного и растительного мира. Правда, излишняя активность охотников в палеолите принудила их поневоле сменить диету и основательно заниматься рыболовством. Во многих селищах того времени найдено много каменных грузил, гарпунов, крючков — орудий рыболовов. Зимой люди уже передвигались на лыжах и санях. Охотники стали использовать лук и стрелы.

Но главные открытия о жизни наших прапрадедов ждали археологов при раскопках в Среднем Зауралье. В селище

на горе Голый Камень была обнаружена одна из первых на Урале мастерских по первичной обработке камня. Изделия из этой мастерской расходились как минимум по трем общинам. Начала создаваться, таким образом, уральская культура «фабричной» обработки камня. И еще одно открытие ожидало археологов на другом уже раскопе, недалеко от Свердловска, в Кокшаровско-Юрьевской стоянке. Там, кажется, впервые на Урале обнаружены кости домашней собаки. У человека появился друг. Конечно, завел-то его человек поначалу из конкретных корыстных целей — все труднее стало отыскивать зверье. Наверняка эти псы успешно выполняли и сторожевые функции (у людей стало появляться имущество, которое они уже не желали терять, появились и действительно художественные изделия).

Неолит. Пора неолита на Урале прежде всего характерна тем, что уральцы, кажется, именно с той поры всерьез вознамерились использовать факт своего проживания в горной стране. Повсеместно здесь начали возникать целые «фабрики» по изготовлению каменных орудий и разрабатываться «карьеры» по добыче разнообразного камня. Камень уже вполне профессионально обрабатывают — шлифуют, сверлят в нем отверстия. А затем стали даже изготавливать плиты для строительства жилищ.

Уже из этих фактов видно, что жизнь становится основательной, оседлой. В культурных слоях тогдашних селищ обильно встречаются черепки глиняной посуды. Мобильные охотничьи группы вряд ли брали с собой хрупкие глиняные сосуды.

Усложнилась и социальная организация неолитических общин.

Захоронения становятся значительно более частыми.

Упорядочились и семейные отношения. Специалист по неолиту Урала В.Н. Чернецов пришел к выводу, что в ту пору уже установилась традиция запрещения браков среди кровных родственников. Это, кстати, обусловило и сближение общин соседних селищ, что определило, в свою очередь, начало формирования более обширных этнических общностей.

Именно тогда, по утверждениям лингвистов, на Урале стали заметно обособляться несколько прототипов современных уральских народностей. Мнение ученых основывается на том, что названия многих предметов бытового обихода, впервые появившихся как раз в то время, являются общими для всех финно-угорских языков (лыжи, горшки, лук и т.п.).

Кончился каменный век.

Наступил бронзовый.

Интересная подробность этого периода. Хотя на Урале он и наступил несколько позже, нежели на Кавказе, но все же явился одним из древнейших на территории нашей страны. Руду для бронзовых поделок на Урале добывал, если верить легендам, «чудной» народ, «чуди». Отсюда и пошло название — чудские копи, чудские рудники. Кстати, следы их и поныне отменно служат надежным поисковым признаком месторождений.

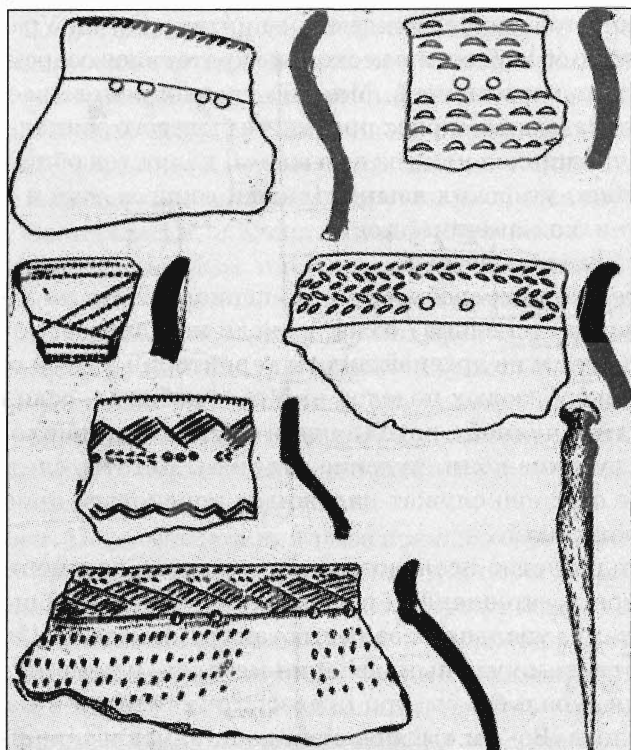
Большинство исследователей сходятся во мнении, что культура изготовления бронзовых поделок и вообще поисков металла уральцами заимствована с Кавказа. Но, научившись оттуда и чуду выплавления металла, и ремеслу его обработки, уральцы быстро превзошли учителей в качестве продукции. Во 2-м тысячелетии до н. э. уральские изделия появляются уже и в долине Днепра, и в Прибалтике. И они оказались настолько «конкурентоспособными», что стали вытеснять с тех «рынков» кавказскую бронзу.

Что еще интересного произошло тогда в оснащении труда у наших предков?

Вот хотя бы — в южноуральских степях появились колесные экипажи. Где-то именно с этих пор в культурных слоях селищ стали находить колеса. Поначалу в телеги впрягали волов, и только много позднее человек приручил лошадь.

К тому же времени относится появление у племен уральцев обычая хоронить умерших под курганами. Хронологически же первые курганы в уральских степях встали одновременно с первыми пирамидами на берегах Нила.

Интересная пора у уральских обитателей началась где-то в VI—IV веках до н. э. (это именно тогда проехался Ариспей «к северу от Танаиса», и его путевые заметки воспроизвел

Фрагменты керамики эпохи бронзы на Урале

Геродот) — время интенсивного строительства городов на Урале. Именно городов, поскольку завелась мода (или вызрела жесточайшая необходимость) огораживать поселения людей разными фортификационными сооружениями. Иногда ставилось даже несколько рядов укреплений. На городище Алтен-Тау, возле нынешней Перми, устроены были, к примеру, аж три ряда валов и рвов. Видимо, и до Урала докатилась в те годы волна насилия, недобрый обычай воевать, отнимать друг у друга нажитое, наработанное. К.В. Сальников раскопал в Челябинской области городище — шедевр тогдашней фортификационной науки: толстенные стены высотой не менее трех метров, рвы вокруг них. Стены шли не по прямой линии — частыми зигзагами, а в заострениях этих зигзагов стояли высоченные башни с продуманными

секторами обстрела. Было что защищать уральцам от потянувшихся через их земли кочевых орд, главной «установкой» которых, очевидно, было прибирать все, что плохо лежит. Тем более что тогдашние оседлые уральцы уже создали высокую культуру земледелия и кроме стад скота имели еще и полные пшеницы закрома. Еще более поразительны находки челябинских археологов под руководством Г.Б. Здановича в округе древнего урочища Аркаим. Там была раскопана целая страна городов с очень высоким уровнем цивилизации их обитателей. Ирригация, продуманная архитектура, мастерские металлургов, кузнецов, гончаров...

Кстати, переход к земледелию поставил перед новоявленными пахарями непростую задачу хранения урожая. Если от непогоды, гниения они довольно скоро научились спасать зерно, то от расхитителей закромов — мышей-полевков — спасения не было. И люди решили приручить злейшего врага мышей — кошек. Так с 1-го тысячелетия до н. э. и прижилось в наших домах это симпатичное животное, ставшее не только спасительным помощником в быту, но и истинным его украшением...

Население Урала росло очень быстро. Умелое земледелие, стабильная сытная жизнь привели к довольно плотной заселенности уральских просторов. Жить бы им всем поживать и добра наживать, да грянуло пришедшееся как раз на ту пору (третья — восьмая сотня лет нашей уже эры) жестоким валом насилия пронесшееся над Уралом великое переселение народов. Все эти пятьсот лет были нелегкими для уральцев, многое довелось им испытать. Толпы пришельцев — вначале грозные потоки гуннов, затем авары, мадьяры, турки и многие другие племена, сеющие смерть и порухение всего нажитого, потоками прошли над Уралом. Главные их массы прошли через южноуральские степи. Но не все. Многие орды прорывались и в северные лесные районы, жгли и там города, отбирали все, что находили. Часто, лишенные всего — и крова, и пропитания, — обездоленные уральцы вливались с отчаяния в эти разбойные толпы и шли с ними дальше, ожесточенно неся смерть

мирным людям. Свидетельством, что уральцы крепко пытались отстоять свои земли, остались многочисленные курганы от той поры — в них погребены погибшие воины. Но хоть и яростно сражались люди, сила напора была неодолима.

Многие из агрессоров в конце концов оседали в покоренных местностях. Происшедшие смешения, ассимиляции людских толп были, пожалуй, последними перед образованием именно нынешних языков и культур Урала. Пришельцы из Казахстана вместе с местными оседло-скотоводческими племенами в бассейне реки Белой составили башкирский народ. Проникшие по долинам рек Исети и Туры пришельцы в горно-лесном Зауралье основали протомансийскую общность. Те же, кто добрался до мест в бассейне Средней и Верхней Камы, приняли участие в формировании коми-пермяцкой народности.

Так к X веку н. э. и образовалась та уральская общность народов, которая, с немногими более поздними изменениями, живет здесь и в наши дни. Но с переселением людей связана еще одна интересная гипотеза. Ее автор, известный археолог Г.Н. Матюшин, занимался изучением неолитического поселения и погребений у южноуральского города Давлеканово. Матюшин отдал найденные в раскопках скелеты известному антропологу М.М. Герасимову для воссоздания облика человека того времени. Из Москвы пришел совершенно потрясший археологов ответ: человек со стоянки у Давлеканово по особенностям строения своего тела более всего походил... на американского индейца!!!

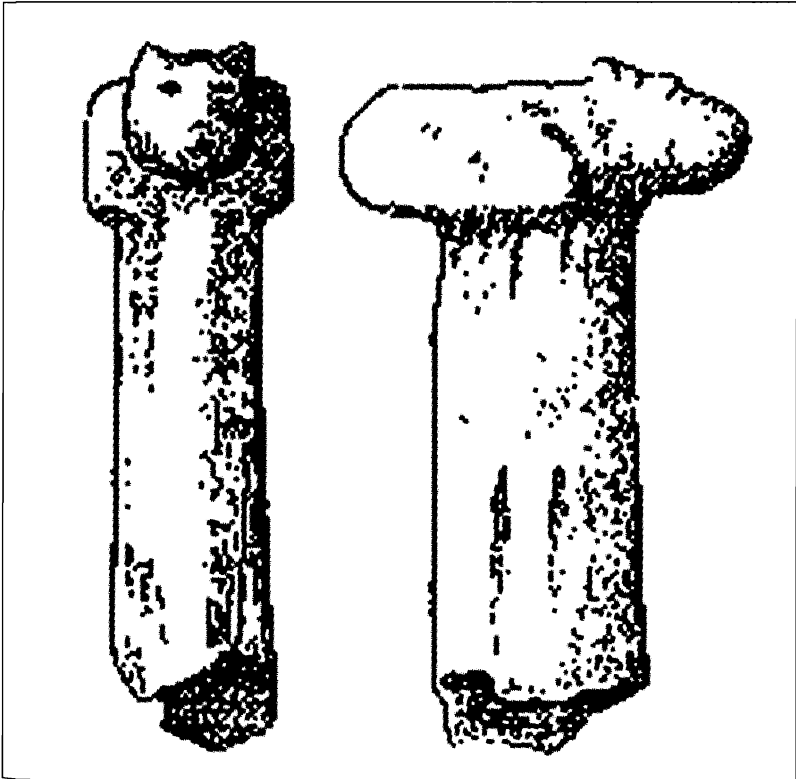
Сначала все было воспринято как нелепица.

С одной стороны, большинство ученых представляли себе заселение Америки через Берингию — погружившийся ныне в океан перешеек на месте нынешнего Берингова пролива. С другой стороны, все каменные поделки американских неандертальцев так разительно отличались от найденных изделий в культурных слоях сибирских стоянок, что никакого разговора об общности этих культур и не возникало. Американские находки были обработаны с двух сторон, а

сибирские ножи, скребки, чоперы были почти всегда обработаны с одной стороны. Тупиковая эта ситуация никак не разрешалась. Робкие попытки объяснить проникновение людей в американские просторы через Атлантический океан из Европы вызывали только вполне понятные сомнения. Хотя бы вот почему: а кому и зачем понадобилось в древнем каменном веке, до изобретения даже лодки, отправляться через океан?

Ю.В. Молчанов открыл на севере Азии стоянки человека, который в позднем палеолите обрабатывал камни так же, как и современные ему американские жители (дюк-тайская культура). И хотя на Урале да и в самой Сибири

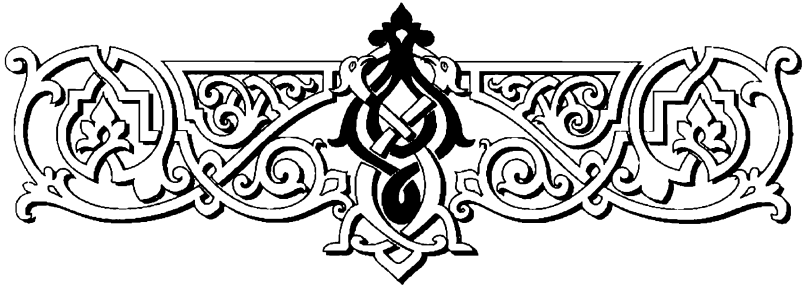
*Костяная фигурка медведя из Давлеканово.
Эпоха мезолита*

таких стоянок до наших дней еще не обнаружено, Матюшкин построил схему миграции палеолитического человека с Урала через север Сибири напрямиком в американские прерии...

Пока анализ каменного инвентаря и возрастных соотношений стоянок палеолитического человека гипотезы Матюшкина не опровергает.

БИТВА ЗА КАМЕННЫЙ ПОЯС, ИЛИ КАК УРАЛ СТАЛ ЧАСТЬЮ РОССИИ

Казанская добыча

Урал — опорный край державы.

Это — сегодня. Конечно же, так было не всегда.

Чтоб утвердиться в столь высоком «титле», краю поначалу, естественно, как минимум следовало сделаться частью той державы, которая потом на него смогла опереться. Как видим, это состоялось.

Но... скоро сказка сказывается...

По страницам летописей судя, Урал доставался Российскому государству долго и тяжело. И кроваво. Процесс полного его завоевания растянулся на полтысячелетия.

Протяженная на века, заполненная множеством историй о кровопролитных набегах, эпопея обретения державой «опоры» блистательно завершена была безжалостными мечами воевод Ивана IV, Васильевича II, прозванного впоследствии Грозным. В 1557 году свирепыми, беспощадными ударами полководцы молодого еще тогда государя славно довершили дело, начатое великим его дедом Иваном III, Васильевичем I, и навсегда прирубили к владениям только что названного русского царя Каменный Пояс. Уже на всем его протяжении.

Правда, еще пять лет до того царь по молодости надеялся, что присоединить Урал будет не очень сложно. Его в то время можно было понять. Еще бы: когда тебе двадцать три года и у твоих ног дымящиеся развалины столицы некогда могучего ханства Казанского (Казань была взята полками российскими 2 октября 1552 года после сорокадневной свирепой осады) — и не такое могло поблазнить. Он тогда всерьез поверил, что все подвластные поверженному ханству народы, дотоле придавленные Батыевой дланью, с радостью склонятся перед новой силой. Недаром и явили ее наступающие войска полной и впечатляющей мерой. Когда Казань была захвачена, Ивановы рати, исчислявшиеся в сто пятьдесят тысяч человек, «резали всех, кого находили в мечетях, в дворах, в ямах; брали в плен жен и детей, чиновников. Двор царский, улицы, стены, глубокие рвы были завалены мертвыми... Главный военачальник, князь Михайло Воротынский, прислал сказать государю: “Радуйся, благочестивый самодержец!.. Казань наша, царь ее в твоих руках, народ истреблен или в плену; несметные богатства собраны; что прикажешь?!”»

Весьма таким рапортом удовлетворенный, Иван знал, что приказать. В тот же день (и выше, и здесь — свидетельство Н.М. Карамзина — «История государства Российского», т. 8, гл. 4) «Иоанн послал жалованные грамоты во все окрестные места, объявляя жителям мир и безопасность. Идите к нам, писал он, без ужаса и боязни. Прошедшее забываю, ибо злодейство уже наказано. Платите мне, что вы платили царям казанским...»

Воистину так: злодеяния монголо-татарских орд на русской земле наказывались не менее свирепым образом Ивановыми ратниками!

И действительно: ужаснувшиеся увиденным, подвластные ранее Казани удмурты, марийцы и башкиры пришли к Ивану с изъявлением покорности. Упоенный столь счастливым завершением воинской страды, царь поспешил в столицу. И чтобы обнять милую жену Анастасию, только что подарившую ему сына Дмитрия. И чтобы в полную меру насладиться знаками славы от столь великой победы —

сокрушения давнего, самого могучего и самого страшного врага России.

И прославили его вдосталь.

Но и войско он щедро вознаградил, и воевод одарил не скупю.

Да только ненадолго успокоились казанцы. Не смирились они с поражением. Непримиримые разделились надвое. Многие башкирские роды снялись и подались с единоверцами, ногайскими мурзами, за Яик, а то и вовсе на Кубань. Но немало было и тех, кто решил остаться. В этом их горячо убеждал молодой, но уже популярный вождь Канзафар-бей, яркими словами призывавший соплеменников никуда не уходить с родной земли, попытаться приноровиться к новым правителям. «Если мы уйдем из этих мест, то нигде не найдем себе на пропитание. Такого, как здесь, места нигде не найдешь», — говорил он...

И оставались люди. Но не с целью приноровиться к новым повелителям, а чтобы драться за свою волю. Уже зимою они начали нападать на московских купцов, боярских людей, грабить и убивать их. А потом последовало массовое восстание. Как водится, перебили царевых чиновников. Затем повстанцы одолели и сильный отряд усмирителей во главе с воеводой Салтыковым. В глубоких снегах под Казанью полегло тогда около полутысячи русских ратников.

Вот тогда-то и понял Иван IV, Васильевич II, что рано он со своими главными силами оставил казанские края. Непреклонно отринув увещевания некоторых чересчур осторожных своих советников — отступись, мол, государь, от этих озлобленных, пусть их живут, как хотят, — царь повелел вновь собрать полки. Вновь призванная мощная рать двумя колоннами была направлена к Уралу.

Не мог правитель отказаться от добычи, вкус которой он успел уже отведать. Воистину Южный Урал представлял тогда лакомый кусок. Вот каким увидел его один из Ивановых приближенных, князь Андрей Курбский: «...В земле той поля великие и зело призобильные и гобзующие на всякие

Взятие Казани Иваном Грозным. Художник Б. Чориков, XIX в.

плоды, токмо же и дворы княжат их и вельможей, зело прекрасны и воистину удивлению достойны и села чисты, хлебов же всяких такое там множество, во истину вера ко исповеданию неподобно, аки б не подобие множества звезд небесных, тако же и скотов различных стад бесчисленные множества, и корыстей драгоценных наипаче от различных зверей, в той земле бывающих, бо тамо роятся куны дорогие и белки и прочие зверие, ко одеждам и ко ядению потребны, а мало затем далее соболей множество, такожде и медов; не вем, где бы под солнцем было больше...»

Северная колонна царева воинства, ведомая Данилой Адашевым, пошла на Каму, южная же, под руководством Симеона Микулинского, Ивана Шереметева и Андрея Курбского, двинулась в заволжские земли, заселенные восставшими вотичами (удмуртами), черемисами (марийцами), башкирами. И началось усмирение новообретенного непокорного края. Что могли сделать не столь уж и многочисленные бывшие данники развалившегося Казанского царства перед навалившейся мощью великого западного соседа, хотя и сопротивлялись они изо всех сил? Все напрасно, только ожесточали завоевателей. «...Россияне 5 лет не опускали меча: жгли и резали... Наконец усилия бунтовщиков осла-

бели. Вожди их погибли все без исключения. Крепости были разрушены, — свидетельствует Н.М. Карамзин. — Край смирился со своей участью... Вотяки, черемисы, самые отдаленные башкирцы приносили дань, требуя милосердия...»

Царь милостиво принял покорившихся старейшин и дал им жалованные грамоты.

Так завершилась многовековая эпопея. Урал на всем протяжении стал российским.

И вот здесь надо подчеркнуть: исстари этим краем пытались завладеть не только «свои», так сказать, отечественные притязатели, но и не одно могучее государство.

Путь на Урал тропят Персы

Желающие овладеть Каменным Поясом подбирались со всех сторон. Если начать «учет» этих поползновений с периода великого переселения народов (из наиболее памятных событий той поры — нашествие гуннов, которые из сибирских далей перевалили южноуральские степи и обрушились на Рим, где и показали во всей красе всесокрушающую варварскую ярость), примерно с середины 1-го тысячелетия н. э., то, по свидетельству историков, первыми из тогдашних могущественных держав обратили свое небескорыстное внимание к Уралу персы. Можно уверенно это утверждать, поскольку именно персидскими золотыми и серебряными монетами с ликами сасанидских государей мечены многие места на Урале. И время их появления на Урале можно определить достаточно точно, поскольку самая древняя монета из найденных могла быть отчеканена не ранее 399 года (судя по выбитому на ней портрету Иездергерда, как раз в тот год восшедшего на престол), а последняя изготовлена не позднее 628 года, поскольку хранит облик царя Хозроя II, правившего только до этого года, а затем свергнутого. Так что персидскому государству и принадлежит, по-видимому, первенство в идее вовлечь Урал в сферу своего влияния.

Монета Иездигерда I

Естественно, что разведку новых земель вели купцы. Так повелось с незапамятных времен. Зачем же приходили торговые люди из жарких южных стран в отдаленные северные земли? Во-первых, конечно же, за мехами. Тогда Урал не был еще основательно заселен. Как полагает В.А. Оборин, плотность тогдашнего населения не достигала и одного человека на 10 квадратных километров территории Каменного Пояса. И это — в наиболее освоенных, обжитых районах. Так что на его просторах оставалось достаточно места и пушному зверю, исстари на Урале водившемуся в изобилии. Местные охотники били и соболя, и куницу, и белку. Хватало добычи для себя, хватало ее для торговли, оставалось зверя и на развод. Кроме того, персидские купцы буквально вырывали друг у друга такие экзотические товары, как моржовые клыки, жадно набрасывались они и на мамонтовые бивни.

Н.А. Полевой утверждает, что основная торговля и мехами и костью южанами велась с североуральскими жителями. Взамен древние уральцы охотно приобретали у дальних пришельцев золотую и серебряную посуду и монеты из тех же металлов. К.В. Сальников объясняет эту страсть прауральцев к благородным металлам тем, что круглые предметы, выделанные из них, олицетворяли в культах древних манси и хантов лик верховного божества — солнца. Многие капища племенных и родовых идолов северных народов

были заполнены монетами, блюдами, сосудами из «священных» металлов персидского, арабского и византийского происхождения. Кроме этого, считает Сальников, еще одна причина была для подобного собирательства. В древней мифологии северных народов бытовало изящное сказание о некоем сыне Духа их верхнего мира — прекрасном всаднике на крылатом коне. Этот удивительный мифический конь был весьма привередлив. Он не мог запросто прикасаться к земле. Чтобы заполучить всадника на землю, на месте его предполагаемого приземления под каждое копыто коня следовало поставить отдельное серебряное блюдо. Что жрецы и проделывали со всевозможной тщательностью. Потому и собирали, копили такую посуду.

Второй важной приманкой южных торговцев на Урале — и есть тому многие свидетельства — было производимое здесь железо, медь, серебро. Югра в те годы являлась видным поставщиком металлов. Поскольку раньше на это обстоятельство внимания обращалось мало, остановимся на нем несколько подробнее.

Рекорды мансийских металлургов

Сегодня немало специалистов полагает, что металлургия на Урале в ту пору была развита намного выше, чем, к примеру, у соседних славянских племен. Это легко объяснимо. Где, как не в крае, с незапамятных времен культивирующем выделку металлов, где несметны рудные богатства, многие из которых выходят прямо на поверхность земли, — где, как не там, и возрасти могучей металлургии! Археологами обнаружено много мест, где плавил и обрабатывали наши предки металл. Одно из таких древних селений расположено недалеко от Екатеринбурга, на горе Петрогром (возле поселка Палкино). Здесь древние мастера, как выяснилось после раскопок, возвели целый горно-металлургический комбинат. В наличии были все основные металлургические производ-

ства: рудники, где добывали и медную, и железную руды (кстати, в медной была большая примесь серебра), плавильные печи и обрабатывающие мастерские.

И вот что поразило ученых при анализе находок: тогдашние мастера умели отменно при плавках отделять друг от друга цветные металлы. Плавильные печи под это специально и строились. Поды и горны у них, к примеру, строились не из глины, как в ту пору обычно на Руси, а из особенного материала — «пепельной массы», этакой специально изготавливаемой обмазки. Состояла она на три четверти из золы, промытой до удаления из нее щелочей, и на одну четверть из пережженных мелких костей животных. Только одну сороковую часть составляла глина — для связывания массы. Замешивалось все это на моче или на «полупиве». Уже непосредственно перед самым процессом плавки тогдашние мастера под печи посыпали еще и мелкотолченую кость. Так подготовленные поды позволяли, впитывая в себя окислы одних металлов, оставлять на поверхности расплава другие. Именно по такой технологии и отделялось серебро от меди. (Заметим, что описанный способ производства металлов на Урале применялся вплоть до XIII века. Это установлено точно...)

В раскопках культурного слоя на горе Петрогром были выявлены не только поды печей, пропитанные окислами различных металлов, но и складированные тут и там разнообразные поделки из меди, серебра, сплавов цветных металлов.

Так что древние уральцы прекрасно знали, и как получить серебро из руды, и как обработать его, и какова его настоящая цена. И не одно какое-нибудь особенное племя такое умело. Такие находки обнаружены по всей уральской протяженности — на землях манси, башкир, жителей западного склона.

Наиболее древние печи на горе Петрогром и изделия из металлов датируются второй половиной 1-го тысячелетия до н. э. Так что к моменту появления персов металлургическое производство Урала вполне могло и развиваться, и окрепнуть. Тем более, как следует из обзора находок здесь, производство железа было поставлено действительно «на широкую ногу». Явно с «экспортными» намерениями. Археологи

нашли на горе восемнадцать плавильных печей. И каких! Для тех времен это были гиганты металлургии — до ста двадцати сантиметров в диаметре, до полутора метров высоты, составленные из массивных каменных плит, поставленных на попа. Но, что самое поразительное, — печи эти ставились с очень точным инженерным расчетом! Дело в том, что вершина горы Петрогром испещрена множеством глубоких и узких расщелин. Печи ставились прямо на них так, чтобы использовать природные образования как воздуходувные ходы. Были продуманы и способы регулирования направленности и точности подачи воздуха — через систему сопел. Применялась и ручная подача воздуха. Для выемки железных криц из печи одна ее стенка после плавки могла быть легко разобрана, так как строилась не из плит, а из небольших каменных глыб.

Так что уральцам было чем торговать и с южными, и с западными племенами, особенно если учесть, что, по свидетельству С.Г. Струмилина, «...появление на Руси... плавки железных руд в специальных наземных печах-домницах, с дутьем ручными мехами, археологи относят примерно к девятому веку новой эры» (История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. 1. С. 13).

На дорогу к уральским богатствам выходят арабы

По проторенному персами пути на Урал потянулись арабы. Считается, что началось это сразу же, как только арабские войска разгромили царство Сасанидов. Как утверждают некоторые исследователи, арабы привыкли пролагать дороги торговых караванов мечами своих воинов. На Урале им пришлось несколько поступиться своими принципами. На пути к нему перед арабами неодолимой преградой встали рати хазарских воинов, которые мужественно многие годы

противились исламской экспансии. Потому исламизация жителей Южного Урала несколько задержалась. Сюда пришли только торговцы. Это оказалось немалым благом для местных жителей.

Дело в том, что если бы первыми появились воины Аллаха, то на Урале, как и везде, где распространился ислам, неминуемо был бы введен запрет на использование в быту правоверных предметов, украшенных изображениями людей и животных. Это уже состоялось везде на Ближнем Востоке, в Персии, древнем арабском мире, где высоко было развито, к примеру, искусство чеканки на изделиях из металлов — блюдах, чашах, сосудах. Их украшали высокохудожественно исполненными сценами охоты, пиров, битв, бытовыми ситуациями.

Пришедшие к власти в арабском мире аскетичные пророки и халифы запретили впредь изготавливать подобные вещи и потребовали под страхом жестокой кары изъять их из обихода.

Но арабские купцы были далеко не простаки: не пропадать же такому изысканному товару.

И они начали потихоньку скупать (иногда и просто подбирать выброшенное) такое добро и массово сбывать его за пределами исламского мира. Одним из мест массового «сброса» таких изделий из южных стран стал и Урал. Прекрасно исполненной, тончайшей резьбы и чеканки блюда, чаши, сосуды археологи обнаружили во многих местах по всей уральской протяженности. Но значительно больше таких находок в кладах и капищах Северного и Среднего Урала, что и понятно. Пришедший на Южный Урал ислам вытеснил их и оттуда. А везли арабы с Урала то же, что и персы, — меха, кость, металлы.

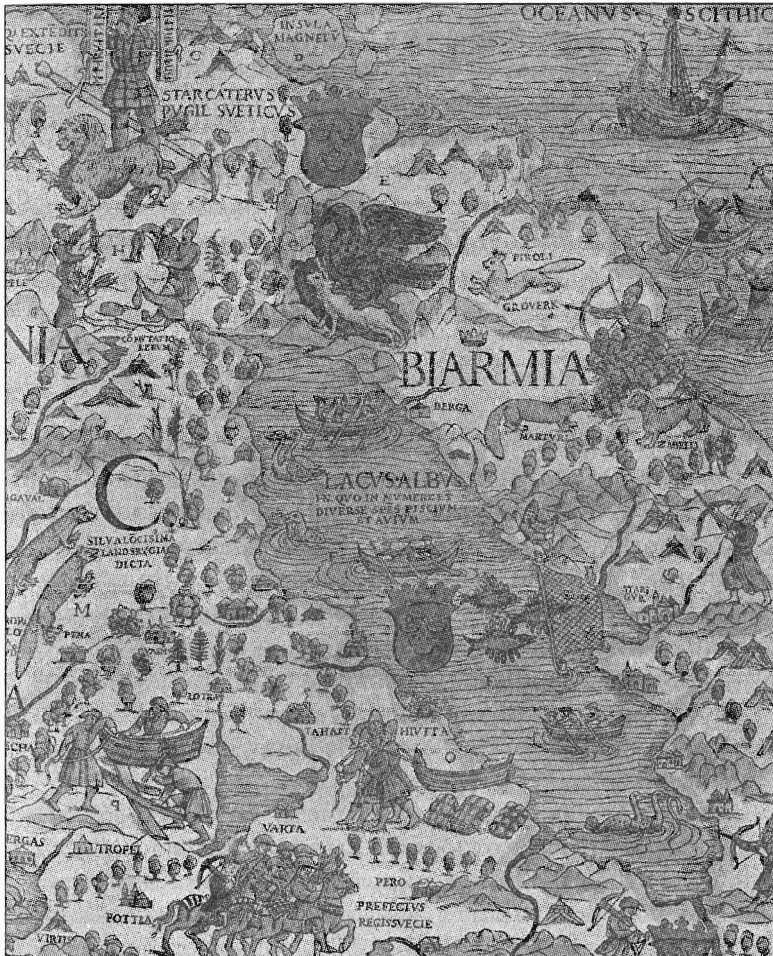
Викинги открывают Биармию

Где-то в одно время примерно с проникновением на Урал арабских торговцев с юга с севера дорогу к его богатствам нащупали еще одни претенденты — викинги. Только они с

самого начала ориентировались не на торговлю — их делом были ничем не прикрытый грабёж и разбой.

Считается, что первым из славного племени морских налетчиков до северо-восточного края Европы доврадлся некто Отер — один из предводителей дружин на службе у английского короля Альфреда Великого. Случилось это во второй половине IX века н. э. Сохранился текст доклада морепла-

Биармия на Carta Marina Олафа Магнуса. XVI в.

вателя своему государю. По форме он весьма незатейлив, но вполне информативен. Создается впечатление, что плыл Отер в совершенно неизвестную его собратьям область. Пробираясь на своей посудине вдоль северного побережья Европы, почти повсеместно наблюдал он голую пустынную местность.

Внезапно глазам мореплавателей открылась бухта в устье Северной Двины, на берегу которой стояло крупное селение. Жившие в нем люди говорили, как утверждает Отер, на языке, близком финскому. Обитатели поселка сказали прибывшим, что они — биармийцы, население страны, которая протянулась далеко на восток, вплоть до Уральских гор. Как понял Отер, земля в этой стране была довольно хорошо обжита и даже обрабатывалась. Биармийцы легко шли на контакт с викингами, заходили к ним на суда, совершали обменную торговлю. Отер разжился у них мехами, моржовыми клыками, и все это он доставил своему королю.

Так что вполне возможно, что именно рассказы отважно-го Отера впервые открыли непоседливым викингам новые объекты для набегов. Во всяком случае, примерно с этих пор и на протяжении около трех веков саги скандинавских и исландских сказителей наполняются восторженными описаниями победоносных набегов воинственных мореходов-варягов на поселения народов крайнего северо-востока Европы. Многократно прямо-таки сладострастно описаны богатства разграбленных ими племенных капищ, захлеб рассказывается о сказочном обогащении налетчиков, ободравших богато изукрашенного идола — местного бога Юмалу, на котором, как и на многих других богах, были возложены драгоценные меха, навешаны ожерелья из золотых и серебряных украшений, навалены вокруг изделия из драгоценных металлов.

Самые поздние упоминания в сагах викингов об их «посещениях» этих мест относятся к началу XII века. Но это не означает, что разбойники жировали на наших землях только до тех пор. Во всяком случае, одна неудачная попытка нападения скандинавов зафиксирована в русских летописях и в 1445 году. Но в то время здесь уже всю хозяйничали рус-

ские покорители. Нацелившиеся безнаказанно пограбить «свеи-мурмане» были наголову разгромлены новгородскими воинами, «вборзе» прибывшими с Двины. В злой сече погибли главари налетчиков, и только малая часть их «отбегища» — спаслась на кораблях. В общем, как следует из анализа северных саг и рун, викинги и не намеревались покорять эти земли. Они просто использовали их как огород, на который надо время от времени наведываться, чтобы собрать перезревающий урожай.

Новгородцы и Заволочье

Интересное совпадение.

Как раз в тот год, когда летописи отметили нападение «свеев», жителям приуральских и зауральских городков удалось успешно отбиться и от прибывшей к ним с теми же целями новгородской рати. Правда, новгородцы прибыли к Уральскому хребту, чтобы свирепо покарать тамошних обитателей за злонамеренную неуплату причитающейся с них дани Господину Великому Новгороду.

И в самом деле, у новгородцев в ту пору были уже устоявшиеся веками «права» обирать северные приуральские и зауральские народы. Право это новгородцам досталось через многолетнее подавление мужественной борьбы местных жителей за свою свободу.

Про то, что в этих краях можно хорошо пожить, новгородские ушкуйники поначалу признали, вернее всего, от соседей-варягов. И уже на страницах первых русских летописей, на скрижалях несторовой «Повести временных лет», фиксируются поползновения граждан Великой Северной Русской Республики установить свое владычество над этими дальними землями.

Многие исследователи (к примеру, подобные утверждения высказывает А.А. Дмитриев в своей интереснейшей работе «Древности бывшей Перми Великой») считают, что упоминание в новгородских источниках о походе Улеба в

1032 году за «Железные ворота» есть и первое «печатное» свидетельство о попытках новгородцев покорить «чудь заволоцкую», людей, живших в областях за Волоками, которыми путешественники перебирались из рек бассейна Северной Двины в воды рек бассейна Волги. Но это и первое сохранившееся свидетельство об отчаянном сопротивлении тамошних обитателей попыткам их покорить, ибо записано там же: «...мало ихъ возвратишися, но мнози там погибоша...»

Иван Беляев в «Рассказах из русской истории» добавляет, что экспедиция эта была организована горожанами самовольно, без привлечения княжеских воинов. И вообще, этот Улеб был воеводой, выборным вечевым избранником, а не княжьем назначенцем.

Через сорок пять лет новгородцы, как следует из той же летописи, решились повторить попытку Улеба — и с тем же результатом, хотя экспедиция была организована уже более профессионально. Во главе ее стоял князь Глеб, внук великого князя Владимира, крестителя Руси. Но и ему не повезло. Погиб он в схватке с заволоцкою чудью.

В 1096 году новгородцы снова снарядили в те края экспедицию, правда, по описанию судя, она была уже чисто торгового назначения. (Хотя дата эта признана большинством исследователей, следует сказать, что Д.С. Лихачев, готовивший одно из изданий «Повести временных лет», откуда и заимствованы все эти сведения, полагает, что указанная торговая поездка могла состояться и в 1114 году — тому в тексте рукописи он нашел веские подтверждения.) В отчете об этой поездке впервые в письменном русском источнике и была зафиксирована дальняя горная страна, где, среди стылых снегов, в горах полуночных, обретается народ, живущий охотой и задешево меняющий добытые меха на железные изделия.

Видимо, тогда же об этой стране узнали и в остальных русских городах.

Некоторые источники свидетельствуют, что граждане первой русской республики в это время уже освоились не только на Северном Урале, но и на всей протяженности Ка-

менного Пояса. Ухватистые, расторопные купцы-новгородцы споро добрались по Каме и Белой до южноуральских поселений и кочевий и вели там успешные торги. В.И. Филоненко считает, что они были там первыми из русских купцов...

И все же, как ни сопротивлялись североуральские обитатели, но пришлось им покориться злой силе и стать данниками Господина Великого Новгорода. Начиная с XI века, по всему Северному Уралу, Предуралью и Зауралью, вплоть до обских вод, рыскали жестокосердые сборщики дани, обогащая пермскими и югорскими мехами казну своего города.

А меха отсюда шли великолепные, высокосортные шкурки куниц, соболей, горностаев, белок. Ведь по тем временам мало сказать, что за них многие готовы были платить любые деньги. Эти шкурки сами были деньги. Русская куна (мера ценности вещи) ведь происходит от слова-понятия «куница». От него происходит и другая русская мера ценности — гривна. «Именем гривны означалось известное число кун, некогда равное ценою с полунунтом серебра» (Н.М. Карамзин). Кстати, Н.М. Карамзин упоминает и о немалом потоке серебра, который тек к удачливым ушкуйникам и сборщикам дани от пермских и югорских племен: «...Новгород серебром и мехами собирал дань в Югре...»

Новгородцы, суздальцы булгары: схватка за Урал

Но недолго новгородцы монопольно брали обильную, богатую дань с пермских и югорских племен. Прослышав о тамошнем серебряном и меховом изобилии, стекающемся только в новгородские закрома, порешили урвать хотя бы часть этого добра и охочие до чужого имущества волжские булгары. Набирающие силу северные русские княжества тоже стали снаряжать свои дружины, чтобы поживиться вожаделенными мехами.

Первая фаза борьбы между ними за заволоцкие дани длилась около ста лет, вплоть до татаро-монгольского нашествия.

Около ста лет подряд в летописях русских натыкаешься то на строчки, рассказывающие о схватках североуральских народов с новгородскими, болгарскими, суздальскими ратями, то на сообщения о битвах этих ратей между собой — за «право» грабить не им принадлежащие земли. И так вплоть до поры, когда всем им, мелким вора́м по сравнению с налетевшей огромной бандитской татаро-монгольской армией, пришлось покорно склониться перед волей сильнейшего, отдать ему и свои грабительские доходы.

Но вернемся к началу этого столетнего периода.

Граждане Новгорода быстро освоились со своим «правом» быть господами — распорядителями жизнью и имуществом жителей крайнего северо-востока Европы. Вот, к примеру, сообщение в летописи о налете новгородских удальцов на Югру в 1157 году. Написано о том буквально несколько слов всего. И сказано все как-то по обыденному, как о совершенно будничном, рутинном факте. Из написанного можно понять, что собрались новгородские обыватели, поговорили, посокрушались, мол, не хватает им денег на попить-поесть-одеться, ни даже чего любимой подарить. А где деньги раздобыть? Не работой же, в самом-то деле! Тут и надумали (сами себе, кстати, — без посадника, тысяцкого, без князя, и тем наипаче — без веча*)

* В Новгороде, как известно, тогда существовала демократическая система правления. Высшим органом власти города являлось вече — общее собрание граждан. Одной из прерогатив веча было назначение правителя города — князя, который обладал военной и судебной властью. Князь правил в городе через посадника (помощника по административным делам) и тысяцкого (помощника по военным делам). Поначалу помощниками князю были люди, пришедшие с ним либо присланные великим киевским князем. Но в 1126 году, после смерти Владимира Мономаха, новгородцы уперлись и настояли на выборах посадника самим, чем впоследствии очень гордились. И дорожили. Ибо он стал слугой веча, а не князя. В 1156 году в Новгороде был впервые выбран и свой епископ, который потом только утверждался митрополитом.

Интересная деталь из взаимоотношений правителя-князя и города. Новгородцы мелочно старались не дать князьям укорениться в своих владениях. Они в договорах (рядах) с князьями оговаривали, что ни

прогуляться в Заволочье**, разжиться там слегка мехами и серебром.

Так примерно и затевалось большинство «неплановых», так сказать, набегов на Югру. Чувствовался во всем этом почерк учителей-викингов. А чтобы совесть за грабеж не терзала, придумали себе молодцы незатейливое объясненьице: мол, тот трудолюбивый народ, плоды труда которого мы отнимаем, — и не люди вовсе, так, нехристи-самоядь, кто и жить-то на свете достоин, только чтобы кормить-одевать умных, светлых, добрых молодцев христианских.

Такая вот логика жизни.

В 1174 году несколько сот новгородских жителей, собравшись однажды, пришли наконец к рациональной мысли: накладно, каждый раз отправляясь в Югру за добычей-данью, затем переться многие сотни верст назад по рекам и волокам, чтобы сбыть на новгородских торгах нахапанное. Они решили: надо уменьшить расстояние от товара до торгового пункта. А поскольку Заволочье к городу не приблизишь, то естественный вывод — приблизить к нему город. Задумано — сделано. Сели новгородцы в свои ладьи и поехали ставить новые города где-нибудь поближе к Уралу.

Как повествует Н. Костомаров в «Северорусских народо-правствах», «... они направились сначала по Волге, затем по Каме, здесь поставили городок и решили остаться. Но тут услышали они, что далее на восток, в земле привольной, бога-

князю, ни его семье, ни людям нельзя было покупать имущество в Новгородской земле, заводить села и слободы, принимать людей в заклад. Боясь отпадения или захвата Заволочья, новгородцы старались не допустить прямых отношений князя с этой обширной и богатой областью и требовали в договорах, чтобы князь отдавал свои заволочские сборы на откуп новгородцам,

** Новгородская земля в XII—XV веках (вокруг города) делилась на 5 пятин-областей: Водскую, Обонежскую, Деревскую, Шелонскую, Бежецкую. За пятинами Обонежской и Бежецкой простиралась на северо-восток волость Заволочье, или Двинская земля. Она находилась за волоком, обширным водоразделом, отделяющим бассейны Онеги и Северной Двины от бассейна Волги. Бассейном Вычегды и ее притоков определялась Пермская земля. За Двинской землей и Пермью находилась волость Печора, по обеим сторонам реки этого имени, а по ту сторону северного Уральского хребта — волость Югра. (По В.О. Ключевскому: Курс русской истории. М.: Мысль, 1987.)

Вечевой колокол в Новгороде.
Иллюстрация из рукописи XVI в.

той и укрытой лесами, живут вотяки (удмурты). На Каме же жить было небезопасно, большая река — большой путь. И отправились новгородцы вверх по Каме, вошли в реку Челец и стали жечь и разорять вотяцкие жилища, укрепленные земляными валами. Жители разбегались. По реке Чепцу завоеватели вошли в реку Вятку и, проплыв по ней пять верст, увидели на высокой горе Болванский городок. Взять его было трудно. Новгородцы, однако, положили себе не пить и не есть, пока не завоюют городка. Случился день Бориса и Глеба. Новго-

родцы стали призывать на помощь этих святых. Святые помогли им. И городок был взят. Множество вотяков было побито, остальные разбежались. Русские построили здесь церковь Бориса и Глеба и назвали городок Никулинцем. Из устья Камы те, кто не остались в этом городе, поплыли вверх — и опять-таки с именем Бориса и Глеба напали на черемисский городок Каршаров. Покорили его и назвали Котельничем. Пошли дальше и в устье реки Хлыновцы основали город Хлынов» (позднее он стал Вяткой, а еще позднее — Кировом. — *Л. С.*). Н.М. Карамзин к этому добавляет: «...Россияне, с удовольствием приняв к себе многих двинских жителей, составили маленькую республику, особенную, независимую в течение двухсот семидесяти осьми лет, наблюдая обычаи новгородские (заметим в скобках — в том числе и славный обычай обирать аборигенов. А вот этого им простить обитатели Новгорода не могли, не потому, что обирали, а потому, что перехватывали новгородскую добычу. — *Л. С.*)... Чудь (финские племена, жившие от Зауралья до Скандинавии), вотяки (удмурты), черемисы (марийцы) хотя набегами беспокоили их, но были всегда отражаемы с великим уроном...» Не менее аборигенов им старались досадить и новгородцы, по причине, выше уже поясненной. Еще бы новгородцам не возмущаться!.. Новопоселенцы сразу же стали претендовать на добрый кусок ставшей им уже привычной заволоцкой добычи. Да и чудь с вотяками, оказавшись между двух огней, стали отчаянно сопротивляться всем сборщикам дани. Летописи сохранили отчеты о двух подряд не удавшихся походах новгородских обирал — в 1183 году, когда погибло около ста неудачливых искателей золотого руна, и в 1187 году, когда, едва отдышавшись от войн на своих западных границах, новгородцы смогли собрать сильную карательную экспедицию в дальние пермские, печорские и югорские пределы. Но и из этой рати посчастливилось вернуться только восьмидесяти челоовекам, чудом оставшимся в живых. Видимо, насмерть стали стоять и так-то ранее не слишком покорные данники. Им было отчего ожесточиться. Именно в ту пору на их исконные земли стали претендовать кроме названных еще два желающих поживиться на них хищника — булгары и суздальцы.

И Булгария, и Суздальское княжество были тогда крупными, мощными государствами. И у каждого из них был свой резон претендовать на овладение уральскими землями.

С новгородцами мы уже разобрались — они считали, что получили право на заволоцкие земли напрямую от варягов вместе с приглашением на княжение к себе Рюрика.

Булгары же просто были обижены на новгородцев. Столько десятков лет они прилагали невероятные усилия, чтобы сохранить монополию посредника между югом и севером, так старательно противились попыткам арабов напрямую вести торговлю с Югрой и Пермью, что захват северных земель Новгородом посчитали прямым посягательством на свои столь долго лелеемые интересы.

И с суздальцами все просто. Как раз в ту пору они стали носителями верховной власти в русских княжествах. 8 марта 1169 года князь Андрей Георгиевич, сын основателя Москвы, утвердил себя на великокняжеском киевском престоле, захватив этот город после жесткой двухдневной осады. Ему не захотелось оставаться править в ограбленном, дочиста разоренном городе, и он решил перенести великокняжескую столицу во Владимир, резиденцию суздальских князей. Потому-то суздальцы и порешили, что отныне именно за ними утверждается право на сбор дани со всех покорных русским правлениям территорий. Естественно, уральские территории их заинтересовали не в последнюю очередь. Андрей, давний новгородский неприятель (кстати, Новгород и Киев были союзниками в недавней войне), сразу после Киева затеял разгромить заодно и этот город. Послал на него с большим войском сына своего. Да не повезло суздальцам. На этот раз одолели их в жестокой сече новгородцы. Но мысль перехватить у Новгорода право собирать дань с печорских, пермских и югорских племен у суздальских князей засела накрепко.

Проведав, что новгородцы построили на полпути туда свои опорные пункты (Вятку и другие), возжаждавший не уступать им пути в вожделенные земли Всеволод, младший брат Андреев, в 1178 году (в ту пору он уже занял престол великого князя суздальского) решил построить севернее этих го-

родков свою крепость — форпост для захвата Урала. Так возник город Гледены. А через несколько лет уже сын Всеволода Константин построил недалеко от него действительно впоследствии ключевую крепость в схватках за уральские территории — Устюг Великий.

С построением этих городков суздальцы почувствовали себя настолько уверенными владельцами северо-восточных территорий, что, не откладывая дело надолго, до поры, когда весь Уральский край станет им подвластным, руководимые братом Константина Юрием, отправились собирать дань с пермских земель.

Такого нахальства не стерпели прежде всего булгары.

Они собрали очень сильное войско и отправили его вверх по Каме. Цель экспедиции была определена двойная — взять югорские и пермские меха и разорить суздальские города. Обе цели с трудом, немалой тратой крови, но были достигнуты. И чего булгары добились?

Юрий Всеволодович, ставший тогда уже великим князем суздальским, естественно, не смог снести удачу соперников в столь важном предприятии. Он твердо решил указать булгарам их место. Во главе большой рати направил он на волжские и камские берега своего брата Святослава. Сражение у столицы Булгарского царства, видимо, столь было приятно вспоминать многим историкам и их заказчикам, что описание его до мелких деталей можно найти у многих древних и современных писателей. И как разумно развернул Святослав свои полки. И как конные булгары, «пустиша по стреле в наши», скрылись за городскими стенами. Как удалось расчленив оплоты и тын и зажечь их. И как город сгорел полностью почти со всеми своими защитниками. И как победители, «жены и дети в полон взяша», вернулись с «корыстью великою». И как встретил их Юрий, облобызав своего брата со слезами, «и бысть радость велика в Володимере..»

Случилось это в 1220 году.

Неизвестно, как бы завершился спор за уральские дани между этими тремя алчущими хищниками, да в разгар их междоусобий нагрянули из-за Урала жуткой им карой небесной грозные тучи татаро-монгольских туменов.

Страшно читать страницы документов той поры. Они сочатся обильной безвинной кровью и дышат безысходностью. Пришельцы не щадили никого. Только-только отстроенную столицу Булгарского царства Батый приказал сжечь дотла и поголовно умертвить всех ее жителей. Та же жуткая судьба постигла и Суздаль, и Владимир. И только Новгород, Господин Великий Новгород, чудом спасся от напасти батыевой. А был Батый уже в 100 верстах от новгородских стен. Да наступила весна. И, может быть, напугала его перспектива утопить в раскисших болотах и своих конников, и стенобитные орудия, и отягощенные добычей обозы. Может, еще что-то повлияло на решение Батыея, но поворотил он свои орды и накинулся на несчастный Козельск. Этому небольшому городку, осмелившемуся защищаться, выпала трагическая судьба испытать на себе всю силу ярости Батыевой. От города и от горожан остались только дымящие развалины...

Так спор за заволоцкие дани утратил на некоторое время свой предмет.

На всей территории Восточной Европы дани стекались только в татаро-монгольские шатры.

Интересная деталь. Не сразу североуральские народы склонились перед покорителем своих поработителей. Они оказали и ему ожесточенное сопротивление в 1240—1241 годах, чем навлекли на себя кару вспомнившего через двадцать лет об их непокорности хана Берку. Чтобы покарать смельчаков, направил он на них свои тумены. Многие пермские обитатели вынуждены были тогда бежать аж до скандинавских утесов, где их приветил и дал им землю (после того, как они приняли христианство) король Гакон.

Для жителей Среднего и Южного Урала после того, как над ними прокатилась самая первая кровавая волна нашествия, жизнь потихоньку стала возвращаться в прежнее русло. Это случилось потому, что, как полагает А. Усманов, «приход Батыея на северо-восток Европы не означал переселения народа. Это было нашествие завоевателей, которые утвердили свое господство над покоренными народами». Основные массы монголов ушли в Монголию. Количество пришедших татаро-монголов было так невелико (относительно

основной массы кочевого населения), что даже литературный язык установился не монгольский, а турецкий, и башкиры, например, восприняли не богов новых покорителей, а религию булгар и тюрок — ислам.

На Северный же Урал, после татаро-монгольского опустошительного нашествия, Булгария навсегда претендовать перестала. Александр Невский, наследник престола князей суздальских, был обуреваем другими заботами и тоже перестал поглядывать на восток. И только Новгород не скрывал, что никому не уступит своих на него прав. Когда умер Александр Невский, жители вольного города порешили, что их интересы лучше будет отстаивать не его сын Дмитрий Александрович, а младший брат Александров — Ярослав. Изгнав из города племянника, они пригласили его дядю и, предложив тому княжение, обусловили вступление в должность подписанием следующего красноречивого документа: «Князь Ярослав! Требуем, чтобы ты, подобно предкам твоим и родителю, утвердил крестным целованием священный обет править Новым городом по древнему обыкновению, брать одни дары с наших областей, поручать оные только новгородским, а не княжеским чиновникам, не избирать их без согласия посадника... В Бежицах ни тебе, ни княгине, ни боярам, ни дворянам твоим сел не иметь, не покупать и не принимать в дар, равно как и в других владениях Новгорода: в Волоке, Торжке и проч.; также в Вологде, Заволочье, Коле, Перми, Печоре, Югре...»

Так-то вот! Новгород был, есть и будет единственным владельцем всех североуральских земель. Целуй крест!

В борьбу вступает Московское княжество

Именно Московскому княжеству выпало сказать последнее слово в споре, а также и в битве за Урал. Возникшее на задымленных развалинах владими́ро-суздальских владений, Московское княжество при великом князе Иване Даниловиче

Иван Калита

Калите (прозвище Калита князь получил за похвальную привычку всегда таскать с собой кошель-калиту для того, чтобы иметь возможность дать подаяние бедному человеку) сделалось признанным центром возрождающихся русских государств. Иван Калита максимально использовал выгоды своего родства с ханом Орды Узбеком (брат Калиты Георгий был женат на сестре Узбека) и старался укрепить возникшую между ними близость частыми поездками в Орду. Еще ее он подкреплял и богатыми да-

рами, и участием в карательных экспедициях на непокорные русские города. В конце концов именно доверие хана позволило Калите стать самым могущественным русским правителем. Это самым прямым образом отразилось и на уральских делах.

Но по порядку.

Очередная стычка за пермско-югорские дани произошла в 1324 году, когда из Новгорода была послана сильная рать на Устюг Великий (суздальский, кстати, город), чтобы покарать его жителей за грабеж караванов, идущих из Новгорода к югорским людям и обратно. Новгородцы взяли Устюг. Самое пикантное в этом — тогда князем Новгорода был брат Калиты Георгий. Он незадолго перед этим утратил расположение Узбека и был смещен с суздальского великого княжения. Конечно, Калита, претендовавший на суздальский престол, затаил обиду на Новгород.

Но сразу же поквитаться не удалось.

Вызрела тогда между русскими князьями очередная смута. Суздальский великокняжеский престол стал спорным, и

Калита, борясь за право взойти на него, решился возглавить русско-монгольскую рать, двинутую Узбеком на Тверь за уничтожение ее горожанами ханского гарнизона. За эту и другие оказанные хану услуги Иван Данилович и был им утвержден в 1328 году на престол великого князя суздальского. Но столицу княжества он сделал в своем наследном городе — Москве. Вскоре и княжество стало называться Московским. Потому-то именно Москва и сделалась на последующие двести с лишним лет главным соперником Новгорода в борьбе за владение Уралом.

Вот тогда-то и появилась у Калиты возможность посчитаться с Новым городом. Но, осознавая могущество своего соперника, князь московский решил действовать тонко. Он начал сокрушение Новгорода с разгрома его союзников.

В 1329 году, исполняя, кстати, прямое поручение Узбека, князь двинул свои войска на Тверь, природного союзника Новгорода, и разгромил ее.

Окрепнув, освоившись в делах, в 1333 году Калита снарядил войско уже и на Новгород. Теперь у него, кстати, появился и новый резон обидеться на этот город. Ведь Иван Данилович часто ездил в Орду, тратился на дорогие подарки хану, его влиятельным советникам. Это в немалой степени способствовало тому, что в правление Калиты ордынские полчища почти не громили русские земли. Но если выигрывали все русские люди, то почему тратиться на эти подарки должен лишь один князь московский? Особенно Ивана Даниловича возмущало, что с ним не хочет делиться «закамским серебром» Господин Великий Новгород. Как полагают многие, именно прижимистость новгородцев в дележе прибылей от заволоцкой торговли и заставляла Калиту несколько раз водить свои полки на них.

Кстати о «серебре закамском». И сейчас многие историки полагают, что под этим названием Иван Калита требовал только привезенные из дальних краев в уральские пределы серебряные изделия. Нет, значительная часть серебра на Урале была местного происхождения, считали многие известные ученые еще и в XIX веке. Так, профессор Аспелин, определяя принадлежность серебряного блюда из известного

Рождественского клада, найденного крестьянином Ипполитом Ужеговым в 1854 году в Соликамском уезде, назвал его местным изделием. А на блюде том была даже чеканка в подражание изделиям персидских умельцев — всадник с соколом и собаками, гоняющийся за лисицей. Но что представляется самым убедительным, — в том кладе лежал еще и слиток серебра без всяких следов его обработки. И довольно крупный — около ста граммов. И это отнюдь не единичная такая находка. В 1889 году, например, при вспашке огорода удача улыбнулась жительнице села Пыскор Чердынского уезда. Она лемехом вывернула на дно глубокой борозды несколько драгоценных изделий, которые исследователи также отнесли к местным. В их числе две серебряные подвески, серебряный браслет и, главное, четыре серебряных колпачка со вставками из хорошо отполированных кусочков малахита. Малахит, по всему виду, уральский. Во многих областях пермского Приуралья найдены характерные серебряные фигурки всадников, и их многие ученые относят местному производству. Все это вполне объяснимо. Мы уже обсуждали вопрос о развитости местной металлургии. Неплохо здесь поставлено было дело и с обработкой металлов. Так что наряду с обилием на Урале действительно персидских изделий, работ арабских, византийских мастеров, немало поделок из серебра местного производства произведено и здешними мастерами. А серебра было в ту пору на Урале действительно много. Так что Калита знал, за что борется.

Спор с Новгородом за владычество над Пермью, Печорой, Югрой продолжили и внук Калиты Дмитрий Донской, и сын Дмитрия...

Но вот что еще интересно. За уральские земли дрались московские и новгородские рати. А как вели себя в этих обстоятельствах жители тех мест? Сами тогдашние обитатели уральских земель отнюдь не были этакими овечками, ожидающими заклания. Они никогда не прекращали сопротивляться всем грабителям, приходящим к ним за данью. Так, югорские воины наголову разгромили сильное трехтысячное новгородское войско, направленное в их земли в 1445 году на сбор очередной дани. Кстати, как раз в тот год пермяки

разгромили банду варягов, налетевших их пограбить со стороны океана.

Но, кажется, 1445 год был последним годом, когда новгородцы решились на крупный поход в уральские земли. Да и вообще близился закат вольного города. Уже народился погубитель его вольности (именно так, по преданию, сказала одна вещунья в 1440 году, когда родился будущий великий князь московский Иван III, Васильевич I).

Так мы подходим к временам, с которых и начали рассказ в этом очерке.

Иван III, великий князь московский, которого Н.М. Карамзин поклонно именует монархом Российским, славным «...победами и завоеваниями от пределов Литвы и Новгорода до Сибири...», взошел на московский великокняжеский престол в 1462 году. От роду тогда ему было 22 года. Наверное, он и просто уже следуя традиции поведения московских владетелей, ввязался бы в спор за уральские богатства. Но, думается, еще и случай ускорил его действия в этом направлении.

Житель суздальского города Устюга, непоседа и авантюрист Василий Скряба, решил на свой страх и риск прогуляться — в лучших традициях варягов и ушкуйников — за югорскими мехами. Набрал ватагу гулевых людей и отправился на Урал. Видно, под очень счастливой звездой родился этот человек. Ему удалось достаточно скрытно провести свою ватагу до Уральского хребта, перевалить через него и со всей страстью необузданной жадности наброситься на имущество тамошних обитателей. Добычу урвал он богатую. И то ли чтобы оправдаться перед князем своим, то ли чтобы похвалиться своей удачей, но к трофеям он присоединил еще и двух местных князей. Их тоже вместе с частью награбленного в удачливом походе Скряба бросил к ногам своего великого князя. Так воочию Иван III был ознакомлен с богатствами дальнего края. Довольный, он щедро наградил Василия и отпустил князей югорских, заручившись их заверениями платить ему дань.

Хоть теперь московский государь и мог ожидать поступления югорского меха и «закамского серебра», только он

четко осознавал и другое — так уральский вопрос окончательно не решить. Свои права на Северный Урал ни за что не хотели отдавать новгородцы, а в Южный крепко вцепились казанские татары. И любому, возжаждавшему уральских сокровищ, чтобы без опаски можно было пользоваться ими, для начала необходимо было сокрушить обоих этих могучих соперников. Но Иван III, Васильевич I, уже осознавал силу свою и порешил, что ему достанет и войск, и ума сладить с обоими противниками. Но четко он знал: действовать надо тонко и бить врагов поодиночке.

Судьба определила ему направление первого удара — Казань... А получилось так. Еще полные сладостных воспоминаний о былом своем могуществе, ханы казанские решили послать войско захватить московский город Вятку. Город этот тогда контролировал караванную торговую дорогу на богатую Югру — ныне уж ивановых данников. Это было откровенным вызовом, и Иван его принял. В 1468—1469 годах несколькими удачными ударами (первый из них был нанесен через Пермь Великую вниз по Каме) войска московского государя наголову разгромили казанские полки и даже в ходе одной из битв овладели Казанью. Хан смирился перед московским могуществом...

Теперь настала очередь Новгорода. Она настала в 1471 году. Хотя крушение его уже просматривалось, но новгородцы не хотели смириться с увяданием своего ранешнего величия, что и послужило поводом к очередной войне Новгорода и Москвы.

Дело в том, что граждане вольного города все никак не могли утешиться, что сыну Дмитрия Донского удалось отхватить у них много земель. Почему-то они решили, что сейчас пришла удобная пора их вернуть. Однако Иван III вовсе не походил на властителя, у которого можно было бы отнять хоть что-нибудь, что он считал своим. Естественно, он и принял решение наказать обнаглевших новгородцев, к тому же вступивших в сговор с литовскими и немецкими правителями. И грянул летом 1471 года бой на Шелони, знаменитое сражение, которое сокрушило под корень все надежды новгородские. Наголову разбитые, они вынуждены были под-

писать договор, по которому уступали московскому владельцу множество земель своих и прав.

Но Пермь по договору 1471 года им удалось как-то оставить за собой.

Только что мог значить договор для государя, в боях осознавшего всю ищущую выхода мощь своей державы! Судьба и этого края была предreshена. Всему Северному Уралу вскоре предстояло покорно склониться перед силой московскою. Но в Ивановых завоеваниях с самого начала его правления четко просматривалась одна характерная особенность. Ее тонко подметил и описал Николай Костомаров в «Северорусских народоправствах» (с. 416): «... Как Пермь, так и Югра до конца новгородской независимости оставались со своею народностью, и московская власть, подчинивши себе Новгород, покоряла эти страны, считавшиеся новгородскими поместьями, как края независимые».

Вот в том-то и дело. Новгородцы собирали свою дань, но не требовали ни смены обычаев туземцев, ни религию свою не насаждали, ни полного рабства не навязывали. Плати — и живи как хочешь. Московиты же пришли в эти земли со своим уставом, соблюдения которого жестко требовали. Еще Дмитрий Донской оказывал свое покровительство Степану Храпу, ставшему монахом Стефаном, епископом Пермским, помогал ему огнем и мечом, если тщетны были уговоры, насаждать христианство в Пермской земле. Иван III же решил сделать и Пермь, и Югру обычными провинциями своего государства.

Костомаров далее пишет: «.. Пермь была завоевана в 1472 году, на другой год после Коростенского мира. Завоевателем был воевода, князь Федор Пестрый... Пермью управлял тогда под верховною властью Новгорода туземный крещеный князь Михаил. В Перми оскорбили какого-то московского купца. Иван, как будто в наказание, заступаясь за своего подданного, отправил туда войско. Князь Федор Пестрый прибыл на устье Черной и оттуда повел войско на плотях. Вскоре он нашел удобным разделить его и на себя взял завоевание Верхней Перми, а другой отряд, под начальством Гаврилы Нелидова, отправил в Нижнюю Пермь. Оба отлично

повели дело. Гаврила опустошил пермские селения по пути, по которому шел. Князь Пестрый же, доходя до Искора, встретил туземное ополчение. Произошло сражение — москвичи одолели. Предводитель пермяков воевода Качаим был взят в плен. Пестрый взял с бою город Искор и пленил пермских воевод Бурмата и Мичкина. По взятии Искора Пестрый пошел на соединение с Нелидовым и сошелся с ним на устье реки Почка, впадающей в Колву (точно — Покча. — Л. С.) Здесь москвичи заложили город Почку. Вся Пермская земля была покорена власти великого князя. Князь Михаил достался в руки победителей и был отправлен в Москву вместе с другими воеводами. Как образчик богатства края, воевода послал великому князю в подарок шестнадцать сороков соболей, шубу соболю, 29 с половиною поставов сукна, панцирь и две булатных сабли»...

Так была — и уже навсегда — присоединена к Московскому государству Пермь Великая. Но Иван III не был бы Иваном III, если бы на этом успокоился. Следующей в очереди на присоединение к Московии стала Югра. Вот как это описывает тот же Костомаров: «...Югра досталась Москве уже после совершенного падения Новгорода. (Это случилось в 1479 году, торжествующий победитель осуществил давнюю мечту своего предка — Ивана Калиты: среди других богатств он вывез из поверженного города несчетное число пудов серебра. — Л. С.) В 1483 году... князь Федор Курбский-Черный и Салтык-Травин пришли в Югру..»

Кстати, покорять зауральские народы умный великий князь московский направил, в числе других, пермские полки, приучая жителей новообретенной земли класть головы за московские интересы.

Экспедиция 1483 года замечательна еще и тем, что, разгромив возле впадения Пелыма в Тавду войско вогульского князя, московские рати сделали глубокий рейд на восток. Они прошли вдоль реки Тавды до Тобола, оттуда спустились до Иртыша, вошли в Обь. Там встретили югорские войска, их разгромили и уже потом вернулись в Устюг. Не правда ли. — путь Иванова воинства во многом предвосхищает дорогу Ермака?

В результате успешного похода Курбского и Травина зауральские вогулы и тамошняя югра обязались платить дань московским государям. И думали этим отделаться. «Но (как пишет Н. Костомаров) не таков был князь Иван Васильевич, чтобы оставить им независимость. Он решил уничтожить самобытную жизнь подвластных земель. В 1499 году отправились снова воеводы князь Петр Федорович Ушатый, князь Семен Федорович Курбский и Василий Иванович Заболоцкий-Бражник... по разным рекам, переходя волоками сухие пространства между ними, добрались до Печоры, а потом с величайшими затруднениями зимним путем перешли гору Камень, т.е. Уральский хребет. Русские удивлялись высоте гор, привыкши от рождения проводить жизнь на равнинах и болотах. “А камни в оболочках не видать...” (записал хроникер похода. — Л. С.).

«Я — говорил Курбский впоследствии Герберштейну, — семнадцать дней поднимался на эти горы, а все-таки не дошел до самой вершины, которая зовется столп... Когда перешли русские Камень, близ города Ляпина в Обдорской земле явились к московским предводителям туземные князьки, сидя на санях, запряженных оленями, и предложили, по обычаю, мир и подданство. Но воеводы не с тем пришли туда, чтобы оставлять независимым подчиненный народ, — они взяли в плен князьков и пошли по Югорской земле истреблять жилища и жителей. Таким образом, разорено было 40 городков, пятьдесят князей взято в плен и отправлено в Москву, а вогуличи и остяки вымаливали себе жизнь, обещая быть в вечном холопстве московском. Так покорена была Югра...»

Следуя своей политике, великий князь московский и в Перми не оставил прежнего устройства правления. С 1505 года там появился первый наместник — московский князь Василий Андреевич Ковер, руководивший краем уже как обычной частью Московского государства.

С Южным же Уралом, находившимся под протекторатом казанских царей, дело присоединения к Московии могло решиться только после полного одоления этого мощного очага сопротивления русской экспансии на восток. Еще около

пятидесяти лет после покорения Югры московские и казанские рати с переменным успехом схватывались друг с другом, пока наконец в 1557 году Иван IV, Васильевич II, не завершил благополучно дело всех предыдущих государей московских и не разгромил окончательно Казанское царство. Но об этом мы уже говорили.

Можно сказать, что завоевание Урала положило один из первых основательных кирпичей в строительство величественного здания одной из самых крупных империй на Земле за всю историю человечества. Породило и всё ее последующее могущество. И все ее последующие проблемы и — беды.

Барахтаясь сегодня в навалившихся на нашу страну напастях, мы всё полнее начинаем осознавать — это пришла пора платить по счетам и за века нашей не всегда путной истории, в том числе и за века колонизаторской эйфории, когда с неприличной торопливой жадностью наши правители пригребали к своим владениям все, что только могло их привлечь в чужих пределах, — обильные дорогими мехами земли Югры, сказочные пространства Сибири, чудотворные черноземы Тавриды. Правители России недальновидно жадно прихватывали все новые и новые пространства. Где уж тут было освоить их любовно, обжить, обиходить. Понаставили крепости, настроили хибарок-временок для их гарнизонов — и вперед, за новой добычей.

И что в результате?!

«...Огромные пространства легко давались русскому народу, но нелегко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем. На это ушла большая часть сил русского народа. Размеры русского государства ставили русскому народу почти непосильные задачи, держали русский народ в непомерном напряжении. И в огромном деле создания и охранения своего государства русский народ истощил свои силы», — горько констатирует Николай Бердяев в своей исполненной великой любви к Родине работе «Судьба России».

А поработанные, грубо притороченные к седлу завоевателя народы новоставляющейся империи разве забыли просто

так все, что им пришлось вынести в процессе жестокой экспансии?!.

И многочисленные жертвы проигранных ими сражений, и тяготы даней, и подневольную жизнь под властью лихоимцев-чужеземцев. И кровь, пролитую в бесчисленных попытках сбросить ярмо, обрести утраченную волю...

Все это сказалось, аукнулось, не могло не отразиться в наши дни.

Но это не единственное трагическое отражение в нынешних народных судьбах тогдашних событий. Оно страшно преломилось в судьбе русского народа и непосредственно в ту пору. Ведь именно тогда, когда русские государи неотвратно встали на путь создания имперского конгломерата, именно в пору удачных прихватов Изана III и Ивана IV русский народ — народ-победитель — потерял свою свободу. За блеском побед, под звуки благодарственных молебнов он как-то и не заметил, что эти государи своими законоуложениями прочно установили в стране крепостное право. Нет, наверное, это далеко не случайно, что одновременно с началом колонизаторской русской экспансии русский народ оказался «со связанными руками и ногами» (П.Я. Чаадаев «Письмо к А.И. Тургеневу»), стал единственным христианским народом, от свободы пришедшим к крепостной зависимости.

Воистину поработитель не может быть свободным...

УРАЛЬСКИЕ КОНКИСТАДОРЫ

Итак, в середине шестнадцатого, по рождеству Христова, века Урал и Приуралье почти полностью были присоединены к России. Свершилось событие, как вскоре же стало очевидно, великое. И не только для судеб нашей страны. Вхождение этих земель в Россию существенно сказалось и на последующей жизни многих государств.

Достаточно только представить, что случилось бы, если бы московские цари напугались мощи Сибирского, Казанского, Ногайского ханств (о которой, кстати, у них были довольно преувеличенные представления), не пошли бы с ними на бескомпромиссное противоборство ратью на рать. Тогда, вернее всего, они под началом осторожных воевод посадили бы в засеки по своим восточным рубежам ратников — на подступах к Волге и Каме — с жесточайшим наказом не тревожить «могущественнейших» соседей, не гневить их попусту. И тем на долгие времена превратили бы Приуралье и Урал, восточную русскую Украину, в подобие своей южной Украины, где на обширнейших просторах ничейного Дикого поля от граничных русских городков где-то у Оки вплоть до селений причерноморских татар несколько веков властвовала разбойная вольница, грозно накатывавшая валы своих опустошительных набегов то на север, то на юг, круша и выгребая подчистую нажитое тяжелым трудом имущество у попавшихся под разор несчастливцев.

Конечно, это только один из вариантов, но весьма возможный. Но просто прихватить в результате войн какой-либо

кусок территории — не значит автоматически сделать его частью другой страны. Чтобы это состоялось, чтобы часть стала неотрывным компонентом целого, необходимо их увязать, накрепко пересечь множеством связей — конечно, военных, конечно, политических, но в первую и главнейшую очередь — хозяйственных, культурных просто человеческих, и полезных, и необходимых. Сделать эти связи естественными, неразрывными, чтобы крушение их было действительно трагедией. Именно от успеха, темпа создания таких связей и зависит в конечном счете успех присоединения территории.

Налаживают связи территорий, конечно же, люди. И тем, какие они, как далеко видят, сколь глубоко мыслят, во многом, если не во всем, определялся успех и создания, и упрочения таких связей. Или — неуспех.

Естественно, многотрудную задачу — насытить «русским духом» новообетенные пространства — неуместно было бы возлагать на лихих рубак, завоевавших край. Для колонизации его нужны были люди совсем другого склада, с иным образом мыслей, иным умением, иной хваткой, наконец. Перед ними лежала обширнейшая, маловедомая страна, где только в южной части было довольно много обжитых, ухоженных мест. На всем же остальном ее необозримом пространстве — девственная суровая тайга, часто то вздыбленная крутогорьем, то прорезанная тут и там порожистыми долинами строптивых речек. И все это малообжитое пространство им предстояло обиходить, сделать не просто приемлемым, но и удобным для проживания. И не просто устроить села, города, не только распахать, засеять земли, но и отыскать в недрах их сказочные богатства. И обогатить ими себя и страну.

Не менее важной, хотя и не всегда вполне осознаваемой первыми колонизаторами, ставилась и исполнялась другая историческая задача — делать для коренных обитателей края русское присутствие сначала хотя бы терпимым, затем — насущно потребным, и в конце концов даже животворящим для дальнейшего становления жизни всех народов присоединенных земель. Ведь поначалу неимоверные слож-

ности, стоявшие перед людьми, решившимися поселиться и начать налаживать обычную хозяйственную жизнь в отдаленном и суровом крае, усугублялись еще и где глухим, а где и явным сопротивлением коренных жителей внедрению пришельцев. И сложности эти не облегчались тем, что отчаянные русичи селились в здешних местах с незапамятных времен, хотя, конечно, их деревни были почти незаметными в общей массе селений — небольшие вкрапления среди охотничьих и хлебопашеских хозяйств огромного разноязыкого инородческого мира. И факт, что эти русичи даже более враждебно зачастую относились к новым завоевателям — ведь именно от них, от боярской кабалы, от царевых целовальников бежали они в эти далекие украины, становились казаками, вольными людьми. И на тебе, вновь перед ними замаячило холопство. Чему же им было радоваться!..

Как видим, добросердечных пособников у первых русских освоителей края среди местных обитателей поначалу не находилось.

Правда, была за их спиной вся мощь Московского государства, да только царь-то обретался далеко, за тридевять земель, и все время с кем-то воевал, гарнизоны его ратников в новообретенных землях были малочисленны, разрознены, разбросаны на огромных пространствах. Пока от них помощи дождешься, враги успеют и жизни лишить, и нажитое увезти.

Так что первым русским людям, рискнувшим вложить свои силы и капитал в освоение уральских земель, приходилось надеяться прежде всего на себя, на свою удачливость, сметку и напор...

В эту-то пору в приграничном крае, будто по нарочитому заказу истории, появилась целая когорта отчаянных людей, которые не только решились взвалить на себя неподъемную ношу колонизации, не только не убоялись мощи ярого противодействия своей работе, но стойко и бесстрашно поволокли свой тяжкий крест, неотступно, многими годами, во всю свою жизнь, затем передавая дело детям, внукам, и достойно завершили сей подвижнический труд, облагородив и населив некогда почти безлюдное неудобье, раскрыв его уникальные природные богатства, заставив их служить людям.

Строгановы

Место правофланговых в этой поистине железной когорте русская история по праву отводит старинной русской семье Строгановых, богатых купцов, еще в пору правления отца Ивана Грозного примерившихся к торговле, к промыслам на северо-восточных московских рубежах. Строгановы и есть те первые русские деятели, осмыслившие и всю громадную прибыльность колонизации новых земель, и всю важность этого дела для Московского государства. Неколебимо убежденные в великом смысле своих трудов, эти люди из поколения в поколение творили пути новому хозяйствованию в здешних землях и искали сбыт производимым здесь товарам. Они основывали города, села, монастыри и строили флот. Заселяли пустовавшие земли и вели тонкую и умную политику вовлечения исконных местных обитателей в свои коммерческие предприятия.

Недаром известный исследователь их деятельности Андрей Александрович Введенский написал в 1962 году: «...в русской истории в этот и последующий периоды Строгановы являли собою более не повторившийся тип и русских Фуггеров, и русских Пизарро, и Кортеса одновременно...» Поясним: Фуггеры были в XV—XVII веках крупнейшими немецкими торговцами и банкирами, в частности снабжавшими деньгами Габсбургов, за что получали право на эксплуатацию серебряных и медных рудников в Тироле и Венгрии. Пизарро (1470—1541) — один из завоевателей Панамы и Перу, разграбил и уничтожил государство инков, основал город Лиму. Кортес (1485—1547) — служащий испанской короны, руководил завоеванием Мексики, первый ее испанский управитель в 1524 году в поисках морского перехода из Тихого в Атлантический океан пересек Центральную Америку.

А.А. Введенский глубоко прав и не вполне прав. Семейству Строгановых выпало свершить на Урале и в Сибири намного больше, нежели выпало на долю современных им знаменитых испанских и португальских конкистадоров в Америке. Строгановы не только отхватили новые территории для

своего государства, но и, грамотно освоив их, умело ввели в общерусский хозяйственный оборот, сделав неотъемлемыми, полноправными и, что немаловажно, процветающими частями Русского государства.

Конечно, была у них с самых первых пор козырная карта. Освоение края начато было ими с обнаружения и запуска в разработку крупнейших месторождений поваренной соли — продукта, которого на Руси тогда катастрофически не хватало. Издавна его ввозили из западных стран, и снабжение солью населения было в ту пору постоянной головной болью правителей. И вот, накопив опыт добычи соли на Усть-Вычегодском озере, Строгановы (прослышав, видно, что за сто лет до того купцы Калининковы наткнулись на камских берегах на богатые рассолы) рискнули обратиться к Ивану IV с неслыханной для купцов просьбой — отдать им малую, «пустую» часть новообретенных уральских земель, а уж они-то расстараятся, соль на всю российскую потребу добудут. И — на счастье и России и Урала — такое прошение было удовлетворено. Конечно, тут и подкуп повлиял, и лжесвидетельство «подставленного» аборигена. Но не в последнюю очередь решение такое, по мнению А.А. Введенского, было определено и тем, что царские ставленники просто были в растерянности — что же им делать с таким свалившимся на них нежданно огромным краем, который надо ведь как-то вводить под русскую юрисдикцию, благоустраивать, и прочая, и прочая. И предлог, что, мол, места здесь «пустые», незаселенные, был просто удобной ширмой для всех. Чердынские воеводы, как и столичные власти, хорошо знали, что на отведенных Строгановым землях жило местное население — аборигены края — татары и манси, и если они не облагались податями и ясаком, то были в этом виновны местные воеводы. Чердынским воеводам было удобно сбыть со своих рук громаднейшие территории, а вместе с ними и все заботы по обслуживанию беспокойного населения...

Так Строгановы получили простор и право для приложения своих сил и сметки.

И уж развернулись...

В роду этих деятельных людей немало видных фигур. И знаменитые организаторы Ермаковых походов Максим, Семен и Никита Строгановы, и славный помощник в делах Петра I Григорий Дмитриевич Строганов, и виднейший русский политический деятель, президент Академии художеств и попечитель строительства Казанского собора в С.-Петербурге граф Александр Сергеевич Строганов, и генерал, отличившийся в Отечественную войну с французами, Павел Александрович Строганов, и генерал-губернатор Александр Григорьевич Строганов, свою громадную библиотеку завещавший Томскому университету. Но и в этом видном ряду ярко выделяется фигура основателя многих зачинаний на уральской земле Аникия Федоровича Строганова, громадное влияние которого на века сказалось в жизни и Урала, и всей страны.

Чтобы хоть отчасти представить масштаб личности и дел Аникия Федоровича Строганова (1497—1570), попытаемся восстановить хотя бы один день из прожитых им неполных восьми десятков лет чрезвычайно насыщенной жизни.

Один день Аникия Строганова

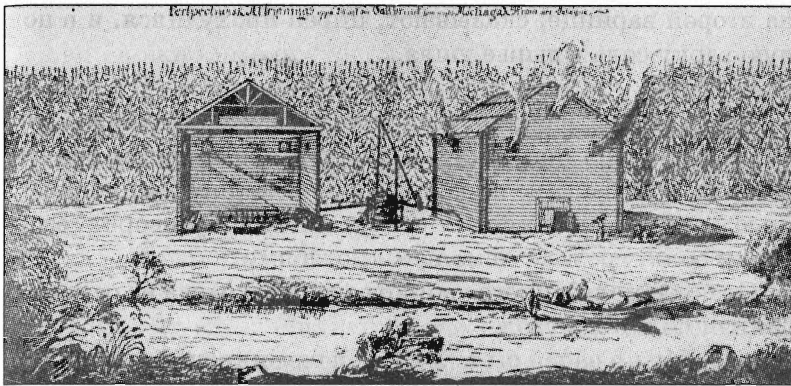
Итак, 1560-е годы, июнь. Недавно основанный Строгановым городок на Каме-реке.

На круче камского берега высится новый, споро возведенный опытными мастерами хозяйский дом. Собственно, построен не просто дом — то ли небольшой деревянный кремль, то ли основательно укрепленные огромные боярские хоромы. Осанистая двухэтажная господская домина состояла из сложной системы башенок, горниц, светелок, покоев, сеней, клетей, подклетей. Все это нагромождение помещений было тесно соединено затейливыми переходами, плотно окружено амбарами, складами, конюшнями, людскими «чюланами», пристроями для служб и охраны.

На обширном этом подворье даже ночью не стихает копошение. Бессонно постукивают колотушками сторожкие караульщики, скрипят экипажи, ржут лошади, выводимые то ли для готовящихся спозаранку отправиться в путь обозов, то ли для гонцов, которые в любой час стремглав могут сорваться с указа в любой конец обширной строгановской вотчины. А то и в Казань, Вологду, Москву, Колу на Мурмане, Бухару: что-то купить либо, напротив, придержать свой товар до настоящей цены, сменить нерадивого, наказать ослушника. Большое дело ведет Строганов.

Сам Аникий Федорович встает еще затемно. Едва проснувшись, он привычно, оборотясь к образам, осеняет себя крестным знаменем, как бы благодаря строго глядящего Спасителя за то, что уберег, дал проснуться здоровым, чтобы снова послужить ему во славу, себе не без прибыли. У Аникия с Господом сызмала свои, доверительные отношения. Пожалуй, только ему до конца и поверяет он самые тайные помыслы и ему с надеждой вверяет себя и семью свою: помоги, защити. А уж во славу Божию не одну церковь Аникий поставил и поставит еще. Но допрежь чем начать обстоятельную утреннюю молитву, разговор со Спасителем, Аникий семенит, зябко переступая босыми ногами, к открытому окошку — вслушаться в шум своего подворья, уловить его ритм, настрой. Не услышав ничего, что бы нарушало привычный разноразнобой обыденных звуков просыпающегося хозяйства, Строганов снова обращается к образам, побряхтывая, устраивает перед ними свои, уже прихваченные старческими хворями, колени. Творя утреннюю молитву, Строганов сосредоточенно проговаривает в себе и привычное, бесцельно уже им сказанное «Отче наш, иже еси...», и горячую просьбу-надежду, что Господь его не оставит, не откажет — «...хлеб наш насущный дашь нам днесь...» А не откажет потому, что церкви строил, и что в церкви вклады щедрые клал, и что милостыню сирым, как ни скуп, а всегда подавал, и, главное, — по слову Христову жил. Издавна Аникий в молитвах советовался с Господом, как в старину с отцом, что с юных лет воткнул его в дела свои громадные, и как бы договаривался с ним о помощи в каждом серьезном замысле.

Русские соляные варницы XVII в. Рисунок из книги Пальмквиста, Стокгольм, 1674 г.

Потому в молитве Аникия Строганова не однажды просительно протягивалось:

— Господи, сбереги от лихих людей караван мой на Казань, сбереги и сохрани животы рабов твоих... Спаси и сохрани...

— Господи, не обессудь, послал людей к иноверным, не прими обидой, что якшаюсь с ними, ведь и они тобою созданы, только не просветлены еще. Помоги в трудах, Господи, всем, кто в пути, молю, помоги...

Окончив моление, Аникий Федорович ополаскивался и стремительно одевался. Хотя и нечасто покупал себе новое платье, но исподнее его каждое утро привычно у кровати лежало свежестиранным — чистоту блюл Строганов истово...

В горнице Строганова уже ждали на столе стакан морса и хлебная лепешка. Возле стола — ночной дежурный дьячок.

— Доброго утра, Аникий Федорович!

— Доброго, доброго, — с маху проглотив с видимым удовольствием полстакана любимого брусничного напитка, Аникий взял другою рукой лепешку, но допрежь, чем куснуть, спросил привычно:

— Ну, как ночь-то прошла?

— Слава Богу, хозяин. Пожаров не было, о татях тоже никто не донашивал. Гонец вот только от чердынского воеводы прискакал. В людскую отвели попотчевать. — И, помолчав немного, стесненной скороговоркой добавил: — Вот

на второй варнице, сказывают, цирен прохутился, и в ночную варку соль в дырью ушла...

— Что?!

Весть была страшная. Цирен — четырехсаженная огромная квадратная жаровня, в которой шла выварка соли из рассола. Она была не просто сама по себе дорогостоящей вещью — ремонт и замена ее сейчас, в самый разворот сезона варки соли, грозили немалыми потерями.

От послемолебенного умиротворения и следа не осталось. Стакан полетел в угол.

— Сколько варей было до того в том цирене?..

— Да седьмая шла...

— Кто варь вел?

— Тимошка Лучок...

— Я в варницу пошел. А ты немедля сведай — кто циренные полосы ковал, кто цирен склепывал да чье железо на все пошло...

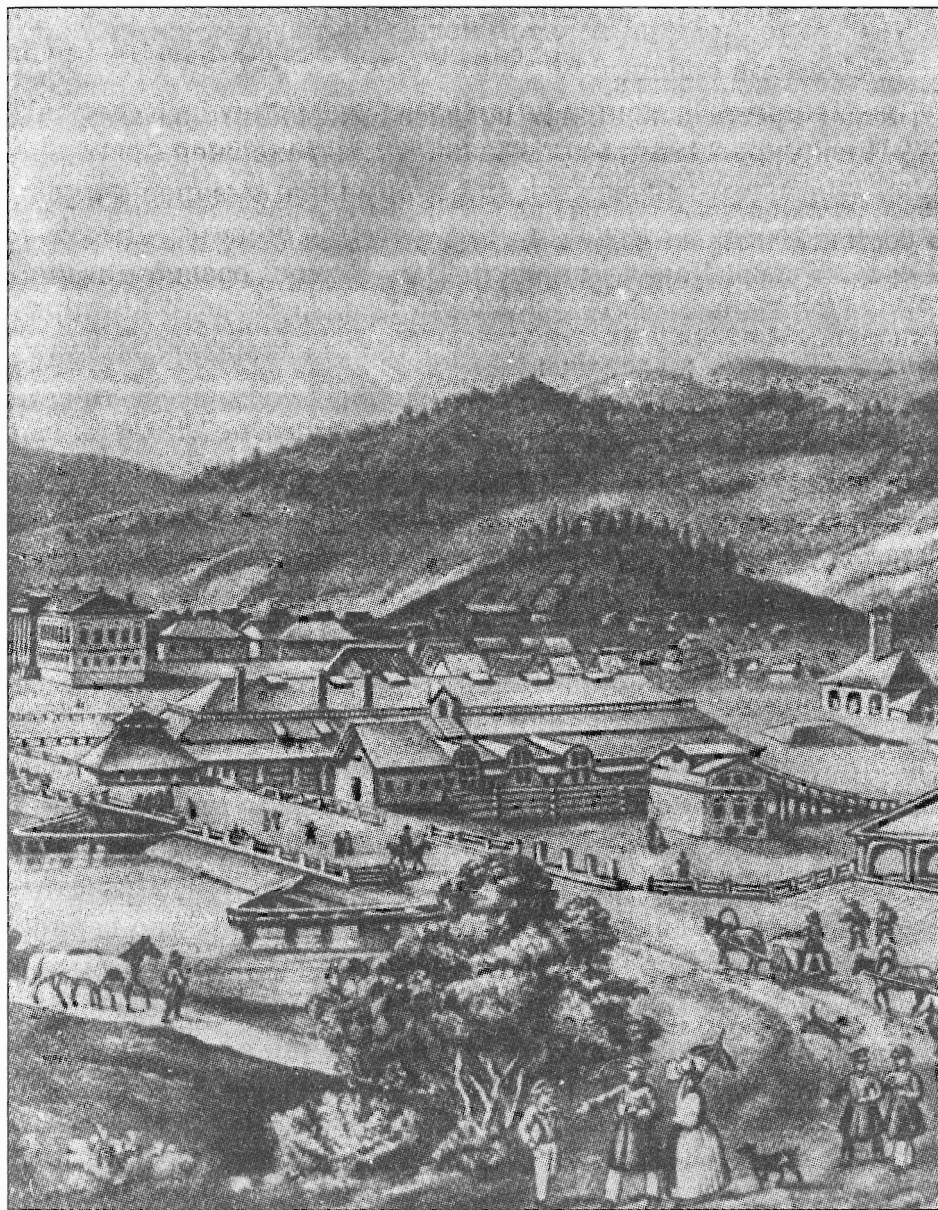
Уже рассвело, и весь обширный строгановский двор был заполнен людьми. Но еще издали, завидя расстроенного хозяина, челядь разбегалась, чтобы, не дай бог, не подвернуться под его горячую руку. Стремительно прошагав двор, взъяренный Строганов влетел в стоящую неподалеку варницу.

На первый взгляд все здесь было нормально. Работа шла заведенным порядком. Ярыжка вылил в ларь ведро с рассолом и, заглядывая туда, как бы раздумывал — бежать за следующим ведром или уж на две-то вари с лихвой натаскано. Под циреном в печи грудкой были сложены дрова и приготовлен запал. Возле устья печи громоздилась впрок наготовленная поленица. Повар, стоявший у печи неподвижно и молча, как раз когда вошел Строганов, широко осенил себя крестным знаменем:

— Ну, пора палить.

Он уже было пригнулся, чтобы разжечь припал, как на него сзади коршуном напрыгнул хозяин. Не ждавший, естественно, такого наскока, повар выпрямился, резко развернулся.

Распаленный Строганов пальцами, которые от переполнившей его злобы намертво скрючило, резко рванул рубаху на широкой поварской груди. От неожиданности инстинктивно шатнувшийся повар растерянно заморгал прижжен-

Миасский золотопромывальный завод.
(По литографии 30-х годов XIX века.)

ными от многих варок ресницами. Но, увидев за хозяйским плечом мелькнувшее лицо ночного приказчика, видимо, сообразил, откуда налетел на него злой ветер. Он обдернул рубаху и нарочито спокойно спросил:

— Ты че, хозяин, не с той ноги встал?..

Строганов опешил:

— Тебе что, Тимошка не передал, что цирен прохудился?!

Повар коротко ухмыльнулся.

— Да не тек он вовсе, хозяин. Нормальный цирен-то, только один гвоздь и отскочил, ну и вытекло немного. Дырка-то всего ничего. Дак я никого не баламутил, только кликнул Семена-кузнеца. — Он укоризненно повел глазом в приказчикову сторону. — Семен вот только новый гвоздь вставил и набил полоску. А весь цирен — добрый, еще всего-то семь варей делано.

Аникий Федорович хотя и успокоился заметно, но еще дышал нервно:

— А ну, пойдём, поглядим на эту полоску.

Они вскочили в обширное чрево железной коробки, дно которой было составлено из плотно сбитых друг с другом железных полос и обрамлено тоже толстыми железными бортами. Действительно, в полосе у передней стенки цирена синевой выблискивала шляпка нового гвоздя. Полоски были старательно сбиты без просвета между ними. Аникий спрыгнул на землю, пролез под цирен и посмотрел на аккуратную заклепку снизу. Подергал ее пальцем. Пошатать пытался. Не подалась. Посопел. Все было сделано верно и надежно. А главное — дорогая вещь оказалась не ломью, а вполне исправным инструментом, пожалуй, годным еще на 15—20 варей. Он разогнулся и успокоенно коснулся поварской руки.

— Добро сделал, добро.

Он занырнул рукой в карман старенького своего кунтуша и невзначай нащупал там утреннюю лепешку, неосознанно сунутую туда при вести о беде. Достал лепешку:

— На вот те пряника мово, поешь, не серчай. Да начинай с Богом.

И отступил в сторону, давая мастеру простор.

Засуетились ярыжки, до того зачарованно наблюдавшие стычку хозяина с мастером. Повар вновь перекрестился, строго сказал:

— Благослови, Господь. — И, запалив печь, сделал туда первый подсов дров.

Пламя загудело, заплясало огоньками по заброшенным поленьям. Чуть выждав, чтобы циренное чрево прогрелось, он жестом послал ярыжек прибрать, прочистить его огромное жаркое пространство. Танцуя на раскаляющейся жаровне обутыми в деревянные постолы ногами, ярыжки споро подмели вениками из березовых прутьев сор на цирене и вывалили его. Полицы уже выкаливались. Настала пора следующей операции. Ярыжкам поднесли в кулях тесто из ржаной муки. Они брали его мелкими горстями в рот и, жуя, насыщали слюной. Только когда тесто было хорошо прослунено, оно становилось годным для затирки им щелочек между полицами циреня и просветов возле гвоздей.

Наконец все щели промазаны, и ярыжки мигом соскочили с пышущего жаром циреня. Но не отдыхать присели, а враз дернулись к ведрам и, наполнив их в ларе с подготовленным рассолом, стали ждать команду мастера.

— Вали! — крикнул повар.

Вот рассол покрыл дно цирена, и Аникий стал внимательно всматриваться в пламя — не гаснет ли где оно, не пошаливает ли от просачивающегося раствора. Нет, все шло нормально: рассол стал закипать. Строганов повернулся и, успокоенный, вышел из варницы... Солнце уже стояло довольно высоко, и тут Аникий вспомнил, что еще с утра прискакал воеводин гонец, а он его еще не принял.

— Позови гонца в горницу, — сказал он приказчику.

А перед тем как встретить гонца, решил Строганов заглянуть в кузню, эту основу основ солеварного дела. Хотя весть о сломе циреня и оказалась малым испугом, захотелось ему проверить — всё ли там в порядке. Варка рассола требовала немалых подготовительных операций, самыми важнейшими и дорогими из них были кузнечные работы по изготовлению циреня, на что шло очень дорогое привозное железо. Цирен стоил раз в десять более, чем все остальное оборудование варницы. Надо было еще раз оценить наличный запас циренного мате-

риала да заодно и проследить, как идет у кузнецов работа: впереди весь варочный сезон, мало ли что может случиться.

В кузне, как было с самого начала поставлено во всех строгановских мастерских, работа кипела безостановочно целый день. Сновали ярыжки, опоясанные длинными клеенками, подавали поднос, заготовки, оттаскивали готовые поковки. Шипела, пузыря в чане с уксусом, только что брошенная туда раскаленная железная полоса.

Аникий Федорович остановился возле одной из наковален. Плотные, плечистые, полуголые, потом лоснящиеся подмастерья и молотобойцы играючи махались пудовыми болванками. Степенные бородатые кузнецы тонко вызванивали маленькими молоточками вперебой с громовым уханьем пудовых молотов, выводя точными, расчетливыми ударами затейливую вязь из раскаленных железных полос.

— Что это? — Заинтересованный Строганов тронул сзади кузнеца за оплечье фартука. Тот не остановил работу, пока несильными последними ударами не довел остывающий металл до какой-то лишь ему видимой ровности его поверхности. Лишь потом с достоинством разогнулся и повернулся к хозяину:

— Да, Аникий Федорович, ты же сам мне давеча указал для монастырского храма решетку изладить. Вот я, помолясь, такой узор и удумал. А втору-то половину я уж до конца отковал. Вона, в углу стоит...

— Покажь-ка, покажь.

Они подошли к узорчатой железной решетке, которая должна была встать в предалтарных вратах. В строгом и прихотливом сплетении чугунных полосок никак не ощущалось тяжести металла. Решетка казалась легкой, изящной. Строганов аж замер, восхищенный:

— Спасибо тебе. На славу постарался, мастер...

Аникий широко перекрестился:

— Угодное Богу с любовью творишь. Воздастся тебе...

Тут, оглядевшись, Аникий приметил приказчика, который в углу пересчитывал сваленные там железные греблы.

— Сколько у тебя припасов готовых для циренов?

Служка, видно, не нуждался в записях. Он быстро и точно назвал число готовых полиц, циренных ножек, дужек,

Русские рудознаты

молотов, двустенных и одностенных гвоздей, других припасов. Цифры Строганова удовлетворили. Похоже, на добрый десяток циренов припасов заготовлено. Однако не укрылось от хозяйского глаза и то, что служба вроде бы чего не дого-

ворил. Он поощрительно посмотрел на него: сказывай, мол, чего боишься...

— Что хочю сказать, хозяин. Вот припасено у нас и полиц, и грабель, и прочая, и вроде здесь все у нас ладно. Но, сам знаешь, не в одну варь ныне у нас железо идет. — Он для убедительности стал загибать пальцы. — Посельники крестьянствовать к нам едут — сечь лес, пахать, боронить, железо надо. Теперь исковой солевой промысел — это и на соляные трубы, чтоб пробить, и на обустройство их. Опять же лодьи и каменки, соль и товары возить — много строим. Везде железо надо. И почти все оно, железо-то, привозное, дорожее.

Все, что говорил сейчас приказчик, Аникий Федорович, конечно же, знал и не раз обдумывал сам. Особенно мысли эти скреблись в нем, как приходилось платить за ох и не дешевые же карельские крицы, не стыдясь, заламывали цену и свои, и заморские гости за тамошнее железо. И уже лет с десять, как выпросил Строганов у царя дозволения искать в своих землях железные и медные руды. Даже рудовщика велел на работу зазвать. Да все как-то не получалось свое железо варить. Но и приказчик, похоже, о том же знает. К чему же он клонит?

— Чаю, хозяин, деньги-то за то железо мы зряшные платим, — выпалил приказчик, будто откровение.

«Эка новость», — ухмыльнулся про себя Аникий, но виду не подал, слушал дальше.

— Так я, хозяин, знаю, как те деньги сберечь!

— Как же, поведай...

— Сыскал я человека, татарина тутошнего, он говорит, что здесь они исстари железные крицы варили. А варили из тутошних руд!

Как ни важна была новость, но и она для Строганова не была новостью. И до него такие слухи доходили. Только звоном звоном, а вот где колокол бьет?

— Я и подумал, хозяин, — как бы прочитав Аникиевы мысли, продолжил приказчик, — молоты-то языком они все горазды, да все ли знают, о чем молотят? Решил я свести с тем татариним дружбу. В дом звал, медом угощал. И как не-

давно сено косить место искать поехал, того татарина и звал с собой. Так он меня к такому месту и отвел. И на том месте, хозяин, в траве яма есть, а вокруг ее камень рудное набросано. Вроде и впрямь кто-то копался.

Строганов сосредоточенно обдумывал услышанное. В общем-то на такие закопушки и раньше его людишки натыкались, но почти все оказались мелконькими, руда была вся уже выбрана. Но все равно находка стоила проверки, и послать туда рудовщика следовало. И приказчика тоже следовало отличить. О хозяйском добре радение поимел, да и сметлив, умеет к местным татарам подходец находить. Но хоть и эта весть может оказаться без большой прибыли, пускать ее дальше не следовало. До руды здесь много охотников.

— Вот что, — Аникий произнес, строго и четко выговаривая слова, но так, чтобы слышал их только приказчик. — Ты мне сказал — и забудь. И татарин твой чтоб забыл. А если не забудет, то твое дело — чтоб о том более никто не узнал. Все понял ли?!

— Понял, батюшка!

— Теперь вот что. Скоро Яков в Москву поедет. Там он будет высматривать нужных нам людишек. Поедешь с ним. Поищешь рудовщика толкового... И вот еще. Я сейчас с Григорием собрался до обеда поглядеть на место, что он приметил. Говорит, добрая соль там будет. Посмотрю, может, и впрямь там трубу заложить можно. Потом поеду на пристань — гляну, как новые лодьи освящать будут. Если узнаю, какая нужда в железных поделках у Григория и на пристани будет, тебе об этом утром завтра скажу. Ты подойди перед отъездом с Яковым-то. Понятно?

— Да, батюшка...

— Вот и ладно. Однако заговорился я с тобой, гонец-то воеводин, поди, уж и заждался меня.

Гонец действительно заждался. Когда в горницу стремительно вошел Строганов, он мирно спал, развалиясь на пристенной лавке, и даже слегка всхрапывал. Но от стука распахнутой и затворяемой двери проснулся и мигом вскочил и выпалил:

— Воевода Лачинов велел сказать: обедать у тебя будет!..

— И всего-то?..

Гонец несколько помешкал, а потом негромко добавил:

— К нему от царя гонец приехал с грамотой. Вот он как прочел грамоту-то, тотчас и велел мне седлать и гнать сюда.

— Добро. — Аникий достал из огромного буфета, стоявшего у стены, пузатый лафитничек с заморским вином, налил взятый там же серебряный кубок. — Вот, выпей с дороги, притомился, поди. А кубок себе оставь — от меня на память.

И тут же хлопнул в ладоши.

В дверях возник дворовый.

— Проводи гонца отдохнуть. После кликни сюда хозяйку. — И уже вдогон уходящему слуге: — Да скажи Григорию, чтобы был готов. Сейчас поедем.

Почти тотчас в комнату вошла, придерживая оборки опашника, Софья, супруга Аникия. Он подошел, ласково огладил ее плечо.

— Воевода, Софьюшка, к нам на обед жалует. Скажи дочери, чтобы за поваром проследила, ну да она знает как. А стол накроешь в большой ослюдяной горнице, где клетка проволочная попугайска. Да поставь поболее ковшей серебряных. И часы немецкого дела туда же принеси. И сама приодень, что покраше.

— Хорошо, Аникий Федорович.

Софья, вторая Аникиева жена, хозяйкой здесь стала, когда Строганову было уже под пятьдесят годков. Так и не привыкла звать его по-другому — только полностью по имени-отчеству.

— Ну а я с Григорьем поеду, пора уж.

У крыльца столпилась кучка всадников. Григорий — средний сын Аникия Федоровича — был уже в седле. Возле него пятеро казаков. Один конюх держал в поводу лошадь для хозяина, другой стоял у ее стремени и, когда Строганов подошел, привычно помог ему взгромоздиться в седло. Казаки оправили луки, сабли, колчаны. У двоих были приторочены небольшие заморские пищали.

— Далеко ли ехать, Гриша?

— Нет, версты полторы всего.

— Ну что ж, тронем, благословясь.

Аникий Федорович хорошо помнил, как на него — еще совсем несмышленища, осьмнадцать лет едва сравнялось, суровый отец, не слушая ничьих предостережений, не колеблясь, возложил всю тяжесть ведения строгановского хозяйства в Соли-Вычегодской, очень скоро ставшего огромным, многосложным. Аникий помнил, как он поначалу совсем по-щенячьи барахтался в заливавшем его мире хлопот, как отец его жестко жучил за ошибки и в то же время постоянно поучал — не чинясь, ко всякому мастеру приглядываться, уметь уловить его умение. И перенимать лучшее. «Будешь чваниться — и сам дураком помрешь, и хозяйство в распыл уйдет», — сколько раз говаривал отец.

В той же науке сызмала держал Аника и своих сыновей. Вот Григорий — ладный соледобытчик будет. Умеет и место приискать, и трубу заложить. Но лишний раз его проверить — и делу польза, и самому сыну подмога.

Григорий тем временем принялся увлеченно рассказывать, как вышел он на знатное место.

— Надысь ездил я глухарей стрелять. Выехал на большую поляну. Вдруг лошадь моя морду вниз потянула да землю — хватить! Ну, я и оглянулся. Место низкое, болотное, почти вовсе безлесное. Я дале гляжу — а копыт-то, копыт вокруг на слежено и земляца как пожевана. Я соскочил, хватить клок — и впрямь солона земляца-то оказалась. Огляделся — вижу ключик небольшой. Вода-то сбегает, а по бережкам — соль белеется. Ну я и порешил: может, стоит заложить здесь трубу. Мастера с инструментом да ярыжками я еще наемни туда послал. Коли благословишь, завтра молебен отслужим и буровить там начнем. А дорогу туда пробить...

Григорий, вздрогнув, оборвал рассказ. Спокойный шум деревьев и звонкий пересвист птиц вдруг перерезал пронзительный клеточный свист. Мгновенно строгановская кавалькада оказалась окруженной десятком злобно орущих, дико визжащих людей, вооруженных кто длинным ножом, кто кистенем, кто рогатиной. Охнул казак, промедливший достать саблю — перешибленная дубиной правая рука его бес-

сильно вытянулась вдоль тела. Зато другие не растерялись. Почти враз блеснувшие клинки стали разить во что ни попадя — руку, лицо, затянутое в шкуру тело. Григорий рванул из седельного мешка маленький заморский фузей, где у него всегда уже была вбита пуля и порох закреплен на полке. Вмиг выбил огонь — и грохнул выстрелом.

Заверещав, нападавшие так же мгновенно, как появились, отхлынули в окружавшие всадников кустарники. Под ногами разгоряченных схваткой лошадей остались два неподвижных тела, да третий, по виду татарин, зажав рассеченное плечо, стоял невдалеке, пытаясь унять обильную струю крови, хлещущую из рассеченной вены.

Еще не отошедший от запала стычки казак, шумно матерясь, занес над ним саблю.

— Уймись! — резко выкрикнул Аникий.

Казак повертел саблей, как бы раздумывая, затем нехотя вбросил ее в ножны.

— Обиждёте их, — снова скомандовал Строганов.

Казака с перешибленной рукой окружили товарищи. Оказалось — кость не перебита. Татарину же туго перемотали руку, потом, когда кровь перестала течь, примотали уже обе руки накрепко к тулову и, накинув аркан, привязали к лошади одного из казаков.

Вся схватка заняла считанные минуты.

Подобные стычки были в общем-то обыденным случаем для Строганова. На обширнейшие земли, пожалованные ему царем, никак не приходил покой. На русские городки, на села, построенные строгановскими поселенцами, то и дело наскакивали или не смирившиеся с русским приходом ватаги татарских и пермяцких князьков, или бродячие шайки, которых развелось по русским украинам в пору бесконечных Ивановых войн великое множество. Страдали от них и большие караваны, снаряжаемые Строгановым и в Казань, и в Устюг, и в Москву, а уж нападения на небольшие группы путников были чуть ли не каждодневными.

Потому-то и на сей раз отряд почти и не обсуждал деталей стычки. Вскоре уже, молча, правда с большей долей стои- рожности, продолжил свой путь.

Место, приисканное Григорием, оказалось действительно недалеко.

У костра, в который для большего дымления был набросан хвойный лапник, сидели мастер, ярыжки. Несколько поодаль держалась ватага плотников, которых, убежденный в успехе начинания, прислал сюда Григорий.

Аникий Федорович сразу заметил и бульканье ключика, и серебристые полоски соли на берегах тянущегося от него ручья. Он, опираясь на казака, сошел с лошади и, пригнувшись, выгреб из-под мха кусок красноватой глины. Поглядел на нее, лизнул. Солона. Прошел к костру и, положив в него с краю этот кусочек, присел тут же, замерев в напряженном слушании. Подсыхая, глина слабо затрещала. Осторожно, веткой, Аникий выкатил комок обсохшей, растрескавшейся глины. Подождал, давая ему остыть, и осторожно лизнул снова. Сейчас же глина, как терпкая смоляная щепочка, присосалась к языку.

Аникий выпрямился, передал комок сыну, тот тоже лизнул его и, сплюнув, удовлетворенно сказал:

— Крепко липнет, однако.

— Да, по всему видать, место благонадежное. — Аникий еще раз осмотрелся. — Ну, так и порешим: отслужить завтра молебен — и начинай с Богом...

Еще с утра надумал Аникий Федорович заглянуть на пристань, где строились лодьи для караванов с солью и другими товарами. По несколько в месяц посылал их Строганов на ярмарки и в Москву. Надобность заглянуть туда определялась еще и тем, что кроме обычных шитиков и дощаников хозяин весной повелел заложить два корабля, годных для плавания по морю. Строили корабли шведские мастера, нанятые специально для этой цели. Планы Аникий с этими кораблями связывал большие. Еще когда он хозяйствовал в Соли-Вычегодской, один помор, много плававший и по Печоре, и по Студеному морю, рассказал ему, что если плыть от устья Печоры на полночь, то приплывешь к большой земле, стоящей в Студеном море-окияне. И чего только там нет: и птица непуганая, и живность всякая — медведи, волки, песцы. А уж моржей, китов, нерпы — и вов-

се несчетно. Аникий знал цены южных базаров на моржовые бивни и шкуры северных зверей. Давно затевал он поехать туда и, как бы для того, чтобы не забылась эта задумка, повелел в своей горенке настлать ковры из шкур белых медведей. И, никому никогда не проговариваясь, таил еще одно, что сказал ему тогда спьяну бывалый помор: мол, в земле той серебра в ведомых ему местах немало накопать можно...

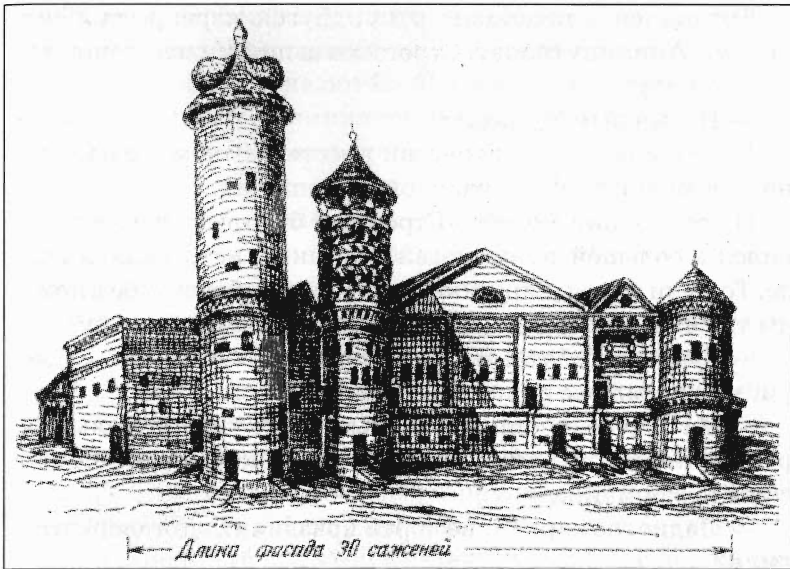
К берегу Яйвы, где ставились строгановские суда, доехали скоро. На верфи, как и на всех строгановских заведениях, шла обычная, не крикливая, но очень спорая работа. Строганов, несмотря на отдаленность и малонаселенность своих владений, собирал сюда мастеров со всей России и даже из-за ее рубежей. Кого выкупал из долговых ям, кого отбирал из пленных, но мастеров во все дела принимал отменных, ими дорожил и щедро их одаривал. И они дорожили работой на такого тороватого хозяина. Известно немало, как бы сейчас сказали, трудовых династий приказчиков, кузнецов, солеваров, поколение за поколением трудившихся в строгановских заведениях...

Строганов, остановив лошадь на взгорке, взглядом охватил всю панораму пристани. У трех только что отстроенных дощаников ладили мостки для совершения обряда окрещения судов. Священник из Романовской церкви уже стоял тут же и обстоятельно наставлял служек, кому и как держать икону, хоругвь, крест, как ходить с ними.

Дощаники строились подолгу — по году и более. Две сотни человек все это время безотрывно трудились над этим. Лес заготавливали строевой, доски с него топорами творили (работа эта была огромная — топором из дерева хорошо если две добрых доски выходило, а то и вовсе одна, так что на постройку лодьи топорами вытесывали доски из четырех почти тысяч строевых деревьев), остов ладили, досками его обшивали.

Потому на освящение лодей все пришли принаряженные, многие с женами, ребятишками.

Три мастера, главные именинники, казалось, и не готовились к торжеству. Они тесной кучкой стояли несколько

Хоромы именитых людей Строгановых в Сольвычегодске. XVII в.

поодаль и внимательно смотрели, как шведские корабли копошились на высоких мостках, крепя сложной вязью перемычек крутобокие стропила.

Аникий подъехал; один из мастеров подошел к нему, помог сойти с лошади.

— Здорово, мастера! С праздником вас, с освящением трудов ваших! — Хозяин широко, с чувством перекрестился. — Ну, пойдем посмотрим, как работа удалась.

Дощаники слабо покачивались на волне, поскрипывали, свежеструганные доски тут и там поблескивали янтарными смоляными каплями. Строгая шестиугольная форма лодей нигде не нарушалась неряшливым выступом, деревянные связи были тщательно сравнены заподлицо, а кое-где и выстраивали ладный фигурный узор.

— А и впрямь хороши. Молодцы, постарались, не забуду.

Тем временем все приготовления к молебну были закончены. Аникий Федорович подошел к священнику, склонился к его руке:

— Благослови, батюшка...

Тот степенно подставил руку, другою перекрестил склоненную Аникину голову. Строганов выпрямился, кашлянув, сказал попу:

— Начинайте, с Богом.

И, встав во главе процессии вместе с сыном и священником, совершил обход судов, окропление их...

По окончании молебна Строганов быстрым шагом направился к большой толпе людей в латаной, истрепанной одежде. То были судовые ярыжки, которых подобрали себе в команды три старых строгановских кормщика, стоявших тут же.

— Здорово, ребята! — приветствовал их Аникий. — Смотри, какие ладные дощаники вам сготовили.

— На спуске-то они все ладные, а вот ужо на мель напорются, там и поглядим — с хмурой улыбкой сказал широкоскулый кормщик.

— Ладно, не каркай, не порти праздник... Договор-то сладили?

Тут же, как из-под земли, из-за Аникиева плеча протиснулся вперед приказчик, ведавший заключением наемных документов.

— Вот, хозяин, все как обычно. Дощаники они зачнут снаряжать до Нижнего Новгорода. Каждый дощаник возьмет по 40 тыщ пудов соли, ярыжки соль погрузят. На бечевую тягу и погрузку людей довольно. Кормщики после выгрузки за всё получают по семь рублей, ярыжки по три рубли. Ежели за путь боле трех мелей случится и через них соль перетаскивать — дополнительно по десять алтын за сто кулей будет плачено...

— Довольны ли?

Ярыжки о чем-то заворчали, толпа подалась, окружила Строганова с приказчиком:

— Ты скажи ему, чтоб задаток дал! Чем харчиться-то будем?!

Приказчик быстро шепнул хозяину:

— О прошлый год Ярема-кормщик запьянствовал, на мель сев, сорок шесть кулей при переносе в паузки утопили, до сих пор недоимку с него не выправили...

— Дак ты с Яремой и считайся! Нас-то почто голодными послать хочешь! Не пойдем! — Толпа уже не просто роптала, ярилась.

— Тихо! — крикнул Аникий. — Не гомони все разом. А ты, — повернулся к приказчику, — не возьмешь правож с Яремы, с тебя взыщу: не потакай! Этим же задаток выдай — они-то перед тобой не винулись. Кормщикам выдай по два рубля, ярыгам — по шесть гривен.

— Спасибо, хозяин, — в пояс поклонился кормщик. Отслужим тебе, не сумлевайся...

Отойдя уже достаточно от толпы, Аникий Федорович сказал сыну:

— Менять этого приказчика придется. Менять... Не понимает он в деле главного. Ведь повезут они сотни тыщ пудов соли! А из-за копейки какой озлобятся да повредят на тыщу рублей. Нет, не умеет беречь добро по-настоящему. Надо сменить. Завтра же присмотри, и поутру об этом поговорим...

В Соль-Камескую Строгановы вернулись, чуть припоздав к обеденному часу. По двору уже водили выпряженных воеводских коней, его колымагу откатили в задний двор. Сам воевода стоял посреди горницы, восхищенно осматривая убранство нарядно украшенной комнаты. По сторонам во всю длину были размещены деревянные лавки с затейливой резьбой изголовий. Массивный стол с мореной дубовой столешницей был уставлен итальянского стекла бокалами, медными блюдами, серебряными кубками. Массивные немецкие песочные часы возвышались в другом углу. В красном углу в резном, кипрского дерева, киоте, в богатых золотых и серебряных окладах сияли десятка два икон. Перед каждой теплилась лампадка.

— Здоров, боярин! — Аникий шагнул в горницу, широко расставленными руками, всем улыбающимся лицом изображая великую радость принять важного гостя.

— Здоров и ты, свет Аникий! — чуть запнувшись, ответил боярин. Заминка его была понятна. Назвать хозяина как равного спесь боярская не давала, но роскошь, им увиденная, какую не в каждом княжеском дворе московском найдешь, не позволяла эту спесь выказывать. И вот он и выбрал такую форму приветствия.

— Прости, припоздал немного. Чать, изголодал совсем? Сейчас велю хозяйке стол собирать...

— Погоди со столом. Наперед надо дело обговорить.

— Обождут дела.

— Нет, не обождут, — негромко, но веско сказал Лачинов.

Аникий, кажется, ни в чем не изменил приветливости позы и лица, только внутренне напрягся. Да, видно, впрямь в царевой грамоте чердынскому воеводе была на него нешуточная вина возведена. Иначе не всполошился бы так воевода, не стал бы сам поспешать сюда.

В горницу вошла Софья, но не успела она и слова сказать, как по мгновенно брошенному взгляду мужа поняла, что ей здесь сейчас не место, и покорно вышла, притворив неслышно дверь.

Воевода грузно присел на лавку.

— Тебе государь сколько селитры позволил изделать?

«Вот оно что», — вздрогнул про себя Строганов. И сразу в голове метнулось гневное: «Кто донес? Что за ворога пригред я у себя? Ведь все делалось тайно. Знали только ближайшие. Кто вынес тайну?» Аникий ведал доподлинно — никому Иван Васильевич Грозный не позволит нарушать свою монопольную власть на выдел оружия и огненного припаса. Ослушники лишались и нажитого, и головы.

— Тридцать тыщ пудов, — гнул свое воевода — А наемдни до государя дошло, что твой Григорий выгнал вдвое больше. Государь велел мне, ни часу не медля, это дело разобрать.

«Что еще узнал царь?» — мучился в догадках Строганов. Но лицо его ничуть не отражало его дум. Оно тотчас приняло облик облыжно охаянного:

— Не грешен, воевода, поклеп это... Как указано государем, столь и выделано. Пуд в пуд.

— А вот дворовой князя Юрия Ивановича Токмакова посчитал, как те бочонки грузили с селитрой-то. Он под присягой твердит, что вдвое против дозволенного сделано.

У Строганова отлегло от сердца: хоть не от своих порча пошла! «Ишь, князюшка, потеснил я тебя на солях вычегодских, не дал скупить добрые участки рассольные, так ты вот как отомстить затеял». Но лицо сделал обиженное:

— Да врет тот челядинец. Князь-то мой давний недруг. Вот и нашел случай царю обо мне худое слово шепнуть...

— Чем же докажешь?

— Книги показать могу — все до пуда записано.

— Ну в книгах-то, известно, как написать, так и подсчитать можно.

— Окстись, батюшка. Да нешто такое можно? Если у купца в книгах нет порядка, то и в делах его нет. Быстро все добро упустит. Ну уж как книгам не веришь, то, пожалуй, сведу в подклеть, где все эти бочонки свалены. Сам там и сочти.

Строганов знал, что говорил. В подклети лежали именно те разрешенные пуды, бочонок в бочонок. Другой погреб, где лежало еще столько же, был схоронен надежно, и добраться туда воеводским людям не удастся. Так что предложенный им выход был беспроегрышным. Он давал чердынскому воеводе возможность лично «проверить» выполнение Строгановым царской грамоты...

Доверенный слуга Лачинова доложил: в подклети селитры ровно сколь дозволено, а сверх того нигде в подворье не обнаружено.

Лачинов понимал, конечно, что дыма без огня не бывает, и не такой уж простак Аникий Строганов, чтоб под дозволенное да не наварить еще столь нужного и дорогого припаса. Да выгоды-то ссориться со Строгановым нет. Уж он всяко вывернется, а каково потом воеводе с таким врагом? Ладно уж. Да и просто приятен ему был Аникий Строганов и уменьем встретить, и обхождением.

После обильного обеда воевода с видимым удовольствием прошелся по брошенной на пол шкуре белого медведя. Аникий заметил, как любовно погрузил тот носок сафьянового сапога в длинные густые шерстины. И тут же Строганов дал знак приказчику. Когда воевода уезжал, в тороках его колымаги плавно покачивалась тщательно упакованная в дюжюки огромная медвежья шкура.

Как знать, не от этого ли посещения завертелась в головах обоих сильных и влиятельных людей мысль сблизиться, та мысль, что вскоре проросла браком младшего сына Аникия и сестры Лачинова?

Проводив гостя, Строганов, по обыкновению, прошелся по двору. Зашел в счетную палату, посмотрел, как казначей

упаковывал очередной мех с сотней рублей, наклеивал на нем бирку со своим именем. Заглянул в мастерскую, где два мастера-серебряника по его указу из полученного серебра учились выделывать блюда и кубки по бухарскому образцу. Подошел к одному, взял почти готовую его поделку, поглядел на стоящий рядом бухарский кубок. Пожалуй, рисунок то сходен, только насечка была местами грубовата. Но, подумал, еще два-три блюда, и будут делать — не отличишь. Эх, кабы не обманул помор, да сыскать в Студеном море тот остров с серебром...

Зашел в следующую — иконописную мастерскую. Иконописная была его гордостью. Создал ее, чтобы снабдить иконами многочисленные церкви, утверждаемые им в устраиваемых в новом краю селах, и дать хотя бы по одному образу каждому христианскому дому, Аникий и здесь решил добиться возможно высшего качества исполнения икононого письма. Глубоко верующий сам, он полагал, что даже просто созерцание чистой, талантливой рукой выписанных святых ликов уберезет людей от ненужной, постыдной, мелкой греховности. И денег не жалел, чтобы привлечь в свою мастерскую способных мастеров. Вот Истома Савин, способнейший рисовальщик. Из-под его руки выходили столь благолепно-чистые лики святых, что при взгляде на них у Строганова всегда слеза туманила взор и хотелось уйти от всей этой суеты всегдашней и тихо молиться, глядя на них, просить смиренно о прощении за несчетные грехи свои, за помыслы греховные, за ложь, которую вынужден каждый день творить в своем сложном торговом деле...

Взгляд Аникия Федоровича задержался на незнакомом человеке в монашеской одежде, который, склонившись у окна, острой иглой уверенно наносил на левкас контур святого семейства.

— Кто это? — спросил тихо у приказчика мастерской.

— Монах-расстрига. Вчерась толькo к нам прибежал. Решил испытать. С хорошей рукой иконописец. Из Сергиева посада.

— За что расстригли?

— Пьет неумеренно. А мастер, по всему видать, отменный.

— Тогда вот что. Ты ему денег дай, сколь попросит, дай. Да чулан в людской отведи сухой. Пусть поробит.

— Исполню, хозяин. — Приказчик согнулся в глубоком поклоне, не столь из почтения, сколько чтобы скрыть скривившую его губы ухмылку. Ай, хитер Аника Строганов! Дать денег пьющему человеку в долг да волю — он тут же их и пропьет. А пропьет — уже и в кабале. А там — куда уж от нас денется... Хитер хозяин.

А Строганов уже рассматривал иконы, подготовленные к отправке в основанный им Пыскорский монастырь. Он с самого начала распорядился, чтобы венец Богородицы был обрамлен жемчугом. Но на двух иконах жемчуга не было.

— Почему здесь жемчуг не выложен?

— Не хватило, хозяин. Вместо ста сорока горошин жемчужник выдал только сто.

— Позови его сюда.

Слуга поспешно бросился вон. Но приказчик, отвечавший за работы на жемчужных промыслах Строгановых, оказался в отъезде — срочно выехал за очередной партией жемчуга, который строгановские ловцы выковыривали из специально разводимых раковин на заводи в реке Иксе, в четырех верстах от Сольвычегодска.

— Как вернется, поставит его на правож. Дабы впредь знал — без запаса вести хозяйство невозможно.

Аникий Федорович, осердясь, не сдерживался, и кто в такой момент под горячую руку попадал, мог и батогов получить, и просто кулака хозяйского отведать. Потому в мастерской все притихли и низко склонились над работой.

— Ишь, варнак, — уже отходя, проворчал Строганов, но тут же распорядился: — Надо еще проверить — не своровали ли! Ну погоди, коль счета не сойдутся! Сейчас же и проверить его книги!

На залитом предвечерним солнцем дворе отвлекся хозяин на мельтешение дворни, повизгивание горничных девок, выбивавших пыль из ковров, ругань поваренка, у которого собака стянула кость от разделываемой им телячьей туши. Сквозь привычный гомон подворья до слуха Аникия Федоровича донесся отзвук дальнего колокольного звона.

Строганов сладостно выделил в его переливах ровный басовитый голос главного колокола Пыскорского монастыря. Этот колокол, выделки именитого мастера, Аникий привез из Москвы. И сейчас, слушая его, вновь порадовался, что не пожадничал, переплатил изрядно, но перехватил у князя этого, как бишь его... И сразу, поймав себя на суетливой гордыне, зачастил мелкими крестиками: «Грешен, грешен, прости мя Господи...»

К Строганову подошел старший его сын — Яков.

— Отец, ты велел мне быть у тебя сразу после обеда...

— Да, пойдём-ка в горницу. Надо, надо поговорить.

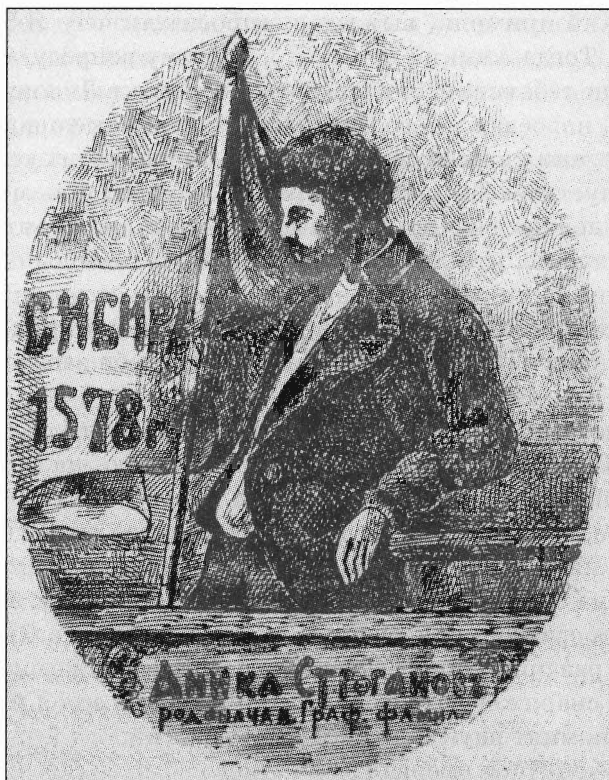
Они прошли по длинному ряду светелок, горниц, переходов, пока не пришли в небольшую комнату в глубине дома — кабинет хозяина, куда без спросу не мог входить никто из домочадцев. Здесь даже убирали только в его присутствии.

— Садись, — указал он Якову на резную скамейку. Сам присел возле заморского стола, разделенного на десятки разной величины ящичков, полочек, ниш.

— Ты собрался уже?

— Да, отец, сундучок собран, подарки дьякам и приказным по твоему списку уложены. Иконы боярину уложены в плетенку, а ширинки персидские, шитые золотом, для государя, соболя ему же повезут в возке. На охрану поклажи взял еще десять казаков с фузеями.

— Ты, Яков, вот что, — заговорил Аникий Федорович, поначалу замедленно произнося слова, видно в последний раз раздумывая, стоит или нет завести сейчас этот разговор, поведать сыну сокровенную свою думу. Видимо, порешив, что стоит, он продолжил уже уверенно: — Ты ведь знаешь, посылал я верных людей на Камень к тамошним татарам. Велел им разведать — как живут, что имеют, так ли богаты их места пушным зверем, рыбой, можно ли пашни заводить. Вызвать, что еще там хорошего есть. Потом и за Камень я людей с тем же посылал. Полмесяца назад пришли оттедова людишки-то мои. Все те места осмотрели. И сказывают — благодатнейшие края, привольные, красивые. И все там изобильно. Вот соболя ты царю везешь. Лучше этих соболей я не видывал. Они их оттель принесли. И как взяли-то: тата-

Аникий Строганов

ры с большой охотой выменивали шкурки на всякие мелкие железные поделки, бусы, кольца. В местах тех не только зверя и птицы в изобилии. Там и хлеб растить можно. А на Камне, сказывают, татары и железо, и серебро копают... Так вот, надумал я те земли к нашим пристегнуть.

Аникий бросил быстрый взгляд на сына — как он принимает сказанное. Яков сидел недвижно, только в частом помаргивании век выказывалась работа его мысли.

— Так что ты там по приказам-то государевым походи да разузнай, есть ли на пустые те места охотники ими владеть. Может, из ближних бояр кто, из князей. Но пока доброго о тех местах не говори. Пустые, мол, а боле, мол, ничего не знаю...

Аникий примолк, выжидая, спросит ли чего Яков. Тот молчал. Тогда Аникий перешел к другому вопросу.

— Еще тебе есть важная работа. Государь в Ливонии, скаывают, навоевал много пленных. Мне он как-то пообещал для заселения нашей земли из тюрем московских тех пленных отпустить. Ты по тем тюрьмам походи, присмотришь. Нам не всякая сволочь нужна. Кто корабли строить и водить искусны, кто лекарить может, дома, заводы ставить, рудовщики, по ремеслу мастера. Но коль скоро нужного человека присмотришь, не жалея денег, коли придется на выкуп пойти. Помни — умелый человек себя завсегда окупит.

И еще. Намедни в кузне приказчик мне толковым показался. Ты его с собой прихвати в Москву-то, на этом деле испытай: как человека видит, как мастерство отличает... Вот и все, пожалуй. Все ли понятно тебе, что сделать надоть?

Аникий смотрел на сына, на напряженное лицо его, и теплая волна отцовской гордости прогрела ему душу. Яков не бросился сразу ни с заверениями, ни с вопросами. Он, видимо, еще раз примеривал заданную работу и тут же оценивал, всем ли снаряжен, чтобы ее выполнить. «Не зря я их учил, не зря, помнят науку», — подумал Аникий.

Наконец Яков прервал молчание.

— В Москву мне, отец, ехать не впервой. Дорогу в приказы знаю. И государю поклонюсь как должно. Насчет работников тоже обговорено. Кого надо, не упущу. Тогда только надо больше отсюда лошадей и возков брать. Мастеров, по всему, немало прикупим. Не пешком же им тыщу верст идти. Опять же справу их везти, скарб какой-никакой. Возьму-ка я еще с десяток возков. Да навалю в них соли. Хоть обычно гужом соль возить невыгодно, но здесь внакладе, пожалуй, не будем. По дороге соль понемногу продадим, где подороже. А деньги на покупку лошадей и возков в Москве-то сбережем. Там-то они насколько дороже стоят.

Якову действительно не впервой было выполнять ответственные поручения отца. Он и в приказах всех дьяков нужных знал, и государю сумел приглянуться сметливой и ладной речью. Не терялся, водил караваны и к немцам, и в Бу-

хару. Так что старый Строганов был уверен: все будет исполнено, как задумано.

— Грамоты к царю и в приказы уже написаны, возьмешь их у стряпчего в приказной.

Аникий уже готовился отпустить сына и поднял руку, чтоб перекрестить его, но поднятая рука его напряженно повисла в воздухе. В доме послышался шум, вырвались женские крики; топот бегущих ног стремительно близился к строгановскому кабинету.

— Уж не пожар ли?! Иль татары напали?!

— Нет, отец, тогда бы в набат били, что-то иное.

Наконец кто-то подбежал к двери и, что было неслыханно, без стука, спроса, зова, открыл ее. Аникий Федорович увидел задохнувшегося от бега и собственной смелости челядинца.

— Что?

— Ох, хозяин, — продохнул слуга, — беда!..

— Какая беда?!

Но челядинец только повторял побелевшими от испуга губами:

— Ой, беда, беда...

Аникий злобно толкнул его в грудь, освобождая дорогу, и стремительно выбежал в горницу. На лавке у окна лежала его жена, бледная, с закинутым лицом, видимо, в глубоком обмороке. Вокруг нее испуганно хлопотали служанки, дворовые девки.

— Яков, беги за лекарем! А вы брысь отседа, чего раскудахтались!.. Аришка, расстегни ей ворот-то, расстегни!

Прибежал лекарь-немец, на ходу еще расстегивая свою большую кожаную сумку. Выхватил из нее какую-то склянку, поднес к носу лежащей женщины. Софья слабо шевельнулась, открыла глаза, некоторое время как бы определялась, где она, и тут увидела склоненное к ней лицо мужа. Глаза ее вмиг налились слезами.

— Доченька-то наша...

Успокоившийся было Аникий вновь напрягся.

— А с ней-то что?

— Сбежала она! — всхлипнув, в голос заревела Софья.

— Куда?.. С кем?.. — Но от голосившей жены он уже ничего более добиться не смог.

Из толпы дворовых девушек высунулось веснушчатое личико:

— Так к казаку своему!

— К какому казаку, что ты мелешь?

— Дык известно к какому. Что весной с Волги пришел. У него еще и сабля такая узорная, и шапка. — Под свирепым взглядом хозяина девчушка смешалась, задвинулась за чьи-то спины и уже из-за них закончила: — И волос кудрявый.

— Ой, лихо! — всхлипывала опамятовшаяся Софья. После обеда-то она и говорит; пойду, мол, прилягу, матушка. А погода немного летник для нее новый принесли, пуговики серебряные метить. Я и вели ее крикнуть. А ее — ее и нету... Девка-то говорит, собрала она узелок — и в окошко.

Наконец поняв, что к чему, Аникий быстро разобрался, кто видел последним дочь, куда она шла, и тотчас выслал десяток верховых вдогон.

Не прошло и получаса, как с караульной башни крикнули:

— Вона, вертаются! И девку везут!

Строганов рванулся на вышку. Действительно, через луки передних всадников были переброшены связанные два человека. Аникий сбежал с вышки и скорым шагом направился к верховым. Те перешли на шаг и уже тихо подъехали к хозяину, застывшему у крутого поворота дороги на обрыве обтекающей двор реки. Скрученных беглецов поставили перед ним. Проминая руки, ища им положения, чтоб не так давили ремни вязки, они молча стояли, выпрямившись во весь рост. Девушка была тиха, спокойна, с лица ее постепенно отливала краснота, которой оно налилось, пока их везли. Казак, видно, отчаянно оборонялся. В рванинах его одежды видны были кровавые ссадины. Кровь сочилась и из уха... Все стояли молча. Только один из спешившихся слуг сказал негромко:

— Недалече совсем и ушли-то. С версту, не боле...

Строганов стоял, тоже не шевелясь, высокий, сухой, сутулый. Изрубленное глубокими морщинами лицо его посерело. Под глубокими западинами щек взбугрились холми-

ки желваков. Тихо стояли слуги. Безмолствовала и толпа дворовых, вышедших вслед за Аникием. Молчала и мать, боясь даже всхлипнуть, и только тонкие струйки слез неостановимо стекали с ее щек.

— Так вот кого ты выбрала, дочь, — неожиданно тихо не выговорил — просипел Строганов.

Та подняла голову, видно, не в мать, в отца сильная духом, не страшась, встретила буровящий взгляд его:

— Да уж не твой телок боярский.

Аникий не шатнулся, так же тихо ответил:

— Что ж ты мне не сказала? Не неволили ведь. Могла бы любого выбрать...

— Как же, любого. Любого, кого ты укажешь... А мне вот его надо, — сил у девушки, видно, уже не оставалось, и только строгановская гордыня заставляла ее твердо выговаривать слова.

— Да ведь голь он, казак перекатный, бродяга бесштаный!..

— Я и знала, что не благословишь, — дочь вздохнула и добавила: — А без него нету мне жизни...

— Родителей не почитаешь! Бога гневишь! Поди, еще и выблядка в подоле принесешь?!

Дочь не ответила, только побледневшее лицо ее слабо покраснело.

— А-а-а! — вдруг бешено закричал Строганов. — Ты... ты!..

Неожиданно шагнул к дочери, крепко рванув за ремни, с невесть откуда появившейся силой взметнул ее над головой — и швырнул под обрыв в самую середину темневшего там омота. Раздался негромкий шлепок тела о воду, всплеснулись брызги. Булькнули несколько больших пузырей, потом еще несколько, поменьше. И наконец вода успокоилась.

Потрясенная толпа, не шевелясь, смотрела, как Строганов, бешено озираясь, затряс руками, потом зачем-то потер их одну о другую и, будто отирая, несколько раз с силой провел ими по груди. Потом повернулся и, покачиваясь, как невидящий, побрел к дому. Толпа расступилась. Возле беззвучно свалившейся матери захолопотали девки.

Аникий прошел к себе.

Весь обширный двор притих...

Уже солнце садилось за сумрачные ельники, окружавшие город, уже и ужин был подан дворне, а Строганов все не появлялся из своего покоя, и в доме все так же стояла тяжелая тишина, которую не нарушала даже неслышная беготня дворовых, отхаживающих Софью.

И лишь когда ночные караульщики, постукивая колотушками, принялись обходить подворье, боясь нарушить заведенный хозяином порядок, «большой дьячок», главноуправляющий хозяйством Строгановых, принес, в час, уже десятилетиями установленный, показать Аникию книги с итогами дневных дел. Боязливо поскребся в дверь.

— Входи, — тихо донеслось из покоя.

Опасливо пригибая большую лысую голову, дьяк осторожно втискивался в дверь, пытаясь еще на пороге уловить настроение хозяина.

— А, это ты... — Аникий сидел у стола. Тело его было плотно вжато в стул. Руки обвисли. Голова запрокинута на резное изголовье.

— Все книги принес?.. Начни с казначейских счетов, — так же тихо приказал Строганов.

— Сегодня запечатано семнадцать мехов по сто рублей...

— Почто много так, вчера говорили о тринадцати?

— Таможню обошли маненько, Аникий Федорович, — мелко подхихикивая, сказал управитель.

— А воевода не взъярится?

— До него не дойдет, целовальнику мы пудовик соли свалили.

— Сколь сварено всего за день?

— На здешних пяти варницах 100 пудов, да еще на вычегодских столь же...

— Значит, за год у нас будет...

— 6000 пудов, — быстро подсказал дьячок.

— Это что же, почти вдвое больше, чем все остальные наши соседи здешние варят?

— Истинно так, хозяин!.. Так что на всех рынках уже наша цена устраивается. Почти все мелкие хозяева нам свои варницы продали. Только Бутусовы еще держатся да Гогунины.

— Ну, и этих черед станет, — вымученно усмехнулся Строганов.

Заведенный порядок подведения итогов дня втянул его в свой круг и отвлек от всего остального.

Он быстро проверил счета по основным отраслям своего хозяйства: и ростовщические записи, и приход-расход пушнины, попрекнул уменьшением выделки кож, указал сократить расход на содержание дворни — в постные дни чтобы только постное было. Мало что в дворовых его служащих много было и поляков, и немцев, и англичан, которым православные дни не указ.

— Да, Василий, сведай-ка по писцовым вотчинным книгам, где точно наша земля на полудень по Чусовой кончается. Григорий сказывал, что от охотников сведал, там где-то земля есть, что звери жуют. Наверное, соляное место, так надо, чтобы оно наше было.

— Будет, хозяин, не сомневайся, будет.

— Ну, иди с Богом.

Короткое летнее северное затемье опустилось над Солью-Камской, Орлом-городком (Жергеданом), Камгортом — ставленными Аникием городами. Притихло и большое строгановское подворье. Спали холопы, иконописцы, кузнецы. Спала напичканная лекарем заморскими снадобьями несчастная жена Аникиева.

И только сам хозяин, распластанный, руки крестом, лежал в молельной своей комнате перед резным кипрским китом и, беззвучно шевеля губами, пытался поведать что-то такое, что мог знать только он и Бог. И суровый лик Спасителя сосредоточенно и печально смотрел на распластанного человека. И в мерцании колеблющегося язычка пламени в лампадке казалось, что иногда его губы тоже шевелятся в ответ...

Кто ты, Ермак Тимофеевич?..

Я вижу ошибочность некоторых сообщений в каждой летописи и ни одну не считаю вполне достоверной с первого до последнего слова. Таких летописей нет и не могло быть...

*Дмитриев А.А.
К истории Сибирского
вопроса // Пермский край.
Пермь, 1895.*

Одно из самых ярких событий поры начальной колонизации Урала — бесспорно, организация похода «за Камень» казачьей дружины Ермака. Похода, завершившегося сокрушительным разгромом войска сибирского царя Кучума, фактически положившего начало быстрой русской колонизации сибирских просторов по всей их протяженности — от лесистых уральских круч и до самых тихоокеанских вод.

Вот уже четыре века Ермак — повсеместно признанный национальный герой русского народа. Его деяния внесены в скрижали летописей. Огромное число историков перерыли мегатонны архивных бумаг, охотясь за малейшими упоминаниями деталей его поразительной сибирской эпопеи. Писатели, поэты на самых разных языках прославили его дела. И что, наверное, выше всего, благодарная память русских и уязвленная память татар в бесчисленных песнях, легендах закрепила за ним навечно место в пантеоне самых значительных деятелей своего времени.

До наших дней дошли несколько портретов Ермака. На них изображен плотный чернобородый, уверенный в себе человек. Отблескивающая броня доспехов. Грозное оружие в сильных руках.

На портретах он спокоен, взгляд широко посаженных глаз сосредоточен и мудр. И таинствен. И таинственность эта живописцами не придумана. Она естественна для человека, о котором написаны эвересты тонких и толстых книжек, но в которых — что больше всего и поражает читателей — более

или менее соотносятся описания только последних года-двух его невероятной судьбы. Об этом писано-переписано. И пересказывать подробности громких Ермаковых походов и побед здесь неуместно. А поговорим о том, что до сих пор вызывает споры исследователей и взаимоисключающие выводы многих читателей многонациональной страны.

Да, Ермак приплыл на Иртыш — все в этом сходятся. Да, в нескольких жестоких сечах разметал Кучумовы рати. И это ни у кого сомнений не вызывает. А до того?! Откуда он взялся, этот герой? Как попал на Урал?.. Как занесло его в Сибирь?..

У историков об этом нет единого мнения. Даже в толковании имени его специалисты определяются так: «Если по мнению такого-то, то... а вот а грамоте такой-то он назван...»

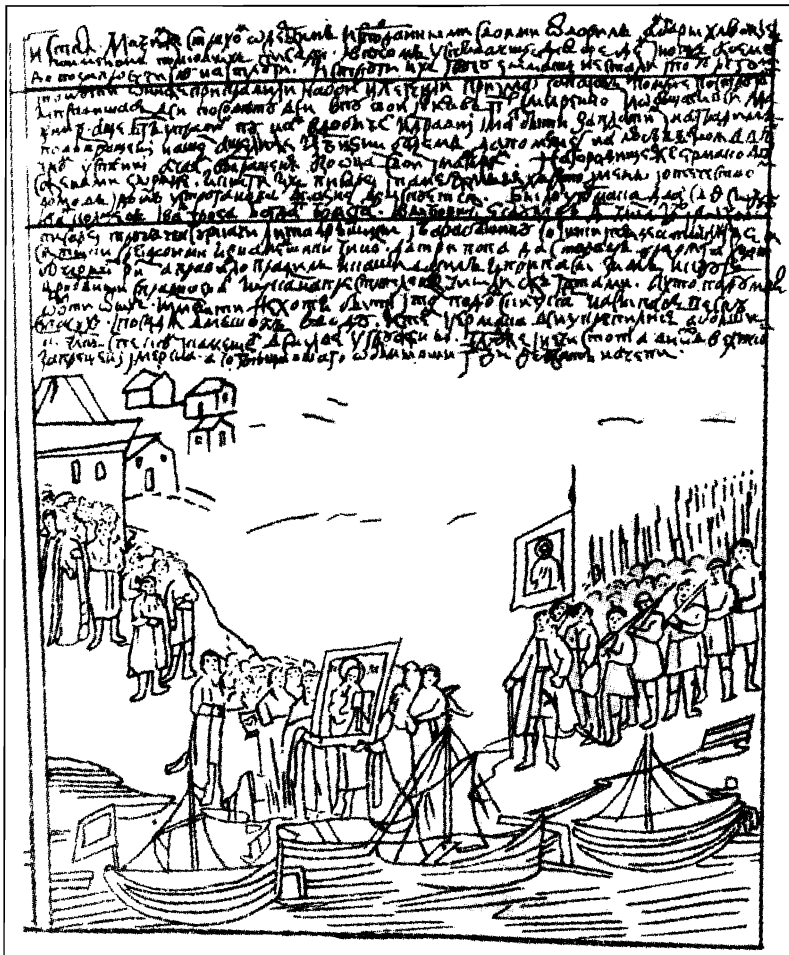
Так что понятен абзац величайшего знатока русских летописей и архивов Николая Михайловича Карамзина, которым он посчитал необходимым предварить в своей «Истории государства Российского» описание Ермаковой сибирской эпопеи: «Начиная описание Ермаковых подвигов, скажем, что они, как все необыкновенное, чрезвычайное, сильно действуя на воображение людей, произвели многие басни, которые смешались в преданиях с истиною и под именем летописаний обманывали самих историков...»

Конечно же, сделать обзор всех этих «обманов» невозможно в одном очерке. Поэтому здесь мы попытаемся коснуться только нескольких аспектов освещения в летописях личности Ермака и его предсибирской жизни.

В науке бытуют сегодня четыре основные точки зрения на появление Ермака на Урале. Приведем их по хронологии появления.

1. Его привела в Сибирь неумемная страсть к прикарманиванию чужих богатств, которую он до того успешно утолял, грабя всех, кого ни попадая, на нижневолжских просторах. И где ратники Ивана Грозного так прищемили ему хвост, что он вынужден был срочно перебираться в места, более для таких дел благоприятные.

2. Его призвали защищать от набегов инородцев свои владения прикамские богатеи Строгановы.

Максим Строганов встречает прибывающего в Чусовые городки Ермака с дружиной

3. Казачий атаман Ермак самозванно возник на строгановских землях. И они, чтобы избавиться от присутствия у себя могучей шайки разбойников и в то же время чтобы получить себе добрый навар, уговорили атамана направиться в Сибирь, где от богатств всяких у тамошних татар короба лопаются, а уж они Ермаку помогут и порохом, и едой, и проводниками.

4. Ермак Тимофеевич — один из военачальников казачьих формирований на правительственной службе, был в срочном порядке, по докладу приуральских властей, направлен с западного фронта, где он сражался с поляками, на восточные рубежи государства, где резко обострилось сопротивление местных жителей русским колонизаторам.

Первая точка зрения основана на старейшем из дошедших до нас письменных источников, описавшем Ермаковы подвиги, — так называемой Есиповской летописи. Летопись эту закончил составлять в 1636 году в Тобольске дьяк Савва Есипов. Приказал ему совершить эту работу архиепископ Тобольский Нектарий. Владыка повелел дьяку порасспросить оставшихся в живых казаков, сподвижников Ермаковых, почитать рукописи татарских летописцев и дал в пользование синодник казачьей дружины. (Синодник этот был составлен в 1622 году казаками Ермаковой дружины по просьбе предыдущего тобольского преосвященного — Киприяна, который попросил их тогда же и составить «Написание» о том, как они «приидоша в Сибирь».) По есиповским записям судя, казаки эти действительно вволю наразбойничались на волжских струях, а потом присланное царское войско заставило их искать новое место для грабежа, и они, посоветовавшись, решили — давайте махнем в Сибирь, там уж московский царь нас не достанет, там уж мы вновь разгуляемся. О Строгановых Есиповская летопись совершенно не упоминает. И только в одном из ее позднейших списков глухо звучит фраза, что, мол, что-то подобное где-то записано. В общем, нападение на Сибирь казаков Ермака — их личная идея и присоединение Сибири — их личная заслуга.

Такая точка зрения устоялась. У нее были и есть сторонники среди известнейших дореволюционных и советских историков. Что ж, может, так все и было. Только уж больно похоже на рядовой былинный сюжет.

Вторую точку зрения обосновывают, прежде всего, так называемая Строгановская летопись и несколько царских грамот, тексты которых с ней согласуются. Главным моментом этой летописи является сообщение, что 6 апреля 1579 года Максим Яковлевич Строганов отправил гонца на

Нижнюю Волгу к тамошним казакам, приглашая их к себе на службу и суля за то всякие блага. Опять же понуждаемые царской погоней, казаки с радостью ухватились за такое предложение и почти немедля прибыли в строгановские владения. Строгановы их приняли очень радушно, и не только приветили и кормили два года и два месяца, но, истратив на их снаряжение, по некоторым источникам, около 20 тысяч рублей (деньги очень немалые), дав им и харч на дорогу, и проводников, отправили покорять Сибирь.

Все изложенное в версии Строгановской летописи очень возможно, и ей доверились и Н.М. Карамзин, и С.М. Соловьев, и ряд других виднейших историков. И действительно, почему бы ей не верить? Строгановы действительно страдали от набегов и непокорившихся местных князьков, и воинственных сибирских мурз. И действительно у царя не хватало войск защитить надежно все свои владения. Строгановы хорошо усвоили урок 1552 года, когда жители Соликамской молили государя о помощи от осадивших город ногайских татар. Тогда в ответ на их просьбу царь прислал... складной образ Николая Чудотворца. Другого защитника он им прислать не смог.

Так что, когда сибирским царем стал Чингизид Кучум, в 1571 году написавший самому московскому царю, что, мол, больше дань ты от меня не получишь, а как жить дальше нам, сам решай — можем и воевать, можем и мирно бытовать, — Строгановы глубоко задумались о своей безопасности.

Уже в 1572 году они формируют свой казачий полк в тысячу человек, который был ими собран по разрешению царя, но, правда, тут же и отправлен по цареву указу на фронт у Оки. Тем временем Кучум продолжал нападать на строгановские владения и уже в 1573 году организовал мощную экспедицию туда. Только предельная мобилизация Строгановыми своих ратников позволила им отстоять свои городки.

Вот тогда-то и поняли окончательно Строгановы: покой на их землях настанет, только когда они утвердятся и за Камнем. Они надумали просить у царя разрешение на владение приобскими землями — и получили его в 1574 году. Так Строгановы хотели решить все свои проблемы — да еще

с немалым приварком. Но для того чтобы свершить задуманное, нужны силы. И нет ничего необычного в том, что они решили позвать защитников издали. Надо помнить — в 1578 году истек двадцатилетний срок освобождения от податей, которое было даровано Строгановым и людям, что селились на их землях, в 1558 году. С 1578 года начался отток мобильных работников, особенно мужчин, которые не желали выплачивать предъявленные им налоги. С кем же Строгановым оставалось идти воевать татар?! Так что с этой стороны и историческая логика, и фактическая канва событий соотносятся.

Что же смущает несогласных с версией этой летописи? Слишком уж там выпячено строгановское участие. Вплоть до того — сколько, и как, и кому Максим дал, и как проводников подбирал, и прочее, и прочее.

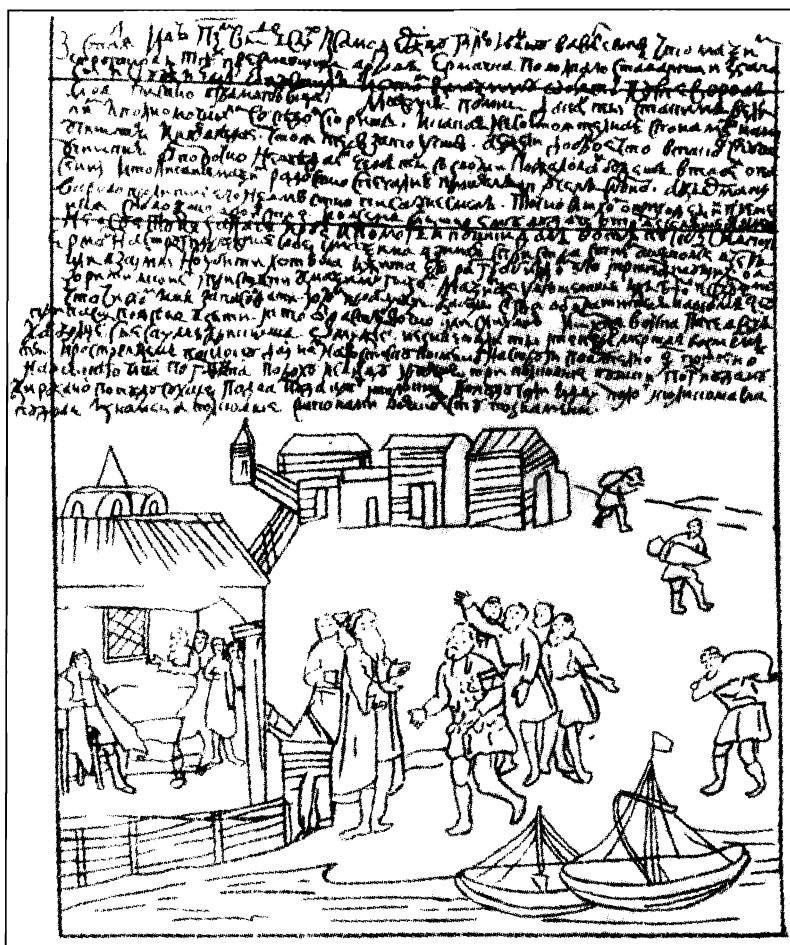
Кроме того, незачем им было, по мнению некоторых, у себя держать ораву (не менее 500 человек) вооруженных бездельников целых два года. Не такие Строгановы были дураки, чтобы сначала пригласить людей, а потом придумать, чем бы их занять. Они уж, наверное, сразу бы и припас им приготовили да прикупили, чем зря два года деньги тратить на их прокорм.

Летом 1581 года на строгановские владения было совершено два очень грозных нападения пелымских князей — сначала Бегбелия, а потом Кихека. Как сообщает летопись, оба эти набега были отражены ратниками, собранными Максимом и Григорием Строгановыми. Причем второе нападение случилось день в день, когда Строгановы отпустили Ермака в Сибирь и он только-только погрузился в свои струги. Так никто за ним в погоню, чтоб помог, не послал, а сила тогда на Строгановых навалилась великая. Еле-еле отбились.

А другие факты...

К примеру, такой. Дали Ермаку проводников, которые уже через 9 дней заблудились...

В общем, довольно основательные сомнения есть в точности Строгановской летописи. Как заявил один критик ее, многое в ней было переработано «для прославления этой семьи».

Максим Строганов «отворил анбары» и снабжает Ермака с дружиной продовольствием и оружием перед походом в Сибирь

Третья точка зрения основывается на осмыслении обеих летописей и некоторых других исторических документов.

Так, Кунгурский летописец в седьмом разделе утверждает, что «...а в поход Ермак, на струги дружине своей у Максима взимая с пристрастием, а не вовсе в честь или взаимы, но убити хотеща и жита его разграбить и дом его и при нем живущих разорити в конец, и приступи к Максиму гызом.

Максим же увещеваше их Богом и государем, что числом их запасов дати, и о том прося у них кабалы: егда возвратитесь, на ком те припасы по цене взяты и кто отдаст точно или с лихвою? Из них же войска паче всего Иван Кольцов с есаулы крикнуша: “О мужик! не знаешь ли, ты и теперь мертв, возмем тя и расстреляем по клоку...”»

Что-то не похож этот разговор на соглашение полюбовное. Да и историк П.С. Икосов (он же был главноуправляющим имений у Строгановых и, следовательно, был знаком с их закрытыми архивами) утверждает, что нападения на строгановские земли пелымцев были спровоцированы бесчинством в тех местах Ермаковых казаков. Может, и поход-то Ермаков был начат в предзимье, 1 сентября, чтоб спровадить их поскорее. Ведь, чтобы воевать в Сибири, зима плохо годилась для конных казаков и была не совсем удобна для плавания на стругах. Уж Строгановым-то было доподлинно известно, что «в Сибирь зимним путем на конях пройти не мочно».

Так что вполне может быть и так, что сговор Строгановых с казаками был вынужденным для уральских владык и довольно немирным.

Четвертая точка зрения не так распространена. У нее очень немного сторонников. Но и она базируется на документальной основе. В 1867 году появилась на русском языке изданная переписка военачальников и Канцелярии Стефана Батория. И вот там отыскался рапорт, в котором некий пан Стравинский доносит своему королю, что под Могилевом, где польским войскам противостояли московские рати, среди военачальников русских находится «Ермак Тимофеевич, атаман казацкий».

Правда, сторонники всех предыдущих точек зрения на это сообщение накиннулись друженько. Сначала придирались к тому, что атаман не так назван, потом говорили, что донесение датировано 27 июня 1581 года, а по Строгановским летописям, 1 сентября Ермак уже отплыл от Строгановых, немислимо, мол, перебраться в столь короткий срок на такие дали. Ну и, главное, такое понимание жизненной стези Ермака ни в какую не согласуется с летописями.

Хотя в народной фольклорной традиции хранится и такая информация: воевал, мол, Ермак Тимофеевич за царя-батюшку и когда тот Казань брал, и когда Астрахань осаживал. Да и надо было вельможам Ивана Грозного начать наконец реагировать и на мольбы о защите Строгановых, и на просьбы о помощи чердынского воеводы. Потому что Кучумовы орды стали тревожить уже всю восточную границу Московского государства...

В общем, вопрос требует дальнейшего изучения.

Так же, как и такой, правда, довольно мелкий — а как все же звать Ермака Тимофеевича?

Видимо, поначалу ничего в том имени необычного не было. Мало ли кого как зовут. Тем более, что, когда копнулись в строгановских архивах, там Ермаков оказалось всяких разных не один. Так, у младшего сына Аникия Строганова, Семена, в дворне было даже два Ермака по переписи 1583 года — Ермак Морок и Ермак-езовщик (рыбак). Но поскольку в святцах православных вроде такого имени не было, стали вспоминать, что так называют еще и котел, в котором артели еду готовят. Стало быть, до атаманства Ермак был кашеваром. Потом выяснилось, что так на Волге называют мельничный жернов. Он тогда, выходит, из мельников в разбойники подался?..

И тут обнаруживается, что подвиги Ермака в Сибири были занесены еще в одну летопись, составленную в 1760 году тобольским ямщиком Иваном Леонтьевичем Черепановым.

Черепановская летопись сразу стала сенсацией, потому что в ней впервые отыскалась — что бы вы думали? — родословная Ермака. В ней подробно расписывалось, как его дед подрабатывал извозом у муромских разбойников, за то был изловлен и посажен в тюрьму. Потом сбежал с женой и двумя детьми, которые после смерти отца нашли себе приют в строгановских вотчинах. Оказалось, что Ермак — это Василий Тимофеевич Оленин. И у него еще есть куча родных и двоюродных братьев.

Вообще, вещь достаточно невероятная. Казак — разбойник, человек, живущий фактически вне закона, вдруг во всеуслышанье объявляет о своих родственниках, ставя их

тем под несомненный удар. Н.М. Карамзин эти «новости» назвал «сказкой», а историк Л.Н. Майков вообще категорически заявил в 1876 году: «...летопись И.Л. Черепанова не заслуживает того, чтобы она была напечатана...»

Но неожиданно появились свидетельства, что Черепановская летопись — просто добросовестная компиляция многих источников. И один из них — «Сказание Сибирской земли» — отыскал известный уральский краевед, Александр Алексеевич Дмитриев. В этом «Сказании» сведения о Ермаке практически полностью совпадали с черепановскими.

Конечно, и на А.А. Дмитриева тоже сразу накинута критика. Они обвинили опубликованный им текст в том, что он «...представляет неумную и подчас нелепую подделку под славянский (язык. — Л.С.)...» и что он вообще не имеет имени составителя. Однако у Дмитриева нашлись и защитники, в конце концов доказавшие, что такие же биографические данные о Ермаке впервые записаны не так уж и далеко от 1633 года.

С одной стороны, это сразу укрепило позиции Черепановской летописи. Но, с другой стороны, стали раздаваться и голоса — не слишком ли много разноречивых сведений появилось в одно и то же якобы время и в одном и том же месте. Ведь Дмитриев нашел свое «Сказание» не где-нибудь, а в Соликамском уезде.

В общем, и с вопросом имени сибирского героя тоже немалые сложности.

Кстати, хотя заслуги этого человека перед Московским государством были признаны практически сразу же — как же, сам Иван Васильевич Грозный ему шубу со своего плеча пожаловал, — то вот возведение его в ранг национального героя имело своих оппонентов.

Вопрос оказался настолько серьезным, что был даже вынесен на заседания «Исторического отделения» С.-Петербургской академии наук 3 и 6 июня 1748 года. Вот какие сведения о том заседании приводит в своей книге «Дом Строгановых в XVI—XVII веках» А.А. Введенский: «...в протоколах... отмечено, что “господин профессор Ломоносов мнит, что подлинно неизвестно, для себя ли Ермак воевал

Сибирь или для всероссийского самодержца, однако сие правда, что он потом поклонился ею всероссийскому монарху. Того ради, буде оные рассуждения, которые об его делах с некоторым похулением написаны, не могут быть переменены, лучше их всех выкинуть”».

Академика смущало, что главный герой событий был разбойником. В.К. Тредьяковский, поддерживая М.В. Ломоносова, указывал: «Понеж благопристойность и некоторые политические опасности и предосторожности требуют, чтобы нечестным названием Ермака не оскорблять читателей, а особенно Российских, которые уже все к нему великую склонность имеют за учиненное им знатное и полезное дело... то... помянутые об нем описания все выключить вон, ежели поправлены и умягчены быть не могут».

Вот так-то. А вы говорите: Оруэлл, Платонов... В России причисывать историю эвон еще когда начали. Так что и всю правду о Ермаке Тимофеевиче нам еще предстоит выяснять. Но в то же время, большинство из нас, думается, сможет смириться с мыслью, что сегодня наука не знает достаточно определенно — как, когда, по чьему желанию атаман Ермак заявился на Урал. В конце концов, для потомков важнее знать не то, как он здесь появился, а то, что он здесь совершил.

Казалось бы, в этом-то все исследователи едины: совершил блистательный подвиг. Ведь, как выразился Николай Михайлович Карамзин, «...ни современники, ни потомство не думали отнимать у Ермака полной чести сего завоевания, величая доблесть его не только в летописаниях, но и в святых храмах, где мы еще и ныне торжественно молимся за него...»

Молимся, естественно, в русских православных храмах. Но ведь там молятся далеко не все.

О чем, к примеру, свидетельствует письмо, опубликованное в журнале «Родина» (№ 5 за 1990 год, с. 75). Автор письма М.Х. Халитов к «...личности человека по кличке “Ермак”...» относится совсем иначе. Он считает, что пришедшие в Сибирь атаман и его казаки — просто-напросто «профессиональные убийцы», которые «...расстреливали наших

предков, как диких животных, в крови потопили их сопротивление. Привыкшие убивать всякого, кто попадется, к убийствам “туземцев”... относились как к тренировкам по мишеням. И вот таких людей русская литература и русский народ в подавляющем большинстве представляют как народных героев, считая захват чужих земель и покорение других народов святым делом, подвигом. До настоящего времени я еще не встречал ни в печати, ни по радио, ни по телевидению, ни в кино ни слова осуждения злодеяниям этих так называемых “первопроходцев” и их атамана. Не первоходцы они, а первоубийцы...».

Вот так жестко, резко М.Х. Халитов отвергает благолепное мнение Н.М. Карамзина.

Что тут сказать? Можно просто отмахнуться от мнения Халитова, через четыре сотни лет после сибирских событий пытающегося посчитаться с обидчиком «своих предков». А можно и задуматься. И припомнить. Не он первый поднимает голос против стереотипов, устоявшихся в истории. А уж относительно качества оценок автора «Истории государства Российского» мы имеем свидетельство самого Александра Сергеевича Пушкина:

*В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастия
Необходимость самовластья
И прелести кнута...*

Действительно, столкновение столь крайних оценок деятельности Ермакова воинства высвечивает одну весьма непростую проблему — проблему оценки русской колонизации восточных земель, а точнее — чего уж там таиться, — проблему оценки русского империализма.

У этой проблемы много аспектов.

Вот один из них.

Почти все маститые русские историки (и в далеко минувшие дни, и во дни сегодняшние) пишут для всей нашей огромной страны «Историю» с позиций... дворовых великого князя московского. Владения которого, правда, разрослись

Покорение Пелымских уездов Ермаком

со временем от Балтийского моря до Японского и от Черного до Белого. И стали многоязыкой, многоукладной империей. А они — историки — так и продолжают писать историю русского православного владения по канону, заведенному еще в дальней давности. Его удачно стилизовал А.С. Пушкин:

*...Как ныне собирается вещей Олег
отмстить неразумным хазарам...*

Наши правители — естественно, сведущие, многомудрые правители (за некоторыми исключениями!). А вот они — всякие там хазары — в лучшем случае неразумные, темные нечестивцы.

Что — эти наши историки такие уж простаки, что не заметили превращения княжества в империю? Да нет, конечно, все это замечено и описано. Только описано с точки зрения «руководителей» этой империи, привитой и им, историкам, и большей части русского населения, которых тоже приучили считать, что христианнейшие русские правители, вдохновленные самим Господом, должны были использовать всю мощь крепнущей русской нации на приобщение «нехристей» к свету Господню. При этом как бы не замечалось, что попутно прибирались к рукам и территории этих «нехристей», что помимо их воли и желания строились там церкви и крестили «темных инородцев».

Так, во всяком случае, представлялось многим ученым. И во многих русских головах такое упрощенное понимание предназначенности Московского государства, выраженное краткой формулой «Москва — третий Рим», привилось. И этому поспособствовали и деяния Ермаковы.

Ведь, с точки зрения русского человека, победы Ермака на берегах Иртыша — не что иное, как великое свершение многовековых чаяний русского народа. Ведь Ермаку удалось блистательной победой завершить последнее действие великой исторической трагедии, начатой резней на Калке в 1223 году. Резню эту устроили нежданно свалившиеся на русские земли орды Чингисхана (тоже, кстати, создавшего всемирную империю). И вот оно, свершилось великое возмездие за более чем трехвековое пребывание в состоянии унижительного страха, жизни в ожидании каждодневно возможного опустошительного татарского нашествия. А уж когда эти нашествия свершались, пощады русским не было...

Этот страх не прошел и после Куликова поля, потому что почти сразу вслед за ним Москва была сожжена Тохтамышем. И не испарился после «стояния на Угре», потому что грозные ханства татарские продолжали окружать русские земли со всех сторон. И со всех сторон, повторим, можно было от них ждать набега, разорений, неволи, гибели. И уж как ни радовался русский народ разгрому Казанского и Астраханского ханств, как можно забыть, что стоил он многих кровавых усилий. А тут вдруг не многочисленные русские

рати, а какая-то банда, шайка, безвестная до того ватага громит, да как — наголову, грознейшее и мощнейшее Сибирское ханство, рассеивает его воинство, в сотни раз большее по численности! Воинство, которым в сечах руководил прямой потомок Чингисхана Кучум. Вот тогда-то все русские поверили по-настоящему: все, татарской опасности — конец!

Как же не сохранить такой подвиг в благодарной памяти народной!

И никто русский народ за это осудить не вправе.

Так что с полным основанием Ермак Тимофеевич — национальный герой русского народа. Исполать ему!

Только не надо делать его героем всех народов империи. Не может он стать героем татарского народа, так же как трудно приучить поляков считать Суворова их национальным героем. Или Шамиля — русским.

Да, так получилось: мы — наследники создателей и жителей одной из величайших империй в мире. И не надо шархаться от этого слова только потому, что нам еще в детских садах внушали: империалисты — это бяки. И невдомек нам было, что, назвав бывшую Российскую империю — СССР, большевики мало что изменили в империалистической сути огромной страны.

Но что же такое империализм? Н. Бердяев в «Судьбе России» предлагает такое толкование этого термина: «В истории нового человечества происходит двойственный процесс — процесс универсализации и процесс индивидуализации, объединения в большие тела и дифференциация на малые тела. Национализм есть начало индивидуализации, империализм — начало универсализации. В то же время, как национализм склонен к обособлению, империализм хочет выхода в мировую ширь... Империалистическая воля пролила много крови в человеческой истории, но за ней скрыта идея мирового единства человечества, преодолевающего всякую национальную обособленность, всякий провинционализм... И очень наивна та философия истории, которая верит, что можно предотвратить движение по этому пути мировой империалистической борьбы, которая хочет видеть в

нем не трагическую судьбу всего человечества, а лишь злую волю тех или иных кланов, тех или иных правительств...»

Правда, у русского империализма, по тонкому наблюдению профессора Гарвардского университета Ричарда Пайпса, многократно повторенный историей феномен стремления многих правителей к концентрации народов и государств вокруг какого-то одного народа или государства имел еще и более «субъективные» объяснения. Определяющее из них, по Пайпсу, — бедность природы исконных русских земель. Но этот фактор многократно усиливался и завистью московских правителей к образу жизни правителей и народов окружающих стран. Ведь купцы доводили до них и нежную мягкость сибирских соболей, и красоту кубков, блюд арабского чеканного серебра, и тонкие кипрские вина, и прочая, и прочая, и прочая... И довольно простой, в военном отношении, конечно, им казалась возможность добраться посуху или водой в любой конец тогдашнего мира, где были эти богатства — в Европу, бухарские края, Сибирь и далее.

Потому-то в русской истории и столь чтимы герои-захватчики (как и в истории империалистической Испании — Кортес и Писарро, а в истории США — «пионеры» захвата у индейцев западных территорий Северной Америки).

Конечно же, это понимали и великие русские философы. Тот же Николай Бердяев констатирует: «... Человечество идет к единству через борьбу, распрю и войну. Это — печально, это может вызвать наше негодование, это — показатель большой тьмы, в которую погружены самые корни человеческой жизни, но это так...» Тем не менее он убежденно заявляет: «Но империализм с его мировыми притязаниями вовсе не означает непременно угнетение и истребление малых народностей...»

Владимир Соловьев, другой великий русский философ, как бы дополняет Бердяева: «Всякая народность имеет право жить и развивать свои силы, не нарушая таких же прав других народностей».

А уж если им довелось схлестнуться в ратоборстве, то надо помнить — после любой драки наступает мир. И снова надо жить рядом. И понимать — «...никогда нельзя сказать, что

Дружина Ермака
на Тагильском волоке

в любой борьбе один народ целиком представляет добро, а другой зло, один народ может быть лишь относительно более прав, чем другой». (Это опять Бердяев).

Вот и всё. Рецепт прост. И в нем одно из основных требований — не навязывать другим свой стиль жизни, своих богов, своих героев.

Но то, что осмыслили великие русские философы, далеко не стало нормами бытия российской, а потом и советской государственности. Если многие малые народы искренне тянулись к большой, великой культуре русского народа, то государственные структуры делали все, чтобы эту культуру сделать монокультурой. Заменяли арабский алфавит кириллицей, для всех вводили один обязательный государственный язык, одних и тех же святых и героев — Владимира Святителя, Степана Разина, Павлика Морозова...

Думается, при всем огромном моральном и политическом значении для русских сделанного Ермаком не стоит делать его героем, скажем, татарского народа. У него есть Тохтамыш, которого тоже вовсе не обязательно чтить москвичам...

ПЕРВООСВОИТЕЛИ КРАЯ

Тумашевы

Захват Казани и Сибирского царства резко изменил характер колонизации Каменного Пояса. В самом деле, до этих событий здесь была приграничная зона, охраняемая редкими гарнизонами, и любой поселенец принужден был считаться с опасностью — причем грозящей каждодневно — гибельного набега разбойных орд. Решались жить здесь либо казаки — перекасти-поле, что и сами-то были, по сути, разбойниками, либо те, кто в этой беспокойной зоне пытался, конечно, крепко рискуя, налаживать торговый обмен. Когда же уральская территория стала чуть ли не серединой московских земель, поселенцы уже могли обосновываться здесь обстоятельнее, уверенно вкладывать значительные капиталы в освоение новых мест.

Еще Иван I Калита был безмерно разъярен сведениями, что новгородцы могут разживаться «закамским» серебром. Ему, кого снедала неумная страсть прибирать к своим рукам все, до чего они только могли дотянуться, этот факт был просто непереносим. Желание заполучить «закамское» серебро сыграло не последнюю роль в непрестанном плетении Калитой всяческих козней против вольного Новгорода Великого, в стремлении хотя бы отторгнуть у города (если уж невозможно пока покорить Новгород) земли Заволоцкие, Пермские да Югорские, откуда то серебро ввозилось.

Иван III Васильевич I целенаправленно и успешно претворял замысел своего загребущего предка. Он осуществил его мечту с лихвой — разгромил-таки окончательно новгородские рати. И только-только успел отпраздновать московский государь одоление богатого и грозного соперника и присоединение к своим владениям обширных его земель, как тут же призадумался — как рациональнее, с большей выгодой их использовать. Слухи о сокровищах, таящихся в недрах Каменного Пояса, не дают и ему спокойно спать. Уже с начала 80-х годов XV века во многих посланиях к закордонным своим коллегам-правителям Иван III просит прислать ему людей, сведущих в поиске и обработке медных и серебряных руд, поскольку — а в том государь московский был крепко убежден — в его землях они есть, да только нет мастеров, знающих, как их выявить и как выплавить из них металлы.

Характерно одно послание из этого ряда — венгерскому королю Матьяшу Корвину. Свою просьбу прислать мастеров Иван III сопроводил солидным подарком — отборного качества шкуркой черного соболя, добытого в югорских пределах. В каждый из двадцати коготков соболя были вправлены отменные скатные жемчужины, добытые на новгородских промыслах. Прими, мол, редкостный подарок и памятью: страна, где вдоволь таких сокровищ, щедро отдарит за доброжелательную помощь.

Ивана III в реализации его чаяний подстегивала и острая нужда в металле для собственной торговли в мощно набирающей силы стране, и многие другие, весьма немаловажные, прагматические задачи. Как, например, острейшая нужда в собственном металле для медных пушек, которые стали отливаться на его оружейных дворах с 1479 года. Русские мастера живо освоили технологию болонских умельцев. Теперь надо было освободиться от иной зависимости — от завоза сырья из-за границы. И в этом деле преуспел Иван III Васильевич I.

В 1491 году он комплектует знатоками, завербованными за рубежом его доверенными людьми, первую в истории Российского государства официальную правительственную поисковую геолого-разведочную партию.

Немцы, известные под именами Иван да Виктор, а с ними Андриушка Петров, да Василий Иванов сын Болтин, да грек Мануила Лариев сын, были направлены в марте 1491 года в Северное Приуралье. В бассейне реки Печоры («на Цильме реке, не доходя до Косьмы реки за полдни пути, да от Печоры реки за 7 дней») нашли они 8 августа того же года медную руду, о чем и доложили великому князю, воротясь в Москву 20 октября.

Эти числа многие специалисты склонны признать официальными датами возникновения государственной геологической службы России. Например, горный инженер М.Д. Белоусов в «Историческом очерке медного производства на Урале» (сборник «Пермский край», издан в Перми в 1895 году) прямо предлагает признать «...за великим князем Иваном III честь первоначальных попыток водворения горного дела в России...»

Н.М. Карамзин в томе IX своей «Истории России...» утверждает, что открытие это недолго оставалось втуне. Уже в следующем, 1492 году на Цильменском месторождении была организована разработка руды. В помощь разведчикам указом Ивана III «копать руду» было отряжено из северорусских провинций почти три с половиной сотни работных людей.

Открытие этого месторождения было первой ласточкой. Той, конечно, которая весны еще не делает, но тем не менее прилет которой есть верный знак — весна грядет!..

После присоединения Казанских земель резко усилился интерес русских торговых людей к богатствам уральских недр. Он проявляется и в челобитной 1558 года, поданной Ивану IV Строгановыми, где они испрашивали дозволения

Иван III. Портрет из «Царского титулярника», XVII в.

искать руды на Урале. И намерения у них были очень серьезные. Потому-то неудивительно, что в составе многочисленной строгановской дворни уже в конце XVI века появляются «Тимоша-рудовщик с семьей» да «Передерня-рудовщик с женою». Железоделательное на местных рудах производство в вотчинах Строгановых было тогда же и основательно поставлено. Очень симптоматичен и такой факт из истории того периода: в перечне людей, включенных в ряды казачьих ватаг Ермака, мы найдем и специалистов по поиску и обработке металлов и руд. На Ермаковой стоянке, сохранившейся возле Нижнего Тагила, археологи нашли следы плавки руд и обработки металлов.

Столь определенный целенаправленный интерес, настойчивость в его реализации не могли, конечно же, не принести скорые и обильные плоды в крае, перспективном на обнаружение всяческих руд.

XVII век стал для Урала решающим в его развитии.

Именно в этом столетии впервые приоткрылась для русских колонизаторов невероятная роскошь подземных кладовых древнего Рифея, легенды о которых в сотнях пересказов облетели еще в дальнюю пору мир древних эллинов и римлян. Именно с тех пор возможность разбогатеть на добыче и разработке этих богатств стала привлекать на просторы Каменного Пояса толпы предприимчивого, ухватистого народа. Холопы разных вотчинников, беглые кабальники, мастера-рудовщики и плавильщики, оборотистые купцы, дети боярские, да и сами сановные вельможи — все слетелись на манок барышей, которые сулила разработка невиданных доселе в России подземных кладов. Несть им числа... Но в этом очерке мы, естественно, сможем проследить судьбы только нескольких из них.

В черед этих алчущих быстрого обогащения людей встречалось немало и талантливых, высокоодаренных деятелей, положивших истинное начало тому значению уральских земель, которое мы ныне определяем красивой метафорой — «опорный край державы».

Очень условно этих людей можно разделить на три категории. Первая — освоители-мастеровые. Это люди, знающие

не понаслышке и поиск, и обработку руд, Рассказ здесь пойдет о двух династиях таких деятелей — Литвиновых и Тумашевских.

Ко второй относятся люди, ввергнутые в уральскую горную промышленность мощной волей великого русского реформатора Петра I. Их можно определить пушкинской фразой — «птенцы гнезда Петрова». Наиболее известна среди таких людей династия заводчиков Демидовых. Менее известен промышленник Федор Молодой.

А в третью, не менее значительную категорию промышленников уральских, можно зачислить тех, кто хотя и имел не всегда прямое отношение к горному делу, но обладал ярким организаторским талантом, верховым чутьем на наживу, тех, кто, опираясь только на везучесть и природный нюх, сделали себя одними из самых богатых и знатных людей России. К таким относятся Турчаниновы и Яковлевы (Савва Собакин и его потомки).

Яков Литвинов и сыновья

Якова Литвинова по праву следует поставить первым в ряду первооткрывателей уральских недр. Потому что с ним связано возникновение в Русском государстве новой и очень важной для страны отрасли промышленности — цветной металлургии. Именно он первым указал месторождение, на котором вскоре был поставлен первенец отечественной меднообрабатывающей промышленности — Пыскорский медеплавильный завод.

Кто же он такой, Яков Литвинов?

Сохранилось очень мало сведений о его происхождении, пути, который привел его на Урал. Можно только предположить, что, судя по фамилии, был Яков сыном литовца — «литвина». Вероятно, из тех, кто в одном из сражений Ливонских войн оказался в русском плену. В строгановские холопы Яков мог попасть достаточно обычным тогда путем — был ими у государя выкуплен и водворен в пермские вотчи-

ны. Понятно, почему он заинтересовал Строгановых: был сведущ в рудосыскном деле.

Яков (Якуша — по строгановским спискам) Литвинов оказался сметливым, расторопным человеком. К 1617 году — тому именно году, когда он впервые заставил упомянуть о себе в важнейших государственных документах, — Яков сделал блистательную карьеру: он был уже «большим прикащиком» у Строгановых, главным их доверенным лицом. Во всяком случае, именно ему доверили хозяева известить государев приказ о находке в своих владениях медной руды. С этого-то «извета» многие рудоискательские «дела» Литвинова уже находят отражение в государевых бумагах.

Но, прежде чем мы погрузимся в их изучение, упомянем два немаловажных момента, определивших это послание.

Первый — почему Строгановы пишут о своей находке в Москву, а не принимают сами за добычу столь нужного стране после разора Смутного времени металла, добычу и плавку меди, сулившую им огромный барыш? В том-то и дело — не имели они тогда на это права. Еще в 1558 году Иван IV, позволяя поиск и разработку железных руд Строганову, накрепко запретил обработку других руд. А если б таковые он нашел, то немедленно должен был донести о том в Москву. И не дай Бог ослушаться! Утверждающийся тогда на престоле юный Михаил Федорович Романов и его всеильная родня строго блюли свою монополию на возможную добычу «денежных» металлов — меди, серебра, олова.

Второй момент — почему Строгановы «извет» о находке стратегического сырья поручили писать своему главному доверенному лицу? То есть понятно, почему поручили писать — он и так составлял их важнейшие бумаги. Но почему доверили холопу такой документ подписать? Тут, думается, объяснение в том, что сами хозяева не были знатоками медных руд и вблизи не было никого, кто бы мог удостоверить — да, мол, холоп ваш Якушка Литвинов отыскал именно медную руду. Потому его и подписать «извет» заставили — сам, мол, нашел, сам и отвечай, коли что не так окажется. А прибыток все равно не нам — казне.

А теперь вернемся к тому, что все же сообщил «большой прикащик» Строгановых государевым чиновникам. Ни много ни мало, что он отыскал и возле городка Орла (Каргедона), и во многих других местах Пермской земли в пределах строгановских вотчин много залежей медных руд, да еще с содержанием в них золота.

Столь важная весть была немедленно доложена кому следует, и почти тотчас на проверку ее из Москвы в Пермские земли отряжается представительная комиссия. В ее составе дворянин Авраам Иванович Бертенев, подьячий Гавриил Левонтьев, рудознатец и плавильщик английский мастер Ватер, переводчик, трое рудоплавильщиков. Для надзора или обретеня опыта с ними был послан сын боярский Алексей Головин. На месте в комиссию был включен и Яков Литвинов.

Интересный штрих. Еще не зная толком, есть руда, нет ли, московские начальники отдали строжайший приказ — надзирать за подозрительным иноземцем Ватером, чтобы тот, не дай Бог, «...золота, или серебра, или меди из горшков себе не пушал...»

Не мешкая, Яков Литвинов отвел государевых посланцев к отысканной им на берегу реки Яйвы, вблизи деревни Ливийской, удивительной Камень-Горе, в крутом склоне которой, прямо у уреза воды, ясно были видны слои медьсодержащих песчаников. Полоски этих слоев видны были и в десятисаженном пространстве над уровнем воды, и в пяти саженях под водой. Толщина отдельных слоев с медью была — в переводе на современные меры — и 8, и 9, и 35 сантиметров. Видимо, Литвинов раньше уже сам опробовал эти руды, потому он обратил внимание членов высокой комиссии на то, что нижний слой — самый богатый.

Приданные комиссии работники быстро нарыли (с 5 по 10 июля 1617 года) из горы 185 пудов руды, из которой и была получена добротная медь. Англичанин стал проводить пробные плавки, чтобы выделить из меди еще и золото. К великому огорчению всех, золота не получили ни грамма. Однако полученные здесь первые пуды отечественной меди были с триумфальным рапортом спешным образом отправлены в Москву.

Уже 12 августа из Москвы на имя Бертеньева была послана ответная грамота, в которой ему с товарищами предписывалось немедленно организовать в указанном Яковом Литвиновым месте добычу медной руды и построить вблизи медеплавильный завод в котором они должны были «...руды плавить» и, несмотря на отрицательный результат опытных плавок Ватера, «...золото в той меди смотреть...»

Следует сказать, что у Строгановых было в ту пору уже немало обученных людей, умевших отыскивать песчаники, содержащие медь. О находках таких руд Яков Литвинов сообщал комиссии, ссылаясь, что о них оповестили его «...вогулич Чеул Тонков с товарищами», строгановские крестьяне «Фомка Демидов» и «Петрушка Кобыбалов». Но Яков Литвинов указанием на одно месторождение медных руд не ограничился. Он поведал московской комиссии, что-де знает еще и места в низовьях Печоры, где есть руда серебряная, и взялся привезти ее. От такого ошеломительного известия москвичи пришли в восторг и спешно отправили Якова на Печору, чтобы поскорее привез он образцы той руды для плавки.

Они так торопили Якова, что даже не дали ему времени, чтобы сводил их на еще одно отысканное им место с медными рудами — к Григоровой горе, что стояла на камском берегу, недалеко от Соликамска. Уехал Яков на север, отрядив своего сына Василия показать то место москвичам. С Василием на Григорову гору отправился целовальник Осип. Но Василий оказался не так цепок памятью, как отец. Сбился в пути с верного направления, заплутал в лесах и на отцовские ориентиры выйти не смог. Так что ставшие впоследствии знаменитыми григоровские залежи москвичам в ту пору не открылись.

Тем временем Яков Литвинов рыскал по печорским берегам, отыскивая серебряную руду. Уже вскоре присылает он в Орел-городок с пинежанином Семейкой (тоже строгановским холопом) четверть пуда породы, которую, как написал сам Литвинов, он показывал ранее каким-то немцам, и немцы говорили, что та «руда серебряная».

Конечно, ту породу сразу же стали опробовать. Мастеру Ватеру присланная руда не показали, он ее сразу обозвал пустой глиной, и плавка подтвердила его правоту.

И с указанными Литвиновым медными местами тоже выходила неудача. Пока он ездил на Печору, московские посланцы, выполняя цареву указание разрабатывать те руды, закончили проходку значительной по тем временам горизонтальной горной выработки. Ее размеры по ширине и высоте были 4×4 сажени. Да в глубь горы зашли на пять сажений. По современным меркам эта выработка имела параметры $8,5 \times 8,5 \times 10,7$ метра. В пройденном объеме руда встречалась небольшими тонкими слоями, залегала в твердых породах, и меди в ней было мало. Мастер Ватер заявил, что руда здесь слишком бедная, чтобы на ее основе закладывать завод, и надо поискать другое, более богатое рудное место.

Стали ждать Якова Литвинова, может, укажет что-либо более подходящее. Тем временем он на Печоре не только искал новые серебряные руды, но обследовал и старые выработки на Цильме, и в ноябре 1617 года прибыл из тех мест, привезя с собою почти полпуда тамошней руды. Доставленную им руду мастер Ватер поделил на две части и из обеих добыл значительное количество меди. Тогда было решено отправиться на Цильму снова и попытаться там основать выплавку меди, тем более что, по мнению Якова, на Григоровой горе можно будет организовать добычу только после спада воды от весеннего разлива.

Москва утвердила такое решение и повелела своим посланцам отправиться на Цильму. Указ об этом привез на Урал 25 января 1620 года другой сын Якова Литвинова — Моисей. Видимо, в столице руды цильменские показали более качественными, и посему было приказано, чтобы там, «где руда объявится, копать во многих местах и промышленячь над нею с великим радением...»

Вероятно, Яков Литвинов был тогда уже серьезно нездоров либо вообще его не стало, но экспедицию повел на Цильму Моисей Литвинов. 29 мая 1620 года он привел Бертеньева и компанию (конечно, и англичанина Ватера) на старые

цильменские выработки. Государевы посланцы сразу же широко развернули поисковые работы. Было пробито около сорока шурфов, некоторые глубиной до 15 метров. К сожалению, только в двух из них оказалась руда. От этих-то двух были канавы-рвы шириной до 4 метров и длиной до 105 метров. Но и здесь найденная руда не удовлетворила мастера Ватера. Он заявил, что она бедна, ставить завод невыгодно.

Моисей же Литвинов в это время вел свой поиск. Он захватил с собой «серебряника» Дмитрия Исаева и пошел по Цильме дальше. И в совершенно необжитых местах, в двух с половиной днях пути от последнего в направлении на север тамошнего жилья, Никольской Слободки, он нашел место с богатой рудой. И хотя вскоре, 20 августа 1620 года, московская комиссия была расформирована как не оправдавшая надежд на устройство медеплавильного завода, в те же двадцатые годы на месте, отысканном Моисеем Литвиновым, впервые в России была налажена выплавка меди. Еще кустарно, но почти в промышленных масштабах. Известно, что на строительство того производства были посланы кузнецы и кирпичники из Сольвычегодска, а на организацию промысла изъято из доходов от продажи вина в Орле и Соликамске по двести рублей из каждого. Деньги по тем временам весьма значительные.

Так что, подводя итоги деятельности Якова Литвинова и его сыновей, должно благодарно отметить открытие ими во многих местах Пермской земли месторождений медистых песчаников, в частности находку на Григоровой горе, где вскоре был построен первенец отечественной цветной металлургии — Пыскорский медеплавильный завод. Но этот завод связан уже с деятельностью другой замечательной династии русских предпринимателей — с семьей Тумашевых.

Тумашевы

Тумашевы, судя по сохранившимся документам, первыми на Урале организовали частное медеплавильное производство. Они же организовали и первое в России частное рудосыскное бюро.

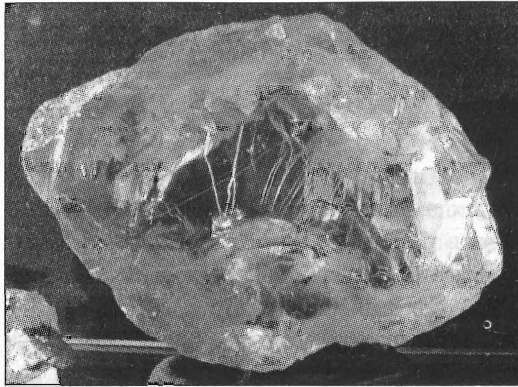

Зачинатель всех этих заметных в истории отечественной металлургии дел, Александр Иванович Тумашев, начал свою трудовую деятельность на Урале как мастер-плавильщик на государевом Пыскорском медеплавильном заводе. Работал он там с самого основания завода — с 1634 года. Как мы уже упоминали, завод этот был построен для плавки руд, найденных в Григоровой горе, и назван по имени протекающей здесь речки Пыскорки. Официально считается, что месторождение это открыл в том же 1634 году окольничий Василий Иванович Стрешнев, отряженный Москвой в пермские места искать медные руды. Но существует документ, позволяющий предположить другое имя первооткрывателя. В челобитной, которую отправил в 1666 году государю Алексею Михайловичу сын Александра Ивановича Тумашева Дмитрий, утверждается, что рудное место на Григоровой горе в 1634 году отыскал его отец и за находку такую от казны был удостоен «полного жалованья и месячного корма». Вполне вероятно, что именно Александр Тумашев указал то место Стрешневу. Интересная подробность: известный историк развития горного дела в России А.А. Кузин также считает возможным, что сведения об этом месте А. Тумашев, в свою очередь, узнал от Якова Литвина.

Но, как бы то ни было, награду, значительно большую, чем А. Тумашев, за открытие тех руд получил боярин Стрешнев — целых 307 рублей.

На поставленном здесь первом русском медеплавильном — Пыскорском — заводе Александр Тумашев и начал трудиться плавильным мастером. Вообще работали на том заводе вольные люди. Александр Иванович Тумашев был высококвалифицированным специалистом и почти сразу стал одним из руководителей (технических) завода. Ему платили высокое по тем временам жалованье — 4 рубля в месяц. В переписных книгах заводского оборудования значится, что он одно время даже состоял «под правезом» за непредставление в срок документов о расходовании казенных денег.

Тумашев был не только плавильщиком руд, но и рудознатцем и рудоискателем. Когда залежь богатых медистых

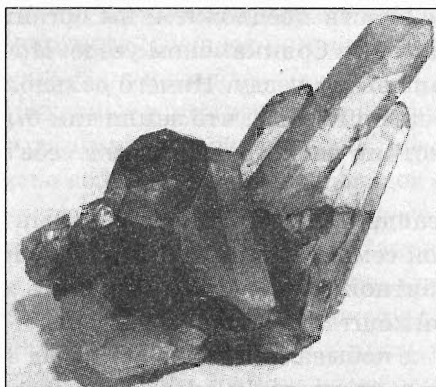

Топаз

песчаников возле завода стала иссякать, именно его отрядили искать новые рудные места в Соликамском и даже в Верхотурском уездах. Слава о нем как отменном мастере шла по всему Уралу. Иначе чем объяснить, что именно Александра Тумашева верхотурский воевода Стрешнев просит у пыскорского управителя прислать для опробования найденных в подведомственных ему землях руд и организации их плавки. Причем аргументирует просьбу тем, что если Тумашев не приедет, то у него «государево медное рудное дело станет». Хотя были в Верхотурье и свои медные плавильщики и рудовщики, и чтобы специально их подучить, из Москвы в тамошние края прислали в 1645 году великолепный образец медных руд, — смотрите, мол, что искать следует.

Так бы, наверное, и жил Александр Иванович Тумашев высокооплачиваемым специалистом на казенных заводах, но помогла ему выйти на новую стезю беда. В 1648 году приключился на Пыскорском заводе пожар. Да основательный. Настолько, что государев приказ посчитал восстановление его нерентабельным, тем более что донос управителя завода дворянина Юрия Телепнева убедил приказных: почти все руды здесь вычерпаны.

Вот тогда-то и решился Александр Иванович своим коштом отремонтировать завод и начать там плавку «от себя». Понятно, казна на это согласилась. Она же ничем

Хрусталь

не рисковала. Но при этом поставила жесткое условие: всю полученную медь Тумашев должен был сдавать в казну ценовальникам в Соли-Камской по твердой цене — два рубля за пуд. Цена явно обдирочная. На рынке медь стоила более четырех рублей пуд. Но Тумашев согласился. Попросил только одного — чтобы вывели его из-под власти соликамских воевод, которые, очевидно, тоже хотели приложить руку к обиранию Тумашевых. Именно Тумашевых, потому что Александр обучил своему ремеслу четырех сыновей — Дмитрия, Ивана, Петра и Василия. И вели все они и розыск руд, и плавку их совместно. Вскоре правительство вспомнило о совести (а скорее, денежная реформа пятидесятых годов потребовала стимулировать добычу меди для чеканки монет), повысило Тумашеву закупочную цену за пуд до трех рублей и даже разрешило Тумашевым какую-то часть полученной меди реализовать на рынке. И вот из когда-то погоревшего завода с почти выработанными рудниками частные предприниматели Тумашевы с 1656 года выдали казне 889 пудов меди! И сами, несмотря на кабальные цены, не остались в убытке. Жили зажиточно и оброк казне платили почти в 45 рублей.

В 1657 году Григоровские рудники истощились окончательно, и перед Тумашевыми встал вопрос: что делать дальше?

Московские власти предложили им организовать поиск новых рудных мест в Соликамском уезде. Почти десять лет рыскали Тумашевы по уезду. Ничего дельного не присмотрели. Может, еще и потому, что земли там были уже обжиты и хозяева вотчин неохотно пускали к себе заезжих рудознатцев.

Умер Александр Иванович. И старший сын его, Дмитрий, ставший главой семьи, решил в 1666 году обратиться к государю с челобитной — позволить ему опять же, как когда-то отец, на свой кошт провести разведку руд в Верхотурском уезде, где он уже побывал двадцать лет назад и кое-что интересное и сам там приметил и свел знакомство с пашенным крестьянином Власом Осиповым, который ему поведал о признаках железных руд на Тагиле-реке.

В январе 1669 года ходатайство Дмитрия Александровича Тумашева было удовлетворено. И, не испросив у казны ни полушки, Дмитрий с братьями ринулся «опоисковывать» новые земли.

Они это умели. Они были рудознатцами, можно сказать, широкого профиля, знали признаки, по которым надо искать не только медные руды, но и другое сырье. Еще до подачи той челобитной, проведя более полутора лет на новых землях, Дмитрий появлялся в московском Сибирском приказе с сообщением, что отыскал в Верхотурском уезде слюду, и испрашивал разрешения ее разрабатывать «от себя», обязуясь платить казне девятую часть добычи.

Но месторождение обмануло. Слюды оказалось мало, и тогда Тумашевы обратили усилия на поиски других природных богатств. И здесь им сопутствовал успех. Летом 1668 года Дмитрий Тумашев привозит в Сибирский приказ впервые найденные им на Урале, вблизи Мурзинской слободы, драгоценные камни. В челобитной он указал, что обнаружил «в горах хрустали белые, фатисы (гиацинты) вишнёвые, и юги (хризолиты) зеленые, и тунпасы (топазы) желтые...» Представляете, сколь образован и знающ был рудоискатель Дмитрий Тумашев, сколь знал свойства и метод поиска и медной и железной руд, и слюд, и драгоценных камней! Но и это еще не все. В той же челобитной он просит

отпустить его снова в Верхотурский уезд. И кроме того, что он там уже обнаружил, обещает приискать еще и золотые и серебряные руды. Он и их знал!

Но дьяки-приказные в этот раз ему почему-то не поверили.

Почти полгода Дмитрий мыкался от одного приказного к другому, попутно добиваясь оплаты расходов от казны. Ведь поистратился он на поиски этих югов и тунпасов изрядно. Еле-еле удалось выбить оплату соболями. Наконец 21 декабря 1669 года Дмитрий Тумашев был вызван в приказ, где ему прочитали грамоту: отправиться в Верхотурье (проезд — за счет казны), искать золото, серебро и драгоценные камни. Но настырного Дмитрия эта грамота не устроила. Золото, серебро, камни... Он понимал — на этой «экзотике» верной прибыли не будет, найти их — дело удачи и, значит, немало риска. А настоящее верное дело — это обработка железных руд, которые он уже там присмотрел. Потому и требует «хитрой» приписки: вы мне в грамоту впишите, чтобы я и железо в Верхотурье мог искать. И эту просьбу уважили, буквально на следующий день Дмитрий слушал уже новую грамоту, где ему разрешалось просимое! «...Буде в Сибири, где отыщет железную руду, и опыт учинит, и железо будет годно во всякое дело, и ему б в тех местах железо плавить на своих проторях...» — приписали...

Так Дмитрий Тумашев добился позволения ставить свои железоделательные заводы, правда с обязательной сдачей в казну десятой части выплавленного и условием — не ставить завод так, чтобы он стеснял живущих поблизости крестьян, как русских, так и инородцев. Весной 1669 года Дмитрий Тумашев с братьями уже широко развернул поисковые работы в Верхотурском уезде. Ему снова повезло. Да крупно. Вскоре он сообщает верхотурскому воеводе, что ему удалось отыскать «... два изумруды камни, да три камни с лаловыми искры, да три камня тунпасы...» А еще нашел он «камень наждак, пригодный ко всякому алмазному делу...» Находки оказались ему столь ценными, что он решил немедленно везти их лично в Москву (тем более что оплата поездки шла за казенный счет). Не остановила его даже просьба тобольского воеводы помочь в опытных плавках руд, пере-

данная специально прибывшим за ним боярским сыном Борисом Черницыным.

— Нет! — ответил Дмитрий. — Не могу!

И в доказательство невозможности ехать в Тобольск пишет воеводе: «Обыскал я великому государю в Верхотурском уезде камень, а то камень великому государю годно, и с тем камнем еду ныне к великому государю к Москве наскоро, а в Тобольск ехать мне не успеть...» Знай, мол, наших!

Но, видно, к поездке той Дмитрия вынуждало не только желание похвастать находкой самому царю. Явно была еще какая-то другая цель. Потому что из Москвы Тумашев, даже не дождавшись официального дозволения, спешит вернуться снова в Верхотурье. Видно, выяснил что-то для себя весьма важное и, осознав это, решил: надо приступать к новому делу.

Почти сразу по приезде Тумашев подает в Верхотурскую приказную избу сказку, где сообщает, что сделал опробование найденной им железной руды, она оказалась доброй, и он с братьями «...из той руды железо учнут плавить» уже в 1669 году.

Железную руду (и богатейшую!) Тумашевы нашли в болотах, из которых брали начало три речки бассейна Тобола — Невья (Нейва), Реж и Исеть, в полудне от горы Павдинский Камень и в нескольких верстах от Краснопольской слободы на Невье-реке.

Здесь и заработал Тумашевский завод — первый из большого числа казенных и частных, что будут давать железо из руд позднее открытой здесь обширной железорудной провинции.

Всем братьям Тумашевым нашлось здесь дело.

Дмитрий был за старшего, главный организатор. На нем лежали и обязанности сношений с властями и обеспечение завода сырьем.

Иван был техническим директором предприятия. Он следил за технологией добычи и варки металла, руководил кузнецами, плавильщиками и другими работниками. На нем лежала и забота обеспечения завода рабочей силой. Сохранился документ, где отмечается, «...что вез с собою крестьян з женами и детьми медной руды плавильщик Иван Тумашев...»

Василий Тумашев ведал сбытом выплавленного железа. Братья вели обширный торг своим металлом. Василий возил его

Тобольск. Гравюра

и в Тобольский уезд, и в Верхотурский, и в Тюмень. Есть сведения, что торговля им велась и в Казани, и в Соли-Камской.

Петр руководил продовольственным обеспечением заводского люда. В его ведении находились пашни, сенокосы, свинарник. Он же организовывал и лов рыбы. И покупал кое-что, если это не делалось в тумашевских владениях.

Так вели братья свое хозяйство вплоть до 70-х годов XII века. Во всяком случае, в 1677 году их завод еще работал и давал продукцию,

Но на рубеже XII и XIII веков от строений братьев Тумашевых уже не осталось ничего. То ли пожар, то ли еще какая беда. Но бесценный опыт, который скопили они в разведке богатств Каменного Пояса, далеко в будущее осветил пути поиска многим поколениям рудознатцев.

Петр I, магнит-руда и Демидовы

Знаменитая фамилия — Демидовы.

Малейший шаг каждого, кто ее носил, прослежен и опубликован историками не одной страны. Потому что Демидовы, конечно же, были явлением не столько уральского и не только российского — мирового масштаба.

За многое можно славить эту семью.

И за то, что один только Никита Демидов с сыновьями построил на уральских землях за необычайно короткий период — с 1702 по 1745 год — свыше двадцати крупнейших (даже по европейским меркам) железных и медных заводов.

И за удивительную оборотистость, умение «нажить деньги», которую они не складывали в кубышки, а заставляли работать. Их капиталы воплощались в домы, кузни, молоты, водяные приводы, корабли... А когда Демидовы тратили свои деньги, то тратили так широко и дерзко, что мир замирал в завистливом восторге. К примеру, уж если делать подарок новорожденному сыну Петра (в 1715 году) — так положить ему на зубок одним махом сто тысяч рублей (по тому времени это была стоимость трех-четырех крупных заводов)!

И за умение мыслить широко, государственно. Не с бухты же барахты они создали и Демидовский лицей в Ярославле, и Демидовские премии ученым. Видели, куда надо деньги вложить — чтоб и государству на века прибыток был.

Но основу их громкой всесветной известности все же положили выделанные на принадлежащих им многочисленных уральских заводах чугуна, железо, сталь, медь и изделия из них — отменного, часто никем не превзойденного качества... Изделия демидовских заводов недаром развозили по всему миру.

Мы же здесь расскажем только об одной стороне этой замечательной деятельности Демидовых, может быть не столь часто подчеркиваемой их биографами, но, бесспорно, огромно значащей для становления русской черной металлургии. Демидовы первыми в России на своих заводах стали плавить металл из магнитной железной руды. Они первыми освоили те руды, которые и поныне являются главными в черной металлургии. Это был для отечественной металлургии революционный рывок.

Но вот тут уместно сказать, что заслуги в этом — не только и не столько Демидовых. На этот путь Демидовых направил, и не просто направил — вытолкнул, великий преобразователь земли русской Петр I. Именно ему принадлежит честь

первым в своей державе оценить будущее нового для России типа руд, заставить своих приказных заняться их отысканием, изучением и, наконец, найти достойного исполнителя для освоения их выплавки.

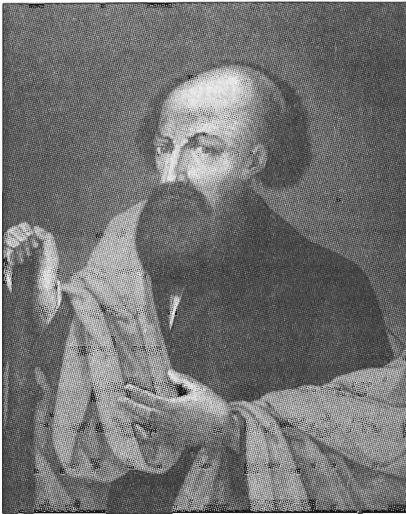
«Великий Петр Алексеевич, — писал Д.И. Менделеев в своем труде “Уральская железная промышленность в 1899 году”, — провидя современное значение железа, поставил добычу его во главу уральских усилий. И слава дел этих загремела в мире».

Здесь надо иметь в виду, что до конца XVII века главной железной рудой, с которой работали русские плавильщики, были отложения лимонитов (названы так по греческому слову «лимон» — луг) — осадков водных окислов железа в болотах, озерах в виде пленок, хлопьев, порошков, бобовин и тому подобных формах, распространенных на Русской равнине. Эти руды залегали мелкими, изолированными, часто далеко друг от друга отстоящими гнездами и потому не могли быть серьезной сырьевой базой крупного металлургического производства. Кроме того, они нередко содержали примеси, вредящие качеству выплавляемого металла.

Но именно с переработки таких руд и зачиналась русская железодельная промышленность. На плавку именно таких руд был рассчитан и первый уральский завод, который достался Демидовым, — Невьянский. Но не так задумывал заказчик строительства этого завода — Петр I. Это получилось как бы и во исполнение его указаний, но в то же время — явно вопреки отчетливо выраженной воле самодержца.

События развивались так.

Магнитный железняк, руда, широко используемая тогда в металлургии европейских стран, в России был практически неведом. Непонятно до сих пор поэтому, кто и как сообщил царю, что залежи такой руды есть на Урале. Как пишет Котловский в «Горном журнале» (№ 8, 1846 год), «...к сожалению, имя человека, которому случай или опытность указали путь к открытию рудника... (горы Высокой. — Л. С.) не сохранилось для нас и в преданиях...» Известно одно — в 1696 году царь написал тобольскому воеводе: «...ведомо

Никита Демидов

государем учинилось, что в Верхотурском уезде есть камень-магнит железная руда. И тот магнит привезенный является во многих местах, а в присылке в Сибирский приказ не бывает...» Петр повелел немедленно разведать места, где этот магнит залегает, оценить обилие его, накопать для пробы и прислать в Москву на опытные плавки.

Вероятно, какие-то сведения об этой руде были и у воеводы.

В ином случае как объяснить, что посланный им на розыск стрелецкий десятник Федор Накоряков почти сразу же вышел на место, где эта руда — почти в полтора сотнях верст от Верхотурья, «от деревни русских ясачных людей Терешки Надеева, от реки Тагилу версты две в горе...» — просунулась на свет дневной небольшим обнажением, «в длину две сажени, в вышину сажень с осьмью вершками...» Из этого места (из чего можно заключить, что и образец такого вида руды у него был перед глазами) исполнительный Накоряков наломал три пуда магнитного камня и доставил все в Верхотурье.

Как вскоре стало ясно, местные кузнецы и плавильщики обращению с такой диковинной рудой обучены не были. Выполняя приказ царя, воевода камень отослал в Москву.

Работавшие в Оружейной палате иноземные мастера быстро провели пробную плавку. И оказалось, что железо получается из магнитной руды «еще шведского, но годное на всякое дело».

Первую найденную в России магнитную железную руду было решено исследовать обстоятельно. В два адреса — в Ригу и Амстердам — было решено ее отправить на опробование.

В Риге посылку со ста фунтами этой руды получил опытный рудоплавильный мастер Иоганн Меллер. Его попросили получить из нее железо и оценить его качество. Видимо, мастер и очень умел был в своем деле, и честен. Он не только тщательно произвел передел руды, определил химический состав ее и полученного железа, но и указал на высокую примесь в сырье другого металла — драгоценного серебра. Валютного металла оказалось в присланной железной руде не так уж и мало. Меллер получил из тридцати фунтов ее два с половиной лота (примерно тридцать один грамм по метрической шкале) серебра. А изделия из полученного железа рижанин охарактеризовал самыми лестными словами.

Но настоящее, и очень весомое, международное признание, так сказать, путевку на международные рынки, уральской руде выдали амстердамские мастера. Управленцы Сибирского приказа послали очень хорошо относившемуся к России бургомистру Амстердама фон Витцену семь фунтов уральского магнитного железняка. Тот передал руду для обследования «опытному мастеру Андрею Ганлусгрилле».. Видимо, и в этот раз уральская посылка попала в весьма достойные руки. Мастер оказался сведущим не только в тонкостях переработки руд, но и много повидал их в «естественном» залегании (так можно судить по его оценке присланной руды). Изучив посылку всесторонне, он сказал, что руда и так довольно богата железом. Но по ряду признаков присланная проба взята с самой верхней части залежи. Глубже же руда должна быть еще более богата железом. И не постеснялся, искренне позавидовал владельцам рудника, где добывают такую руду. Они ведь должны будут очень хорошо заработать и на добыче, и на переделе руд такого высокого качества. И, как и рижский мастер, указал: ценность этой руды не столько в том, что она почти не содержит никаких вредных или плохо влияющих на качество выплавляемого металла примесей, сколько в том, что она содержит серебро и несколько других «легирующих» компонентов, которые значительно повышают качество изделий из выплавленного из нее железа.

Бургомистр Амстердама фон Витцен, ознакомившись с заключением знающего мастера, от имени купцов-торговцев

рудами и металлами сделал русским чиновникам несколько важных предложений. Если такое железо и руда будут ими поставляться на европейские рынки, то амстердамские торговые ряды будут для них всегда широко открыты. Охотно приобретут здесь и пушки из уральского металла. Только, дружески предостерег бургомистр, не прельщайтесь возможностью выплавлять из этих руд еще и серебро — и дорого слишком, и намного ухудшит качество изделий из обедненного железа.

В том же 1697 году в уральскую глухомань были посланы грамотные специалисты во главе с подьячим Сибирского приказа Иваном Салмановым и рудоплавильным мастером — греком на русской службе — Александром Левандианом, чтобы по пути на обследование сибирских месторождений они тщательно изучили верность донесения верхотурского воеводы и определились: а сколько же может скрываться в этой горе пудов железных руд?

Посланные были действительно первоклассными знатоками.

Они первыми и поняли, что в случае с Высокой горой получили люди не какую-то отдельную жилу магнитного камня, а залежь железных руд колоссальных размеров. Они первые доказали: вся гора сложена... рудой! Размеры же горы впечатляли — высотой в двести сажень (свыше четырехсот метров), длиной основания в версту, она имела еще и практически плоскую вершину площадью почти в десять тысяч квадратных сажень!..

После обстоятельного обследования сказочных по запасам выискиваемых по всей Европе руд верхотурский воевода Дмитрий Протасьев написал царю Петру челобитную, в которой настаивал убежденно на срочной необходимости ставить на этом месторождении рудники и железоплавильные заводы, поскольку «прибыль-де от этого государю велика будет». Особенно нравились воеводе обилием и руд, и воды, и лесов места по Нейве-реке.

Получив столь восторженные отзывы из-за границы и от своего воеводы об уральских магнитных рудах, и решил Петр Первый: «Для нужд России, конечно же, потребно, и сроч-

но, строить новый завод для плавки именно таких руд». И распорядился: немедля отправить сведущих людей подыскать для него место. Более того, царь стал срочно подыскивать человека, которому можно бы было доверить поставить такой завод. И тут, перебирая кандидатуры, припомнил он приглянувшегося ему недавно тульского заводчика, кузнеца и знатного мастера-оружейника (что немаловажно — завод задумывался в первую, конечно, очередь для выпуска военной продукции) Никиту Демидыча Антуфьева.

Кузнец получил цареву грамоту с чрезвычайно выгодным предложением — ему выдавалась тысяча рублей подъемных денег, представлялось право набрать из сибирских людей до сотни работных людей и, построив, использовать завод десять лет для себя и только потом продать его казне.

Но тогда, в 1697 году, это предложение тулянину не показалось заманчивым. Сославшись на чрезвычайную загруженность принадлежащих ему тульских заводов государевым заказами, боязнью сорвать их выполнение без личного догляда, Демидов отказался. Чтобы не показать царю, что он небрежно относится к его замыслам, хитрый Демидов предложил отправить на строительство нового предприятия своего лучшего ученика Марка Евсеева, сам же в этом случае намеревался съездить на Каменный Пояс только на одно лето проконсультировать строительство. По-видимому, показалось тогда осторожному дельцу, что рискованно в неведомых краях браться за плавку незнакомой руды.

Царь, однако же, настроился решительно ставить на Урале новый завод. Ответом на челобитье Протасьева явилась посылка на Урал Сибирским приказом в 1698 году полномочной комиссии во главе со знатнейшим тогда русским рудознатцем — боярским сыном Михаилом Бибиковым. Цель высокой комиссии была определена — заново тщательно переоценить запасы железа в новых местах и, коли окажется все так, как доносили в столицу предыдущие исследователи магнитных и прочих железных руд вдоль Нейвы-реки, определить место и начать ставить завод немедленно.

И вроде бы все тогда сложилось так, чтобы завод ставился под плавку магнитного железняка, да вмещалась обыч-

Невьянск

ная для бюрократических ситуаций подмена смысла указания руководителя своим пониманием поручения приказным чиновником.

Ведь вся переписка по магнитной руде на Урале велась Петром I и его чиновниками в очень насыщенный событиями период — между осадой и взятием Азова и первой поездкой государя в Европу, чтобы поучиться тамошнему умельству. То ли вечная нехватка времени не дала ему возможность тогда проследить за точностью исполнения своего

приказа, то ли еще недостаточная управленческая опытность, во всяком случае, его не очень внятно написанное указание — «... в Верхотурском уезде на речках Тагиле и Нейве, где сыскана железная руда, завести вновь железные заводы...» — приказные люди восприняли как необходимость обыскать место для железоделательного завода, в котором плавилась бы любые руды. Поэтому, вероятно, и посланным были даны наставления именно в этом духе.

Потому-то Бибииков начал строить завод под привычные болотные руды, найденные им у деревеньки Федьковки, стоящей на Нейве-реке, в том же примерно месте, где тридцать лет назад устанавливал свои плавильни Тумашев. Так определилось место знаменитейшего впоследствии Невьянского завода, давшего первую плавку в 1701 году. Хотя строил и пускал его Бибииков, но подлинно мировую известность заводу принесло управление талантливого самородка Демидова, который создал на нем первоклассное производство, частично перестроив сделанное здесь под руководством боярского сына. (Только заметим в скобках: хоть этот завод и прослыл знаменитейшим, он не стал первым по плавке магнитных руд.)

Переход же завода в демидовские руки определился так.

Бибииков, великолепный рудознавец, был не самым лучшим организатором постройки крупного завода. Он умудрился вдвое превысить смету, затянул работы. Яростно не приемлющий лишних трат и промедлений, царь приказал отстранить его от руководства заводом и стал приискивать более расторопного исполнителя.

И тут вновь ему подвернулся Никита Демидов. Для Никиты ситуация была уже другой. Завод Невьянский заработал на хорошо ему ведомых «болотных» рудах. Ведь именно ему, Демидычу, царь отдавал в свое время на оценку эти уральские руды. Из 4 пудов 35 фунтов их кузнец получил тогда около двух пудов железа. Этого хватило для выделки двух фузей с замками да двух копий. А качеством железо для ружейного дела оказалось даже лучше шведского. С другой стороны, так совпало, что вышли тогда же петровские указы (будто нарочно, чтобы сдвинуть Демидова с места), зап-

решавшие переводить на дрова для плавилен и кузнечных горнов дубовые тульские рощи. А без угля — какое металлургическое производство! И выходило — надо принимать давнее предложение Петра. Но в указе Петр все же не забыл закрепить и свое намерение наладить плавку магнитной руды. Но теперь (а это уже начало марта 1702 года, разгар организации отпора шведам) Петр не стал настаивать на немедленном освоении этих руд, но напомнил о необходимости поставить еще один завод — на Тагил-реке — и для передела магнитной руды. Никита Демидыч оказался понятливым. Потому главные свои усилия он сконцентрировал на организации самого современного тогда в Европе производства железа на новом своем Невьянском заводе на базе бурых железняков. Но и про напутствие царя помнил. Едва стало возможно, отправил сына Акинфия в Саксонию — тамошние мастера издавна умели работать с магнитным железняком. Оказавшийся чрезвычайно способным учеником, Акинфий по приезде на родину быстро организовал опытное производство на базе домен Невьянского завода. И когда он доказал отцу, что может от раза к разу выплавлять все более добротное железо из магнитного камня, тот решился на строительство нового завода на Тагил-реке, предназначенного уже к плавке именно руд горы Высокой. Завод там встал в 1725 году.

А увлекающийся Акинфий просто влюбился в магнитный камень. Он собрал у себя в доме коллекцию из уникальных образований магнетита, числом в семьдесят шесть образцов, каждый из которых он приказал вставить в оправу из серебра и золота. Любил поражать гостей у себя в доме чугунной пушечкой весом в один пуд, которую держала приподнятой глыбка магнетита весом всего в тринадцать фунтов. И даже Богу молился в одной из церквей Нижнего Тагила, в которой приказал установить «престолы в двух алтарях... из огромных кубических магнитов, коим — как отметил один из много чего повидавших путешественников — равных по величине, может быть, нет в целом свете».

Но судьбе было угодно распорядиться таким образом, чтобы еще одна гора магнитного железняка встрюилась в деми-

довские дела. История эта случилась, когда Никита уже умер и его дело уверенно и дерзко продолжили сыновья. Поскольку история эта и поныне у разных авторов трактуется по-своему, то приведем ее с возможной полнотой, опираясь главным образом на превосходное исследование событий той поры, опубликованное в «Пермских губернских новостях» за 1866 год известным уральским краеведом Наркизом Константиновичем Чупиным.

Чупин утверждает, что вся интрига этой нашумевшей на Урале истории зачиналась со случайной остановки весной 1735 года двух служивых людей, едущих по производственной надобности, в попутной деревушке. Люди эти были не так уж и малозначимы в тогдашней заводской иерархии: один из них — шихтмейстер (государственный чиновник, обязанностью которого являлось надзирать за деятельностью частного предприятия), сын верхотурского дворянина Сергей Ярцов, другой — приказчик Шайтанского завода, за которым Ярцов осуществлял надзор, Мосолов. Завод принадлежал Никите Никитичу Демидову.

Остановка произошла в вогульской деревушке Ватиной.

Пока гости раздевались, располагались в избе, хозяин ее, Яков Ватин, завел в горницу односельчанина — Степана Чумпина, держащего в руках небольшой узел. Попросив у гостей разрешения, он развязал этот узел и вывалил перед удивленными господами несколько кусков отборного магнетита.

— Откуда? — спросили они.

— С горы возле Кушвы, — ответили вогулы, — там ее много.

Господа похвалили вогулов, сказали — проверят их сообщение. С тем и уехали.

Днями после этого разговора к Ярцову нагрянул в его контору при Шайтанском заводе очень важный чиновник из канцелярии Татищева, тогда главного начальника уральских горных заводов, Хрущев. Докладывая о текущих делах, Ярцов показал начальнику образцы руды, что принес Чумпин. Беспечно доложил, что в сей момент демидовский приказчик Мосолов проверяет «заявку» вогулов.

По всему видать, Хрущев был пооборотистее своего подчиненного. Недаром, как утверждают, был он близким дру-

гом тогдашнего российского премьер-министра Волюнско-го, известного острым своим умом. Хрущев быстро смекнул, что в данном деле можно много чего приобрести, и приказал шихтмейстеру немедленно гнать в Екатеринбург — сделать официальное заявление в канцелярии Татищева о находке новой залежи магнитного железняка.

Ярцов прискакал в канцелярию 14 мая 1735 года.

Доложил.

И в тот же день, только на пару часов позднее, примчался в Екатеринбург сделать сообщение об открытии той же залежи сын Никиты Никитича Демидова — Василий Никитич. И предъявил свои на нее права. Мол, отныне ее будут разрабатывать для демидовских заводов...

Но не тут-то было! Татищев — на вполне законных основаниях — сказал ему, что, поскольку не он первый сделал «заявку» на новые руды, ему и не может принадлежать исключительное право их разрабатывать. И тут же приказал отправить на обследование указанных руд двух чиновников — осмотреть местность вокруг залежи, составить ее план, присмотреть на всякий случай место для установки молотов и домен, если окажется, что руды там действительно много.

Посланцы вскоре возвратились из командировки. С собой привезли они отобранную из открытых вновь руд пробу в полтора пуда магнитного железняка, которую тут же, немедленно, отправили в пробную плавку. И «было из пуда руды железа, вытянутого в полосу, десять фунтов, и то железо явилось самое доброе, мягкое и жильное...»

Татищеву стало очевидно — открыто новое, причем богатейшее, судя по отчету чиновников, месторождение добротного магнитного железняка, бесспорно могущего принести его владельцу сказочные дивиденды. Еще и тем заинтересовало это месторождение главного горного начальника, что ему, лишь около года вступившему в эту должность, очень захотелось порадовать правительство каким-нибудь заметным почином в своих владениях. Случай к этому представился самый благоприятный.

Но решать судьбу нового месторождения Татищев должен был очень осмотрительно. Что из того, что он был тогда глав-

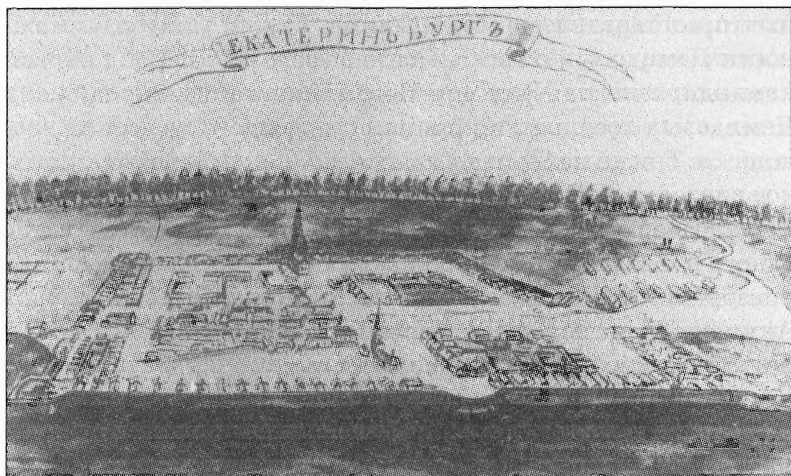

ным представителем государыни на Урале? Силу и возможности Демидовых он испытал на себе еще в период первой командировки на Урал при Петре I, когда именно происки Демидовых послужили причиной снятия его с высокой должности. Тем не менее отдавать столь лакомый кусочек в полное владение Н.Н. Демидову ему явно не желалось. Ведь это сделало бы эту и так могущественную семью обладателем еще одного богатейшего месторождения (ведь тогда высокогорские рудники работали исключительно на потребу заводов Акинфия Демидова). И следствием было бы только одно — роль государственных предприятий на Урале станет уже окончательно второстепенной, они превратятся в маломощный придаток и без того обширной процветающей демидовской металлургической державы.

Нет, укреплять монополию Демидовых Татищев отнюдь не собирался. Это противоречило и интересам государства, и его личным интересам.

Повод для отказа Никите Никитичу он нашел сравнительно легко. Очевидно было, что у Демидова нет в наличии ни необходимого числа специалистов, ни достаточной суммы денег, чтобы поднять строительство железоплавильного завода с мощностями, соответствующими масштабу залежи. В общем-то отговорка непрочная. Сегодня средств нет, завтра появятся. Надо было оформить отказ так, чтобы навсегда отнять у Н.Н. Демидова право претендовать на новую залежь, предупредить весьма возможный поток жалоб на якобы его, Татищева, самоуправство, на нарушение горных установлений самого Петра Великого, в 1719 году определившего, что не возбраняется «... всем и каждому во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях, искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы...»

Татищев знал — Демидовы умели находить щели в любых законах. И он, к тому времени уже умудренный государственный деятель, нашел блестящий ход. Помогли ему впечатления от поездок по Швеции, куда он несколько раз был отправляем в командировки «по обмену опытом», приобретению оборудования. В Швеции богатые месторождения принято было передавать в разработку нескольким промышленникам

Екатеринбург в 1734 г.

сразу, под общим надзором королевских чиновников. Это было и эффективным антимонопольным средством, и упрочивало положение государства в его взаимоотношениях с частными предпринимателями.

Этот-то опыт и решил применить хитроумный Татищев при определении судьбы богатейшей залежи. Он приказал собрать в Екатеринбурге всех людей, самым прямым образом заинтересованных в том, чтобы и им достался кусок от жирного этого пирога. Прибыли и Никита Никитич Демидов, и приказчики Строгановых, и представители Акинфия Никитича Демидова, и люди крупного промышленника Осокина.

После непродолжительных дебатов Татищев провел на этом представительном собрании тогдашних уральских горных и металлургических воротил такую резолюцию: «...руды во вновь открытой горе и в других тому подобных богатых рудных горах добывать допускать надлежит с отводом каждому своей части, какая кому по усмотрению построенных домен определится... Каждому по поверхности земли (отводилось) десять квадратных сажен под домну и сорок квадратных сажен подле горы на кладку запаса руд и строение изб...»

Представители могущественных заводовладельцев проголосовали за раздел богатейшего месторождения с удовольствием (исключая, естественно, Н.Н. Демидова) тем большим, что к открытию его они не приложили никаких усилий. Но они не заметили, а может быть, то была молчаливо вносимая ими плата за с неба свалившееся богатство, что Татищев очень мудро предотвратил возникновение в дальнейшем на Урале слишком крупных частных владений богатствами недр. Причем в том же решении Татищев провел пункт: лучшие открытые рудные места должны при разделе отдаваться казне. Резолюция вступила в силу шестнадцатого июня 1733 года.

А в сентябре этого же года Татищев выбрался лично освидетельствовать новое рудное место. Воочию увиденное, крепко оно его поразило. Главный горный начальник убедился: очень стоило ему проявлять чудеса изворотливости, воюя за участие казны в разработке этого чудо-месторождения. Оказалось — не одна гора, много здесь было гор и горок, сложенных из магнитного железняка. Запас сырья практически вечный. (Заметим, что Татищев, оценивая объем рудной массы, рассчитывал на ее переработку на заводах тогдашней мощности. Но он не так уж и ошибся в своем предвидении: Гороблагодатское рудоуправление исправно снабжает высококачественным магнитным железняком уральские заводы и сегодня. И есть еще перспектива найти здесь новые залежи руд, правда, уже на значительно больших от поверхности глубинах.)

О состоянии Татищева при осмотре им новообретенной залежи лучше всего свидетельствует запись в его дневнике от 9 сентября 1735 года «... и я, видя, что оное сокровище подлинно можно Благодатью Всевышнего назвать, того ради самую высшую гору назвал Благодатью, которое значит, собственно, имя ее императорского величества...» «Анна» по-еврейски означает «благодать». Умел и тонко польстить Василий Никитич.

Татищев, как мы видели, очень мудро, по государственному, распорядился уникальными сокровищами горы Благодать и одновременно создал прецедент, указующий прин-

цип использования таких сокровищ в будущем. Но нельзя умолчать и о том, что он же если не заложил, то поддержал скверную привычку властей предержавших тут же забывать о первооткрывателях сокровищ, как только они укажут на места их расположения.

Во время инспекционной поездки Татищева сопровождал, служил проводником к обретенному сокровищу его первооткрыватель вогул Степан Чумпин. Он давно уже сообразил, какую услугу сделал важным господам, объявив им клад невиданный, из-за которого так всполошились и все частные владельцы уральских заводов, и государевы горные чиновники, и сам главный начальник уральских горных заводов. Степан и попросил скромно — может, и ему должно что-нибудь перепасть от будущих их миллионных барышей. Вогул пожаловался — за его старания получил он пока только два рубля и семьдесят копеек. Потом же выплату вознаграждения ему придержали, поскольку право на эту награду стал оспаривать его односельчанин Ватин, с которым они вместе приносили куски руды к Ярцову и Мосолову.

Расчувствованный увиденным, Татищев тут приказал вручить Чумпину еще два рубля, но и повелел разобраться, кто же истинный первооткрыватель этого места, кто по праву достоин награды. Чиновники его канцелярии быстро и умело провели дознание. Они тут же организовали опрос всех взрослых жителей деревни Ватино. Порознь допрошенные, все они единодушно показали, что Яков Ватин просто самозванец, учуявший выгодное дело и решивший примазаться к нему. Но, главное, чиновники дознались, что и вообще руду эту магнитную поначалу приискал даже не Степан Чумпин, а отец его Анисим, и за несколько лет до сообщения Степана властям. И об этом знали в деревне все — Степан и не скрывал это. Анисим умер в 1734 году и наказал сыну перед кончиной, что тот может распоряжаться сведениями о руде, как вздумает.

Установив, таким образом, истинного первооткрывателя, Татищев распорядился вознаградить его. По этому случаю Степана Чумпина вызвали в Екатеринбург, в канцелярию Главного заводов правления, и 24 января 1736 года едино-

временно вручили ему... аж целых двадцать рублей, сообщив при этом, что-де «впредь, по усмотрению в выплавке обстоятельства тех руд, ему, Чумпину, подлежащая заплата учинена будет...»

Но обещание так и осталось обещанием.

Кроме уже названных двадцати четырех рублей и семидесяти копеек, первооткрыватель уникальнейшего месторождения, так во всяком случае следует из документов, более ничего никогда не получал. Конечно, если судить по тогдашним мерам оплаты труда, сумма не столь уж и мала — примерно равна годовому среднему заработку рабочего уральского казенного завода (по С.Г. Струмилину). А если судить по величине прибыли, которую извлекли и казна, и заводовладельцы от разработки Гороблагодатского месторождения, то такая плата кажется насмешкой над первооткрывателем.

С историей открытия магнитного железняка в горе Благодать связана бытующая и по сию пору мрачноватая легенда. Вот как описал ее Н.К. Чупин: «Во многих печатных статьях и книгах новейшего времени рассказывается, будто на горе Благодати вогулы приносили жертвы своим божествам и будто, озлобясь на Чумпина за то, что он указал русским священное их место, сожгли его на этой самой горе. Но сказание это, по-видимому, позднейшего происхождения, по крайней мере в архивных делах я не нашел ни одного документа, который бы указывал на такое или подобное событие... Напротив, из архивных дел видно, что вогулы ничего не знали о магнитной горе, пока им о ней не сказал отец Степана Чумпина Анисим, умерший в 1734 году, что и потом точное местонахождение ее знал только один Степан...»

Федор Иванович Молодой

Почему-то большинство уральских краеведов полагает, что в начале XVIII века на Урале строились либо казенные заводы, либо частные, которым покровительство Петра Великого давало возможность конкурировать с государствен-

ными предприятиями. Это не так. Были тогда отчаянные люди, что основывали совершенно на свой страх и риск металлургические заводы, дерзко бросая вызов и монополии казны, и демидовской державе.

К их числу относится заводчик Федор Иванович Молодой. Его заводишки, конечно же, не идут в сравнение с гигантами казны и Демидова, однако, как свидетельствует А.А. Преображенский, сделавший фундаментальную подборку сведений о его деятельности, жизнь Федора Ивановича Молодого дает достаточно точное представление о том, «как... осуществлялись начинания первых промышленников на Урале» в самые первые годы XVIII века. Кроме того, немислимо переменчивая жизнь Федора Ивановича — яркая иллюстрация нравов того разноликого времени, и рассказ об этой жизни чрезвычайно поучителен.

Так кто же это такой — Федор Иванович Молодой?

Даже по немногим крупницам сведений — отчаянный, бесшабашный авантюрист, человек вполне в духе бурной эпохи Великого Петра. В самом конце XVII века (по его собственным словам) он мельтешит в районе Астрахани, где успевает и присмотреться к местным селитренным заводам, и побродить с тамошней вольницей. Точно неизвестно, за что, но, всего вероятнее, за сомнительные дела с гулящими людьми, Федора Молодого ввергают в царевы застенки, пытаются и даже клеймят в левую щеку — видимо, «веселые» его дела имели тяжкий вес и характер. Это было первое, но далеко не последнее его знакомство с тюрьмой.

В новый XVIII век Федор Иванович Молодой — уже уралец. В 1701 году он сослан в «солеварный городок» на Уфе. С тех пор он так и именуется — уфимский житель. Жизнь ссыльного, конечно же, была не по его натуре. Он сбегает из южноуральских мест и объявляется в Москве. Как, каким образом ему, клейменому, удалось пробиться к дьякам Приказа рудных дел, чем он обольстил царя, пока не выяснено, — только 23 января 1704 года Федор Иванович Молодой получает именной царский указ, которым дозволяется ему развешивать рудопоисковые работы на медь, железо, золото, серебро, вообще на все, что подвернется под руку на обшир-

ной территории казенных и частных земель в уездах Галицком, Вятском, Кунгурском. Если же Молодой находил такие руды, он имел право на свой счет ставить заводы, чтобы плавить и обрабатывать их. Людей на завод ему следовало нанимать только вольных. Зато найденные им рудные места позволялось разрабатывать 30 лет, а пошлину с завода, смотря по виду руды, обещали не брать 4 либо 6 лет.

Видите, какое отличие от царского благоволения к Демидову: ни тебе подъемных денег — чтоб опереться на первое время, ни огромной территории в личное пользование, ни одной захудалой деревеньки с крепостными, ни щедрых льгот в обложении налогами.

Тем не менее Молодой умел устраивать свои дела. Он был хоть и авантюрист, но не безрассудный. И об уральских богатствах он что-то уже знал заранее. Умел и с деньгами как-то выкручиваться, этот недавний клейменный ссыльный. В феврале 1703 года умудрился занять у Ивана Патрушева (горных дел надзорщика) сто рублей, которые обязался истратить на организацию поставки железных руд заводам в Тобольском или Кунгурском уездах.

Конечно, этих ста рублей на серьезный поиск руд для создания базы постройки приличного завода было мало. Тогда Федор Иванович закладывает все свое имущество (когда он его успел только нажать?) в Москве и, наскребя-таки достаточный начальный капитал, с царевой грамотой мчится на Урал. Видимо, в его каторжные уши залетела достаточно точная информация о местах, где железной руды достаточно для закладки завода. Вообще Молодой был великий мастер добывать нужные ему сведения. Удивительно, как умел он входить в доверие к людям, можно сказать, даже специально учился этому, что и привело его позднее к очередной тюремной отсидке.

Но вот пока он прибыл на Урал и сразу стал обдумывать способ завладеть землей для строительства на ней завода. Тут у него возникли сложности. Царским указом завод-то завести ему позволили, да условия тогда на Урале так сложились, что сунуться без протекции никуда было невозможно.

Со строгановских земель его шуганули, в других местах земские начальники несусветные взятки вымогали.

Но и тут извернулся Молодой. Взял и просто купил участок земли недалеко от найденных им залежей железных руд возле речки Мазуевки (в 45 верстах от Кунгура).

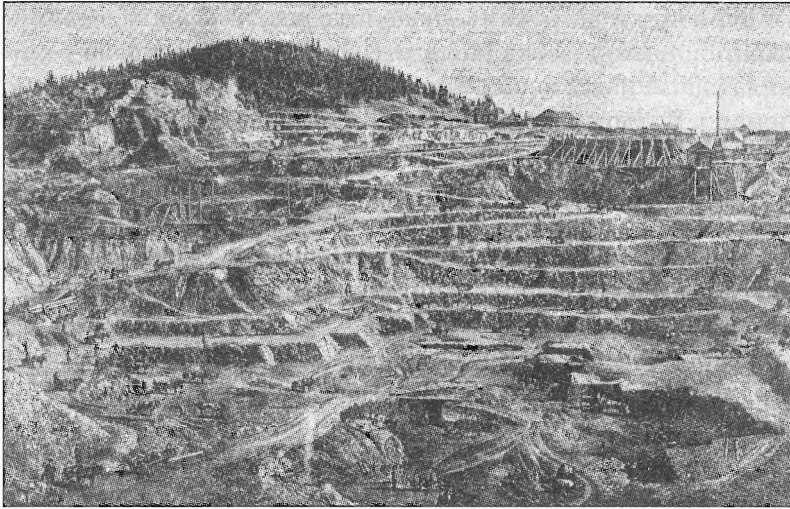
С 1 августа 1704 года на участке уже кипит работа — рубится лес, возводятся дома, свозится руда, готовится уголь. 30 декабря этого же года завод выдал первый металл. А Молодой, едва от первых доходов выкупил в 1706 году заложенное в Москве имущество, уже замысливает расширение дел. Только далее все больше и больше глотало денег заводское устройство. Тогда он в 1707 году компаньонов пригласил, с деньгами стало полегче, и, казалось, работай, богатей.

Но... 1707 год вновь оказался для Молодого роковым.

Его удачливая работа вздувала вокруг него сполохи недоброжелательства. И действительно, для плавки, кузниц нужен уголь — значит, вырубался окрестный лес, что основательно ссорило его с близживущими крестьянами, которые, кстати, тот лес сами использовали, чтобы помаленьку для своих нужд плавить такую же руду.

Заведенные Молодым хорошие отношения с местными рудознатоками ссорили его с крепнущими Демидовыми, которые отлично понимали, что благополучие металлургических заводов зиждется на надежной сырьевой базе, и вовсе не желали терпеть конкурента, бравшего руду не так уж и далеко от мест, где они сами собрались ставить заводы. И выбили-таки Демидовы у царя указ, ограничивающий возможности Молодого. Тем не менее завод Молодого работал, выдавая немало продукции (4—6 тысяч пудов в год только кричного железа, а еще была сталь), принося прибыль.

Но враги не оставляли надежды полностью уничтожить и завод, и самого Молодого. Такая возможность им представилась в январе 1707 года. В те дни Молодой возвращался на Урал из долгой поездки в столицу и другие места, где приобрел большой набор справы для расширения завода. Все это он отправил на восемнадцати санях, основательно нагруженных. И какой-то добродей донес откупщику таможенных сборов, что обоз Молодого миновал кунгурскую таможню и

Магнитная гора Высокая

не заплатил должной пошлины. Тот пожаловался воеводе. Немедленно отряжена была погоня. Чиновники и стрельцы остановили обоз Молодого и досмотрели его поклажу. И, как и ожидалось, нашли к чему прицепиться. На санях оказался порох, который Молодой хотел использовать для подрыва твердых рудных масс. А порох, как и любой воинский припас, тогда был товаром строгого учета. Беззаписный его провоз был немаловажным государственным проступком. Это был повод для ареста Молодого и начала следствия. А уж когда началось следствие, воевода дал приказ сделать тщательный обыск всего имущества Молодого. И вот тут-то открылась главная улика, которая вновь ввергла его в узилище. Среди бумаг Федора нашли писанные его рукой «заговорные письма», несколько тетрадей, где заводчик хранил рецепты приворота к себе людей вообще и женщин в особенности. Предтечу Дейла Карнеги в те дремучие времена не поняли, содержимое тетрадей сочли злостной ересью и после почти восьмимесячного содержания в тюрьме при Сибирском приказе вынесли приговор: Молодого «бить батогами нещадно и те письма у него на спине сжечь...» Приговор подписал князь М.П. Гагарин.

Все эти долгие месяцы, пока шло расследование, завод не работал, а имущество Молодого, опечатанное, ждало решения суда. А нажито оборотистым расторопным купцом было немало. Его дом был полной чашей. Хороший гардероб французского, венгерского и польского покроя платьев, камзолов с пуговицами серебряными, немецкая обувь. У него был установлен даже орган пятиголосый, а на стол подавали шикарный деликатес по тогдашнему времени — сахар. И, кстати, среди описанного у Федора Ивановича Молодого имущества были и учебники, и счетные доски, и доски учебные. Он сам был неплохо, можно сказать — европейски образован: в его письмах и деловых бумагах часто встречаются технические термины, применяемые в саксонских наставлениях по горному делу, и он, по-видимому, старался дать хорошее образование и своим детям.

Федор Иванович, перенесший батоги и костер на своей спине, был выпущен из тюрьмы. И сразу стал хлопотать о возврате завода и имущества. Правда, первую такую попытку он сделал еще в августе 1707 года, сидя за решеткой. Только 7 сентября 1708 года князь Гагарин распорядился вернуть ему имущество и завод.

Казалось бы, минули черные дни, начинай, правда, после больших убытков, снова работать, зарабатывать. Да, видно, судьба такая вышла Федору Ивановичу — не удалось и в этот раз безопасно устроиться в кунгурских лесах.

Снова подловили его недруги на сущем пустыке. Одним из условий освобождения Молодого из тюрьмы было обязательство отыскать несколько месторождений селитры. Федор Иванович отыскал такое место, о чем донес кунгурскому воеводе. Тот послал обследовать указанную залежь. Осмотрщикам она не понравилась — мол, мало здесь будет селитренного камня. Тем не менее образцы руды и пород послали в Москву. Они попали опять к Гагарину, и князь не признал в образцах нужной руды, а назвал все пустой породой. За то же, что ее Молодой осмелился прислать, велел его... отправить с женой и детьми в ссылку в Мангазею.

Такой жестокий приговор не чем иным, как происками врагов, объяснить нельзя. Обманные образцы в Москву сво-

зились возами — и ничего, всем все сходило, да и правильно, — чтобы не отбивать охоты к поиску. Это с одной стороны. А с другой — непонятно, как Молодой мог ошибиться в определении селитры. Ведь его верная помощница в делах — жена — считалась крупным специалистом среди знатоков именно в опробовании селитры, и ее экспертных оценок в этих вопросах часто запрашивали официальные власти...

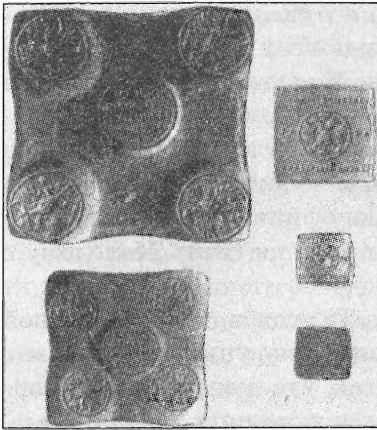
Сложилось вроде, что так и придется гнить Молодому с семьей в Мангазее.

Но опять им поиграла судьба. Та судьба, что в очередной раз наказала его, снова выбросила ему уникальный шанс выпутаться из беды. Случилось так, что, когда решался вопрос о его наказании, был он вызван в столицу. А тут привезли в приказ медную руду, и не нашлось под рукой мастера ее опробовать. Рудой же заинтересовался по какой-то причине Петр I и гневно потребовал немедленно определить ее качества.

Тут-то и вспомнили приказные о Федоре Ивановиче.

И до конца дней своих не мог забыть Молодой, как «прошлого 710 года пробовал... руду при его императорском величестве. И раздроблял его величество своими десницами туттень (огарыш при плавке), и усмотрел кениг (королек — выварка металла), и увеселился зело, и обещал пожаловать, и записал в памятную свою книгу имя наше...»

Это-то его и спасло. Не мог царь допустить, чтобы в пору, когда стране позарез нужен металл, знающий человек прохлаждался в ссылках. Он велит взять Федора на государеву службу. И тот же князь Гагарин, столь суровый к Молодому, уже прописывает ему за довольно приличный оклад — в год 200 рублей — ехать на Урал и практически на всей его территории велит организовать поиск всяких руд, а коли найдет, то и строить государевы заводы. Вот уж тут Молодому испытать довелось, что значит цареве благоволение. И крестьян кунгурских позволили в заводскую работу брать, и разрешили нужную снасть брать для поиска. И едва успел Молодой продиктовать набор инструментов и припасов — почти на две с половиной сотни рублей, — тут же они были ему доставлены, только езжай поскорей. Правда, чтобы не

Образцы «уральских денег»,
выпускавшихся
Екатеринбургским монетным
двором с 1725 по 1737 г.
для хождения на Урале

вольничал, приписано ему было «до указа плавить всякие руды, а ис кунгурского уезда до указа не уезжать». Вернули ему и Мазуевский завод...

Заводчик вновь на коне. Он моментально возвращается в Кунгур. Необорванные связи с местными рудознатоками позволили отыскать медные залежи, чтобы в достатке от них снабжать быстро им возведенный медеплавильный завод. Пошел с него металл на государевы нужды. А поставил Молодой завод невдалеке от возвра-

щенного ему Мазуевского железодельного.

Работа кипела, металл и изделия шли, прибыль росла, и, казалось, жизнь Федора Ивановича вошла наконец в нормальное русло.

Но не таков был характер нашего авантюриста, чтобы спокойно жить. Получив дармовую рабочую силу, Молодой сразу вспомнил о давних своих мечтах расширить Мазуевский завод. Не поставив впопыхах в известность власти предрержащие, он быстро пристраивает к заводу цех и организует передел железа на вододействующем молоте. Государство стало получать дополнительное листовое и пружинное железо.

Враги, конечно же, не дремали. Они смекнули, что хоть государству от деятельности Молодого одна польза, но, конечно же, и ему прибыль. А им это было костью в глотке. Нашелся «добрый человек», шепнул кому надо в Кунгуре. Те не замедлили отправить донос в Сибирский приказ. Оттуда немедленно примчался важный чиновник — стольник Петр Коноплин. Не стоило труда установить: да, построил «молотовый анбар» этот неутомимый задиристый проходимец, и без всякого официального распоряжения. Этого московские бюрократы пере-

нести не смогли. Велено было Федора Молодого взять под стражу. Больше года провел он в кандалах в кунгурской тюрьме и отправлен потом вновь в ссылку в гиблое место — в Березов.

Что, думаете, на том успокоилась его бурная натура?

Нет, не таков это был человек.

Нужда в знающих людях повсеместно в России тогда была огромная. И спустя какое-то время, когда страсти поутихли, Молодого привлекли как мастера-плавильщика в работы в Тобольске. А в 1718 году он уже трудится на Уктусском заводе — мастером при плавке меди.

В 1720 году Петр I каким-то путем узнает о новых злключениях своего давнего знакомца и требует, чтобы его немедленно прислали в Петербург, — видно, снова был срочно нужен. До этого Молодому удалось добиться, чтобы его делом занялся В.Н. Татищев: мол, облыжно обвинен и прошу вернуть завод. Татищев, хоть и сохранились свидетельства недоброжелательного его отношения к заводчику, хлопоты его решил удовлетворить. Да только самого Татищева демидовские происки оттеснили от уральских дел. И вернуть завод Молодому берг-коллегия порешила только после 1722 года...

Мазуевский завод был в работе почти весь XVIII век. И железо переделывали на его подпольно поставленном молотовом производстве, и делалось на нем оборудование для других уральских заводов.

Сам же Федор Иванович дожил до глубокой старости. Завод его достался потом в управление внуку — Михаилу Ярышкину.

А память о заводчике жила еще долго. На планах 1773 года поставленный им на речке Мазуевке железодельный завод назван «старый завод Федора Молодого».

Турчаниновы

Первым носителем этой фамилии значится Филипп Трофимов, пленный «турчанин». Попал он на Урал, как многие тогда пленные люди, будучи выкуплен богатым человеком

из государева острога себе в услужение. Купил «турчанина» думный дьяк при Соликамском воеводском дворе Аверкий Степанович Кириллов. Кириллов, как и многие небедные жители Соли-Камской, имел свой соляной промысел. Видно, «турчанин» был достаточно сметлив, быстро выучился языку и грамоте, во всяком случае, в переписные книги 1678 года он попал уже как варничный приказчик Кириллова. Видимо, зарекомендовал себя преданным, умелым работником, потому что после смерти А.С. Кириллова в той же должности служил его сыну Якову Аверкиевичу.

В феврале 1693 года Я.А. Кириллов продает свой родовой промысел (очевидно, и трубы, и варницы) «посадскому человеку» А.В. Ростовщикову. Продажа если и изменила что-то в жизни Филиппа Турчанина, то ненамного. Он и жить остался все в том же доме при промысле (хоть дом теперь принадлежал Ростовщикову), и управлял кирилловскими делами. Да так управлял, что в 1697 году вдова Якова Аверкиевича била челом в государев приказ, что обирает ее Филипп Трофимов, завладел доходами от ее деревень, и того ему мало показалось, обобрал и вынес все из ее соликамского дома.

Чем челобитье Ирины Кирилловой закончилось, неизвестно, только начало следующего века Филипп Трофимович встретил уже весьма зажиточным человеком. Всяких налогов со своего имущества он платил свыше пяти с половиной рублей (в те годы средний посадский житель платил с подворья почти в 10 раз меньше).

Следующий представитель этой династии — сын Филиппа Трофимова Михаил Филиппович — уже назывался Турчанинов. Он был достоин своего отца. Михаил Турчанинов уже занимает заметное место среди соликамских воротил и имеет прибыльные соляные промыслы. Но беспоконной Петровской эпохе недостаточной оказалось занятость соликамских богатеев только одной традиционной соляной деятельностью. Страшно стесненный нуждой в меди (дошло до того, что дважды — после нарвского поражения и полтавской победы — вынужден был Петр повелеть срывать колокола с церквей: для чеканки монет и

производства пушек), государь повелел соликамским богачам организовывать медные промыслы — добывать и плавить медные руды. Причем людям среднего достатка велено было это делать вскладчину, людям же со значительными капиталами предписывалось полностью строить завод на свои средства.

М.Ф. Турчанинов был признан достаточно богатым, чтобы строить завод единолично. Но тертый, осторожный делец не поспешил сразу исполнять этот приказ берг-коллегии. Ссылаясь на отсутствие опыта, он выторговал себе право в 20-е годы только добывать медную руду и поставлять на казенный Пыскорский завод — ведь копать руду и возить ее было значительно проще. Но дело оказалось не столь прибыльным. Завод организовал оплату заводчику не за доставленный объем руды, а за выплавленный фунт меди — по конечному результату. Турчанинов сообразил, что, может быть, выгоднее сократить транспортные издержки, — и теперь уже поддается нажиму обер-берг-амта строить возле своих рудников собственную плавильню. В 1731 году он последний раз свозил руду на казенный завод. После он организует плавку на собственном Троицком заводе.

Михаил Филиппович Турчанинов был не очень счастлив детьми. Так получилось, что жена родила ему только дочь, да и то очень болезненную. А он все время мечтал о наследнике. И тут подвернулся ему мальчик, видимо сирота,мышленный, недерзкий. Михаил Филиппович и взял его к себе в дом. Стал учить потихоньку и постепенно привязался к сметливому подростку, которого внесли в списки его двора под именем Алексея Федоровича Васильева. Когда мальчик стал юношей, Михаил Федорович сделал его приказчиком, стал испытывать сначала небольшими, а потом, когда стал стареть и дряхлеть, — и ответственными заданиями. К примеру, посылал его с обозами в Кяхту, торговать за Байкалом с монголами. Алексей оказался прирожденным купцом — обходителен с людьми, тверд в слове, обаятелен, пронырлив и, главное, точно улавливал конъюнктуру рынка, умел угадывать завтрашнюю выгоду.

Михаил Федорович умер где-то между 1731 и 1734 годом. Васильеву тогда было около двадцати лет. Вдова Турчанинова, оставшись с больной дочерью на руках, передоверила Васильеву все заботы по ведению немалого ее хозяйства. Алексей Федорович быстро сообразил, что у него есть отличный шанс выбиться из приказчиков в хозяева, и вскоре состоялась свадьба единственной наследницы турчаниновских богатств с молодым приказчиком Алексеем Васильевым, который, из уважения к давней мечте своего благодетеля, при оформлении брака принял фамилию своей жены и стал Алексеем Федоровичем Турчаниновым. Конечно, в брачном договоре вместе с фамилией он взял за женой в приданое и все турчаниновское имущество.

Алексею Федоровичу и выпало стать самым известным из носителей этой фамилии. Обаятельный, с хорошим природным юмором, купец этот легко сходился с людьми и завоевывал их уважение и расположение. Тянула к нему людей не только приятность общества Турчанинова, но и его невероятная удачливость. Вот пример. Он хорошо сошелся с Демидовым, владевшим возле Соликамска селом Красным и приписанными к нему обширными угодьями. Случилась у Алексея Федоровича надобность в земле. Он и сговорился с Демидовым об аренде его владения. И вскоре после начала пользования в земле той он находит очень хорошую залежь богатой медной руды. Ее запасы позволили не только расширить медеплавильное производство на принадлежащей ему Троицкой фабрике, но и организовать там «фирменную» обработку металла.

Это оказалось счастливой затеей Алексея Федоровича.

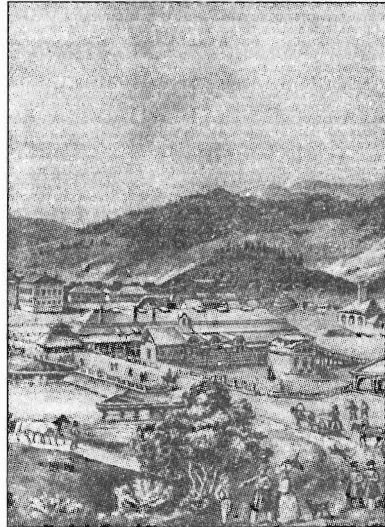
Он быстро смекнул, что обычной продукцией медных заводов теперь уже не добыть хороших прибылей. И решил организовать на своей фабрике выпуск уникальных вещей — добротных, изящных, которые не стыдно поставить и в царский дворец. Задав себе такую цель, Турчанинов, обычно прижимистый и очень расчетливый в своих тратах человек, не скупится ни на какие расходы. Качество литья ему обеспечивали лучшие мастера. Форма и узор изделий создавались по рисункам знаменитейших отечественных и зару-

бежных модельеров. Отменно было и качество чеканки. В общем, уже вскоре об изделиях турчаниновской Троицкой фабрики заговорили. И даже знавшая толк в роскошных вещах императрица Елизавета Петровна весьма благосклонно приняла преподнесенные ей поделки фабрики и пожаловала за доставленное удовольствие Алексея Федоровича 30 марта 1753 года званием титулярного советника (эквивалент пехотного капитана). Естественно, прежде чем изделия фабрики попали на императрицын стол, они украсили не одни вельможные петербургские покои. Тогда-то и завелась у Алексея Федоровича Турчанинова среди власть имущих сильная покровительственная рука, которая вскоре очень пригодилась.

В 1756 году он подал на высочайшее имя прошение о продаже ему из казны Сысертского, Полевского и Северского (с камнерезной фабрикой) заводов. В прошении он утверждал, что только с получением этих заводов сможет покрыть убытки, понесенные им на Троицкой фабрике и солеварении. Но он не один такой бедный выискался. В столь же «стесненном» положении оказались и еще несколько крупнейших тогдашних воротил, список которых возглавляли бароны Строгановы. Вдобавок Строгановы, претендуя на передачу им этих заводов, ссылались на жалованные грамоты еще Ивана IV, якобы отдавшего им наперед чуть ли не все уральские земли.

Но звон турчаниновской меди перебил все намеки на услуги российским государям даже всемогущих Строгановых. Правда, как Турчанинов впоследствии говорил, не одни баш-

Миасский
золотопромывный завод.
Литография XIX в.

маки износил и не одну площадь истоптал он в столице, да и добавить золотого благовеста к медному звучанию ему пришлось наверняка немало, но с 1759 года он уже вступил во владение просимыми заводами.

Конечно же, А.Ф. Турчанинов не зря потратился и бился за эти бывшие в казенном управлении убыточные заводы. Уже вскоре они вдвое увеличили под его руководством выплавку меди и железа и стали давать до ста тысяч рублей дохода в год. Эти достижения заводчика были прибыльны и для него, и для казны. В то же время ему довелось сделать работу, которой он по праву заслужил благодарную память потомков. Алексей Федорович Турчанинов первым оценил красоту уральского малахита и перспективность в завоевании им мирового рынка.

Случилось так, что при обсуждении продажи заводов берг-коллегия высказалась за то, чтобы Турчанинову был отдан и Гумешевский медный рудник, служивший сырьевой базой для Полевского медеплавильного завода. Медной руды, как считали чиновники, там уже почти нет, и это запущенное предприятие выгодно хоть за какие деньги сбыть с рук.

Получив Гумешевский рудник, новый владелец создал комиссию из своих соликамских специалистов по оценке его запасов. Во-первых, выяснилось, что там есть еще — и немало — добротной руды, для переработки которой, правда, необходимо было изменить технологию плавки. А во-вторых, обратили внимание, что там много зеленого узорного камня, который кто-то где-то видел в каких-то поделках. Сделали пробу, подобрали к рисунку камня оправу и поняли, что наткнулись на золотую жилу. А уж разрабатывать такие жилы Турчанинов умел. Он сразу же создал гранильную фабрику. Нашел для нее достойных мастеров. Затем организовал умелую рекламу их изделий. Для пропаганды камня щедро и широко дарил образцы и изделия из него музеям и «нужным» людям. Приглашал на Гумешки ученых и коллекционеров. И всяко поощрял полевских мастеров творить разные поделки из него. И добился-таки невиданного успеха. И толковая реклама сработала, и красота камня во всю мощь мастерами была показана:

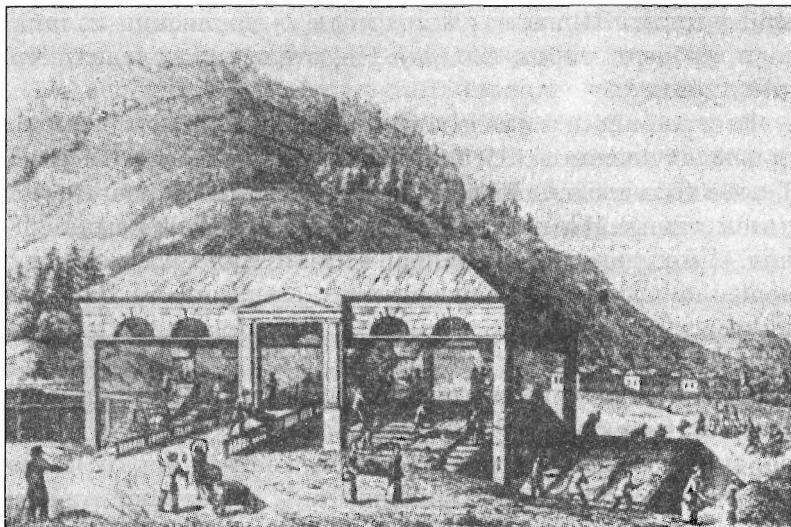
с 60-х годов XIII века — и навсегда! — уральские малахиты приобрели мировую славу. Не остался в накладе и Турчанинов.

Восприемники его дела хорошо понимали роль малахита в прибылях хозяйства. Не без умысла поклонился в 1789 году Турчанинов-младший Екатерине II полуторатонною глыбой красы-камня. И императрице угодил, и престиж камня поднял. И вот уже используют цари малахит для дружеских подношений. Самым ценным подарком Александра I Наполеону считались стол, ваза и канделябр из малахита. Насколько высоко ценим стал этот камень, подчеркивает факт, что посещение малахитового рудника было включено в программу поездки императора Александра I на Урал в 1824 году наряду с посещением гремевших тогда на весь мир миасских золотых россыпей. Есть даже картина: державный горщик любитесь своеручно добытой глыбиной этого камня.

Сысертские заводы принесли еще одну славу Алексею Федоровичу — славу мужественного и стойкого воинского командира, умело организовавшего — первым на Урале — эффективную оборону небольшого городка от пугачевских отрядов. За отважную оборону Сысерти и достойный отпор пугачевскому воинству Алексей Федорович в 1782 году был пожалован (вместе с рожденными детьми и детьми, что еще могут у него родиться, и потомством их) дворянским достоинством.

Только, жалуя Турчанинова за воинскую доблесть, не ведала Екатерина Великая, что следовало ей, по государственному рассуждению, считать его преступником, и немаловажным. И вот по какому поводу. Турчанинов скрыл от государыни, что в его землях есть золото. Скрыл, поскольку земля с этим металлом немедленно тогда отчуждалась в казну, и он, не желая поступиться своим добром, пошел на государственное преступление.

Нашел золото возле Сысертского завода посадский человек Иван Васильевич Кожевников. Как положено, заявил в Екатеринбургскую золотых производств экспедицию. Турчанинов же сделал так, что посланная команда (видимо, ослепленная его деньгами) ничего не нашла, а заявитель был закован в колодки. Усердный тюремщик, поручик Федоров, избил его,

Промывка россыпного золота на Первопавловском прииске
Миасских промыслов. Гравюра 1825 г.

приговаривая: мол, по заводам не ходи, чужих руд не разыскивай! И хотя важный государев чиновник Мусин-Пушкин вскоре удостоверился в правоте Кожевникова и повелел его отпустить, ничто в ситуации с золотом не изменилось. Чтобы покончить вообще со всякими обследованиями, Турчанинов велел на месте находки построить дом и тем укрыл все следы.

И такой случай на его землях был не единственный...

Алексей Федорович Турчанинов умер 21 марта 1787 года.

Утверждают, он оставил наследникам — жене Филанцете Степановне, трем сыновьям и пяти дочерям — два миллиона рублей.

Савва Яковлев (Собакин)

Он был, пожалуй, первым в среде уральских заводчиков, кто сделал себе крупнейшее состояние исключительно деловым путем. Причем начинал с абсолютного нуля.

Этот родившийся в 1712 году осташковский мещанин решил в юности, как д'Артаньян, отправиться покорять столицу. Только д'Артаньян был по сравнению с ним богачом. У него было родительское благословение, 4 экю, лошадь, шпага и дворянство. У Саввы Яковлевича Собакина было только родительское благословение и полтина. Всё.

Начинал он, как другой блистательный удачник, Меншиков, разносчиком пирожков в коробах на улицах Петербурга. И, как и Меншиков, разбитной уличный торговец сумел втереться в доверие к какому-то вельможе. Дальше случилось фантастическое событие — Савве дали возможность стать откупщиком (то есть человеком, который брался собрать казне оговоренную сумму налога за какой-то, часто значительный, процент со сбора) без залога. Он не вносил заранее денег и не имел никакого имущества, чтобы обезопасить казну от убытков при неисполнении им договора. Случай беспрецедентный.

Чувствуя за собой мощную поддержку, Савва зарвался. Попал под суд. Но выкрутился. И так разбогател, что когда Прокопий Акинфиевич Демидов рассорился со своими наследниками и порешил продать Невьянские заводы, то у Яковлева — он в то время сменил фамилию Собакин на более благозвучную — нашлось 800 тысяч рублей, чтобы выложить их немедленно за шесть демидовских заводов. В их числе был и знаменитый Невьянский. У Яковлева оказался редкий нюх на удачу. Потом он скупил еще заводы у графов Воронцова и Ягужинского, у Глебова, Гурьева и оказался владельцем семнадцати уральских заводов!

Будто точно знал, что вскоре разразится металлургический бум и уральское железо пойдет во всем мире нарасхват. Савва Яковлев богател буквально как на дрожжах. Быстро богатея, Яковлев завел себе высоких друзей. Скоро финансовое могущество поднимает его до уровня банкира самого императора. За услуги, оказанные императору Петру III, Савва Яковлев 5 марта 1762 года удостоивается звания титулярного советника, а через полтора месяца — 20 апреля — он уже получает от императора чин коллежского асессора, дающего право на дворянство.

К этому моменту Савва был уже столь же богат, сколь и заносчив. Мало того, что он стал владельцем целого квартала на Садовой, выстроил у Обухова моста великолепный дом, роскошно, даже кричаще разукрашенный золотом, лепниной, картинами, цветными кожами, так он еще построил и церковь Спаса на Сенной, куда пожертвовал 500-пудовый колокол с одним непременным условием — держать его язык запертым на замке и звонить только с личного, его, Саввы, дозволения. Неизвестно, сколь высоко бы вознесло его благоволение императора, но некстати вмешались Екатерина с Орловыми. Естественно, воцарение Екатерины II Савву не обрадовало. Он демонстративно отказался поить народ вином в своих кабаках, когда она короновалась. Разгневанная императрица, как говорили тогда, пожаловала Яковлева за это... пудовой чугунной медалью — чтоб надевал ее обязательно в день приема у государыни. Много пришлось опомнившемуся наконец Савве швырять золота на прихоти Екатерины, чтобы удалось вернуть ее благоволение.

Свой неуспех у императрицы Савва компенсировал какой-то дикой, бессмысленной бесцеремонностью с простыми людьми. Ему захотелось, и он своей волей расторгает брак купца Кошкина, за что потом с удовольствием заплатил штраф в размере годового оклада генерал-полицмейстера. Чем-то не потрафившего ему подлекаря Грудинского с женой приказал запереть у себя в подклеть и держать там на цепи...

Состояние, нажитое Яковлевым, было очень велико. Когда его разделили между наследниками (пять сыновей и две дочери), их доли были столь значительны, что они без особого ущерба могли заниматься очень крупной благотворительностью. Так, один из сыновей за свой счет покрыл железом все казенные здания Москвы после пожара 1812 года, а другой с легкостью выделил один миллион рублей на госпиталь для инвалидов той войны.

Обошла, наверное, весь свет фраза, сказанная внуком Саввы Яковлева А.И. Яковлевым своему сыну, кавалергарду Савве Алексеевичу Яковлеву, прославившемуся безумным мотовством и несусветным чудачеством:

— Савва! Будешь у меня кость глотать, как положу тебе в год на прожитье только сто тысяч!

Умер Савва Яковлевич Яковлев 21 февраля 1784 года.

Выше мы познакомили читателя с относительно небольшим периодом уральской истории — историей становления крупнейших частных предприятий края и с деятелями, создавшими их.

Эти люди, конечно же, не годятся для святцев.

Жили они по законам своего, далеко не мягкого, времени и жизнь свою строили в полном соответствии с «правилами» бытования хищников поры первоначального накопления капитала, поры, которая во всем мире отслеживается по разбоям (пиратские деньги Морганов, Дрейка и пр.), полузаконным, а то и вовсе противоправным авантюрам, ростовщичеству (деньги Ротшильдов), другим несправедным делам, положившим начало крупнейшим мировым состояниям. Но деньги, которые добыли они, пошли не только на обогащение и удовлетворение прихотей своих владельцев. Они закрутили колеса водяных мельниц, засверкали в сполохах доменных печей, застучали гулким уханьем фабричных молотов. Многие основанные первоосвоителями края заводы и фабрики вошли уже и в нашу жизнь, продолжают служить людям. Проторенные ими тропки к богатствам уральских недр стали вскоре основой для прокладки магистрального пути «опорного края державы», пути, у начала которого высятся могучие фигуры штурманов и капитанов металлургии Урала, посланных сюда державной волей Великого Петра — Блюэра, Татищева, Геннина. Вот о них и пойдет речь в следующем очерке.

«СЛАВА ДЕЛ ЭТИХ ЗАГРЕМЕЛА В МИРЕ», ИЛИ У ИСТОКОВ КАЗЕННОЙ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КРАЯ

Горное дело на Урале завелось почти с самого его заселения. Но к моменту русской колонизации промысел этот затих и секреты работы и знание мест рудных были, по всему судя, основательно забыты. Только изредка новые колонизаторы натыкались на давно заброшенные разработки — «чудские» копи, да в старинных легендах доходили до них вести об изобилии края металлами. Об этом говорят, к примеру, расследования московских властей поры начального освоения Урала.

Вот документ, датированный 1670 годом:

«В прошедшем, во 177 году (7177 по летосчислению от “Сотворения мира”, или в 1669 году по принятому сейчас летосчислению от “Рождества Христова”. — Л.С.) в ведомостях Сибирской губернии из Тобольска показано, что в Тобольском уезде, около р. Исети и по окружности оной, русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые и серебряные вещи и посуду, чего ради велено взять известие: откуда те татары в прежние времена такое золото и серебро получали или из какого государства оно к ним привожено было? На то в ответствие

Далматского монастыря от старца именем Лота объявлено, что от башкирцев уведомился, в башкирском-де дискрикте за каменными горами при устьях (вернее, в вершинах. — Л. С.) рек Уфы, Гая и Яика, а горах бесчисленное сокровище золотых и серебряных руд обретается, и в прежние-де времена старинные сибирские татары и калмыки из тех гор золотую и серебряную руду добывали и плавил; что-де и ныне те признаки плавильных печей и копанных ям видны, и об оных рудах те башкирцы нагайской нации у престарелой женщины, которая была в полону в улусе царевича Рючука и оной от роду имелось более ста лет, — уведомилась, что в древние лета оные люди, которые в тех местах жили, означенную руду копали и плавил...»

Как бы сызнава поиском руд и кустарной металлургией русские на Урале начали заниматься, как только затихли захватные битвы, и они стали вживаться в этот край. И были заметные успехи. Уже в 1631 году задымились сыродутные доменки первого заводика по выплавке железа — Ницинского, возле нынешнего Ирбита, а вскоре, в 1633—1634 годах, уже построен был в Прикамье и первенец отечественной цветной металлургии — Пыскорский медеплавильный завод.

Но все это были фактически любительские потуги. Горное дело ставилось энтузиазмом первопроходцев, и хотя были эпизоды государственного интереса к этому занятию (посылка Иваном III первой профессиональной поисковой партии в бассейн Печоры в 1491 году, командирование царем Михаилом Романовым московских рудоискателей для постройки Пыскорского рудника и завода в 1633 году), но они так и не стали стойкой заботой казны о проведении здесь обширной программы поисков и разработки руд. В том, что Урал стал горнозаводским краем, конечно же, огромная заслуга Петра I, который, по В.В. Данилевскому, «...как и всегда, действовал решительно, круто и заложил ту основу, на которой выросла новая русская металлургия. Он вызвал к новой жизни Урал, ставший после его трудов основным горнозаводским районом страны».

Уроки Азова и Нарвы

Конечно, решимость великого реформатора определяли и точное, тонкое понимание пути развития современного ему мира, и желание видеть свою державу передовой, процветающей страной. Но все же непосредственной причиной его устойчивого интереса к уральским подземным минеральным кладам послужило, как бы сейчас сказали, сложное военно-экономическое положение России и, как производное его, исключительно активная внешняя политика Петра. Ведь этот беспокойный государь, как только прорвался к престолу и стал единолично править в 1689 году, с той поры так и не вылезал из войн — в его царствование только 1724 год для страны был мирным. А по тогдашнему времени вести войну без надежного, в достатке делаемого в своем отечестве оружия было неразумной затеей.

Это Петр Алексеевич впервые усвоил благодаря жестокому и оскорбительному для его личного и государственного достоинства уроку в пору первого своего похода на Азов. Тогда он не единожды видел, как позорно лопались при первых же выстрелах огромные мортиры и пушки, с превеликим трудом доставленные сюда за тридевять земель. А отливали те орудия подмосковные мастера из тамошних же руд.

Нет, решительно не годилось замосковное да олонецкое железо для выделки надежной воинской справы. Как отмечал позднее академик С.Г. Струмилин, «фосфористый чугун и “холодноломкое” железо замосковных заводов благодаря наличию в них вредных примесей были мало пригодны для литья пушек иковки ружейных стволов и сабель...»

Потому-то еще там, на Азове, Петр написал свое первое знаменитое письмо верхотурскому воеводе, что, мол, постарайся, отыщи ты камень-магнит (а есть он у тебя, по слухам), из которого зарубежные мастера столь доброе железо плавят и пушки из него отменные лют. Потому, когда замысливал войну со Швецией и когда отправлял в Европу свое Великое посольство для сколачивания антишведской коалиции, — еще тогда Петр одной из задач дипломатам своим и

купцам поставил: привлекать на русскую службу столь нужных стране мастеров по поиску, плавке руд, обработке металлов. Обозревая мысленным взором огромные просторы державы своей в размышлении — где устроить мощный узел медно- и железоделательных заводов, — повелел царь приискать такие места и на Урале и несколько раз писал о том даже из Голландии и других стран, не упускал из виду этой мысли и в плену чудных заморских впечатлений. Ведь готовился к войне с самой Швецией — монополисткой по добыче и продаже качественных руд и металлов, высокоиндустриальной страной. Не мог Петр о том забыть, едзя по европам. Ведь на всех тамошних рынках «свейское» железо шло за эталон высокого качества, а отлитые из него пушки были главным аргументом блистательных побед войск, ведомых королем шведским Карлом XII.

На разосланные царем запросы со всей страны приходили вести о находках руд. Но лучшие по качеству образцы были получены с Каменного Пояса. По приказу царя им была устроена международная экспертиза; на заморских знатоков и руда, и металл из нее произвели самое благоприятное впечатление: они оказались, во всяком случае, не хуже шведских. И ведь результат этот показан не в отдельных пробах. Позже, столкнувшись с уральской рудой в постоянной работе, опытный металлург В.И. Геннин написал: «И где такая богатая руда есть, что на Алапаевских заводах половина железа из нее выходит. А на Олонце пятая доля выходит; то великая разность...»

Так что для задуманного Петром I очага качественной металлургии на Урале было все — добротная железная руда, почти нетронутые леса, обильные реки — все, что нужно для становления плавильных и вододействующих механизмов для обработки металлов и руд. Было все необходимое для скорого строительства заводов.

И Петр начинает энергично претворять в жизнь задуманную им программу строительства рудников и заводов в этом крае. В мае — июне 1697 года в посланиях верхотурскому воеводе была она развернута широко и основательно: «...ставить и завести большой железный завод...», чтобы «лить

пушки и гранаты и всякое ружье...» Но захлестнули Петра другие неотложные заботы, закрутился он, и только этим можно объяснить, что конкретное приказание «...в Верхотурском уезде, на реках Тагиле и Невье, где сыскана железная руда, завести вновь железные работы...» пошло на Урал лишь в апреле 1699 года, а руководителей строительством первенцев Петровых задумок назначили только в 1700 году. Да и мастеров умелых на новостройки прислали только тогда же, собирая их по одному по два со всех других русских заводов.

Приказная волокита и здесь сумела стреножить смелые и столь нужные России замыслы реформатора-царя. Лишь в самый канун войны со Швецией — весной 1700 года — началось строительство Каменского и Невьянского заводов на водяной тяге, пущенных соответственно 15 октября и 15 декабря 1701 года.

Да только поздно уже было...

В сентябре 1700 года начались военные действия с грозным противником, а в ноябре грянула и Нарвская битва, обернувшаяся сокрушительным поражением русской армии.

Нарвское поражение, кроме прочего почти начисто лишившее русскую армию артиллерии, заставило Петра I решить насущнейшую задачу — срочно восполнить артиллерийский парк своей армии, что означало наискорейшим образом найти устойчивые, надежные, непременно отечественные источники поставки металла, причем достаточного, сравнимого со шведским, качества. А то, по В.Н. Шакинко, «с началом войны со Швецией доброму мягкому железу учинилась скудость, что взять негде...» Действительно, с первых же дней войны «свейское» железо стало стоить чуть ли не вчетверо дороже, а вскоре и вовсе исчезло с рынков.

Как и в иных многих головоломных случаях, Петр быстро отыскал действенный путь выхода из сложной ситуации. Во-первых, заставил крутиться снабженцев русской армии — и доселе удивительно: как им удавалось исхитриться, чтобы в течение всей Северной войны закупать у монополистов-сопротивников и доставлять в Россию столь потребное для

успешных боев (с ними же!) железо и медь. Во-вторых, повелел сорвать колокола с церквей, дабы срочно отлить из них медные пушки. Потерянные под Нарвой в ноябре 1700 года 150 орудий были восполнены за год: из церковной меди отлили 300 пушек.

Но, конечно же, царь понимал, что всё это паллиативы и положение они не исправят. И он предпринимает титанические усилия по ускорению пуска заводов, прежде всего уральских.

Строили Каменский завод боярский сын Иван Астраханцев (руководитель работ) и технический руководитель строительства московский плотинный мастер Ермолай Яковлев (Неклюдов). Невьянский же завод ставился под руководством известного рудознатца боярского сына Михаила Бибикова и главного техника, тоже москвича, Семена Викулина. Правда, Викулин только начал стройку. Вскоре прибыл другой технический руководитель — туляк Степан Трегубов, которому довелось и перестраивать и довершать стройку.

Надежды Петра I оправдались. Едва запущенные заводы сразу же стали давать в достатке столь нужную войску припас. Каменский завод уже в 1702 году выдал 182 орудия, а в 1703-м — 572 (были пущены уже две домны). Если при этом учесть мнение В.И. Геннина, что на Каменском заводе, по сравнению с другими, выпускались пушки самые качественные, не уступавшие шведским, то в Полтавской победе — немалый вклад и созданной на Урале артиллерии.

Петр стремится закрепить создание на Урале крупного горнозаводского центра. 4 декабря 1702 года заложен Уктусский доменный и медеплавильный завод, построенный 14 ноября 1704 года, и в том же году окончено строительство Алапаевского доменного завода. Эти четыре завода стали первыми казенными предприятиями Урала. Затем строительство приостанавливается: и первая насущная необходимость в металле и боевых припасах была удовлетворена, и острота сражений отвлекла внимание правительства и Петра непосредственно на театр военных действий. К тому же выяснилось: не так это просто — ставить заводы в удаленных местах.

Но как только на первый план вышли проблемы строительства мирной жизни могучей страны, получившей берега большого торгового моря, становление нового горнозаводского края снова оказывается в центре внимания Петра I.

Надо на Урале увеличить народонаселение — и государь прямо или косвенно способствует миграции сюда людей. По переписям видно: в период с 1678 по 1710 год на Урале добавилось около 20 тысяч новых дворов и число их увеличилось почти в 1,5 раза, с 1710 по 1724 год появилось уже свыше 50 тысяч новых податных дворов, население края увеличилось почти в два раза и составило, по оценке С.Г. Струмилина, около одного миллиона человек.

Но, конечно же, главное, что предпринял Петр I для ускорения создания мощного горнозаводского центра России, — это присылка на Урал деятельных, грамотных профессионалов, под руководством которых буквально в считанные годы — в какие-то пятнадцать лет — в крае было построено около 40 новых заводов с рудниками, поселками (часто окруженными крепостями), с отлаженным современным производством на рудниках и заводах.

Надобно сказать, что становлению горнозаводского Урала во многом способствовало создание Петром специального государственного органа — Берг-коллегии, сменившей в 1719 году Приказ рудокопных дел, ославивший себя неумением и нерасторопностью при добыче и обработке руд.

Большой удачей для России было и то, что Петр (вообще нечасто ошибавшийся в людях) назначил во главе новой коллегии генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса — способнейшего организатора (во многом его усилиями была великолепно поставлена петровская артиллерия), широкообразованного ученого (это Брюса восхищенные потомки, разобравшиеся наконец в сфере и глубине его научных интересов, назвали русским Фаустом), тонкого и глубокого политика. Вокруг Я.В. Брюса всегда роилась свита из отыскиваемых им повсюду расторопных, толковых честолюбцев, которым только дай применить в достойном деле

свой талант — уж фортуна не упустят, и себя покажут, и Родину прославят.

Так что когда Берг-коллегия в 1720 году была поставлена задача продолжить начатое Петром в начале века резкое наращивание мощи горнозаводского Урала, у Брюса был достаточный выбор исполнителей этого замысла. Он остановился на двоих испытанных им в опасных и сложных переделках знающих специалистов — берг-мейстере (горном мастере) Иоганне Блиере и капитане артиллерии Василии Татищеве.

Иоганн Блиер

Иоганн Фридрих Блиер в Берг-коллегию попал как бы по наследству — из упраздненного Приказа рудокопных дел, где служил до того ведущим специалистом по рудосыскным делам. А в Приказ определен был Петром I, по призыву которого он, пробирный мастер из Саксонии, пошел в 1699 году на русскую службу.

У этого саксонца еще на родине сложилась устойчивая репутация удачливого и грамотного горного специалиста. И он вполне оправдал ее на новой службе. Уже в 1701 году Блиер отыскивает в окрестностях Калуги крупное месторождение колчедана. В 1702 году он находит богатейшие залежи медных руд и самородной меди в Олонецких горах севернее Ладожского озера и строит там медеплавильный завод. Вел он разведки и в Козельске, и на Кавказе... Но особо значимы по результатам поездки Блиера на Урал. Об итогах первой из них он сообщил в декабре 1705 года в доношении в Приказ рудокопных дел — что открыто им свыше десятка залежей медной руды в 20—40 верстах от Кунгура, что близ Невьянской слободы нашел квасцовую и серную руду, что в Мурзинской слободе Верхотурского уезда при реке Нице обнаружил «знаки к медной руде». «Изрядные знаки к медной руде» были им тогда найдены и в трех местах возле Уктусского железоделательного завода. Опробование показало,

что руды здесь очень богаты — «наполовину меди выдают». В Уктусском заводе на основе найденных залежей открывают медеплавильное производство.

Думается, эти и другие многочисленные находки заставили почти сто лет спустя известного уральского горного деятеля академика Ивана Филипповича Германа назвать Блиера «настоящим виновником рудокопного дела на Уральском хребте». Большое значение им придавал и наш современник — историк Л.Д. Голендухин. В статье «Начало организации местного горнозаводского управления на Урале в первой четверти восемнадцатого века», вышедшей в 1964 году, он утверждает, что исследования Блиера тех лет на Урале «...фактически являются не только предшествующими по времени, но в значительной мере определяющими будущую деятельность В.Н. Татищева... по развитию уральского казенного горного и заводского дела в начале 20-х годов восемнадцатого века».

Но, вероятно, слова Германа будет точнее соотнести с периодом, когда Блиер вместе с В.Н. Татищевым работал на Урале в 1720—1722 годах. Ведь до того Блиер бывал на Урале лишь наездами, кратковременными экспедициями, а именно в названные годы он возглавил систематическое изучение уральских недр.

Опыт к этому времени был у Блиера огромный. Он объездил уже пол-России, серьезно изучил ее сырьевые запасы и мог с полным основанием написать в «Мемориале», поданном им в Сенат в 1712 году: «Могу я уверить, что Россия столько же подземными сокровищами своими, сколько поверхность ее покрывающими дарами славиться может...» Основную причину нехватки металлов в стране Блиер полагает в том лишь, «...что в знающих людях часто недостаток бывает...» Потому-то в докладной записке, поданной им тогда же государю лично, Блиер настаивал, что пора полностью реорганизовать горнозаводское дело в России — повысить его значимость, централизовать, усилить специалистами, улучшить руководство.

Позднее, через шесть лет, когда Петр приступил наконец к этой реорганизации, многие из пунктов Блиерова «Мемо-

риала» вошли в Указ, определяющий деятельность Берг-коллегии.

Когда Петр поставил перед президентом Берг-коллегии Брюсом задачу резко увеличить производство в России меди и серебра, местом, где это можно было осуществить, коллегией был признан Урал, а первым специалистом, которому поручалось выполнение задачи, был назван Блиер. Но через несколько дней Берг-коллегия присоединяет к нему капитана артиллерии Татищева, испытанного Полтавой боевого офицера, талантливого военного квартирмейстера и строителя, хорошо известного Брюсу.

Василий Татищев

Что определило такой выбор Брюса?

Поначалу Берг-коллегия полагала, что главным действующим лицом в этой связке должен быть Блиер. Об этом говорил его значительный опыт в поисках руд и устройстве их добычи и обработки. Драгун, артиллерист и военный инженер (прочие его таланты раскроются позже) Татищев такими делами пока не занимался, и его обязанностью было определено обеспечение работ Блиера с хозяйственной стороны. Один из пунктов инструкции Татищеву так и говорил: «...Когда берг-мейстер к строению заводов каких инструментов, материалов, работников, подвод и прочих к тому нужных потреб у тебя спрашивать будет, тебе надлежит ему в том неотложное вспоможение чинить».

Но вместе с тем многоопытный Брюс, очевидно, с самого начала сознавал, что посланцам Берг-коллегии надо будет не столько заниматься рудами, сколько людьми, — ведь, по доходившим до столицы разрозненным сведениям, именно неумение, небрежение и лихоимство служителей рудников и заводов Урала усугубили нехватку металла в России. И здесь главную роль предстояло сыграть Татищеву.

Росту добычи и обработке руд на Урале — и не только там — откровенно препятствовали и затаившиеся на многих

Василий Татищев

высоких чиновных постах неустроенные противники политики государя-реформатора. Н.К. Чупин приводит такие факты в своих краеведческих изысканиях:

«Новый вятский воевода полковник Воронежский прекратил плавку меди и разработку рудников и запретил искать руды; мало того, Воронежский заставил даже рудоискателей в 1719 году дать показания, что найденные ими руды все выработались и что больше рудных мест они не знают. Вероятно, ему не хотелось попасть в зависимость от учрежденной тогда Берг-коллегии. Рудоискатель татарин Боляк Русаев говорил, что (кроме Воронежского) руды запрещал искать также бывший (кунгурский, подчиненный ему) комендант Афанасий Усталов — он рудоискателей за караул сажал и морил голодом, плавильщиков бил

плетьюми и дубьями и на снег босиком ставил, чтобы меди не работали...»

Вторит свидетельствам Русаева, по Чупину, и рудознатец, отставной пушкарь Никон Шаламов:

«...когда приносили к Воронежскому знаки горной руды, тот не принимал. Кроме того, было запрещение в поиске руд от Афанасия Усталова, который по воротам и на мостах ставил караулы, чтобы руд в город не носить и из города снастей к работе не возить. И от уездных обывателей ему было запрещено искать руды. Потому работали они беспрестанно и пешие, и конные, а денег за ту работу им не давано...»

Ничего не платили крестьянам и за подвоз руд к местам переработки. Так что причины оскудения выработки уральского металла были основательные. Кто же будет работать прилежно в таких условиях?!

Практическое прекращение плавок медной руды на пермских заводах очень озаботило Петра I. Обследование медеплавильных заводов и было одной из главных причин посылки на Урал чрезвычайной комиссии Татищева — Бliersa. Им было указано однозначно: поток меди с уральских заводов должен резко возрасти. Бliersу не составило труда установить, что земля уральская не оскудела, отыскать с прибывшими с ним помощниками немало новых меднорудных залежей. Татищеву же задача предстояла намного сложнее. Ему надлежало разобраться в скоплении «человеческих» причин, перекрывших поток металла с Урала. Определиться — чего здесь больше: обычного неумения, преступного небрежения обязанностями или преступного же противодействия.

А ситуация тогда на Урале складывалась непростая.

Так, в расследовании находилось дело Льва Шокурова, сына кунгурского воеводы, которому казна выдала в 1715 году на медеплавильное производство 1100 рублей. Шокуров умудрился на эти деньги получить всего 45 пудов меди. Стоимость этих пудов — даже по самой высокой рыночной тогдашней цене — дотягивала только до 350 рублей. На что пошли другие деньги? Дорасследованием этого, ряда других подобных случаев, разбором споров казны с местны-

ми частными заводовладельцами и должен был заниматься Татищев.

Броде бы — «разделение труда». Тем не менее инструкции Берг-коллегии Татищеву и Блиеру (а таких было несколько) советовали им «дружественное соединение», а «дела разбирать и указы по оным чинить... с общего совету». И следует сразу же сказать, что между пятидесятилетним Блиером и тридцатичетырехлетним Татищевым установились отношения взаимного уважения с первых же дней их совместной деятельности.

По прибытии на Урал Блиер и Татищев застали на Кунгурском, Алапаевском и Каменском заводах удручающую картину развала производства и неспособности тамошней администрации его наладить. Не лучшая картина предстала и на Уктусском заводе. Главнейшим недостатком здесь было то, что место для завода было выбрано неудачно — на маловодной речушке, которая могла приводить в движение только два молота из шести, установленных на заводе, да и то «с немалым простоем». Плотину на речке прорвало. Шилловские рудники, снабжавшие завод рудой, были запущены и достаточного объема руды не давали, хотя она и была здесь высокого качества.

В этих условиях, когда из-за преступной халатности или злого противодействия местных управителей и добыча руд, и выпуск металла заводами были смехотворно малы, на первый план (как и предполагал искушенный Брюс) выдвигалась необходимость решительного переустройства дел.

А это уже была стихия Татищева.

И тут-то сказались со всей силой его административный талант, неумная энергия и непоказная глубокая преданность интересам Отечества. Но здесь, кажется, мы имеем тот случай, когда лучше всего говорить цифрами. Приведем некоторые из них. Только некоторые. Потому что о деяниях Татищева к нашему времени написано немало, и здесь уместен лишь определенный и ограниченный отбор сведений и фактов.

Прибыл Татищев на Урал летом 1720 года. А уже весной 1721-го в Москву был отправлен караван металлов, выплав-

ленных на Уктусском, Алапаевском, Каменском заводах. Меди в том караване плыло 707 пудов, железа 42 429 пудов — почти вдвое больше, чем ежегодно отправлялось до них. От реализации только железа казна получила прибыли около 4000 рублей. И весь прибыльок — в основном за счет лучшего ведения хозяйства.

Застали здесь Блиер и Татищев рудосыскное и рудокопное дело в «допотопном» состоянии. Поиск новых руд велся хоть и способными людьми, но самоучками, не знавшими всех видов полезных руд, признаков для их отыскания. Не было карт местности, что не позволяло оценить возможности и целесообразности разработки найденных залежей. И, конечно, остро сказывалось отсутствие надлежащей дорожной сети.

Блиер и Татищев с самого начала решили поставить поиск и разработку руд на современную основу. Для этого необходимо было обучить кадры поисковиков, снабдить их соответствующими инструкциями, «посадить» поисковые работы на надежную топографическую основу, пробить хотя бы главные дороги для организации новых рудников и заводов, перевозки добытых на этих рудниках руд к местам их переработки...

В то время с посланцами Берг-коллегии прибыла на Урал пятерка штатных рудоискателей — Федор Комаров, Степан Костылев, Никон Шаламов, Лаврентий Зуев, Прокопий Сталов. Хорошей оплатой за розыск руд в кратчайшие сроки удалось собрать вокруг этих «штатных» сотрудников «актив» из местных рудознатцев. Очень важным для успеха поисков явилось то обстоятельство, что работать на казну стали не только охотники из русских поселенцев (Федор Мальцев, например), но и исконные уральские жители — татарин Боляк Русаев, вогул Савин и другие, хорошо знающие здешние края.

Чтобы оценить эффективность разработки «новообретенных мест», составить точное представление об их расположении, многих других нуждах, обязательны точные топографические карты. Поэтому естественной стала организация собственной «топографической службы». Отечественных спе-

циалистов для этого на Урале тогда практически не было. И Татищев добивается у правительства разрешения использовать на «межевых» работах грамотных пленных шведов. Их ставят во главе формируемых «межевых» партий и отпавляют составлять планы заводов, месторождений — Арамилских, Уктусских, Исетских, пробивать дороги — от Уктуса к Чусовой, от Уктуса к Ирбиту, на север, на юг...

Энергично организованный розыск руд уже в первый год пребывания Татищева и Блиера на Урале позволил выявить много новых и оценить «доброту» старых, уже известных рудных мест в верховьях реки Исети, вблизи Уктусского завода, в местах, расположенных в естественном географическом центре, примерно равноудаленном от других казенных заводов на Урале.

Самое время здесь упомянуть об одной важной черте характера Татищева, черте, которая до самой смерти не давала ему, блистательно талантливому, умному, образованному деятелю и толковому исполнителю, оставаться в нормальных отношениях со своими руководителями.

Наверное, как и всегда на Руси, все беды, что с ним приключались, коренились именно в его уме и талантливости.

Как у нас часто случалось (и случается поныне), власти предержащие, давая какое-либо поручение, работу представляли только в общем виде. Ну, построить завод, к примеру. Многие же «мелочи» они просто не брали во внимание, те мелочи, из которых, собственно, и состоит сам процесс строительства. Ни степень обученности работников, ни наличие достаточного числа женщин (скажем, для заведения новых семей), ни качество питьевой воды их не интересовало. А сколько подобных вопросов вставало перед руководителями строек тогда на Урале...

Добросовестный, дотошный Татищев умел не просто постигать самую суть поручаемого ему дела. Он вникал в него до самой малой детальки. И конечно, приходилось часто наткаться на массу непродуманностей, неувязок и — рубить все эти «гордые узлы». В общем, это — обязательная черта хорошего, инициативного руководителя и исполнителя. За что и ценили Татищева. Но «наверху» всех бы устроило, коли б он на этом и останавливался. Нет, он от деталей снова возвращался к общему замыслу и смыслу поручения. И тут, естественно,

иногда находил ошибки и в стратегии замысла. И имел смелость говорить об этом самым высокопоставленным лицам. А это часто ими воспринималось как оскорбление в лучших чувствах. Что, мол, он понимает, этот капитанишко, в государственных материях?! И слали ему строгие отписки, смысл которых сводился к одному — знай свой шесток!

А капитан Татищев очень даже понимал государственный интерес. Так, поездив по Уралу, он понял, что управлять казенными и прочими заводами из Кунгура неудобно. Едва прибыв в Уктус в самый канун нового 1721 года, он определил, что где-то здесь и стоит разместить центр по управлению горнорудным Уралом. Однако то место, где расположился завод и поселок при нем, Татищеву показалось мало пригодным. Он решает — надо приискать другую площадку для нового города и завода. И находит ее невдалеке, в верховьях реки Исети. О том и написал в Берг-коллегию. Чем показал: чего-то вы недодумали в расположении завода! Капитан принялся учить генералов! А ведь они указали в инструкциях границы его прав!

Записка Татищева ушла в столицу 6 февраля 1721 года. И хотя в ней он доказывал, что новое место и расположение удобно — посредине всех заводов, и пути отсюда водные ведут и в Сибирь, и в Казань, и в Архангельск, и даже в Персию, вскоре получил от начальников гневливую отповедь: мол, не за тем тебя посылали, сначала с медными делами разберись. А ты и месяца на Уктусе не пробыл — уже с новыми прожектками лезешь!

И пришлось Татищеву в тот раз забыть свои мысли, отступить от очень правильного, как показало скорое будущее, замысла и заняться текущими делами.

Но тут на него свалилась еще одна забота.

«Горная война» на Урале

Прошло не так уж и много времени по приезде Татищева и Блиера на Уктусский завод, но деятельность их становится все более в тягость «удельным князьям» уральской горноза-

водской промышленности Демидовым. Сначала тихо и скрытно, а потом явно и с всевозрастающей силой и, наконец, вызываяще нагло Демидовы организуют противодействие всем их начинаниям.

Но особенно они взъелись на Татищева.

Собственно, другого и ожидать не следовало. Демидовы уже с момента приезда посланцев Берг-коллегии осознали, какую опасность для монопольного доселе их владения богатствами Уральского хребта — недрами, лесами, водой — сулит прибытие на Урал энергичных, знающих дело руководителей казенных заводов. Конец сверхприбылям, конец положению некоронованных властителей края, а может — и скорый конец их дела?! Демидовские владения все более плотным кольцом окружались укрепленными за казной новыми богатыми рудниками. Демидовы понимали — запасы рудных мест, из которых снабжаются их заводы, далеко не бесконечны. Особенно в ту пору освоения уральских недр, когда не умели правильно разрабатывать месторождения, когда еще плохо знали, что такое подземные горизонтальные выработки, а руду «копали» из ям и «дудок» — вертикальных неглубоких колодцев без крепления.

И началась тогда на Урале самая настоящая «рудосыскная» война между горнозаводскими деятелями частного и государственного секторов. Война жестокая и бескомпромиссная. Один из ее эпизодов запечатлен в челобитной, которую подали 30 июня 1721 года государевым чиновникам местные рудоискатели Яков Савин, Иван Трифонов, Тихон Троицын, Матвей Дневных:

«Благородным господам артиллерии капитану Василию Никитичу Татищеву да берг-мейстеру Ивану Ивановичу Блиеру.

Доношение.

В прошлых годах, назад тому лет с девятнадцать, обыскали мы, ниже поименные, медную руду, которую объявили при сем Верхотурскому уезду, вверх по Тагилу, на речке Вое (ныне — Выя. — Л.С.), в горе, от деревни Тагильской в двух верстах. И оную руду объявили мы на Верхотурье уп-

равителю Алексею Калетину. И оный Калетин тое руду промышлять ее начал. И в прошлом 1714 году оную руду объявили мы Никите Демидову. И оный Демидов до 720 года не промышлял, а в 720 году промышлять начал и промышляет доныне. А ныне нам, нижепоименованным, руду искать запрещает, а которую руду обыскали мы, нижепоименованные, в других местах, и оный Демидов объявлять нам не велит. И по всем дорогам учинил заставы и говорит: “ежели будете руды объявлять на Уктусский завод, то-де мы вас бить станем кнутом и в домны помечем...”

А сего июня в 5 день соседи наши уехали из домов своих для прииску медной руды, и приехавши после них в дом от Демидова, шурин его, Иван Иванов сын Малых, детей из дому выбросил и говорил: “ежели отцы ваши в дома будут, то я их кнутом застегая...”

...А сего июня в 12 день носили мы, нижепоименованные, сюда на Уктус для объявления медных руд. И оный Демидов послал за нами в погоню и хотел нас взять и увезти к себе ж на завод. И мы, нижепоименованные, ушли от них лесом... Того ради всепокорно просим Вашего благородия, дабы царским указом царского величества повелено было у нас вышеобъявленную руду принять и от оного Демидова и от людей его указов царского величества нас оборонить, чтобы нам в конечную скудость от него не прийти, дабы повелено было дать нам солдата для обороны...»

Множащиеся преднамеренные покушения на интересы казны не могли не возмутить полномочного представителя государя по горнозаводскому делу на Урале — Татищева. Да к тому же Демидов не платил положенных налогов, прикрывал, нисколько этого не скрывая, беглых крестьян — грех в глазах помещика Татищева непростительный; к тому же он в своих планах и сам имел на этих беглых кое-какие виды. Стычка между этими людьми, ввиду непримиримости отстаиваемых ими позиций, становилась неизбежной.

И тут нельзя не отметить высокой «себестоимости» этой стычки для Татищева. Решиться на противоборство с человеком, к которому, как Татищеву были доподлинно известно, Петр питал любовное расположение, — уже сам по себе

поступок смелый. Но если учесть, что поражение в этой борьбе сулило Татищеву огромные неприятности, а победа умножила бы только казенный, а не его личный прибыток, то станет очевидным — это решение было принято очень честным и мужественным человеком, который сознательно подавил в себе могучий инстинкт самосохранения, во имя высших — государственных интересов.

И Демидов, и Татищев, оба знали, что спор их может разрешить только сам император. И оба понимали — главным, что обусловит его решение, будет конечная польза государству от их позиции и от их деятельности.

Поэтому Демидов, едва только узнает о миссии Блиера и Татищева, делает тонкий ход — испрашивает у царя позволения строить завод на медной руде (той, найденной Савиным), прекрасно сознавая, как важно именно сейчас утвердить свою репутацию радетеля государственных интересов и закрепить положение монопольного поставщика металлов с Урала. Царь, учитывая его опыт и умение, указом Берг-коллегии от 20 декабря 1720 года это разрешает, хотя руда и находилась на государственной земле и принадлежала казне. Демидов заверяет Петра, что очень скоро отыщет еще и серебряные руды, даст казне серебра на монетное производство: он понимал, что эта услуга сделает его неуязвимым для ударов Татищева.

А Татищев ищет возможность выбить козыри из рук Демидова. Рассуждает он просто. В чем основа могущества Демидовых? Четыре их уральских завода выдают железа вчетверо больше, чем все казенные уральские заводы. Необходимо, стало быть, резко поднять производство железа на казенных заводах Урала. Где это можно сделать? Алапаевский завод разорен неумелым руководством, Уктусский стоит явно неудачно. Необходимо срочно ставить новые заводы. Основываясь на найденных новых рудных местах, Татищев разрабатывает грандиозные планы строительства заводов на реках Исети и Арамилке, годовая производительность которых должна будет превысить 200 тысяч пудов разного железа — это составило бы примерно половину всего выплавляемого тогда в России железе и более чем

вдвое превысило бы выплавку его на демидовских предприятиях.

И снова мысли Татищева обращаются к облюбованному им ранее месту на реке Исети. Оно кажется ему особенно перспективным для устройства нового завода: здесь близко богатые рудные места, обилие воды обеспечивало, по расчетам, работу даже в самое сухое время двадцати молотов, а в обычное время — всех сорока. Здесь же стоят густые леса, деревья которых вполне пригодны и для строительства и для порубок на уголь. На исетских берегах спешно начинаются работы, валят лес, везут камень... Кажется, еще немного — и задымит новый завод, загомонит новый город...

Но... борьба не стихает. Демидов заваливает царя, Сенат, Берг-коллегию жалобами на Татищева. Татищев организует встречный поток челобитных. И то ли у Демидова «рука» наверху оказалась посильнее, то ли на решение царя повлияло испытанное им огорчение оттого, что медь из весеннего каравана Татищева 1721 года, присланная в Москву, оказалась качества ниже ожидаемого, не пошла на монетный передел, а сгодилась только на пушечное литье, но решение последовало такое — планы Татищева отвергнуть, самого его от руководства уральскими казенными заводами отстранить, а на Урал послать доверенного человека с большим опытом и полномочиями, чтобы на месте разобрался в возникшем споре и заодно решил, столь ли уж надобно заводить на Урале новые железоделательные заводы.

Так дальнейшую судьбу горнозаводского Урала выпало решать генералу Геннину...

Назначение Геннина главным начальником уральских заводов, по всей видимости, для Блиера большой радостью не оказалось. И хотя впоследствии Геннин (в «Описании уральских и сибирских заводов») счел нужным отметить: «... для вспоможения себе при заводских строениях и горных делах имел искусного берг-мейстера из Саксонии Блиера...», — сам «вспоможитель», у кого только мог, запрашивал отъезд с Урала. Видимо, с Генниным работать ему было нелегко. Вскоре просьба Блиера была удовлетворена. В 1726 году он уже трудится на прежнем месте работы свое-

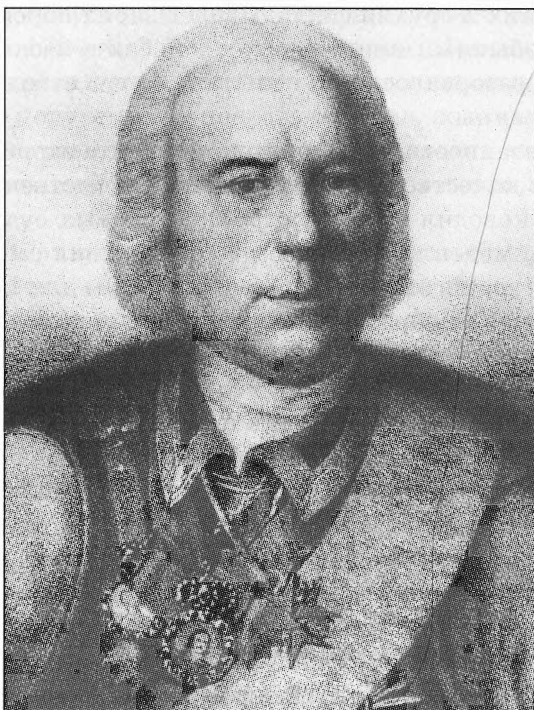
го бывшего начальника — изучает медные и серебряные прииски Олонецких заводов.

В 1728 году Блиера (которому в то время было около 60 лет) назначают ассессором в Берг-коллегию, где ему определено было ведать переводом «с иностранных языков на российский разных горных книг, дабы такие книги могли быть печатаны и в народ для обучения умножены...»

«С определением Блиера в Берг-коллегию, — пишет В. Берх, — окончилась странническая жизнь сего деятельного путешественника, объездившего Россию от Белого до Каспийского морей и от Невы до Исети». Далее Берх утверждает, что Блиер и «в Берг-коллегии, конечно, был полезен и по своим сведениям в минералогическом отношении о России, и по своим познаниям в горном деле...»

Георг Вильгельм де Геннин

Георг Вильгельм де Геннин (или, как его стали называть русские, Вилим Иванович), уроженец голландского города Нассау-Зигена, двадцати двух лет от роду был принят на русскую службу самим Петром I в 1698 году и определен в фейерверкеры (один из низших командных чинов в артиллерии) с жалованьем в 67 рублей в год. Поначалу молодой голландец обучал пушкарскому делу дворянских недорослей, а с началом Северной войны стал делать быструю карьеру инженера и артиллериста — то строя укрепления в Финляндии, то командуя батареями штурмовых орудий при осаде Кексгольма. В 1710 году дослужился уже до чина подполковника, и именно с этого года он начинает пользоваться расположением одного из самых могущественных вельмож Петра — генерал-адмирала графа Апраксина. И то ли с рекомендации всесильного графа, то ли кто другой посоветовал царю, а может, и сам самодержец приметил толкового артиллериста, но Геннин получает в 1712 году и лестное и ответственное поручение — построить в Санкт-Петербурге Литейный двор и пороховые заводы.

В.И. Геннин

Проявленное при этом усердие и высокое умение не прошли незамеченными для государя, и уже на исходе 1713 года Геннин назначается олонецким комендантом и начальником Петровских, Повелецких и Кончезерских заводов. Поручение это было и очень почетно, и в то же время весьма сложно. Выпускавшиеся на тех заводах пушки получались большей частью далеко не лучшего качества и часто лопались при стрельбе. Петр и решил испытать голландца задачей выпуска добротных орудий на тех же площадях.

В.И. Геннин показал себя умелым технологом. Проведя серию опытов по смешиванию руд из нескольких месторождений, подбору присадок и флюсов при плавках, ужесточив технологическую дисциплину, он добился поразительного результата. Орудия с управляемых им заводов пошли такие, что практически все выдерживали суровые сдаточные испытания.

А ведь на них в орудия закладывался заряд пороха, превышающий обычный при боевых стрельбах в несколько раз. Всего-то и разорвалось при испытаниях три ствола из тысячи опробованных.

Но в обязанности олонецкого коменданта входил не только выпуск качественных пушек с подведомственных заводов. Он руководил еще и постройкой речных судов на верфях, завел медеплавильный завод, поставил смологонное производство, изготавливал фонтанные трубы для Петергофа. И еще открыл минеральные источники и устроил на базе их курорт с марциальными ваннами, куда пригласил полечиться самого государя. И во всех делах своих проявил Геннин недюжинную трудоспособность и замечательный инженерный талант. Так, походя, он изобрел машину для сверления стволов пушек, которая в несколько раз ускорила этот процесс. Усовершенствовал он и доменные печи, молоты, придумал много разных приспособлений для улучшения процесса получения металла и его обработки.

И еще одна черта проявилась у Геннина на этом высоком и очень ответственном посту. Геннин редко для той жестокой поры пользовался строгими наказаниями. Не плетями, кандалами и виселицей добивался он впечатляющих результатов труда своих подчиненных, а усиленной заботой о них, защитой их законных интересов. В переписке Геннина олонецкой поры натыкаешься часто то на просьбу обеспечить обмундированием солдат, служивших под его командой, то на обращение к властям не отягощать налоговыми поборами жителей местных деревенок, то на стремление уменьшить их тяготы от всякого рода транспортных повинностей. Убедительным фактом хороших отношений олонецких обывателей и начальника их края явилось возвращение на места беглецов, разбежавшихся кто куда из-под нелегкой руки его предшественников.

В 1720 году Геннин выполняет еще одно ответственное поручение Петра — составляет проектные чертежи для комплекса Сестрорецких оружейных заводов и плотины, а в июне 1721 года полковник артиллерии Геннин по царскому повелению назначается руководителем строительства этих заводов.

Только не судьба была ему завершить эту стройку.

Весной 1722 года Петр отзывает его. Не нашел другого достойного кандидата для выполнения деликатного и ответственного поручения — поехать на Урал, разобраться на месте с состоянием тамошних заводов, наладить выпуск и металла, и изделий из него, определиться в споре Татищева и Демидова.

Что ж, приказ есть приказ. И безотказный служака Геннин стал основательно готовиться к выполнению столь ответственной миссии. обстоятельно продумывая предстоящую работу, Геннин понимает, что выполнение чрезвычайной государевой воли может потребовать и чрезвычайных полномочий. И он настоятельно требует:

Чтобы я имел в Сибири полную мочь, дабы губернатор по моим требованиям не только прислушен не был, но все то, что к строению заводов надобно, охотно и немедленно отправлял. Понеже отписываться расстояние дальнее, а ежели за его неотправлением в строении учинится медленность, чтоб на мне не спросилось».

То есть он потребовал фактически диктаторские полномочия при своей работе в крае. И, понимая, что печется Геннин более о пользе государевой, Петр такие ему права дает. И по отношению к своему любимцу Демидову — тоже. Так доверял царь генералу.

Кстати, Никита Демидов — это фактически он устроил присылку на Урал нового начальника — уже заранее искал подходы к нему. И ненавязчиво предложенной услугой (узнав, что Геннин по повелению царя отправится к месту службы водным путем, хитрован Никита заранее приторговывает для него у московского владельца добротную баржу-коломенку для размещения там генерала), и организацией сильного давления на исход в свою пользу тяжбы с Татищевым. Что в своих претензиях к Татищеву бесспорно прав Никита Демидов, настойчиво внушал Геннину не кто иной, как его давний покровитель-благожелатель, один из сильных людей ближайшего Петрова окружения, генерал-адмирал граф Апраксин. Но хотя оставаться объективным в такой обстановке было, конечно же, весьма непросто, Геннин

неотвратимо для себя порешил, что спор между Татищевым и Демидовым он разберет по справедливости.

Так что если бы не было и других многочисленных свидетельств, уже одним тем, что, разобравшись в сути претензий частного заводовладельца Демидова к капитану Татищеву, Геннин целиком принял сторону последнего, новый горный начальник исчерпывающе доказал, что он по праву владеет репутацией честного неподкупного государева слуги. Тем более что за оправдание Татищева он незамедлительно подвергся серии жестких необоснованных придирок со стороны оскорбленного генерал-адмирала Апраксина.

2 октября 1722 года генерал-майор Геннин прибыл на Урал, в Кунгур. По записям в его дневнике видно, что ему чрезвычайно понравился прекрасный этот край. Но более всего поразило Геннина богатство природных ресурсов Урала. Такого «великого изобилия» высокосортных руд, добротных лесов, полноводных рек он не встречал нигде в Европе. «А из железной руды,— записано в дневнике генерала, — учинил я пробу с олонецким мастером, и явилось то железо плотно и без жил, а такое мягкое, что невозможно было переломить, и так чисто, что я такого еще не видел».

Тем большим контрастом предстало Геннину состояние казенных заводов, поставленных в таком изобильном крае. Его первые рапорты очень напоминают рапорты Татищева:

«... А на Государевы заводы сожальительно смотреть, что оные здесь заранее в добрый порядок произведены, понеже удивительно, как здесь Бог определил таковы места, что рек, руд, лесов, где быть заводам, довольно и работники дешевы, также и харч недорог, а не так, как на Олонце; но оные весьма ныне в худом порядке: первое же в неудобном месте построены, и за умалением воды много прогулу бывает; второе припасов мало; третье мастера самые бездельные и необучены и ныне оные заводы мне надлежит исправить, а паче вновь в хороших местах построить и фабрики, которые мне велено в действо произвести, чтобы впредь прогулу за умалением воды не было...»

Да, новый начальник горных заводов наметил обширную программу. Только как и кому ее реализовывать? Как орга-

низовать людей на слаженную работу? Людей, развращенных годами дурного управления и отвыкших жить по нормальным человеческим законам? «Злая пакость», — так называл Геннин увиденную им на Урале картину лихоимства властей и гнусных условий существования простого люда.

«... Неведомо по какому указу кунгурский подъячий Савва Веселков збирал во всем Кунгурском уезде по пяти алтын по две деньге з двора... Многим чинит обиды и разорения и бьет на правеже батогами смертным боем... И от такой обиды и разорения не только искать и привозить руд, но сами в домишках своих жить не можем», — слезно молят Геннина о защите крестьяне.

Только-только появился Геннин на Урале, а и его имя тут же используют лихоимцы. Возмущенный Геннин уже 16 октября был вынужден подписать такой указ: «Ежели... кто учнет неуказанные излишние зборы... раскладывать и збирать, будто бы мне, генерал-майору, или при мне обретающимся служивым мастеровым людям и канцелярским служителям в поднос, называя в почесть, и по таким запросам ничего не давать... и доносить... понеже те собранные с миру деньги и прочее не токмо мне не потребны, но и другим при мне обретающимся под великим страхом брать запрещено».

По-прежнему Геннин внимателен к нуждам солдат. Видя скудость их рациона и обношенность, велит доплачивать им по три деньги за каждый день работы из подотчетных средств, рискуя, что Сенат не утвердит такой расход и деньги потом вычтут из его генеральского жалованья, которое, кстати, ему не всегда поступало регулярно.

Конечно, Геннин искренне хотел непритеснения тягловым людям. Но ему надо же было и организовывать правильную работу на подведомственных заводах. И намного ускорить выход продукции с домен и молотов, резко поднять качество металла и изделий. И это на заводах, где и начальники и работники привыкли месяцами бездельничать, прикрываясь всякого рода «объективными» обстоятельствами — оскудением руд, спадом воды, пожаром... Геннин же требовал всегдашней плотной и высокопроизводительной работы.

Отвыкшим от такого обращения людям это не понравилось. И они отреагировали естественным для того времени способом — ударились в бег.

И хотя Геннин поставил дело так, что и жалование работников шло вовремя, и едой они были обеспечены, это поначалу не могло никого сдержать. Новый начальник вспоминал позднее: «...но токмо оные салдаты и работные люди плотничье дело не знали и в протчих работах при строении зело были необычайны, к тому же как оные салдаты, так и работники много от работы бегали, и дошло было до того, что оного генерала-лейтенанта в том пустом месте при строении едва не одного оставили...»

В этих обстоятельствах выяснилось, что, когда следовало, Геннин мог быть и жёсток и жесток. Он круто расправился с слушниками.

Так, то пряником, то кнутом, начал налаживать работу уральских заводов Геннин. Приставил толковых людей к руководству, установил привезенные с олонекских заводов придуманные им умелые машины и приспособления, наладил четкую службу пробиреров. И вскоре заметно улучшилось и качество получаемого металла, и изделия пошли небракованные.

К тому времени Геннин уже осмотрелся и понял: столь богатый край при умелом обращении с его лесами и рудами может буквально завалить всю Россию металлом. Только разумно ставь заводы и веди работу на них правильную. Геннин решает вплотную приступить к реализации программы обширного строительства заводов по всему Уралу. А допрежь того воочию убедился — прав был Татищев и в своих проектах ставить заводы на Исети.

Но в факте построения заводов и крепости на Исети есть и еще один нюанс. Он в том, что решение именно здесь поставить крепость было принято еще на заседании Берг-коллегии, когда продумывалась деятельность нового горного начальника. Объяснялось это непростым обстоятельством — Исеть была естественной северной границей расселения башкир. А государевы рудознатцы все чаще приносили сообщения, что добрые рудные места есть и в их владениях.

Башкиры же очень неодобрительно относились к идее строительства заводов на своих землях. Геннин убедился в этом, когда посланные им люди в районе нынешнего Полевского встретили яростное вооруженное противодействие. Башкиры, кроме того, нападали на русских поселенцев, жгли их дома, разоряли хозяйства. Крепость, конечно же, нужна была для укрепления власти государевой в крае. И для ее возведения тоже очень подходило место, отысканное Татищевым. Только тот не имел на ее возведение полномочий Берг-коллегии и Сената, а Геннин получил такие полномочия. И он использовал их.

В декабре 1722 года Геннин предлагает сибирскому губернатору на обеспечение строительства выделить 30 000 рублей, пятьсот солдат, приписать крестьян и нанять для него плотников. Предупрежденный царским повелением, сибирский губернатор отряжает на строительство города на Исети два батальона Тобольского полка, приписывает пять крестьянских слобод — Камышловскую, Красноярскую, Пышминскую, Тамакульскую, Белослущкую. И дело строительства нового завода-крепости пошло споро. Только-только в марте 1723 года строители разворошили исетские берега, а летом того же года Геннин уже шлет императрице медный поднос, сделанный из металла только что запущенной там фабрики.

Геннин стремительно и умело приступил к строительству новых уральских заводов. Он приехал руководить четырьмя разоренными казенными заводами. За двенадцать лет его правления на Урале появились девять новых казенных заводов с технологией и объемами производства на уровне (а то и выше) лучших европейских стандартов. Урал сделал страну действительно независимой от поставок зарубежного металла. Более того, еще при жизни Петра металл можно было экспортировать.

Еще несколько штрихов деятельности Геннина. Он был из тех, кто действительно умел разумно использовать природные богатства. Посетив пермские медные месторождения, о которых ему донесли — дескать, иссякли, — он понял, что тамошние рудокопы просто браконьерничали. Выбирали бо-

гатые пласты, а более бедные руды и не трогали: мол, не надобны. Геннин научил их использовать всю залежь, а убедившись, что руды здесь на годы и годы, основывает заводы, потом выросшие в город Пермь. Работая на устройстве этих заводов, в 1724 году Геннин узнает, что в Зауралье сильная засуха. Из-за нехватки воды могли остановиться новые екатеринбургские фабрики. Он быстро ориентируется и велит строить весной 1725 года еще одну плотину на Исети. И получилось, что из нового пруда вода обеспечивала при любых капризах природы бесперебойную работу екатеринбургских заводов, а на плотине встал в 1726 году Верх-Исетский завод.

И так во всем...

В 1734 году Геннина сменил на посту уральского горного начальника Татищев. Он вновь, как бы во исправление допущенной по отношению к нему более десяти лет назад несправедливости, получил в управление уральские горные заводы. И вновь многое сделал для их процветания...

Что сказать в заключение, итога деятельность Блиера, Татищева, Геннина на Урале?

Не все в России поняли и приняли усилия Петра I по созданию мощного горнозаводского узла на Урале. Многие считали их просто прихотью великого реформатора, исполнение которой целиком зависело от его желания.

«... Органический недостаток... — пишет о деяниях Петра на Урале известный историк горного дела В. Белов, — заключался в том, что успехи целиком зависели от личности Петра, от силы его гения...»

Другой исследователь, живший в XIX веке, А. Кюрсак, считал, что:

«... Искусственно воздвигнутые фабрики... не находили рабочих, фабриканты несли потери, которые могли вознаградиться только монопольными ценами». Более того, автор утверждал, что иначе и не могло быть, поскольку, мол, «...новая форма промышленности была решительно противоположна всем народным привычкам и формам жизни...»

Ограниченное славянофильство выпирает из этих высказываний. К сожалению, славянофилы ни тогда, ни, к стати,

ныне не могут примириться с фактом, что Петр не только понял, что у страны будет будущее, только если она примет новые формы существования живущего в ней народа, но и решительно стал внедрять эти формы, безжалостно руша старые, им, славянофилам, столь любезные.

Как ни странно, первыми значимость Петровых усилий в строительстве заводов на Урале осознали иноземцы. Уже в 1710 году Отто Плейер писал: «Железо у царя теперь из Сибири, и такое хорошее и мягкое, что даже и шведского не отыщешь лутше... Сибирское железо дает хорошие ружейные стволы, которые на примерной стрельбе всегда выдерживают тройной заряд без всякой опасности...»

Но и в своем Отечестве были не только хулители Петровых дел. Мощную отповедь непонятливым дал М.В. Ломоносов: «Похвалялись некогда окрестные соседи наши, что Россия, государство великое, государство сильное, ни военного дела, ни купечества без их вспомоществования надлежащим образом производить не может, не имея в недрах своих не токмо драгих металлов для монетного тиснения, но и нужнейшего железа к приуготовлению оружия с чем бы стать против неприятеля. Исчезло сие нареkanie от просвещения Петрова: отверсты внутренности гор... Проливаются из них металлы, и не токмо внутрь Отечества обильно распространяются, но и обратным образом, якобы чаемные, внешним народам отдаются. Обращает мужественное российское воинство против неприятеля оружие, приуготовленное из гор российских российскими руками...»

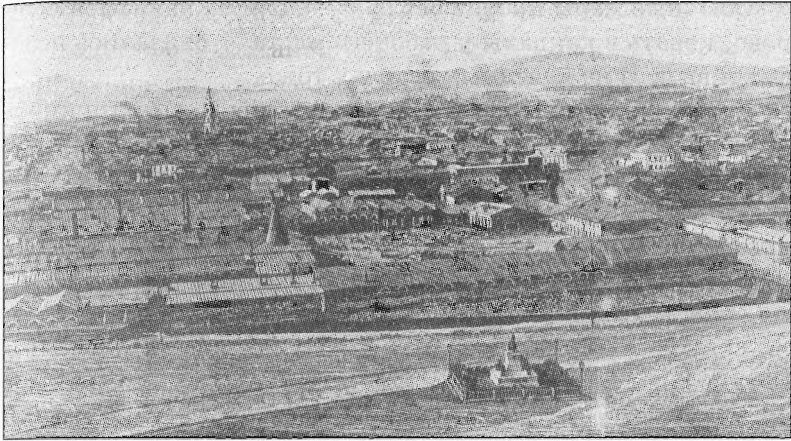
Пожалуй, в последних словах Ломоносова и подмечено то самое главное, что сделал Петр в горном деле. Это то, что он в реализации своих планов главную опору решил искать не в совести бояр и не в доброй воле иноземцев, а в воле и предприимчивости всего русского народа. Объявление в 1719 году свободы горного промысла и допуска к нему всех, «кто к тому охоту имеет», и на любых землях, — вот истинные дрожжи, на которых быстро возрос горнозаводский Урал.

Учреждение Берг-привилегии в 1719 году оказалась благом и для казенных и для частных уральских заводов. Стоит особо подчеркнуть — именно острое соперничество частных

и казенных предприятий принудило и государственных управителей, и собственников заводов искать способы повышения эффективности работы. Побуждаемые сильной конкуренцией Демидовых, Осокиных, многих других частных владельцев заводов, первые государевы горные начальники сделали казенные заводы не просто совершенными по тогдашним техническим меркам, выпускающими высокосортную по мировым стандартам продукцию, но и высокоприбыльными предприятиями. А это, в свою очередь, заставило Демидовых искать новые пути повышения и качества выпускаемой продукции, и удешевления ее (поскольку, как писал Геннин, не мог с появлением столь мощного конкурента Демидов отныне «цену наложить, как хотел»). И вот в 1725 году уже задымили домны Нижнетагильского завода — первого в России железодельного завода, полностью работавшего на магнитном железняке. Именно освоение этого нового вида сырья, залежи которого были и обильны и близки, позволило Демидовым не только создать металл с новыми потребительскими свойствами, но и получать его почти на тринадцать процентов дешевле, нежели на Невьянском заводе.

Конечно же, никак нельзя забыть и важнейшей роли государства при освоении новых видов производств. Не кто иной — казна решилась первой строить медеплавильные заводы на Урале. И самый первый — Пыскорский, и Уктусский в начале XIII века. Начать-то начали, только неважно шли сперва здесь дела. Лишь решительность В.И. Геннина, буквально сразу по приезде на Урал воздвигшего несколько медеплавильных заводов — новый Пыскорский, Егошихинский, Полевской, Лялинский, — дала мощный толчок развитию уральской металлургии. И вот, увидев прибыльность этого дела, в 1726 году запускают свой медный Таманский завод Строгановы. А в 1729 году, воспользовавшись тем, что Демидовы промешкали, не смогли вовремя развернуться всю с медными заводами, в зону их влияния на Западном Урале стремительно проникают купцы Осокины и ставят свой перенец — Иргинский заводик, который впоследствии стал опорой Осокиных в основании собственного большого горно-заводского дела на Каменном Поясе.

Общий вид Нижнетагильского завода

И уже вскоре в крае было в достатке медных заводов, и Россия избавилась от необходимости искать медь в чужеземье.

Соперничество частных и казенных заводов на Урале привело и к еще одному немаловажному следствию. Здесь стала существенно выше цениться рабочая сила.

Тому была основательная причина: ведь на новые, сулящие немалые прибыли производства требовался в немалом числе персонал — и обученный, и для вспомогательных работ. Следует заметить, что в ту пору нескончаемых войн население России быстро нищало, а теряя имущество, становилось чрезвычайно подвижным. Перепись 1710 года зафиксировала: в стране исчезла пятая часть тягловых дворов. Люди снимались с обжитых мест и подавались искать, где лучше. А уж с Урала, где только-только началось освоение, бежать при ухудшении жизни сам Бог велел! Поначалу всю бежали и от Демидовых. Больно они самоуправничали, новоявленные помещики, над приписанными к их заводам крестьянами. Сохранилась челобитная невянских крестьян на Демидова, датированная 1708 годом, — что загонял на заводские работы вконец, дыхнуть не дает, да еще и ничего за это не платит.

Обычные меры против беглых — ловить, наказывать сурово, ковать в кандалы у рабочего места — оказались неэффективны. И на казенных заводах тоже.

И вот уже Геннин рассылает по всем заводам инструкцию:

«... Дабы мастеровым и работным людям при выдаче жалованья отнюдь волокиты не было... И их в летнее работное пахотное время от посева и от снятия хлеба... ежели миновать можно, не употреблять...»

Следующей инструкцией Геннин вводит и гибкую систему оплаты труда на горных работах:

«...Зарплату... берггауэрам... по свойству... камня дачу... производить... з заделья, а не окладную; где камень тверже — тут более, а где мяхче — тут менее...»

Вскоре и Демидов осознал, что ему выгоднее. Немного прошло времени — работники Демидовских заводов стали из самых обеспеченных на Урале.

Так впрямую на жизни людей сказалось соперничество в те времена двух видов собственности.

И не полезно ли нам, вглядываясь в толщу лет, примерить на себя, на сегодняшнее время не музейный, а живой опыт первых уральских горнозаводчиков?! В наших нынешних ожесточеннейших спорах: что предпочтительнее — государственная или частная собственность, не впадаем ли мы опять в крайности? Плоха, бездарна, отвратительна монополия на собственность, кому бы она ни принадлежала — конкретному частному лицу или безликому государству. Только здоровая конкуренция может сделать здоровой экономикой общества. Не в этом ли один из важных уроков, которые преподносит нам и история становления уральской индустрии?!

Да, велика заслуга Блиера, Татищева и Геннина в развитии крупнейшего центра горнозаводской промышленности в России. Но не только за это воздают им потомки. И Татищев, и Геннин были высокообразованными людьми. Именно они заложили основы просветительства на Урале: устраивали и общеобразовательные школы, и школы для подготовки специалистов по всем отраслям горнозаводского дела, где учили и письму, и арифметике, и рудознанию,

Выпуск чугуна из доменной печи Нижнетагильского завода
в 30-х гг. XIX в.

и гранильному мастерству, и многим другим нужным ремеслам.

Сама их личность, талантливость, стиль решения технических и множества других проблем немало поспособствовали формированию на Урале особого сорта людей — горнозаводской интеллигенции, которая вскоре смогла воспитать в своей среде плеяду значительных деятелей. Достаточно вспомнить И.И. Ползунова, чей гений возрос и проявился именно на Урало-Сибирских казенных заводах. Так что обильные всходы дал посев Петра Великого, любовно выращенный выбранными им садовниками — В.Н. Татищевым и В.И. Генниным.

ОТ ИДОЛОВ К КРЕСТУ (ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ НА УРАЛЕ)

В наши дни на Урале преобладают две мировые религии — христианство и ислам.

Обе религии пришли на Урал с запада, вытеснив в душах местных жителей веками выпестованную веру в своих племенных языческих божков.

Начало исламизации Урала положено было, судя по всему, еще в начале X века н. э. Случилось тогда, что болгарский правитель всерьез рассорился с казарами. Рассорился и стал лихорадочно подыскивать себе союзников в борьбе с могущественным южным соседом. Выбор его пал на арабов. Те уже не один десяток лет пытались одолеть хазар, заслонивших пути их экспансии на север и восток от Каспийского моря.

В 921 году болгарский хан отправил багдадскому повелителю послание с просьбой помочь ему возвести вокруг его столицы каменную крепость для надежной обороны от нападений хазар, для чего просил прислать умелых мастеров-каменщиков. А дабы арабы не опасались, что гарнизон новой крепости будет к ним враждебен, пообещал — ежели пришлешь мастеров, весь свой народ обращу в мусульманство.

Видимо, такой поворот событий был желателен и арабам. На просьбу они откликнулись немедленно. Уже в 922 году к месту слияния Волги и Камы, в столицу болгарского ханства,

прибыл огромный караван, посланный арабским халифом. Были в нем строители, каменщики, ремесленники. Были и мусульманские вероучители. Они и провели быструю «мусульманизацию» болгарского народа. Одновременно научили болгар своей письменности, передали умение во многих ремеслах. Ну и, конечно, возвели крепость каменную.

С той поры Булгарское ханство стало мощным центром ислама, от которого учение Мухаммеда распространилось впоследствии на другие уральские пределы. Религия эта оказалась столь крепко привитой на Урале, что спокойно пережила нашествие языческих татаро-монгольских полчищ и вскоре даже была принята победителями.

Почти в то же время — разве что десятилетиями позже — центром в Восточной Европе сделалась Киевская Русь, окрещенная по властной воле великого князя Владимира.

И к славянам вместе с верой в Христа пришли и новая письменность, и умение строить каменные сооружения, и знание многих ремесел и искусств. Всему этому неопитов научили православные миссионеры и пришедшие с ними знатоки из христианских стран.

Таким образом, приход обеих мировых религий стал для местных жителей и мощным цивилизующим фактором.

В числе других подобных фактов это обстоятельство дало, казалось бы, веское основание папе римскому Иоанну Павлу II в одном из недавних посланий к верующим утверждать о благодатной роли христианства в жизни людей, абсолютизировать его ценность в общем прогрессе общества, в приходе просвещения к язычникам, дотоле пребывавшим во тьме невежества. И коль скоро это так, коль столь значимы плоды христианства, то папа посчитал возможным непререкаемо утверждать, что при выращивании сих плодов если и были применены насильственные методы прививок, то они неизбежны и даже оправданны.

Точно такую же мысль прививала россиянам и официальная православная пропаганда. Да так прочно привила, что и поныне подавляющее большинство историков считает, к примеру, христианизацию уральских народов огромным для них благом.

Только есть и сторонники иной точки зрения. Они сомневаются: всегда ли и во всех ли отношениях вытеснение языче-

ства христианством (или исламом) приносит благо обращенным народам, означает культурный прогресс? Их аргументы тоже не сбросишь со счетов.

Хрестоматийный пример: христиане-конкистадоры разрушили великие «языческие» цивилизации инков, ацтеков, майя отнюдь не во имя культурного прогресса. А вспомните судьбу искусства античного Средиземноморья: понадобился взрыв Ренессанса, чтобы христианская Европа вновь обрела великие творения своих «языческих» предков. Наконец, есть народы, к прогрессу которых ни христианство, ни мусульманство не имеют никакого отношения. Японцы, к примеру, не одну тысячу лет упорно исповедуют синтоизм — веру, по всем меркам мировых религий, языческую. Однако это не помешало им сделаться одной из самых передовых (в смысле цивилизованности) стран. И эти наисовременнейшие люди упорно продолжают молиться душам своих предков и природным богам — стихиям.

Читатель может возразить: «языческие» культуры таежных охотников и рыбаков древнего Прикамья или Югры очень проигрывают в сравнении с наследием великих цивилизаций Америки или Средиземноморья. Но, во-первых, культура — своеобразное духовное тело народа. Она так же неотделима от его истории, трудового опыта, бытового уклада, как неотделимы от каждого из нас наш рост, комплекция, форма носа, разрез глаз. И сравнение по принципу «ниже — выше» тут просто неуместно.

Во-вторых, так ли уж бедны, так ли уж лишены общечеловеческой ценности культуры древних поселенцев Урала, дошедшие до наших дней (увы, не без потерь) вопреки разрушительным усилиям и христианских миссионеров, и большевистских экспериментаторов? Даже явленный ими запас прочности заставляет отнести к ним с уважением.

Религии прауральцев

«Идолам, солнцу, огню, воде, камению, древлю, волам, козам, и кудесникам, и волхвам, и золотой бабе...» — такой вот перечень объектов поклонения и почитания древних

югорцев приводят первые русские летописцы. И это вполне естественный набор божков для людей дохристианской веры. Все языческие идолы — обожествление сил природы, родовые фетиши.

Точно такой же перечень и у тогдашних греческих и славянских «язычников». Бог-громовержец Зевс в принципе выполнял те же функции, что и старославянский повелитель молний Перун и демиург (главный бог, создатель всего сущего) Нуми-Торум у манси, или Ен у коми.

И вообще, у уральских народов к началу нынешней эры сложился устойчивый и вполне их устраивающий взгляд на строение мира и место всего сущего в нем. Конечно же, воззрения их по нынешним оценкам кажутся наивными, но — по самому большому счету — они мудры и исчерпывающе целостны. Древние уральцы, не имея еще понятия о сложных причинах многих природных процессов, создали тем не менее стройные системы миропонимания, главной особенностью которых было триединство мира. Прауральцы были уверены, что в среде их обитания — среднем мире, одном из трех (еще есть верхний и нижний миры), созданных богами, — человек был только одним из божьих творений. Не хуже, но и не лучше других. Коми и манси были убеждены, как Маугли, что они и звери — существа одной крови. Многие всерьез вели истоки своих родов от животных. Большинство предпочитало медведя, но не чурались числить в своих предках и оленя, и сову, и даже лягушку. Лягушка вообще у многих народов считалась переродившимся человеком, и вредить ей считалось великим грехом. Верили в возможность временного перевоплощения человека в зверя, птицу. Причем не только шаманов и колдунов.

Но не так же ли мыслили и древние славяне? Не зря до наших дней дошла милая сказка об Иванушке-дурачке, которому выпало счастье получить в жены лягушку. Иванушка, возомнивший, что само по себе обладание человеческим обликом уже возносит его над окружающим миром, создал массу неприятностей и себе, и своей жене, когда сжег ее лягушкины личины.

*Образцы пермского звериного стиля.
Фигурки VI— VIII вв.*

Сказка ложь, да в ней урок — не возносись, человек, перед животным!

Этот же урок нам подают и современные индуистские верования, признающие переселение человеческой души после смерти тела в любого представителя фауны и флоры. Так что наши уральские предки вовсе не отличались в этом ни от древних американцев, ни от африканцев. Один пример: перед тем как идти на медведя, долго убеждали свою будущую жертву в вынужденности этого поступка. Даже угощали его дух сладкой кашей, чтобы задобрить и убедить в необходимости подставить тело под смертельный удар. А после удачной охоты, освежевав тушу, охотники почтительно хоронили голову и кости забитого медведя (такой обычай у обитателей печорских лесов сохранялся еще в XIX веке).

Человек дохристианской эпохи на Урале считал себя в родстве не только с животным, но и растительным миром. Не отказывал он, к примеру, и деревьям в праве иметь душу. Сохранившийся в языке коми обычай называть деревья под-

тверждает это. Шумящие листвой или зелеными иглами растения они называют «ловья пу» — дерево с душой. Если же разговор идет о сухостое, мертвом дереве, его пермяк обозначает «ловтом пу» — дерево без души. А уж коли ты признал дерево обладающим душой, то и обращайся к нему, будь любезен, подобающе. Если желаешь, к примеру, чтобы дерево кедра или ели принесло больше шишек, попроси его хорошенько, принеси жертву. Может, его душа — «лов» — и откликнется на твою просьбу.

Вот эта близость язычества к природе — непреходящая ценность древней веры уральцев. Обожествляя природу, наши предки в то же время и пристально всматривались в нее, фиксировали в своей памяти все особенности ее проявлений, изменения хода естественных процессов, их причины и связи. Из наблюдений постепенно возникала целостная система примет, с несомненной очевидностью указывающих близость смены погоды, виды на усожай, время удачной охоты и т.п. Все эти приметы старательно закреплялись в памяти людей, в форме обряда или заклинания передаваясь из поколения в поколение.

Так утвердился на Урале обряд моления дождя в начале мая, когда проклевывались на пашне первые всходы яровых и для их успешного роста так нужна была влага.

Языческий обряд окуривания животных перед выпасом тоже возник на основе найденного путем долгих наблюдений способа борьбы с паразитами и распространителями эпизоотии...

Поначалу просьбы богам возносили без всякой системы. Возникла надобность — обращались, кто как умел. Но постепенно начала складываться некая процедура, перешедшая в мистический ритуал, процедура общения с потусторонними силами. И появился целый слой людей, ее производящих — священнослужители. С позиций современной науки трудно, конечно, признать обоснованной убежденность языческих служителей культа в своем высоком предназначении, однако есть заслуживающие доверия свидетельства, что многие из них владели даром предвидения (или прогнозирования), умели врачевать и влиять на сознание верующего.

Но не все служители культа были добры к людям. Во многих преданиях коми и манси сохранились персонажи — злые колдуны и волхвы. Те, кто не столько помогали своим соплеменникам общаться с богами, оберегали их от хворей и испрашивали у обитателей верхнего мира покровительства в охоте, но и присваивали себе власть в общине, и, опираясь на нее, бесцеремонно вымогали у рядовых общинников приношения. Часто, не довольствуясь тем, что им приносили, волхвы организовывали ватажки, чтобы терроризировать селения, грабить жителей, уводить скот. При сопротивлении непокорных убивали. В народных сказаниях сохранилось много упоминаний о темных деяниях колдунов. Нередко, говорилось в тех же источниках, люди не выдерживали несправедных притеснений, восставали. Так, возмущенным народом был сожжен со всем награбленным имуществом в своем доме могущественный колдун Юрка.

Можно утверждать, таким образом, что не нашего это времени достижение — восставать на вероучителей своих. Потому как не только в наступившие времена пастыри забывали долг свой и вместо забот о душах паствы чрезмерно предавались заботам о благах своих.

Христианизация уральских народов

Христианство пришло на уральскую землю с северо-запада, по тем же дорогам, которые издревле избрали новгородские ушкуйники и московские рати для обирания племен Перми (коми), вогулов (манси) и югры (остяков-хантов).

Но следует отметить: миссионерская деятельность шла впереди фактической колонизации края. Приуралье было в основном окрещено до того, как сделалось полноправной частью Московского княжества. Прежним владельцам этих краев, новгородцам, никакого дела не было, кто и как управлял уральскими племенами, в каких богов те верили. Лишь бы было что с них урвать. Новгородцы, если удавалось

во время набегов, обдирали югру и пермяков и, довольные (тоже, если удавалось), уходили восвояси.

Несколько другое отношение к соседним землям было у московских князей.

Пожалуй, именно они первыми осознали, что церковь по сути представляет уникально организованный аппарат, который может проводить в соседних княжествах подготовительную работу, готовящую «почву» для их присоединения к Москве. В уже христианизированных славянских землях эта работа прикрывалась собиранием всех православных общин в русских княжествах под единое митрополичье управление. В землях «идолопоклонников» московские владельцы всячески поощряли обращение в христианство. Это ведь далеко не случайно — именно когда московские князья порешили оттяпать у Новгорода пермские, югорские, печорские земли и основали в 1207 году на пути от этого города к Уралу свой форпост, Великий Устюг, одной из первых строек в новом городе стал монастырь — для распространения среди инородцев веры Христовой. Недаром именно тогда, в 1212 году, инок Киево-Печерской лавры Кукша был благодатен идти с проповедью Христовой к обитателям уральских лесов и болот. Но обращение в новую веру пермяков и вогуличей не форсировалось. Когда Кукша сгинул в дебрях печорской тайги, это не стало поводом ни для репрессий, ни для резкого наращивания числа миссионеров. Церкви и монастыри Великого Устюга ставили неспешно, терпеливо укореняя бастионы новой веры. Великолепие культовых зданий, красота православного богослужения, яркие рассказы об истории Спасителя и деяниях святых апостолов и угодников тоже призваны были убеждать аборигенов в преимуществе Христовой веры. Не могла также не оказать влияния на отношения коми и вогуличей к новым святым простая и здравая мысль: боги народа, берущего дань, наверняка сильнее богов народа, дань дающего. Недаром им воздают честь столь роскошно и величаво. Среди инородцев, жителей Великого Устюга, появилось немалое число прихожан христианских церквей. Съезжавшиеся на торговлю в город окрестные аборигены тоже с любопытством за-

хаживали в храмы и приглядывались к идущим там службам, восхищались иконами и резьбой алтарей.

Но радикально дело обращения идолопоклонников-коми в «истинную веру» сдвинулось с места только во времена Дмитрия Донского.

Этот великий князь Московский был и великим воином, и столь же великим политиком. Замыслив сокрушить татар, он прозорливо наметил пути достижения задуманного. Главным было объединить усилия русских князей. Их уже объединяла вера, на нее и следовало опереться. Показывая себя набожным сыном церкви, Дмитрий исподволь превращает ее в один из «отделов» своего обширного хозяйства, в котором он вправе поддерживать нужный ему, владельцу, порядок. Не понравился митрополит, направленный византийским патриархом, — не принимает его, назначает собственного. Церковь отнюдь не противится власти Московского князя, ибо Дмитрий щедро дарит монастырям земли, уменьшает им налоги, устанавливает многие другие льготы. И тем делает церковь своим верным союзником. Могущество церкви прирастает числом ее приверженцев, и в этом князь Московский ей помощник.

Политическая мудрость Дмитрия Донского проявилась и в том, что он приближает к себе, делает близким советником монаха Сергия Радонежского, фанатичного сторонника объединения русских земель, который пользовался большим моральным авторитетом среди православных церковников.

От этого крепкого союза князя Московского с церковью заметно увеличивались мощь и самоуважение их обоих. Видимо, не случайно именно в пору, когда Дмитрий стал уже настолько уверен в себе, что записал в договоре с побежденным им князем Михаилом Тверским (в 1375 году): «Будем ли мы в мире с татарами это зависит от нас... Если же мы пойдем на них, то и тебе с нами идти...» В среде русского священства начинает вызревать истовая убежденность в великом предназначении и русского народа, и его православной веры. Эта убежденность вскоре отлилась в чеканной формуле «Москва — Третий Рим»!

Именно в XIV веке в окрепшем русском монашестве появилась традиция ставить монастыри в «пустынях» — не обжитых христианским миром местах, куда они уходили от мирской суеты (до того все почти монастыри на Руси ставились в крупных городах либо возле них и основывались на деньги и при помощи князей и бояр, обслуживая в общем-то их личные интересы). Монахи осознали свою роль хранителей веры. Одновременно они несли в «пустые» места, куда приходили, и культуру землепользования, земледелия — чем-то жить надо! Монастыри-«пустыни» становились, таким образом, и островками окультуренной земли, пригодной для успешного земледелия в глухих необжитых местах. Постепенно они обрастали «мирскими» поселениями, часто — язычников, постепенно принимавших христианство.

Воспитанный в традициях греческой церкви, Дмитрий накрепко усвоил и один из главнейших постулатов византийских правителей: народ, принявший веру из рук твоих подданных, непременно становится твоим вассалом. Поэтому Дмитрий Московский всячески поощрял Сергия Радонежского, лично основавшего немало монастырей в «пустынях» и благословлявшего на такое дело многих своих учеников. Всего ими было открыто около двух десятков монастырей. И они не зависели ни от князей, ни от бояр — только от митрополита московского и, естественно, от Московского великого князя.

Политика Дмитрия Донского дала мощный импульс массовой христианизации Урала. Непосредственного и ярого исполнителя этого труднейшего предприятия великий князь Московский нашел в кругу друзей Сергия Радонежского. Особенно привлек внимание князя ростовский монах Стефан — честолюбивый, широко образованный, жаждущий высокого церковного подвига. Стефан возводится в сан иеромонаха, снабжается всем необходимым, а главное — охраняемыми грамотами великого князя Московского, гарантирующими ему помощь устюжского гарнизона, и отправляется на великий церковный подвиг — ставить монастыри в «пустынях» и крестить приуральских язычников.

Так началась одна из самых значительных в истории православной церкви проповедническая миссия подвижника веры Христовой Стефана Пермского, причисленного впоследствии к лику святых.

Стефан Пермский

Степан Храп, в монашестве отец Стефан, родился (примерно) около 1330 года в семье скромного псаломщика Успенской соборной церкви Великого Устюга Семена Храпа. (Правда, не все убеждены, что прозвище Храп (нахал, наглец) получил малозаметный член церковного причта. Некоторые исследователи считают, что этого «титула» был удостоен сам пермский святитель от московских церковных иерархов, возможно, за его независимую манеру держать себя. Прославленный миссионер Стефан Пермский, вполне допустимо, мог позволить себе не очень к ним почтительное отношение. (Но это из области предположений.) Мать будущего великого проповедника звали Марией. Как повествуют летописи и «жития», она была женщиной простого рода. Авторы «Истории Урала с древнейших времен до 1861 года» утверждают (с. 232), что по происхождению она была коми-зырянкой.

Бытует в церковных кругах легенда: когда Марии было только еще три годика, шла она однажды по улице вместе с родителями, возвращаясь с обедни. И местный юродивый Прокопий, завидя ее, упал перед ней на колени, славя Марию как мать будущего великого учителя коми-пермяцкого народа. Кстати, потом этот юродивый был в дружеских отношениях с семьей Семена-причетника.

Юный Степан оказался очень смышленным ребенком.

Он с самых ранних лет выделялся среди сверстников — обостренной пытливостью, редкой способностью к изучению языков. Он одинаково хорошо уже в детстве говорил и по-русски, и на коми языке. Причем вряд ли что-либо понуждало его к изучению этого языка, кроме природной любознательности...

Стефан Пермский. Икона

В процессе обучения грамоте у устюжских учителей росла у молодого человека страсть к познанию. И он решает отправиться в ростовские монастыри, где тогда обретались дей-

ствительно высокообразованные люди — знатоки Священного Писания, толкователи и комментаторы его, владевшие не одним языком. Видимо, уже к этому времени в нем зародилось желание как-то проявить себя. Он рано, по впечатлениям современников, осознал трагедию скоротечности земной жизни человека, и принял твердое решение — за отпущенный ему Богом срок свершить какое-либо великое деяние. Может быть, под влиянием поведенной ему легенды, или в результате изучения деяний отцов церкви — миссионеров, у него сложилось твердое убеждение, что таким деянием должно быть широкое крещение родных ему по крови коми-зырян и спасение тем их душ от вечных мук в аду.

По прибытии в монастырь Стефан сразу обратил на себя внимание и его руководителей, и церковных иерархов. Как редкостной тщательностью в исполнении обрядов, так и неограниченной жадностью познания. Вот что пишет о его тогдашнем бытии живший с ним одновременно в ростовском монастыре «Затвор» монах Епифаний Премудрый (написавший впоследствии прекрасные биографии «Повесть о Стефане Пермском» и «Житие Сергия Радонежского»): «...Стефан с прилежанием читал книги, стремился до конца понять, о чем говорит каждый стих словес, и правильно его истолковать... Постоянно пребывал он в трудах, все делал своими руками трудолюбиво и святые книги писал весьма искусно и быстро...» Как свидетельствует Епифаний, мечта о миссионерстве в Стефане не угасала, напротив, устремляла в свое русло все дела его в монастыре. Наверняка из бесед с опытными проповедниками, из изучения трудов деятелей церкви Стефан сумел достаточно полно представить объем труда миссионера. И обязательность полуголодного существования на подножном корму в необжитых местах (а если и в обжитых — кто его, чужака, накормит?). Готовность к жестоким, непредсказуемого хода дискуссиям с убежденными поклонниками богов предков и умение говорить на языке тех, к кому обращена проповедь. И при всем при том всегда помнить: жизнь твоя висит на волоске, язычникам ничего не стоит погубить проповедника. А ведь к этому их будут непременно побуждать служители отрицаемых кумиров. Переход па-

ствы от веры в идолов к христианству лишал их дохода и власти, значимо понижал их общественный статус (служитель отвергнутого бога?!). Не допустить этого становилось для них жизненно важно. И кровь чужака-проповедника становилась часто необходимой искупительной жертвой старым богам...

Постами и бдениями изнуряя себя, готовя тело к подвижнической жизни, Стефан усердно готовился и к проповедям на родном языке обращаемых. Переводил греческие книги, штудировал их. А потом и вовсе решился на сказочный подвиг — принести обращаемому в Христову веру народу божественные книжки на его языке. Стефана не остановил такой «пустяк», как отсутствие у коми письменности. Что ж, ведь это не остановило Кирилла и Мефодия нести христианство славянам. И Стефан — ему, считал, и это по плечу! — решает создать коми письменность.

За основу алфавита он мог, конечно, взять привычную кириллицу или греческий оригинал ее. Но он пошел своим путем. Исходным графическим материалом для коми азбуки Стефан сделал «пасы» — знаки, которыми издревле коми-зыряне метили свои уголья. Таким образом, для них в предлагаемых святых книгах уже было что-то свое. Еще одна особенность Стефановой азбуки — она не имеет лишних букв (в отличие от кириллицы, где, например, три буквы озвучивали звук «и» — сама «и», «и с точкой», ижица).

Великолепная работа!

Высококачественны его переводы на пермский язык текстов Священного Писания. Многие древнерусские переводчики святых книг широко использовали непереуведенные греческие термины, не найдя им эквивалента в родном языке. А Стефан, по утверждению А.В. Чернецова («Стефан Пермский — просветитель народа коми»), сумел подобрать полноценные эквиваленты всех иноземных понятий на языке коми.

Причем эту титаническую работу Стефан провел один. Ему не только не помогали — напротив, многие не понимали, зачем он делает все это. Ведь совсем уже близок был 1492 год по рождеству Христову, а в этот год — 7000-й от

Собор святых пермских угодников. Икона

Сотворения мира, большинство верующих христиан ожидали наступления конца света. Всех ждет скорая гибель, что тут заботиться о нескольких язычниках!

А Стефан спешил. Очень спешил.

Вполне вероятно, что он тоже допускал возможность скорой гибели человечества. Но тем более он, истинно верующий христианин, жаждал, чтобы как можно больше людей пришли к этому часу с верой в Христа — это спасло бы их от мук в аду.

Уже составив азбуку и сделав несколько переводов богослужебных книг, Стефан задумал проверить качество своей работы. Он из Ростова поехал в свой родной город Устюг и в

беседах с коми-зырянами опробовал воспринимаемость ими его переводов, соответствие звуков живой разговорной речи коми-зырян предложенным им символам. По результатам поездки он внес исправления и в азбуку, и в тексты.

Вполне азбука коми-языка была готова в 1375 году. Вскоре были написаны им и несколько богослужебных книг на пермском языке.

Стефан решил — пора!

Он отправился в Москву к митрополиту за благословением, и к князю — за поддержкой. Получив благословение, необходимую церковную утварь и, как уже сказано, сан иеромонаха (это давало ему формальное право на миссионерство) от митрополита, получив также охранные грамоты и наказ воеводам о выделении в случае необходимости в защиту ему ратников — от князя, Стефан твердо решил: иду!

Как определил в своих изысканиях по древним текстам протоиерей Евгений Попов, «Св. Стефан в 1379 году окончательно двинулся к Перми со своей родины из Устюга. Он спустился по реке Двине, как только она вскрылась, до места, где в нее впадает Вычегда. Здесь издавна расположилось зырянское село Котлас...» Именно отсюда и началась миссионерская деятельность Стефана. Многие жители Котласа были знакомы с ростовским монахом. Приняли его радушно.

Решив начать с возведения церкви, он совершенно точно и умно рассчитал: увидев, сколь роскошно и величаво жилище нового бога, язычники непременно сопоставят с ним незатейливые капища своих богов. Сравнение явно будет в пользу предлагаемого нового бога.

При впадении реки Вымь в Вычегду поставил Стефан соборную церковь Благовещения Святой Богородицы. «Была она основана и поставлена, создана премногою верою и теплотой великой любви... Украсил ее всяким украшением, словно невесту добрую приукрашенную, наполнил ее изобилием церковным, освятил ее после завершения освящением великим. Сотворил он ее высокой, красивой, устроил ее хорошей и доброй, украсил ее чудно и дивно, и дивна она поистине есть», — так пишет о первой построенной Стефаном церкви Епифаний Премудрый.

Но не только проповедями в прекрасной новой церкви прельщал иеромонах идолопоклонников. Он решил отправиться в их капища, сокрушить там идолов, которым они поклонялись.

Делал это Стефан не раз и не два. Один, рискуя жизнью, крушил и сжигал идолов, а потом вставал на колени и молился, долго молился. Пока слух об этом не доходил до аборигенов, пока они, разъяренные, не прибегали на разоренное место их былых поклонений. Сколько раз одно неверное движение могло привести к расправе над «святотатцем». Но они заставляли Стефана глубоко погруженным в молитвы своему богу и, замороженные бесстрашием этого человека, успокаивались. Обступали его, вслушивались. Ведь он говорил со своим богом на их родном языке! Постепенно осмелев, кто-нибудь и заговаривал с этим оглашенным смельчаком. И Стефан охотно говорил с ними о своем боге. И немало язычников начинали к нему прислушиваться.

После этого на месте поверженного кумира Стефан немедленно строил церковку.

Так приходила новая вера.

Кульминационным моментом в миссионерской деятельности Стефана была, конечно же, его дискуссия с главным волхвом язычников Памом, тонким и умным полемистом. На все доводы Стефана он находил точные и разящие ответы. И приводил свои веские резоны.

Тогда порешили так. Каждый лично должен показать мощь своего бога. Оба войдут в костер. Чей бог слабее, тот в нем сгорит, а сильнейший бог своего подопечного спасет. Если из костра невредимы выйдут оба, тогда, прорубив на реке проруби, в одну нырнут, в другую — если бог поможет — вынырнут. Это уже наверняка покажет, чей бог одолеет.

Стефан бесстрашно пошел к огню, Пам же заколебался, отпрянул от огня. Посчитали — он проиграл. Когда же обоих подвели к прорубям, Пам и тут первым не решился на такое испытание веры.

Разгневанная толпа Памовых соплеменников (веру предков посрамил, да и сорвал такое редкостное зрелище!) тут же хотела растерзать его.

Стефан вступился за поверженного кудесника. И дал ему возможность, вместе со своими приближенными, перебраться за Камень...

Стефан Пермский — не только выдающийся филолог, блестящий оратор и полемист, терпеливый, неунывающий миссионер. Он был еще и незаурядным политиком. А быть политиком его обязывало сложное положение, в котором оказался и он сам, и обращенные им в христианство аборигены.

Собственно, в чем состояла проблема?

Миссионерская деятельность Стефана была освящена московским духовенством и проходила под патронажем великого князя Московского. Но проводилась-то она на землях, в те годы подведомственных Великому Новгороду, на которые все более явно претендовали московские князья.

Проблема обострилась, когда в 1383 году Стефан, развив неукротимую активность, стал считать новую паству уже на тысячи человек. Селения неопитов были разбросаны на огромной территории. Встал вопрос обеспечения этих людей постоянным духовным руководством. Надо было строить в новообращенных селениях церкви, заводить монастыри. И ставить там штат священнослужителей, желательно — из аборигенов.

Пришло время создавать епархию, назначать в пермские земли епископа. Но земли — номинально новгородские, и епископ должен быть от Новгорода. Стефан же поехал в Москву. Там сочли его доводы убедительными. Воздали должную хвалу за усердие во внедрение веры Христовой в пермском краю. И, посоветовавшись, назначили его первым пермским епископом. Честь великая. Но и — вызов. Новгородцы могли стерпеть в своих землях проповеди московского монаха. Но чтобы Москва назначала духовного руководителя на подвластные им территории — это уж слишком. Кроме всего прочего, это фактически устанавливало юрисдикцию московских властей на новгородских землях.

Этого в Новгороде снести не смогли. И должным образом отреагировали.

Новгородский владыка в 1385 и 1386 годах посылает новгородские дружины показать пермякам — кто их хозяин.

Только Стефан Пермский был не так-то прост. Самую первую угрозу от насланных воинов он отвратил, обратившись к московскому гарнизону в Устюге Великом. А затем, недолго думая, отправился самолично в 1386 году в Новгород. Стефан понимал, что радикально вопрос о взаимоотношениях можно решить только прямыми переговорами. А на переговорах у него были свои хорошие козыри. Во-первых, за Стефаном маячила отчетливая тень московской мощи, покровительство которой ему было обещано. Незадолго перед этим Дмитрий Донской показал новгородцам, что он умелый полководец. В нескольких сражениях напрочь разметав новгородские рати, он заставил их заплатить богатый выкуп за то, что не стал разорять город. Так что вновь накликать на себя московские рати, а Дмитрий не задержался бы их отправить на защиту престижа московского митрополита, вряд ли новгородцам стоило. Даже из-за такого вопроса, как назначение пермского архипастыря.

Кроме того, новгородская христианская община была в то время расколота. Немалая часть рядовых горожан впала в так называемую стригольническую ересь. Ее последователи усомнились в точности текстов Священного Писания, требовали упрощения образа жизни церковнослужителей... Так что не вовремя стал заботиться новгородский владыка о своем внешнем престиже. Спасти бы ему свои доходы в Новгороде.

Стефан прекрасно был осведомлен об обстоятельствах тамошней церковной жизни. Тонко построил он свое поведение в Новгороде. Понимая, что нельзя задевать самолюбие хозяев, он, незаурядный дипломат, хотя и помянул как-то незаметно о московских полках, все же больше напирал на необходимость единства усилий при обращении язычников в веру Христову. А под идею единства написал гневную проповедь к стригольникам, обличая их требования и как богопротивные, и как просто неуместные сейчас, когда все усилия истинно верующих в Христа должны быть объединены. Объединены и перед лицом угрозы страшного врага — татарских туменов, и в выполнении высшего долга каждого христианина — нести свет этой веры пребывающим в греховном языческом заблуждении народам, в частности пермякам, югорцам, вогулам.

Подвижническая жизнь Стефана, ставший широко известным успех его миссионерской деятельности, долгое пребывание среди язычников, где каждый день грозил ему гибелью, создали пермскому святителю высокий авторитет среди верующих. Да и проповедник он был выдающийся. К его словам нельзя было отнестись неуважительно.

В результате поездки в Новгород Стефану удалось и немного утишить стригольников, и новгородского владыку склонить к примирению с его назначением. Стефан был отпущен из Новгорода не только поживу-поздорову (а его удерживали доброхоты от этого вояжа, стращали гибелью), но и с богатыми дарами. А вообще, этот поступок Стефана очень напоминает содеянное его великими предшественниками Кириллом и Мефодием. В свое время им, византийцам, резко противодействовали немецкие католические иерархи, претендовавшие на исключительное право крещения славян. Тогда Кирилл с Мефодием решили идти к самому папе, в Рим, и убедили его одобрить и их миссионерство, и созданный ими славянский алфавит.

Стефан Пермский был единственным русским святителем, который шел к язычникам с проповедью и богослужением на их родном языке. Действительно, богослужение при крещении мордвы, марийцев, чувашей и многих других народов шло на русском языке, и православное служение священники вели в поставленных на их землях церквах по книгам на церковнославянском языке.

Стефан Пермский, таким образом, проявил огромное личное уважение к обращаемым язычникам, посчитав их речь достойной для служения Христу.

И вообще, он проявил много участия в повседневных делах своей паствы. Добивался для нее льгот в налогообложении, раздавал хлеб при неурожаях и засухах, защищал, точнее, организовывал защиту от набегов враждебных племен. Кстати, при изучении описаний его жизни можно сделать предположение, что он для этих целей (при отражении набега вогуличей) использовал чужеземное техническое новшество тех времен — артиллерию, в боевых действиях впервые в России примененную, как известно, Дмитрием Донским на Куликовом поле.

Умер Стефан Пермский в 1396 году в Москве. Дело обращения уральцев в христианство продолжили и его преемники на кафедре пермских епископов, и подвижники-миссионеры. Три пермских епископа за великие их труды на этом поприще причислены к лику святых. Это епископы Герасим, Питирим и Иона. Первые двое жизнью заплатили за усердие в миссионерстве...

Однако следует отметить, что христианизация Урала не была завершена даже и в XX веке. Сохранилось немало коми, манси, пермяков, не отрешившихся от богов своих предков. Да и среди окрещенных вплоть до наших дней бытовали обычаи и обряды из языческих времен. Так, перед началом сезона выпаса скота (обычно в Егорьев день), чисто вымывшись в бане, принаряженные пермяки пригоняли коров, бычков к церкви. Здесь творили богослужение, а потом, видимо для верности, стадо прогоняли на пастбище через «ворота» из двух горящих можжевелевых кустов. Но не все стадо уходило пасться. Одну-две, а то и больше животин тут же забивали. В жертву. Мясо животных делили на несколько частей — одну отдавали церковнослужителям, другую продавали прямо на месте забоя, и деньги поступали в церковную казну. А оставшееся мясо тут же варили и съедали. А после трапезы вершилсЯ по полям и лугам крестный ход. Община шла с иконами, хоругвями. Такая вот устраивалась христианско-языческая мистерия в надежде упросить сразу всех богов смилостивиться, чтобы год был благополучным, урожайным и скот остался целым и здоровым.

Потому миссионерство перешагнуло и в XX век.

Вот еще один пример деяний самоотверженного человека, избравшего стезю святителя.

В 1913 году православная общественность Урала отметила шестидесятилетие священника Якова Васильевича Шестакова.

После окончания Пермской духовной семинарии (в 1879 году) у Якова Шестакова была возможность устроиться преподавателем в приличное место. Но, видимо, другая у него была дорога. И он начинает к ней готовиться. Берет у сторожа уроки местного языка. Обеспечив приют своим близким — матери и сестре, — сам вступает в послушники Верхотурского Николаевского мужского монастыря, чтобы укрепить дух

Верхотурский Николаевский монастырь

свой и тело. Попутно совершенствуется в знании языка манси. Попутно — письмоводитель обители.

Наконец настоятель монастыря благословляет Якова Шестакова на миссионерский подвиг у манси.

Не сразу отправился отец Яков проповедовать.

Чтобы очиститься от остатков мирского, решается он на паломничество к святым местам Казани и Киева.

Вернувшись, женится на женщине из народа, в который хочет идти с проповедью, — Александре Матвеевне Вилесовой. И уже с ней вместе отправляется в центр идолопоклонников — в деревушку Коче, что в 200 верстах от Чердыни. Это здесь ежегодно 18 августа, в день Флора и Лавра, забивали в жертву по 50 быков, чтобы умиловить своих прежних богов. Шестаков основывает там монастырь, который к 1916 году стал процветающим. Почти весь состав инокинь в нем был из инородок.

Как и его великий предшественник, отец Яков издавал много книг на пермяцком языке. И не только божественные, а и такие, например, как «Сказка о рыбаке и рыбке».

Миссионерствуя, Шестаков занимался и наукой: в частности, в «Этнографическом обозрении» Московского университета (октябрь 1908 г.) он опубликовал статью «Жертвоприношения закамских инородцев»...

Пять с половиной веков неустанными усилиями миссионеров (правда, эти усилия часто сопровождались и неприкрытым насилием нетерпеливых властей, с которых, в свою очередь, вышестоящее начальство требовало подобающей отчетности) внедрялась христианская вера среди уральских аборигенов. И нельзя не отдать дань восхищения высокому нравственному подвигу этих людей.

Подвиг православных миссионеров не тускнеет оттого, что их истовое служение своему богу было использовано российскими властителями как вспомогательное средство колонизации уральских земель. Может быть, именно благодаря таким подвижникам на уральской земле, возжигавшим очаги высокой духовности, высокой культуры, поглощение уральских народов российской государственностью не стало национальной трагедией этих народов. Напротив, во многих случаях оно стало значительным фактором в обогащении их национальных культур. В самом деле, вместе со своей верой православные миссионеры принесли «инородцам-язычникам и знание грамотного землепользования, и очарование современного искусства, давшего благодатные всходы на этой земле (стоит только вспомнить образы всемирно известных пермских деревянных скульптур и иконы не менее знаменитых строгановской и невьянской художественных школ).

Раскольники

В настоящее время христианская община на Урале неоднородна. В ней выделяется несколько неортодоксальных течений. Наиболее значимое из них — раскольники. На Урале их еще называют кержаками либо старообрядцами. О них много ходит всяческих слухов, рассказней. Мол, одеваются не как все. Пьют, едят наособицу. Чужаку и водицы из своей посуды испить не подадут. Это есть. Но не в этом главное отличие раскольников.

Раскольники не приемлют многие обычаи и обряды «официального» православия. Но более того: их не устраивают взаимоотношения православной церкви с государством. Они считают веру отнюдь не одной из форм государственного слу-

жения, как повелось со времени Дмитрия Донского, а личным делом каждого гражданина. Чистоту и прочность веры они рассматривают как нравственный долг, как дело совести и чести, как образ достойного существования, завещанный предками. Отсюда их подчеркнутый консерватизм, их религиозный и моральный пуризм, переходящий порой в откровенное неприятие новаций как в общественной, так и в хозяйственной жизни. Вот почему они — «старообрядцы».

Но разошлись они со своими бывшими единоверцами вследствие раскола Русской православной церкви, обусловленного политическими процессами в русском государстве в середине XVII века.

Исследование причин раскола и по теме, и по географии выходит за рамки интересов повествователя, занимающегося историей Урала. Замечу только, что ко времени царствования Алексея Михайловича многими передовыми людьми России стала болезненно и остро ощущаться хозяйственная и культурная отсталость разоренного десятилетиями Смуты отечества от вступившей на путь капиталистического развития Европы. Попытки пересадить на русскую почву элементы иноземной культуры, естественно, возбуждали реакцию отторжения.

Возникающие вследствие этого общественные противоречия накапливались, и нужен был какой-либо значимый повод, чтобы тучи разверзлись молниями.

И повод такой нашелся.

На Патриарший московский престол в 1652 году был возведен молодой (47 лет всего), фанатично верующий иерарх, полный энергии и честолюбивых замыслов, — Никон. Обуреваемый честолюбием, но и ясным сознанием необходимости обновления и унификации церковной обрядности в унитарном государстве, он навязал церкви ряд радикальных реформ.

Самые решительные противники обновления ушли в раскол.

Вряд ли церковникам удалось бы поднять в раскол много людей из-за второстепенных, в сущности, изменений в обрядах. Однако в раскол подались все слои русского общества — от царской сродственницы боярыни Морозовой, бояр и купечества до разбойной вольницы Степана Разина, — потому что увидели в защитниках старых обрядов оппозицию властям, которыми все они, каждый по-своему, имели повод быть недовольными.

Недолго занимал Никон Патриарший престол, но погасить спровоцированный им взрыв церкви уже не удалось.

Начался массовый исход раскольников. Бедные «двуперстники» подались в бега с надеждой найти спокойную жизнь в малообжитых частях государства. За тридцать лет (1658—1688), как свидетельствует древняя рукопись, в забытых богом, в глухих углах царства интенсивно «зверопастенные места населялись и вместо дерев умножались люди...»

Но ведь сбежавшие люди, а это не одна сотня тысяч сильных работающих рук, став беглыми, избегали и контактов с официальными властями (те ведь просто обязаны были возвращать беглых по месту жительства). А значит — беглые не платили податей. А это государь стерпеть уже не мог.

И началась продлившаяся около ста лет (до указа Екатерины II), а подспудно — продолжавшаяся еще многие годы после государственная политика искоренения раскола. И сам Алексей Михайлович, и его преемники просто принялись повсеместно изводить старообрядцев. Сотни тысяч людей, спасая себя, своих детей, пошли скитаться по Руси в надежде отыскать защищенное от гонителей убежище. Много их осело по реке Керженцу, что недалеко от города Нижнего Новгорода впадает в Волгу. Там они и прижились потихоньку, поскольку, на их счастье, началась в то время отчаянная грызня в царском доме за место на троне. Ситуация в верхах породила большие и малые смуты в Российском государстве, и внимание властей от церковных распрей переключилось на эту междоусобицу.

Однако относительно спокойная жизнь старообрядцев продолжалась недолго. Снова ввязались они в большую политику. Поблазнилось им, что царевич Алексей вернет на Русь и старую веру, и старые порядки. Просчитались. Скорый на расправу, Петр I 16 июля 1722 года подписал указ — искоренить раскол. В числе других строго и неукоснительно стал проводить его в жизнь епископ нижегородский Питирим. И вновь «керженские двуперстники» сорвались с места, и покатила их волна гнева царского аж за Камни уральские, где и выплеснула вдоль всего хребта. Беглецы приткнулись кто где. Многих приютили берега озера Шарташ, что находится на окраине нынешнего Екатеринбурга и

где было уже поселение приверженцев старой веры. Так на северной оконечности озера образовалось многолюдное раскольничье поселение «кержаков».

Пора гонения на старообрядцев по времени точно совпала с разворотом строительства на Урале новых заводов, значительным усилением поисков новых рудных мест. Очень кстати оказался поэтому приход большого числа этих умелых людей на Урал. Ведь, как свидетельствует Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, «раскольники были отличными работниками, самыми надежными поставщиками разных припасов и особенно были полезны по части приискания новых руд». Подчеркнем — именно «по части приискания новых руд».

Горные администраторы на Урале, дальновидные и умные В.Н. Татищев и В.И. Геннин, на пустом практически месте создавшие мощную государеву промышленность, приютили беженцев, определив им базовые места проживания. Хотя Геннину и пришлось потом неоднократно оправдываться за это свое решение, но он знал: прибывшие раскольники весьма умелы при поисках руд и вдобавок искусные ремесленники. А такие люди очень кстати пришлись развивающейся горной и заводской промышленности Урала. И хотя известен случай, когда Геннин приговорил к суровому наказанию нескольких строптивых раскольников только за приверженность своей вере, в общем-то жилось им на Урале достаточно привольно. Они составили основную массу рабочих людей на казенных и частных уральских заводах. Об этом много писали и Н.К. Чупин, и Д.Н. Мамин-Сибиряк.

А уж отплатили за приют на Урале старообрядцы сторицей. В основном их руками поставлено было самое совершенное тогда в Европе горнозаводское дело и на государевых заводах, и на частных — Демидовых и Осокиных. Они принесли на Урал традиции и умение крупной торговли, что помогло сделать уральские города мощными торговыми центрами. И они отменно постарались в поисках новых залежей уральских руд. Именно кержаки из селения Шарташ — Ерофей Марков и Егор Лесной — нашли для России первые в стране месторождения самородного золота: Ерофей — под Екатеринбургом, Егор — в Сибири. Каждое из этих открытий было толчком к становлению целых отраслей промышленности в России.

В.Н. Татищев и раскол на Урале

Но, к сожалению, В.Н. Татищеву во время его второго начальствования над горнозаводским Уралом довелось стать и активным проводником жестокого курса правительства Бирона в отношении старообрядцев.

Этот эпизод стоит детального рассмотрения, ибо, как сформулировал Н.Н. Покровский (с. 68), «своеобразная ироническая логика истории видится в том, что активным проводником консервативнейшей линии правительства Анны Иоанновны, в некоторой мере даже инициатором невиданной ранее по масштабам полицейской акции по искоренению противников официального православия явился просвещеннейший... Василий Никитич Татищев».

Яркий, талантливый человек, большой ученый и выдающийся государственный деятель России, Василий Никитич Татищев не мог, конечно, обойти в своей деятельности и столь важную для людей его поры сторону жизни — религиозное бытование человека. Тем более что самому ему религиозность была привита сызмала и отвечала его душевному строю. Однако таково уж было свойство этой многогранной натуры — и к церковным обрядам, и к книгам относился он с присущей ему одержимой въедливостью. Не избегли его вдумчивого анализа и церковный ритуал, и содержание богослужебных книг. Материала для размышлений у него было немало и потому, что частые длительные поездки за границу дали ему возможность приглядеться к тамошнему христианству, его обрядам. На многих примерах Татищев убедился — жизнь церкви несет в себе и много от элементарного невежества, мракобесия.

Татищев никогда и не пытался таить своих убеждений. И поступал всегда в соответствии с ними. Вот пример. В 1714 году, возвращаясь из-за границы через Польшу, он в одном из украинских селений увидел, как готовилась казнь — сожжение женщины. Попы признали ее чародейкой, пояснили ему местные власти. Это возмутило Татищева. Он уже осознал давно: традиция преследования «колдунов» исходит от невежества

попов, которых он честил «невеждами ленивыми и неучеными», которые только и заняты тем, что «едят и пьют безобразно, а о порядочной и прямой христианской должности никакого и помышления не имеют». Вырвал тогда Татищев несчастную женщину из безжалостных рук попов-палачей. Это его отношения с церковью не улучшило, естественно.

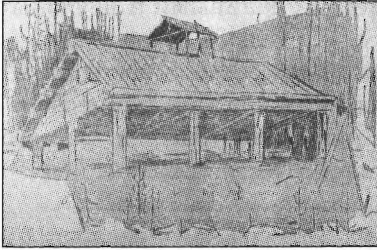
Дальше — больше.

В 1717 году Петр решил отправить его на переговоры о контрибуции с города Гданьска. В число репараций Петр потребовал включить икону, будто бы написанную самим Мефодием, одним из создателей кириллицы. Татищев этого поручения не выполнил. И потому, что гданьский магистрат образом не поступился. И потому, что Татищев без труда доказал: эта икона — отнюдь не древняя святыня, а создана сравнительно недавно. Да еще и посмеялся над теми церковными деятелями, кто в том Петра уверял. Такие вещи церковники и подавно не спускали.

А тут и вовсе святотатство состоялось.

Татищев входил в число блестяще образованных людей, собиравшихся вечерами у Феофана Прокоповича — видного религиозного деятеля. Феофан был его давним другом, немало помогал он в практических делах энергичному уральскому горному начальнику. Так, блюдя какие-то установления, священники не позволяли работавшим на уральских заводах пленным иноверцам браки с православными женщинами. Но жизнь брала свое. Как сделать, чтобы не приняло все это формы открытого блуда? (Да и потом, дети же рождались, а незаконнорожденным тогда относились весьма недоброжелательно.) Решил Татищев спросить совета у Феофана. И тот помог. Составил и утвердил через Святейший синод, сославшись на многие примеры из истории, позволение венчать такие пары.

На одном из «вечеров» у Прокоповича и позволил себе как-то Татищев ерничество при обсуждении текстов Священного Писания. Вот как об этом написал в предисловии к своему труду «О книге Соломоновой, нарицаемой Песнь Песней» сам Феофан: «Между многими Священного Писания словесы... произнеслось нечто и от книги Соломоновой, глаголемой Песнь Песней. Некто из слышащих (г. Василий Никитич Татищев, тайный советник и астраханский губер-

Могила старца Гермогена

натор), по внешнему виду, казалось, человек не грубый, поворотя лицо свое в сторону, ругательно усмехнулся, а когда и далее еще, покинув очи в землю с молчанием и перстами в стол долбя, претворный вид на себя показывал, спросили мы его с почтением: что ему на мысль

пришло? И тот час от него нечаянный ответ получили: “давно — рече, — удивлялся я, чем побужденные не токмо простые невежи, но и сильно ученые мужи, возмечтали, что Песнь Песней есть книга Священного Писания и слова Божия? А по всему видно, что Соломон, разжигался похотью к невесте своей, царевне египетской, сие писал, как то у прочих, любовью зжидых, обычай есть: понеже любовь есть страсть многоречевая и молчания нетерпящая, чего ради во всяком народе ни о чем ином так многие песни не слышатся, как о плотских любезностях”».

Сказанное Татищевым настолько возмутило своим святотатством просвещеннейшего церковника Феофана, что он порешил написать целую книгу, опровергающую мнение Василия Никитича. Но если даже у друга такое вольное отношение к Ветхому Завету вызвало бурный протест, то какой реакции можно было ждать от недрогов?!

Так что были, были у Татищева основания для горестного признания в «Завещании»: «Не только за еретика, но и за безбожника почитан и немало невинного поношения и бед претерпел». В том числе от царя Петра, который своеручно исколотил его знаменитой дубинкой за непотребное вольнодумство.

Но Татищев — сложная натура. Насмешник и вольнодумец, он был в то же время и пылким борцом за укрепление державы. Веротерпимость его мигом испарялась, коли случалось ей войти в противоречие с государственным интересом. Уклонение старообрядцев от государственной службы и уплаты налогов высокопоставленный чиновник Татищев воспринял как беду похуже Батыева нашествия. Потому именно он, когда поступил приказ свыше, организовал самую жес-

токую за всю историю раскола на Урале кампанию искоренения старообрядчества на подведомственных ему землях.

А обстояло дело так.

23 марта 1734 года государыня-императрица Анна Иоанновна порешила назначить действительного тайного советника и кавалера В.Н. Татищева главным начальником Уральских горных заводов.

При вступлении в должность новому начальнику была вручена инструкция его действий, в которой, в частности, он обязывался неукоснительно следить, «чтоб пришлые из русских городов ни под каким именем как при казенных, так и при партикулярных заводах не селились и на житье не оставались», и неусыпно бдить, дабы частные заводчики «беглых крестьян не приманивали и не держали». А ведь почти все пришлые и беглые были раскольниками.

Василий Никитич и сам прекрасно сознавал, что если вернуть беглых по месту их прежнего жительства, то «работать при заводах будет некому». Но 12 ноября 1735 года вышел именной указ императрицы. Указ определил набор жесточайших мер по искоренению раскола на Урале. Предписывалось широкое применение воинских команд, чтобы всех «раскольников, монахов и монахинь, развесть под караулом по разным монастырям внутрь Сибири. А живших при скитах беглых посадских, государевых и монастырских крестьян поселить при казенных заводах, а сбежавших от помещиков крепостных вернуть по владельцам». И Татищев верноподанно принял указ к неукоснительному соблюдению.

Нам трудно сейчас понять, что обусловило активность Татищева в организации и проведении этой военно-полицейской акции. Классовая ли солидарность с помещиками или желание досадить старым врагам Демидовым, могущество которых составилось и на эксплуатации беглых раскольников, срочная ли потребность в рабочих руках на казенных заводах, или необходимость заглядеть перед императрицей грешки периода руководства Монетным двором, но он принял исчерпывающие меры для успеха этого позорного предприятия. Были собраны значительные военные силы. Детально разведаны места, где скрывались в скитах беглые раскольники. И он отдал приказ.

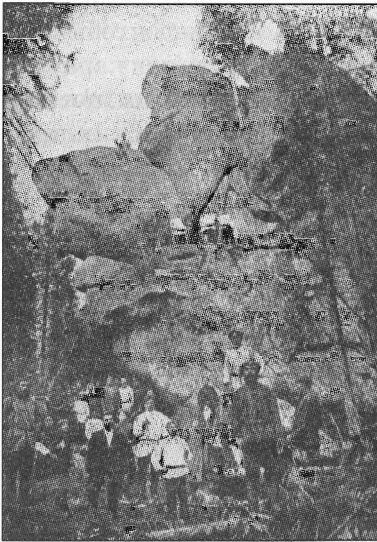

В самые глухие, потаенные места отправлялись команды со строгим наказом — сжечь притаившийся там раскольничий скит, захваченных обитателей доставить в Екатеринбург. Стон пошел по уральской земле. Многие обитатели скитов решались на самопожжение, отчаянные бросались на солдатские штыки. Но неравны были силы. Солдаты выгоняли на мороз бедных обитателей укромных скитов, сжигали все постройки и уводили людей в Екатеринбург. Действовали масштабно. Уже 12 декабря в столицу горного Урала было доставлено только монахов и монахинь старой веры 467 человек.

Пошли бедные старцы и старицы по этапам.

Заточили их в тюремные каморки монастырей.

Только... Только вскоре они почти все сбежали! Оказалось, посланные Татищевым команды не все скиты пожгли, гнезда не всех покровителей раскольников он разорил. Совсем немного времени прошло, и вновь стали возникать на Урале тайные старообрядческие обители. Вновь наполнились они жаждущим духовной свободы людом. Оказалось, невозможно ее отнять у людей, если готовы за нее они умереть...

Потная гора. На могиле старца Григория

А Татищева вскоре отозвали с этого поста. В том числе и за то, что излишне жестоко повел он себя с раскольниками.

Органическое неприятие неправедностей, укоренившихся в церковной и в общественной жизни, стремление к чистоте и в быту и в вере. Вот, по сути, отстоявшаяся нравственная основа сегодняшних сторонников русского раскола. Их мирный, строгий образ жизни, безусловная традиция бытования в ненасильственном мире привлекали и привлекают много приверженцев. Во всяком

случае, на Урале вплоть до начала XX века на поклонение святым местам раскольников сходилось много верующих старообрядцев.

Одно из самых почитаемых ими мест здесь были Веселые горы — местность к северо-западу от Екатеринбурга, где схиронены старцы Гермоген, Максим, Григорий и Павел.

Это были разные люди.

Отец Гермоген, к примеру, прославлен строгой подвижнической жизнью. Ему довелось испытать на себе безжалостную усердность татищевских воинских команд, осуществлявших «выгонку» из скитов старообрядцев. Могила его в 25 километрах от Невьянска.

А отец Григорий был иконописцем. По преданию, большую часть икон он написал, пристроившись на вершине Потной горы — скалы в Веселых горах.

Житие святого Симеона Верхотурского

Урал подарил русскому православному миру одного из наиболее почитаемых святых. Речь идет о Симеоне Верхотурском, культ которого и поныне широко распространен в России. Примечательная деталь: среди икон, сопровождавших семью отрекшегося императора Николая II в ее скитаниях, были две с изображением Симеона Верхотурского.

Чем же заслужил столь долгую и лестную память единоверцев этот герой церковных преданий?

Сразу надо заметить, что подлинное имя этого человека неизвестно. Оно ему было присвоено через 50 лет после смерти. И, называя его так, мы лишь отдаем дань традиции.

Достоверных сведений о Симеоне Верхотурском очень мало. Устоялось мнение, что он выходец из Европейской России, из семьи дворян, о которых никто ничего не знает. Предположительно родился Симеон между 1600 и 1610 годом — в пору великой Смуты. По-видимому, семья была ре-

лигиозна, и Симеон с детства получил хорошее знание православного вероучения.

Что его побудило уйти из дома, доподлинно тоже неизвестно. Тем не менее факт — он объявляется бездомным странником в селе Меркушино, верстах в пятидесяти от города Верхотурья и тоже расположившегося на берегах Туры. Странник появился в селе, когда оно было уже достаточно многолюдно. В селе возвышался храм во имя архистратига Божия Михаила. Можно попытаться датировать прибытие Симеона в село, поскольку известно время его образования. Меркушино было основано в 1620 году. Пока жители корчевали землю под пашни, рубили срубы под дома и сараи, пока, освободившись от первой острой житейской нужды, приступили к сооружению храма, пока возводили его, обряжали, прошло не менее 5—10 лет.

Так что Симеон прибыл сюда примерно двадцатипятилетним.

Пропитание себе Симеон зарабатывал. Он не христарачивал. Во время своих странствий, пока забрался за Каменный Пояс, обучился где-то ремеслу портного-скорняка, стал шить шубы с нашивками — дело очень нужное в холодных зауральских краях. Как можно понять из его «житий», все же портным он был неважнецким. Не пришло настоящее умение в нежные дворянские ручки. «Жития» повествуют, что, поскольку Симеон до конца дней своих собственным домом так и не обзавелся, портняжничал он на дворе очередного работодателя. Там же и жил, пока исполняя заказ. Там же и питался. Так вот, когда приходила пора сдавать работу, немного не закончив ее (что-то, видно, не так получалось), Симеон исчезал со двора заказчика. Переходил в следующий дом. Как повествуют «жития», нередко ему за уклонение от окончания работы приходилось сносить оскорбления и даже побои. Но такое отношение не влияло на поведение Симеона. По-видимому, умение в ремесле своем он поднять не мог. Да и нужды особой не было. Заказчиками бродячего портняжки были большей частью бедные поселяне. Им не по карману был более умелый мастер. Так что находился следующий бедняк-заказчик, и все повторялось сначала. Впрочем, «жития» свидетельствуют, что праведный Симеон «и оскор-

бления, и даже побои переносил терпеливо, как вполне заслуженные».

Утешение для себя Симеон находил в двух делах — он часто и усердно молился в храме и ходил рыбачить. До начала нашего века сохранился камень на берегу реки Туры, с которого Симеон удил рыбу. Камень большой, сложной конфигурации, с как будто нарочно вырезанной приступкой для ног. В симеоновы времена возле камня росла огромная разлапистая ель. Но вскоре после признания Симеона праведным чудотворцем стала она по веточке расходиться на сувениры богомольцам. И постепенно от такой жизни стала засыхать. А в 1854 году ее вовсе сломило ураганным ветром, и остался только прогнивший пенёк да узловатый корень...

Симеон, видимо, ужением добывал пропитание в дни, когда не было у него заказчика на шубу...

Симеон скончался довольно молодым, лет тридцати пяти. Случилось это в 1642 году. Похоронили его возле приходской Михайло-Архангельской церкви. Небогатая событиями жизнь трудового, достаточно обойденного жизненными благами человека вскоре стала забываться меркушинцами. И самое имя его совершенно стерлось из их памяти.

Внезапно, в 1692 году, через пятьдесят лет после погребения портного, случилось в этом селе невиданное. Рассказывали, что вдруг разверзлась земля и из могилы... исторгся гроб. В щели гробовой крышки были видны мощи погребенного в нем человека. Плоть его не истлела, а мумифицировалась. Но вот беда — никто не мог вспомнить, а кого, собственно, похоронили в той могиле. Тем не менее весть о таком чудесном событии мгновенно разнеслась по краю. И одновременно пошла молва, что если больной человек потрет себя землей с чудесно явленного гроба, то сразу исцелится. А такие чудеса могли творить только мощи святых людей...

Первые, так сказать, «документально подтвержденные» описания фактов излечения от болезней с помощью Симеоновых мощей были сделаны почти в тот же год. Проезжал тогда через Верхотурье к месту службы нерчинский воевода Антоний Савельев. И надо же случиться, что разболелся Григорий, человек из его свиты. Да так, что ни встать, ни сесть. Почти напрочь отнялись ноги.

Прибыв в Верхотурье, Григорий услышал о чуде явления мощей в селе Меркушино и упросил хозяина сводить его туда. Отрядил воевода слуг, понесли они недужного к тому месту. Прибыв, заказали молебен архангелу Гавриилу, отслужили панихиду. Григорий усердно молился. Потом поднесли его к самому гробу. Взял он с крышки его «немного земли, обтер ею свои руки, ноги и другие члены тела и тотчас почувствовал себя совершенно здоровым. Он встал и начал ходить, как бы никогда не страдал болезнью ног», повествуется в одном из «Житий Симеона Верхотурского».

К тому же году относят и «чудесное исцеление» слуги сибирского воеводы Андрея Федоровича Нарышкина — Ильи Головачева. Тот долго страдал болезнью глаз. На них наросло «дикое мясо», глаза налились кровью, и Головачев ничего не видел. Головачев был знаком с Григорием, слугой Савельева. Тот посоветовал ему последовать своему примеру. Поскольку ни один из множества лекарей не помог, Головачев ухватился за эту мысль как за последнюю надежду. Попросил Григория побывать в Меркушино, отслужить там молебен и панихиду чудотворцу и принести страдальцу немного земли с его гроба. Григорий так и сделал. Больной сделал повязку из принесенной земли, наложил ее на глаза и уснул. Ночью из его глаз обильно потекла мокрота. Испуганный Головачев сорвал повязку. Вместе с ней с глаз отвалилось и дикое мясо. Он выздоровел! Вскоре, твердит молва, так же вылечила болезнь глаз и сама дочь воеводы Нарышкина.

Дальше — больше.

Исцеленных насчитывалось уже немало.

По русской земле пошел слух о новом чудотворце на верхотурской земле. Заинтересовались им наконец и местные церковные власти. Обследовал в 1693 году могилу клирик Матфей и убедился — действительно нетленные мощи в гробу. Над могилой поставили небольшой сруб.

А в 1695 году могила чудотворца наконец сподобилась посещения тобольского митрополита Игнатия. Тому в декабре предстояло освятить в Верхотурье Соборный храм. По пути его уговорили взглянуть на чудесную могилу. 18 декабря 1695 года митрополит, отслужив литургию, повелел открыть гроб. Он увидел, что погребен по христианскому обы-

чаю человек, одежда на котором уже напрочь истлела, а плоть и кости — целы совершенно. Кожа прильнула к костям головы, тела, и только краешки пальцев подверглись порче. Также целым и твердым остался и гроб.

Тогда преосвященный и сказал: «Это точно некоторый новый святой, как Алексей или Иона, митрополиты Российские, или чудотворец Сергей Радонежский, поелику такого же, как и эти святые чудотворцы, сподобился от Бога нетления...»

Митрополит повелел закрыть гроб и немного припоросить его землей.

После этого оборотился к собравшимся сельчанам:

— Кто знает имя погребенного здесь праведника? Житие его?

Стоящий в толпе семидесятилетний старец Афанасий поведал митрополиту и о дворянстве погребенного, и о его портняжьем промысле, и о болезненности его. Только вот имя погребенного он забыл.

Владыка Игнатий предложил тогда всем молить Господа, чтобы он открыл имя нового праведника.

Митрополиту Игнатию первому и открыл Господь это имя.

Рассказывают, что случилось это так. Отъехав уже несколько верст от Меркушино, владыка прикорнул. И увидел во сне снова множество народа, и услышал гомон обсуждения имени праведника.

— Симеоном зовут его!.. Симеоном зови его! — раздалось вдруг. Голос как будто слышался из толпы.

С тем митрополит и проснулся.

Конечно же, прибыв в Верхотурье, он поделился увиденным во сне с бывшими там высокими церковными иерархами. Обсудив рассказ, все дружно пришли к мнению, что имеет место откровение Божие, и им открыто истинное имя нового российского чудотворца.

Село Меркушинское.
Могилы св. Прп. Симеона Верхотурского.

Могилы старца Симеона
в селе Меркушинское

На обратном пути из Верхотурья в Тобольск владыка Игнатий снова пожелал заехать в Меркушино, чтобы поклониться столь чудесно опознанному чудотворцу. И оказалось, не одному Игнатию было такое видение, За день, как прибыть ему в Меркушино, приходской тамошний священник тоже видел чудесный сон. Будто служит он в церкви своей литию перед гробом праведника, а когда пришло время назвать его, священник споткнулся. Как назвать? И услышал голос: — Почто недоумеваешь?! Поминай его Симеоном!

После этого отпали всякие сомнения в правильности обретенного имени.

Слава святого праведного Симеона росла. К нему приходили за помощью уже со всей России. Наконец местные власти решили, что столь популярному святому нелестно лежать в удаленном селе. Стали подумывать о более достойном для него месте упокоения. Несколько богатых верхотурцев решили, что самым подходящим будет их город. Что, кстати, должно значительно повысить его популярность и вызвать все связанные с этим последствия (приток богомольцев, увеличение торговли и т.п.). Только вот отъезд тобольского митрополита Игнатия по старости в Москву на покой в 1698 году задержал перенос мощей. Без благословения митрополита сделать это было нельзя, а нового долго не слали.

Наконец в Тобольск прибыл преосвященный Филофей.

Наверное, и вещи еще он толком не распаковал, а заждавшиеся местные руководители — верхотурский воевода Алексей Иванович Калетин и таможенный голова Петр Худяков — уже пробилась в его покои с просьбой о скорейшем переносе мощей святого праведного Симеона в Верхотурский Николаевский монастырь.

Владыка согласился.

Был приготовлен новый гроб, внутри выложенный кожей и лебяжьим пухом, гроб был помещен в раку (подгробье) из кедрового дерева, украшенную резьбой. 12 сентября состоялись торжества переноса мощей.

Старый гроб был оставлен в меркушинской церкви.

Но церковь эта вместе с гробом вскоре сгорела.

Могила же праведного Симеона еще долго сохранялась. Над ней около ста лет стояла деревянная часовенка. Когда

она стала совсем ветхой, верхотурец Федор Курбатов в 1808 году выстроил на ее месте каменную, под железной крышей.

И что очень интересно — из места могилы праведника бьет родничок. Ну и конечно, вода эта тоже особенная! Находясь в запертом сосуде несколько лет, она не портится. И долго еще на могилу ту приходили паломники, брали воду, землю и — они, как говорят легенды, исцелялись...

Затем 216 лет мощи святого праведного Симеона Верхотурского чудотворца покоились в храмах города Верхотурья. Слава о чудесных исцелениях, творимых им, была всероссийской. Со всех концов страны приезжали паломники поклониться его мощам. Многие — с последней надеждой на избавление от какой-либо никакому лечению не поддающейся хвори. И не часто, но помогало!

С ростом числа посетителей улучшались и условия, в которых хранились мощи.

В 1738 году был отстроен каменный Никольский храм и мощи торжественно установлены в нем.

Поначалу гроб хранился, как уже сказано, в деревянной раке. В 1798 году деревянную раку поменяли на медную, замечательно тонко выделанную на Троицком заводе А.Ф. Турчанинова и подаренную им и его супругой монастырю. Но и та была через 47 лет заменена серебряною (на нее ушло четыре с половиной пуда драгоценного металла), богато украшенной чеканкой — сценами из жизни праведного Симеона.

В 1913 году был освящен новый великолепный собор, и при большом стечении верующих, в сопровождении пышной свиты, отслужив подобающие молебны, перенесли раку в него. Событие это признавалось столь значимым в жизни православной церкви, что и царская семья посчитала для себя невозможным в нем не поучаствовать. Царица Александра Федоровна 25 мая 1914 года подарила монастырю для украшения места упокоения святых мощей роскошную пятипудовую сень (балдахин), расшитую золотом и серебром...

А в двести шестнадцатую годовщину с момента переноса мощей в Верхотурье с ними стряслась беда.

Специально именно в этот день — 26 сентября 1920 года (12 сентября по старому стилю) — члены комиссии, выпол-

няя постановление Екатеринбургского губисполкома, вскрыли раку и вытащили из нее гроб.

Пытались помешать святотатству монахи, верующие. Куда там! Большевики сламывали и не такие преграды. Гроб был вытасчен на паперть и вскрыт. «Компетентная» комиссия (там был даже врач) убедилась: да, лежат в гробу кости с остатками мышц. И только-то...

С образованием Уральской области в ее составе был учрежден Верхотурско-Тагильский округ, а в нем окружной краеведческий музей с базой в Нижнем Тагиле. Вот туда и отправили мощи на хранение. Сотрудники музея, отдадим им должное, были квалифицированными людьми и устроили мощи в соответствии с нормами хранения, обеспечив подходящие условия. Только недолго пробыли мощи там. В Свердловске организовали музей революции в бывшем Ипатьевском доме. Естественно, мощи перевезли туда. Но и там они не залежались. Было решено создать особый музей атеизма в бывшей Вознесенской церкви. Мощи перенесли через дорогу.

В 1947 году была проведена кампания по сокращению числа музеев. Прекратили свое существование и музей атеизма, и музей революции. Мощи передали в фонды краеведческого музея. И здесь им тоже было устроено должное хранение, на постаменте высоком, в необходимом режиме влажности и температур.

После Великой Отечественной войны церковь, заново полупризнанная властью, мягко, тактично, но неослабевающе, стала предпринимать усилия по возвращению ей христианских святынь. В их перечень вошли и мощи праведного Симеона.

И настала-таки пора справедливости.

В 1990 году мощи святого праведного Симеона Верхотурского чудотворца вернулись к верующим. Поначалу они покоились в Елизаветинской церкви города Екатеринбурга. А затем — снова в Верхотурье...

Лишь отдельными штрихами — надеюсь, читатель не сочтет их случайными и незначительными — удалось здесь представить многовековую эпопею укоренения и распространения христианства на Урале. Практически одновременно,

Вид кремля в городе Верхотурье
Пермской губернии

только по другим каналам и в обрамлении других событий, приходит на Урал и утверждается на все последующие времена здесь мусульманство. История исламизации уральских народов, история сосуществования в одном географическом регионе двух мировых религий заслуживает, безусловно, особого разговора. Отнюдь не экономия места и времени, но трезвое понимание неподъемной сложности проблем удержало нас от обращения к этим вопросам в рамках данного очерка.

Но и сказанного достаточно, чтоб увидеть и должным образом оценить всю сложность переплетения экономических, политических, национальных и иных аспектов истории края с развитием религиозного сознания, с деятельностью церкви. Роль церкви, как мы убедились, отнюдь не была однозначной, но не была и второстепенной, а посему заслуживает самого пристального внимания каждого, кто решается утрудить свой дух постижением истории нашего края. Да и, без сомнения, всей страны.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗУМРУДЫ УРАЛА

Драгоценный камень прекрасен, редок и неподвластен времени. Уже одно это обстоятельство объясняет веру в таинственную магическую силу драгоценного камня, в способность изготовленных из него амулетов и талисманов вмешиваться в человеческую судьбу — оберегать и спасать, даровать счастье и талант, но порой и притягивать злой рок.

Во всей человеческой истории трудно найти такой период, когда бы угасало увлечение драгоценными камнями. Всегда они прельщали и соблазняли, притягивали и пугали. Волшебные сказки и красивые истории о камнях распространялись одновременно.

Разные народы в разные времена проявляли необъяснимую склонность к одному какому-нибудь камню. Изумруд был любим и ценим повсюду и во все времена...

Природный кристалл изумруда хороших ювелирных качеств — редчайшее чудо. Поэтому он и стоит безумно дорого. В наши дни один карат (а это всего 0,2 грамма!) ограненного изумруда высокого качества, если судить по сводкам Американского института минералов и металлов, оценивается минимум в 1000 долларов. Но стоимость камня резко возрастает с увеличением его размера, так что, к примеру, ограненный кристалл изумруда густого зеленого цвета мас-

сой в 2,41 карата недавно был продан на американском (самом емком в мире) рынке драгоценных камней уже по 12 000 долларов за карат. А за камень массой около 18 карат там же было уплачено по 30 000 долларов — да, за один карат. Причем вот что еще примечательно: что бы ни происходило на товарном рынке, как бы ни плавали курсы валют, а цены драгоценных камней неуклонно ползут вверх, возрастая ежегодно на 5—15 %.

К большим деньгам всегда тянутся нечистые руки, так надо ли удивляться, что изумруд, этот извечный символ нетленной красоты и богатства, с незапамятных времен обрел и дурную славу криминального камня? К сожалению, эта слава не изменила ему до сих пор. Подтверждение тому — несколько газетных публикаций самого последнего времени, в том числе — интервью в «АиФ» (1993, № 2) с полномочным представителем российского президента. Признав, что «на Урале воруют, как и во всей России, только намного больше», В. Машков перечислил наиболее вожаемые объекты воровства — медь, танки, изумруды.

А воровать есть что: уральская земля не оскудела. Совсем недавно — в 1989 году — из забоя Мариинского рудника был извлечен поразительной красоты сросток из шести отменного качества кристаллов изумруда размером 30 × 12 × 10 см и весом 6550 г; общая масса ювелирного изумруда в этой находке составила около 10 000 карат. Уникальную друзу нарекли «Шахтерской Славой» и восторженно описали не только наши, но и зарубежные репортеры. А вот предложить должную цену за этот раритет наш отечественный монополист Гохран поначалу поспешил. Он оценил чудесный дар природы в 117 тысяч наших маломощных рублей. Лишь после того, как нашлось несколько понимающих покупателей, готовых выложить за «Шахтерскую Славу» три миллиона долларов, Гохран спохватился и приобрел это чудо за три миллиона рублей.

И сегодня шахты Мариинского рудника продолжают выдавать превосходные образцы камня, достойные его тысячекратней романтической и... криминальной славы.

Доуральская история изумруда

Этот камень со многими именами (замортал, маракат, зумрут, смарагд, эмеральд) упоминается в эпосе разных народов, и все эти народы приписывают изумруду необыкновенные свойства. Царь Соломон (безусловно, выражая представления современных ему обитателей Средиземноморья и Ближнего Востока) говорил, что изумруд веселит сердце, отводит черные мысли и отгоняет дурные сны. Что его боятся змеи и скорпионы и, если подержать изумруд перед глазами змеи, «из них польется вода и будет литься до тех пор, пока змея не ослепнет». Что толченый смарагд дают отравленному ядом человеку вместе с горячим верблюжьим молоком, а растертый с шафраном и приложенный к больным глазам, он исцеляет куруиную слепоту...

И в более поздние времена европейцы считали, что изумруд обладает замечательной целебной силой. Его прописывали в качестве лечения падучей, и многие богатые люди украшали себя изумрудами, надеясь отпугнуть страшную болезнь. Автор старинной немецкой рыцарской поэмы утверждал, что стоит только пристально всмотреться в изумруд, как тело наполнится силой, а дух — крепостью. Армянские эскулапы пользовались изумрудными порошками от кровавых поносов и черного кашля. Грузинские мудрецы в X веке верили, что кристаллы изумруда, как волшебное зеркало, могут открыть человеку потаенное далекое будущее.

Считалось, что этот камень вообще может влиять на судьбу человека и на поведение животных и рыб. Примечательную историю такого рода приводит в своей знаменитой «Естественной истории» Плиний Старший. На острове Крит на гробнице царя Гермиса поставлен был мраморный лев, глаза которого украшали два огромных изумруда. Эти камни сверкали так сильно, что пугали подплывающих к озеру рыб. Рыба ушла от берегов Крита, и рыбаки начали откровенно бедствовать. И только после того как в мраморные глаза

цы вставили другие камни, рыба вернулась к знакомым берегам.

Прекрасный камень часто оказывался вестником беды, так что совсем не случайно легендарный перстень Поликрата был украшен огромным изумрудом. Геродот, записавший предание о Поликратовом перстне, сообщает, что гранил камень, делал золотую оправу и вырезал печать Поликрата — лиру, окруженную пчелами, — известный античный мастер Теодор и что знаменитый перстень стоил столько же, сколько все царство Поликрата, — остров Самос. Всю жизнь царю необыкновенно и неотступно везло, и в этом было что-то страшное: ведь человек, которому все удается, обычно добром не кончает. Желая помочь Поликрату, его друг и союзник египетский царь Амасис посоветовал расстаться с тем, что ему всего дороже. Поликрат послушался и выбросил в море бесценный перстень. Но вскоре рыбак-самосец поймал очень крупную и красивую рыбу и отнес ее на царскую кухню. Из ее желудка извлекли царский перстень. Поликрат понял, что это конец. И действительно, смерть его была ужасна...

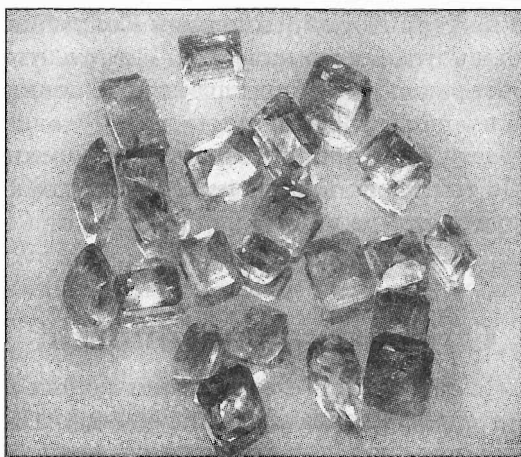
Счастливым или несчастливым камень изумруд — однозначно, наверное, не скажешь. Но вот красота камня, бесспорно, завораживает всех. Считается, что добывать изумруд в промышленном, так сказать, масштабе люди стали где-то за две-три тысячи лет до нашей эры. Места его добычи и сегодня в мире наперечет. А в ту пору, полагают, единственным местом, откуда шел изумруд на рынки всего света, были залежи на северо-востоке Африки. Их обнаружили египетские рудознатцы в песках Аравийской пустыни, между берегами Нила и Красного моря, и развернули здесь обширную систему разработок, протянувшуюся на многие километры вплоть до берегов Средиземного моря. Археолог М. Кайо вновь открыл их миру, ведя в этом месте раскопки в 1818 году. Кажется, с его же легкой руки древние выработки стали называть копиями царицы Клеопатры. Властительница Египта была страстной поклонницей изумрудов, и, по многим свидетельствам, большая часть извлеченных из аравийской земли камней пошла на украшения для самой Клеопатры, ее приближенных, а также для убранства храмов и дворцов. Трудно поверить, но существует предание, что в

египетском лабиринте была установлена статуя бога Сераписа, вырезанная из цельного изумруда высотой не менее девяти локтей (то есть почти четыре метра!). Римского поэта Марка Аннея Лукана восхитили украшенные изумрудами двери покоев, в которых царица Клеопатра принимала Юлиа Цезаря. О богатстве ее нарядов со смарагдами ходили легенды по всему Древнему миру.

Может быть, благодаря заразительному примеру Клеопатры мода на изумруды стремительно распространилась среди сильных мира сего. Близорукий Нерон повелел выточить для себя специальную линзу из смарагда, чтобы наблюдать через нее бои гладиаторов. Знатные римлянки носили роскошные уборы с изумрудами. И уж после того, как Марк Аврелий изобрел специальный головной убор римского правителя — корону, в число украшающих ее самоцветов решительно и навсегда вошел изумруд. Он блистает в английской короне Святого Эдуарда, в великолепном праздничном уборе австрийской императрицы Елизаветы, даже римские первосвященники не смогли устоять перед этой модой. Папа Юлий II приказал изготовить себе тиару из золота и драгоценных камней. На нее пошло множество отборных жемчужин, около девятнадцати тысяч бриллиантов, но главным ее украшением был ограненный в цилиндр дюймовый кристалл изумруда, синклитом ювелиров единодушно признанный лучшим из существовавших в то время эмеральдов.

В XV веке мода на изумруды захватила и правителей Руси. Еще Иван III и Иван Грозный почитали смарагды и усердно набивали ими свои сокровищницы. Позже, когда российский престол после разрушительной смуты был передан Михаилу Федоровичу, первому государю из рода Романовых, было решено подкрепить непрочный еще авторитет нового самодержца выразительными знаками царской власти, подобающими его сану. Для торжественного «большого наряда» юного царя были изготовлены венец и скипетр, а их навершия были выточены лучшими иностранными ювелирами из замечательных по красоте крупных кристаллов изумруда.

Ограненные изумруды

А когда в Берлин приехал внук Михаила Федоровича Петр I, в дар высокому гостю преподнесли перстень, украшенный опять-таки крупным изумрудом, на котором искусными немецкими мастерами был вырезан российский герб с полным титулом государя. Этот перстень, как редкую и драгоценную реликвию, Петр повелел выставить в своей кунсткамере. Все это были заморские, не русские камни. И хоть такие авторитеты Древнего мира, как Геродот и Плиний, считали лучшими на земле скифские изумруды, все-таки до XVI века практически единственным источником, откуда драгоценный зеленый камень поступал к ювелирам всего мира, были «копи царицы Клеопатры». А в XVI веке испанские и португальские конкистадоры добрались до изумрудов Центральной Америки. «Просвещенные» европейцы грабили сокровищницы правителей, храмы и могилы ацтеков и майя. Караваны судов с драгоценной добычей потянулись в метрополию. Не всё, конечно, доходило до Европы. Сохранилось свидетельство, что Эрнан Кортес сокрушался о гибели пяти громадной ценности крупных изумрудов чистой воды во время кораблекрушения у берегов Алжира. Поток изумрудов из Нового Света значительно усилился после 1555 года, когда конкистадоры, подавив сопротивление индейцев племени мюзо, прорвались к богатейшим месторождениям драгоцен-

ного камня на территории нынешней Колумбии. Здешние изумруды были отменного качества — не то, что трещиноватые, слабоокрашенные смарагды из истощенных за тысячелетия «копей царицы Клеопатры». Американский камень на долгие триста лет стал монополистом на ювелирных рынках мира. До той поры, как были открыты уникальные залежи изумрудов на Урале.

Открытие на Токовой

Карамзин в своей «Истории государства Российского» приводит летописный факт: будто бы некий инок Мефодий преподнес Борису Годунову вывезенный им откуда-то с Камня большой смарагд чистого зеленого цвета. Царь Борис повелел огранить тот камень; за работу взялся венецианский шлифовщик и ювелир Франциск Асцентин. В 1600 году заказ был выполнен: мастер отшлифовал кристалл и вырезал на нем распятие Христово. Довольный царь наградил ювелира собольей шубой, горлатной шапкой и сотней червонцев.

В 1669 году случилась другая сенсационная находка. Царев рудознатец Дмитрий Тумашев, охотясь на гусей в междуречье Невьи и Режа, в зобах убитых птиц обнаружил... несколько самоцветов: «два изумруды камни, да три камня с лаловыми искрами, да три камня тумпасы». Редкостные находки так его обрадовали, что он сразу махнул в столицу на доклад к государю, никому не доверив везти ошеломляющую новость. Но после он, сколь ни пытался, не смог найти изумрудную залежь. Так и остался в недоумении.

И после случались находки отдельных кристаллов. Изредка их обломки попадались, например, в россыпи галек неприметной уральской речушки Вагран, о чем сообщает минералог В. Севергин в своей книге, вышедшей в конце XVIII века. Но интригующие знаки так и не были разгаданы. Дагоценный клад не давался в руки.

Неудачи искателей изумрудного клада на Урале позже получили вполне убедительное объяснение. Вот что по этому поводу было написано в 1862 году: «Только крайность или

слепой случай могли занести человека в тот дикий угол Екатеринбургского уезда, где природа вложила в недра драгоценный камень. Все пространство, начиная от Пышминского завода до изумрудных приисков (40 верст), покрыто сплошным лесом, рядом небольших ключей, горных речек и, главное, болотами, которые не просыхают в самые жаркие летние дни; оттого переход этого пространства, даже в лучшее время года, чрезвычайно труден, а во время дождей возможен только верхом; кроме того, по случаю часто свирепствующих ветров в этой местности, проезжая тропа совершенно заваливается деревьями и много стоит трудов, чтобы сколько-нибудь расчистить ее после бури...»

Эти слова принадлежат не изнеженному светскому вояжеру. Их опубликовал в «Горном журнале» весьма бывалый и выносливый землепроходец подполковник Корпуса горных инженеров России Миклашевский, который по высочайшему повелению обследовал разработки уральских изумрудов в 1860 и 1861 годах. Трудно сказать, какая нужда загнала в эту глухомань зимою 1830/31 года трех белоярских крестьян. Перебравшись на левый берег речки Большой Рефт, они добрались до бурелома в верховьях небольшой речушки Токовой. Крестьяне эти в зимнюю пору подрабатывали смолокурением — гнали из пней на порубках, сушняка, валежника смолу и скипидар. Поэтому и стали присматриваться к поваленным деревьям, приноравливаться к предстоящей работе. Вот одному из них — прыткому, ухватистому Максимке Кожевникову — и случилось заметить, как что-то необычно высверкивает в корнях вывороченного дерева. Он маленько поковырял и извлек из комка мерзлой земли... кристалл изумруда. Правда, поначалу он и думать не мог, что пофартило найти такой редкий и драгоценный камень. Подумал, не очень хороший аквамарин, их-то он знал. Окликнул товарищей, вместе поковыряли корни, поворошили комья — и подобрали еще несколько растрескавшихся обломков такого же бледно-зеленого камня. Большого значения находке не придали, но все ж решили прихватить с собой «в город» (так окрестные мужики называли Екатеринбург), предложить тамошним мастерам-камнерезам. Решение естественное, уральские крестьяне почти все камень понимали и даже, случалось, в

межстрадную пору самоцветами прирабатывали, умея их находить и недорого сбывать местным кустарям-ювелирам или наезжим любителям и коллекционерам.

Как было задумано, так и вышло: принес Кожевников камешки в Екатеринбург, продал, надо полагать, знакомому мастеру. Только эффект получился неожиданный: «плохой аквамарин» вызвал интерес, слух о зеленых камешках дошел до самого Якова Коковина — исполняющего должность начальника Екатеринбургской гранильной фабрики. Тот распорядился и уже через несколько дней один из этих камешков держал в руках. Случайность наложилась на случайность — счастливая находка встретила человека, способным ее оценить.

Яков Коковин был великолепным знатоком камня. До описываемого времени он два с половиной десятка лет отдал поиску и обработке самоцветов. А до того он окончил (в 1806 году) с медалью скульптурное отделение Петербургской академии художеств, успел поработать в мастерских «императорского Эрмитажа», где имел дело с камнями со всего света. Коковин внимательно обследовал принесенный камешек, определил его твердость, удельный вес — нет, не аквамарин! Коковин достал находившийся у него в обработке заморский смарагд, сравнил. Так и есть — одна порода. И тут уж он не медлил. С курьером был доставлен Кожевников. Проворно собрана команда рабочих с необходимым инструментом.

И 23 января 1831 года свершилось: заданный Коковинным шурф прямо из ямы под корнями того вывороченного дерева вошел в жилу с добротными кристаллами изумрудов. Так же удачно были заданы еще несколько шурфов. И Коковин уверился: в этом месте вполне может быть крупная залежь драгоценного камня. Оставив подробные инструкции по продолжению работ, Коковин ринулся на фабрику. Ему не терпелось ограничить несколько прозрачных, чистого зеленого цвета кристаллов, полюбоваться игрой лучей на их гранях. Один ограненный и несколько «сырых» камней были с нарочным спешно отосланы в столицу вице-

президенту Кабинета Его Императорского Величества (Е.И.В.).

По случаю такой находки был собран консилиум петербургских ювелиров, который подтвердил: да, несомненно, это изумруды. Немедленно в Екатеринбург полетела депеша с категорическим указом сделать все необходимое для самого спешного развертывания масштабных работ по добыче редкостного самоцвета.

Коковин всегда был старательно исполнителен. И тут не ударил в грязь лицом. Уже летом 1831 года на протяжении восьми верст в многочисленных ямах копошились горные работники, прослеживая изумрудосодержащую жилу. В нескольких были найдены пуды изумрудов, немало было кристаллов высоких ювелирных качеств.

Когда эти камни попали в руки столичных ювелиров, об уральских изумрудах восхищенно заговорил весь мир. Как водится, посыпались награды. Перепала толика и истинным первооткрывателям. Яков Коковин получил орден, а Кожевникову выдали деньгами. Сгоряча, ошалев от радости, петербургские чиновники разогнались было «в ознаменование заслуги первого открывателя изумрудов крестьянина Кожевникова, покуда еще находится в живых, бюст его изваять из мрамора и пьедестал поставить на месте открытия с обозначением года». Но угар первой радости прошел, и хотя Максим Кожевников был жив еще и в год отмены крепостного права, бюст его «на месте открытия» так и не появился...

С тех пор и по наши дни длится эпопея разработки одного из самых известных в мире месторождений зеленого самоцвета — Уральских изумрудных копей.

История разработки месторождения не была однолинейной. По имущественной принадлежности и способу организации работ можно в ней выделить три основных периода: государев казенный прииск, частный подряд, советский рудник. И параллельно с основными, официальными хозяевами на протяжении всей истории месторождения — хитный промысел.

Казенный прииск

С момента открытия и до 1862 года уральское изумрудное месторождение разрабатывалось казной. В окружении российского императора находилось тогда немало толковых людей. Один из них, князь Волконский, служивший при нем министром двора, уже 26 февраля 1831 года проявил изрядную эрудицию касательно ювелирного и хозяйственного значения зеленого камня. Доклад заключался утверждением, что «после прошлогоднего открытия графом Полье алмазов нынешнее открытие в Уральских горах настоящих изумрудов есть событие весьма достопримечательное и сколько в отношении к науке и, следовательно, к отечественной славе, сколько и потому, что сии драгоценные камни представляют новый источник государственного богатства».

Против приращения государственного богатства государь возражать не стал. Однако время, в течение которого прииск был казенным, необходимо тоже разделить на два этапа: до декабря 1835 года и после него. Первый этап был связан с именем Якова Коковина. То ли первый руководитель изумрудных разработок, помимо прочих своих талантов, был еще и замечательный рудоискатель, то ли ему так везло, но развернутая им сеть приисков пришлось на самые, как впоследствии выяснилось, обильные скопления драгоценных кристаллов. Из копеек доставали пуды превосходных изумрудов, немалая часть которых была великолепным ограночным материалом. И так длилось четыре года подряд. Судьба улыбалась Коковину. Ему доставляли просто уникальные камни. На шестом прииске были открыты такие редкостные экземпляры изумрудных кристаллов, каких уж после до конца века не находили.

Драгоценности шли потоком, запах больших денег становился все притягательней. Вот тут-то в игру вступает Лев Александрович Перовский — вице-директор Департамента уделов и личный друг самого императора.

Многосторонне талантливый человек и ловкий карьерист, Перовский был известен и как покровитель российских художественных промыслов. А.Е. Ферсман утверждает, что

именно Перовскому принадлежит честь возрождения славы Петергофской гранильной фабрики. В начале XIX века заведение совсем пришло в упадок: работы велись вяло, продукция не пользовалась спросом. Перовский решительно изменил положение дел. Он отыскал толкового начальника, талантливых художников, мастеров по обработке камня, ювелиров. Добился, чтобы на фабрику поступал первосортный каменный материал со всех концов света — и фабрика буквально ожила! Изделия ее нарасхват шли в европейских столицах и высоко оценивались знатоками.

Естественно, Перовский употребил все свое влияние и добился того, чтобы уральский изумруд поступал в опекаемую им фабрику. Коковину послана была высочайшая депеша, чтобы часть копеек он закладывал именно для нужд Департамента уделов. В 1832 году Л.А. Перовский прибыл на Урал, дабы лично удостовериться, должным ли образом и с надлежащим ли усердием выполняется эта государева воля. Дотошный, любящий вникать во все детали принятого на себя дела, этот холеный столичный сановник не только стойко перенес все тяготы путешествия по таежной глухомани и болотным топям от Екатеринбурга до приисков, но и полез в мутную грязь одной из выработок — она значилась у Коковина под номером три. И не просто полез, а взял в холеные руки обушок и стал ковырять стенку ямы, где выходила изумрудная жила. И тут ему несказанно повезло. Нет, он добыл не редкостный изумруд. Он добыл свое бессмертие. Он выковырял из жилы камень, до того науке не известный. Потом его называли «фенакит», и был он ближайший родственник изумруда, сходный с ним по химическому составу. С тех пор и навсегда во всех геологических справочниках упоминается и будет упоминаться, что этот минерал открыт Л.А. Перовским.

Но не только этим приятным сюрпризом украсилась инспекторская поездка Перовского. Представитель высшей государственной власти лично убедился, что Коковин весьма энергично развернул разработку месторождения. На основанных им приисках повсюду были поставлены добротные жилые избы, необходимые службы. Из глубоких выработок велась интенсивная откачка воды. И самое главное — с при-

исков устойчиво шел поток драгоценных самоцветов — изумрудов, фенакитов, хризобериллов...

Но, видимо, прав был египетский царь Амасис, не бывает сплошного везения без страшного возмездия. Не могло Коковину везти бесконечно!

Беда стряслась в декабре 1835 года — вот она, дата, разделяющая два этапа в хронологии месторождения. В этом памятном декабре Коковина арестовали, потом судили, лишили орденов, чинов, дворянского звания. Свыше двух лет он провёл в тюрьме. Естественно, первопричиной этой катастрофы стала причастность Коковина к «криминальному» камню.

Существует, однако, две версии происшедшего. Обе они исходят из того факта, что с 1834 года стал падать объем добычи драгоценного сырья на Уральских изумрудных коях. Да так резко, что и в Кабинете Е.И.В., и в Департаменте уделов крепко забеспокоились. А тут — анонимный донос: мол, утаивает начальник Екатеринбургской гранильной фабрики часть добычи, не все шлет в столицу.

Чтобы разобраться во всем на месте, из Санкт-Петербурга в июне 1835 года в Екатеринбург инкогнито прибывает ревизор — чиновник Департамента уделов статский советник Хрошевицкий. Задача ревизора была предельно проста: установить, не оседает ли в самом деле часть добытых драгоценных камней в руках Коковина. И уж потом поинтересоваться, как там идут дела на руководимых им предприятиях. Хрошевицкий прибыл в Екатеринбург 6 июня. Три дня он присматривался, вынюхивал, размышлял. А 9-го решил, что пришла пора раскрыть свое инкогнито. Явился к главному начальнику Екатеринбургских горных заводов генерал-лейтенанту Дитерихсу и потребовал у него помощи и даже личного участия в обыске квартиры Якова Коковина. И хотя Дитерихс от предложенной «чести» уклонился, обыск там был проведен. Хрошевицкий установил: на дому у Якова Васильевича действительно хранилось немало добротных камней. Одних крупных изумрудов ограненных 661 штука, да еще не меньше других, тоже ограненных, драгоценных камней. Было там и несколько десятков отменного качества необработанных больших кристаллов изумруда. И главная находка, как продиктовал Хрошевицкий, — «один самого луч-

шаго достоинства весьма травяного цвета весом в один фунт, по мнению моему есть самый драгоценный и едва не превосходящий достоинством изумруд, бывший в короне Юлия Цезаря...» Тут же ревизор установил: никакой описи камней в конторе фабрики не имеется, присылаемые сюда с приисков камни тоже никак не регистрируются.

Но не из-за отсутствия отчетности, которое, конечно же, давало в принципе возможность любого злоупотребления, а из-за этого самого фунтового изумруда закатилась звезда Якова Коковина. Потому что с камнем случилось нечто загадочное. Ревизор Хрошевицкий в присутствии нескольких свидетелей упаковал редкостную драгоценность в ящик, запечатал ящик двумя печатями и отослал в Санкт-Петербург почтовой тройкой. Сам отправился инспектировать фабрики. Когда же в столице вскрыли присланные ящики, уникального камня в них не нашли. Исчез. О пропаже доложили императору, тот рассвирепел. Немедленно для объяснений был призван Лев Перовский, чей чиновник отсылал ящики. Результатом аудиенции стало следующее распоряжение Николая I, полученное Л.А. Перовским: «Повелеваю вам: отправясь в Екатеринбург, употребить по ближайшему своему усмотрению решительные меры к раскрытию обстоятельств, сопровождающих сказанную потерю, и к отысканию самого изумруда».

19 декабря 1835 года Яков Коковин был арестован. С этого момента версии разнятся. По первой, получившей широкую известность после публикации Малахова в «Еженедельном обозрении» за 1884 год, Яков Коковин в самом деле проворовался. Малахов не утруждал себя доказательствами. Он просто привел рассказ местного старожила, современника открытия уральских изумрудов, который услышал при поездке на эти копи: «Работа на копиях шла бойко, что ни день, то и новые добывались самоцветы, все баские (красивые), дороже золота. Вестимо дело, что все это шло в Питер, в казну, земля-то ведь казенная. Все бы ничего, да управитель-то наш был завидуш. Завидно стало ему, что все это богатство из-под рук да в Питер уходит; все ведь через него посылалось. Ну и надумал он тут, оказия, одно слово! Стал он утаивать самоцветы, что подороже были, да вместо их другие победнее посылать. Навернулся тому самому управителю

человек сподручный... Открылся ему управитель... Думали они да гадали и порешили увезти те камни к нехристям в землю немецкую, да там и продать. Приехал его дружок в те земли. Стретила же ему смазливая девка немецкого рода. Полюбилась она ему... дарить ее стал... Одарил даже самоцветом, чрез то и голову свою сгубил. Знакома она была и другому нашему русскому генералу, что из столицы приехал... Стал генерал испытывать: как и что и откуда к ней камень попал. А та поди да разболтай. Ну сыр-бор и загорелся. Генерал написал в Питер, а оттелева... приказ, чтоб следствие сделал... Не долго ему голубчику на воле пришлось пожить, забрали его да в тюрьму и посадили, там он потом Богу душу отдал».

Малахов опытный публицист, талантливый. Рассказ «старожила» хорошо стилизован, воспринимается вполне естественной местной побасенкой. Только старожил-то уж не мог не знать, что Коковин Богу душу отдал не в тюрьме, выпустили его оттуда в 1837 году, хоть и больного, но живого. А вот что он умер в тюрьме — такое ошибочное сообщение было отправлено в Петербург и хранилось в тамошних архивах. Так что Малахов явно при подготовке очерка в печать ознакомился с «делом Коковина» в столичных архивах.

В наши дни версию Малахова взялся перепроверять большой любитель и знаток камня писатель Рустем Валаев. В содержательном очерке, посвященном Коковину, Рустем Георгиевич утверждает, что факты у Малахова в главном соответствуют действительности. Что действительно Яков Васильевич начал тайно подторговывать изумрудами. Сначала он через посредника — местного ювелира — удачно сбыл в Москве двоим тамошним фабрикантам да какой-то баронессе маленькую партию драгоценных камней. Вырученные деньги пошли на покрытие недостачи, образовавшейся в отчетах фабрики. Хватило их и на приобретение казачьего седла с серебряными стременами. Но дальше у Коковина вызрело решение сорвать крупный куш. Он решил сбыть где-нибудь уникальную находку 1834 года — громадный изумруд весом 2226 граммов. Купить такой редкостный камень было по средствам только очень богатому человеку.

В России были богатые люди, но сделка могла получить огласку. Посредник-ювелир предложил поискать покупате-

ля в Париже. Но и там был велик риск огласки. И порешили сообщники в конце концов, что пытаться реализовать камень надо в Берлине. Посредник отправился в Берлин. Там он остановился в пансионате у некой Гретхен. И действительно, видимо, влюбившись, презентовал ей колечко платиновое с золотой чашечкой, в которой была уложена виноградная лоза с листьями из мелких изумрудов.

На беду, колечко это попало на глаза русскому генералу Лапшину. То ли генерал был ревнивым соискателем любви Гретхен, то ли был агентом русского правительства и что-то заподозрил, но он нанял частного сыщика, и тот выведal: человек, подаривший кольцо Гретхен, является екатеринбургским ювелиром, выходцем из Польши. В Берлин, как удалось установить, он прибыл, чтобы встретиться с приехавшим в Гамбург господином Ротшильдом. На этой встрече ювелир предложил Ротшильду купить редкостных качеств изумрудный камень весом в 2226 граммов. Господина Ротшильда предложение заинтересовало, но он продолжение переговоров согласился вести только после осмотра самого камня, которого у ювелира на данный момент нет. Где, когда и с кем будут вестись дальнейшие переговоры, сыщик не установил.

Генерал немедленно сообщил об узнанном в Санкт-Петербурге. Так вышли на Коковина.

По другой версии, высказанной таким авторитетным знатоком камня, как А.Е. Ферсман, арест Коковина был инспирирован... Л.А. Леровским, который якобы сам и присвоил этот редкостный камень. И решил обвинить в краже Коковина, чтобы скрыть свое воровство.

Версию А.Е. Ферсмана углубил и детализировал в прекрасном очерке «Загадка уральского изумруда» уральский историк и публицист И.М. Шакинко. Игорь Михайлович бесповоротно отмел факты, приведенные Малаховым и Бадаевым. Он даже не стал и припоминать их в своем очерке. И все свои усилия сосредоточил на подборе аргументов в пользу утверждения Ферсмана, что Коковина упрятал в тюрьму ни за что беспринципный царедворец Перовский, который, в свою очередь, сам явился жертвой неумных своих страстей. И действительно, Л.А. Перовский был пылким увлекающимся коллекционером. Его казенная квартира в

здании департамента уделов была самым настоящим музеем — в ней были собраны поистине уникальные коллекции монет, фарфора, произведений искусства. Отдельную комнату занимал минералогический кабинет. Там Перовский любовно собирал, по возможности, самые лучшие образцы минералогических богатств России. В его коллекцию попали и первые русские алмазы, и, конечно, великолепные экземпляры изумрудов из копей на берегах речушки Токовой.

Коллекция Перовского впоследствии была приобретена князем Кочубеем — богатейшим помещиком, любителем и ценителем камня, водившим дружбу с виднейшими своими современниками — минералогами Н.И. Кокшаровым и А.В. Гадолиным. Действительно, украшением той коллекции был темно-зеленый кристалл изумруда весом в 2226 граммов, местами прозрачный и заключенный в оторочку из блестящего слюдяного сланца. Можно ли усомниться, что «тот самый»? Правда, вот вопрос: когда и откуда он вошел в коллекцию Кочубея?

Кочубей хранил эту коллекцию в своем родовом поместье — в Диканьке. В 1905 году взбунтовавшиеся крестьяне сожгли его имение, а коллекцию разметали по саду и покидали в пруд. После подавления крестьянских волнений сын Кочубея долго собирал разбросанные камни-экспонаты, и ему удалось-таки три четверти их отыскать. Нашелся, слава Богу, и уникальный изумруд. Спасенное было вывезено сначала в Киев, а потом в Вену. Там владелец коллекции издал ее подробный каталог, распространил его и начал вести переговоры о продаже своего собрания крупнейшим музеям Европы и Америки.

Узнав об этом, В.Л. Вернадский подал запрос в Государственную думу, в котором призвал ее членов не допустить, чтобы такая уникальная коллекция, по сути, русское национальное достояние, ушла за границу. Дума нашла деньги, и коллекция была приобретена у Кочубея за 150 тысяч рублей для минералогического музея Российской академии наук. Причем знаменитый изумруд составлял треть стоимости всей коллекции — его оценили в 50 тысяч рублей.

При транспортировке ящиков с коллекцией из Вены в Санкт-Петербург исчезли два ящика с экспонатами. Но и на этот раз редкостный изумруд не пропал. И поныне он является гордостью Музея, ныне носящего имя А.Е. Ферсмана.

Изумруд весом 2226 граммов в коллекции Кочубея — аргумент в пользу второй версии сильный, но, по сути, единственный, если не считать убеждения, что азартный коллекционер ради удовлетворения своей страсти не остановится ни перед каким преступлением. Так что судите сами, какая версия правдоподобнее. Так или иначе, но после ареста Коковина дела на изумрудных коях пошли на спад. Конечно, пытались вести добычу и позже: углубляли старые прииски, даже закладывали новые, — увы, камень не шел. Казалось, что природная кладовая истощилась. С 1837 года работы на приисках постепенно начинают сворачиваться, а к 1852 году почти полностью прекращаются. Генерал-майор Вейц, сменивший Коковина на посту начальника Екатеринбургской гранильной фабрики, трезво понимал, что оживить работы на увядших приисках можно, лишь применив новые способы разведки и добычи. Необходимо было выйти на более глубокие горизонты месторождения, а значит, нужны были мощные водоотливные машины... Все это требовало больших денежных инъекций.

Вейц написал об этом Перовскому, ставшему уже графом и министром уделов. Но тот за прошедшие годы неудачливой добычи уверился в том, что месторождение иссякло. И потому денег не дал, а послал на прииски горного офицера Гревинга — обследовать их. Тот в 1852 году выдал заключение о малой перспективности дальнейших здесь работ, и Кабинет Е.И.В. распорядился законсервировать прииски. И только разведка новых изумрудоносных отложений была продолжена вплоть до берегов реки Исети.

В декабре 1859 года новый глава Кабинета барон П.К. Мейендорф обратил внимание на заброшенные прииски и приказал вновь их обследовать горному инженеру подполковнику Миклашевскому. Он рьяно принялся за порученную работу, два года обследовал старые выработки, пробивал новые шурфы, но ничего особо выдающегося не выявил, хотя и наткнулся на четыре совершенно новых залежи изумрудоносных пород.

О результатах своих трудов Миклашевский опубликовал обстоятельную статью в «Горном журнале», где констатировал, что успех в поисках новых изумрудных гнезд возможен только при планомерном обследовании всей продуктивной площади. Но это потребует, предупреждал Миклашевский, огромных

затрат сил и средств, что вовсе не гарантирует безусловный успех. Предложил Миклашевский и другой путь — передать дальнейшую разработку месторождения в частные руки, ибо «в руках частного человека эти прииски могут принести большую пользу, в том отношении, что он воспользуется всякой вставкой или искрой, которые могут иметь сбыт в продаже по цене, соответствующей достоинству камня, но во всяком случае надо откровенно сказать, что разработка этих копей сопряжена с большим риском», — так заканчивает свою статью Миклашевский.

Всего за 1831—1862 годы уральские изумрудные копи дали около 142 пудов изумрудов, из которых получено 20 248 карат ограненных камней и искр (искра — это если масса камня меньше 0,002 грамма).

Частные разработки изумрудных приисков

То ли Кабинет Е.И.В. счел разумными предложения Миклашевского, то ли казна вконец деньгами оскудела, только вскоре решено было действительно сдавать месторождение изумрудов в аренду. Одним из первых в 1863 году решился попытать счастья некто Трунов. Он поначалу широко развернулся, нанял около шести тысяч рабочих, но вскоре на чем-то погорел, разорился и лишился аренды в 1871 году, до установленного срока ее окончания.

Следующим решил попытать свой фарт известный уральский золотопромышленник Поклевский-Козелл. Он взял копи в аренду на 10 лет — с 1878 года с уплатой по 10 000 рублей в год. Поклевский-Козелл был обстоятельный человек. Прежде чем заключить договор об аренде, он попросил квалифицированного горного инженера составить записку о состоянии копей, вычертить их геологическую карту, указать на ней выработки Трунова. Два с половиной года новый арендатор действовал довольно активно. Удалось ему добыть 22 пуда изумрудов да два с половиной пуда александритов. Но потом его энтузиазм иссяк, работы ста-

ли вестись вяло, и по окончании срока аренды в 1878 году он ее не возобновлял.

Два десятилетия потом никто не решался братья за разработку этого месторождения.

Работа на них оживилась только в 1891—1892 годах, когда на Урале случился страшный недород, свирепствовал голод, и правительство, чтобы хоть как-то поддержать людей, стало выдавать особые билеты на право перемывать старые отвалы выработок. Утверждают, что крестьяне, работая восемь лет на перемывке этих отвалов, добывали немало отличных кристаллов.

В 1897 году копи на 24 года решил арендовать Нечев. Но его хватило на два года, в течение которых он прошел две шахты, убедился, что с наскоку его удача не встретила, и он в конце 1899 года переуступил свою аренду лондонской «Новой компании изумрудов», которая владела также копиями Мюзю в Колумбии.

Эта компания разрабатывала уральские копи вплоть до Первой мировой войны. В аренду ей были отданы все прииски изумрудов, раскинувшиеся к тому времени на пространстве в 25 верст длиной и версту шириной. Таким образом, сосредоточив в своих руках и копи Америки, и уральское месторождение, «Новая компания изумрудов» стала мировым монополистом по добыче этого драгоценного камня. Причем надо учесть, что американские копи к тому времени были практически выработаны и уральское месторождение осталось единственным местом в мире, где велась промышленная добыча изумрудов.

Став мировым монополистом, компания повела себя довольно осмотрительно. Хотя она имела права на разработку всех уральских приисков (их тогда насчитывалось семь), она за шесть первых лет сориентировалась и сосредоточила все работы на том из них, который обещал наиболее эффективную добычу. Это был Троицкий прииск на берегу речушки Старки — в центре изумрудной площади.

В деятельности компании для нас интересны и поныне два аспекта: способ добычи самоцветов и система их обработки и продажи. Поначалу «Новая компания изумрудов» решила вести добычу наиболее дешевым, открытым спосо-

бом, благо глубины выработок в ту пору редко превышали 12—15 саженей. Заложили два огромных карьера. И — чуть не разорились. Оказалось, при такой организации работ невозможно уследить, куда утекает большая часть добываемых изумрудов. Они растаскивались, припрятывались, проносились мимо кладовых компании прямо на глазах многочисленных надсмотрщиков. Тогда компания решила перейти на шахтный способ: хоть и дороже обойдется, зато легко контролировать всех входящих и выходящих. Расчет оправдался: по свидетельству инженера Юдинсона, одного из управляющих, количество изумрудов, поступавших на склады компании, сразу namного увеличилось.

Дальнейшая работа с самоцветами была организована так. На столах обогатительной фабрики Троицкого прииска мальчишки выбирали драгоценные кристаллы из пустой породы и складывали их в надежно запечатанные «копилки». «Копилки» эти укладывались в специальные контейнеры и отправлялись в парижское отделение компании. Там уже парижские мальчишки и девчонки очищали изумруды от облегающих их сланцев, после чего камни представлялись оценщикам ювелирной фирмы Бордые, которой вся добыча изумрудов была продана компанией на много лет вперед.

Оценка изумрудов проводилась грубо, на глазок и, конечно, не в пользу компании. Однако две трети названной суммы Бордые тут же отдавал компании в качестве аванса. Остальное — за вычетом 10 процентов комиссионных — он доплачивал после реализации камней через свой магазин. Ежемесячно Бордые представлял компании отчет о продаже камней. С бухгалтерией все было в ажуре, и, похоже, такая форма расчетов устраивала обе стороны. Что касается Бордые, то его отношение к этим расчетам можно объяснить хотя бы таким примером. Упомянутый Юдинсон свидетельствует, что в представленных ему отчетах парижского ювелирного магазина Бордые сумма продажи изумрудов за январь и февраль 1912 года была определена в 25 тысяч франков ежемесячно. Но позже он узнал совершенно точно, что лишь за несколько камней из числа тех, что были проданы в эти месяцы, было заплачено 200 тысяч! И это не исключительный случай, а скорее правило. И если при таком «балансе» ком-

пания получала приличный доход, то можно себе представить, сколько добра выкачивали из уральских недр дельцы «Новой компании изумрудов»!.. Опять же, чем объяснить ту легкость, с которой матерые дельцы из Лондона позволяли обводить себя вокруг пальца парижскому хитровану? Очень похоже на то, что для кого-то из ответственных служащих компании в том была особая, персональная выгода...

С началом мировой войны фронты разделили Европу, и компания сочла дальнейшую аренду уральского изумрудного месторождения невыгодной для себя. Но полтора десятилетия ее работы наглядно доказали, что изумрудные залежи на Урале не иссякли, и поэтому тут же нашлись отечественные охотники заполучить право на дальнейшую разработку приисков.

Последними перед революцией 1917 года хозяевами приисков стали российские предприниматели, взявшие их в аренду на 20 лет: генерал Шенк, получивший право на эксплуатацию южной части месторождения за 4500 рублей в год, некто Липин, получивший в распоряжение северную часть изумрудоносной провинции за такую же сумму, и известный екатеринбургский художник и предприниматель Алексей Козьмич Денисов-Уральский, обосновавшийся в центральной части месторождения за 10 000 рублей в год. Первые два предпринимателя были дельцами, о стиле работы которых можно судить по выразительному отзыву С.С. Смирнова, студента Петроградского горного института, делавшего разведку для Шенке: «Небольшие финансовые средства и слишком большие аппетиты».

А.К. Денисов-Уральский сразу показал себя рачительным и умелым хозяином.

Художник и промышленник

Иначе и быть не могло. Для Алексея Козьмича эта аренда стала естественным и логическим продолжением всей его предшествовавшей деятельности по раскрытию богатств Каменного Пояса — края, который он безумно любил и пропаганде которого отдал все свои силы.

А.К. Денисов (1864—1926) был выходцем из потомственной уральской горняцкой семьи. Внук государева горнозаводского крестьянина, сын горнорабочего, 20 лет отработавшего в Березовских шахтах, он хорошо знал и понимал цену уральского камня. К тому же он с 9 лет уже работал вместе с отцом. Отец, талантливый самородок-художник, скопил на подземных работах немного денег и открыл небольшую мастерскую по обработке камня. Особенно удавались ему знаменитые уральские наборные картины, у которых задний план прорисован красками, а передний выкладывался из цветных камней.

Алексей сызмала помогал отцу и в мастерской и в походах за камнем для работы. Козьма Денисов умер в 1881 году, оставив сыну свою мастерскую. И тот сразу умело начинает расширять отцовское дело. Уже в 1882 году Алексей решает, что может предложить кое-что и столичной публике. И посылает «в Москву на выставку собранную им с большим вкусом коллекцию» уральских минералов, свои изделия из уральского камня и красивую рельефную карту Урала, которую у него почти сразу же приобрела известная московская гимназия. Работы юного мастера были отмечены наградой.

С тех пор он был непременно участником всех крупных промышленных выставок России и Европы, на которых представлялись изделия из камня.

Хитники

Вот что писал о хитничестве и хитниках горный инженер Е.В. Гомилевский: «В непроходимых лесных дебрях, на всех оставленных приисках, давнишних выработках и отвалах работают целые полчища вольных людей в поисках изумрудов, которые легко сбываются скупщиками — уральским торговцам самоцветами. Для этого промысла выработалось даже особое наименование “хита” — или хитнический промысел. Этимология этого слова показывает, что промысел не является похищением, кражей, а чем-то другим, более благородным».

А.Е. Ферсман, много общавшийся с уральскими горщиками, с хорошим знанием предмета описал своеобразную

психологию хитников, для которых, по его свидетельству, «камень Божий», несомненно, является продуктом общей земли, общим достоянием, и, стало быть, никому нельзя запретить его добычу. С такими представлениями, рассказывает Ферсман, ему приходилось встречаться в разных районах Урала — не только вблизи изумрудных копей. В них уживается какая-то смутная идея общенациональной собственности с традициями «захватного права»; к тому и другому, однако, всегда примешивается жажда легкой наживы: «Одним камнем, как ударом, богат станешь».

Гомилевский полагал, что истоки хитничества восходят к разрешению правительства в голодные 1891—1892 годы крестьянам промышлять по особым билетам, сроком на восемь лет выданным, в отвалах старых изумрудных приисков. Это их право было оговорено и при заключении договора на аренду с Нечаевым и снова подтверждено, когда концессия на разработку месторождения передавалась «Новой компании изумрудов».

И хотя в отвалах приисков стали копаться и многочисленные пришлые искатели быстрого счастья (их прозвали зимогорами), большинство хитников были все же местные, которые по попустительству правительства постепенно пообвыкли к мысли, что рыться возле изумрудных копей — вроде как их естественное право.

И хитникам, хоть и не очень часто, но улыбалась удача. Один из них, В. Тоголев, копаясь вблизи южного фланга месторождения, наткнулся на великолепную щетку изумрудов, которую продал скупщикам за три тысячи рублей. Другой, Степанов, продал екатеринбургскому скупщику кристалл изумруда за 2000 рублей.

Такой куш казался столь привлекательным, что хитничать начали очень многие крестьяне, мастеровые и даже люди интеллигентных профессий, напроць отбившиеся от прежних своих занятий. Еще, так сказать, один вариант искательной лихорадки. И ведь жизнь-то хитника — не сахар. Во время поиска они жили большей частью прямо под открытым небом, питались хлебом и водой. И сами их копания в земле бывали очень опасны. Ведь работать им приходилось нередко в заброшенных глубоких шахтах и шур-

фах, в которых крепление или напрочь отсутствовало, или давно сгнило. И это не единственная опасность, которая их подстерегала. Все время им приходилось быть настороже: все же работали на чужой, часто неплохо охраняемой земле, зазеваешься — охрана вмиг сграбастает вместе с добычей. И хорошо еще, если просто отправят в полицию: бывали случаи, и убивали непрошенных копальщиков.

Специалисты по охране из «Новой компании изумрудов» утверждали, что в начале нашего века на арендованных компаниями землях каждое лето промышляли не менее тысячи хитников. Многих охранники знали пофамильно — не раз случалось отлавливать. В 1911 году зарегистрировано полторы тысячи посягнувших на чужое владение, в 1912 году — тысяча восемьсот.

Но ни протоколы, ни штрафы, ни даже тюрьма не останавливали хитный промысел. Наказанные одним-тремья месяцами тюрьмы, ловцы удачи выходили и немедленно принимались за старое. Среди них попадались своего рода рекордсмены — они представляли перед судом до тридцати раз! И — как с гуся вода.

И все же, рассуждая о хитничестве, нельзя не помнить, что именно вольными старателями и рудознателями открыты почти все залежи самоцветов Урала. И изумруды — не исключение.

Максим Кожевников ведь принес свою первую находку на тайную продажу в Екатеринбург, и только после этого о ней прознал Коковин. Следует припомнить и то, что впоследствии самые знаменитые копи изумрудов стали тому же Коковину известны по находкам вольных старателей — горнощитского мастерового Егора Костоусова, указавшего своей находкой на жилу прииска № 16, давшего изумительные кристаллы, крестьян Карелина и братьев Григория и Дениса Козьминых, своими находками указавших границы месторождения; на приисках, заданных по их заявкам, и сегодня добывают этот камень.

Да и сама «Новая компания изумрудов» бороться-то боролась с хитниками, но при этом и пристально следила: а где они больше копаются? И немедленно переводила туда своих рабочих.

Так что хитники были не только расхитителями чужого добра, они были и отрядом самой дешевой разведки новых

залежей. И недаром некоторые прииски носили такие, к примеру, имена: «Старый хитный» (в южной части месторождения), «Хитные ямы» (там же). И прииски эти давали весьма неплохие камни.

Но вольные старатели изощрились не только в нелегальной добыче драгоценного камня. Широко развитое хитничество породило и великолепно отлаженную систему тайной скупки самоцветов. С ней был хорошо знаком великий минералог А.Е. Ферсман, которого горщики и старатели приняли в свою среду и не таили от него не подлежащих огласке сторон своей не всегда согласной с законом жизни.

И вот о чем, в частности, узнал Александр Евгеньевич:

«Около Изумрудных копей создавался свой рынок теми хищниками (Ферсман, как видите, не воспользовался народным, “смягченным” вариантом обозначения промысла. — Л.С.), которые незаконно добывали камни вне работ Французской Компании. Часть камней сбывалась рабочим Асбестовских копей, часть — продавалась у некоторых определенных лиц в Белярском, но большую часть можно было купить только в самом лесу и через знающего ямщика; если удастся заслужить его доверие, можно легко попасть к тем центрам хитных работ, где продается камень. Этот путь покупки изумрудов хорошо был известен екатеринбургским ювелирам, часто навещавшим этот район и здесь в лесу скупавшим хороший камень. Трудно найти более своеобразную обстановку для каменного рынка, обстановку, в которой протекали очень крупные сделки и приобретались превосходные камни.

Последние годы хитники и местные рабочие сами приносили материал в “город” (как называется Екатеринбург в широком округе Среднего Урала), где сбывали его знакомым гранильным мастерским, с которыми они завязывали более определенные связи. Среди этого приносимого в город материала оказывалось много подделок, дублетов, покрытых лаком камней, и, потому, к таким покупкам в Екатеринбурге у незнакомых крестьян надо относиться с большой осторожностью...»

Здесь надо расшифровать кое-что из сказанного Александром Евгеньевичем. Хорошего качества изумруды, абсолютно прозрачные, без всяких включений и трещинок, глубокого травянозеленого цвета встречаются чрезвычайно редко.

Собственно, поэтому они так высоко и ценятся. Абсолютное же большинство добываемых камней имеют те или иные изъяны. Это и трещинки и разного рода включения — пузырьки газов, капельки жидкости и другие пороки. Даже если кристалл и кажется с виду безупречным, то в нем все равно оказываются микротрещинки. И вот тут-то перед продавцом возникает проблема: как низкокачественный кристалл выдать за камень высокого сорта?

Уральские хитники проделывали подобные операции тремя способами. Первый, самый примитивный. Добытый кристалл изумруда покрывали специальным лаком. На небольших кристаллах это иногда проходило у малоискушенных покупателей. Опытный же скупщик всегда царапает камень кончиком ножа: лак соскребется, камень же не должен повредиться.

Второй способ тоже незатейлив. Учítывая, что некоторые очень мелкие трещинки могут проявиться лишь при высыхании камня, продавец старается держать камень влажным — в сырой ли тряпке, в кожаном мешке, а то и прямо во рту. Кстати, влажный камень всегда имеет лучший блеск.

Есть и более сложные и тонкие способы фальсификации, отработанные поколениями ловких хитников. Иногда камень распиливали и плоскость распила окрашивали зеленым лаком, снаружи же места распила замазывали слюдяным сланцем на клею. К тем же способам относится и выдалбливание в камне отверстий и заливка их зелеными растворами хрома или никеля. А иногда трещиноватые изумруды... проваривали в деревянном масле. При этом достигалось довольно прочное заполнение трещинок маслом зеленого цвета. Масло держалось в камне гораздо дольше воды. Этот способ применяли даже специалисты по обработке изумрудов.

Но более честные мастера-границыцики всегда находили способ избавиться от мелкого порока драгоценного камня, выбирая наиболее подходящий к данному случаю способ огранки. Их существует довольно много — «каре», «изумрудная грань», «кабошон» и др. Выбрав из них тот или другой, можно за счет небольшой выемки убрать мелкую трещинку или инородное включение, причем это не только не портит камень, но и придает ему некое своеобразие. Кстати, еще не так давно даже специалисты считали, что наличие мелких

изъянов (трещинок, газовых, жидких и твердых включений) в камне является как бы своеобразной гарантией его подлинности, «знаком качества». Теперь-то любые включения очень даже просто можно изготовить в процессе выращивания кристаллов на заводе. По заказу. А поскольку природный изумруд на порядок, если не больше, ценится выше синтетического, то более надежно будет определять подлинность камня специальными лабораторными способами.

Конечно, среди хитников попадались и более бессовестные обманщики, которые пытались сбыть за изумруд вообще его имитации — из берилла, фенакита, а то и просто из стекла. В общем, старались, кто как умел и с кем имел дело. Понятно, что и законные владельцы копей, и власти пытались вести борьбу с вольными охотниками за камнем. Были и охранные меры, и наказания, и расправы, но были также и разумные попытки ввести криминальную стихию в рамки законности.

Так, в 1913 году «Новая компания изумрудов» объявила, что любой, кто желает принять участие в перебивке старых разработок, может это сделать, уплатив пошлину за билет и по 6 рублей за воз этих самых отвалов. Немедленно на всем Среднем Урале поднялась «изумрудная горячка», как оценила случившийся ажиотаж газета «Уральская жизнь». Крестьяне из восьми близрасположенных волостей часто продавали свой скарб, землю, лишь бы наскрести денег хотя бы на пару возов отвалов. Стремление приобрести такую возможность непрерывно подогревалось слухами, непрестанно циркулировавшими среди этого народа, о крупных удачах, приваливших то одному, то другому старателю. К примеру, много говорили о том, что из одного воза счастливицу подфартило намыть изумрудов на 12 000 рублей, что один камень был оценен даже в 600 рублей.

Компания распродала отвалов на 22 000 рублей — она оговаривала при сделке право скупки намытых изумрудов. Но компании продавали, как правило, мелкие кристаллы. Большинство крупных качественных камней ушло на сторону. И утверждают, что многие скупщики погрели на том руки. И все-таки все, кто наблюдал работу хитников, в один голос утверждали: хоть работали они и донельзя примитивно, но при этом чрезвычайно тщательно. Они прощупывали бук-

важно каждый комочек жилы, и скрыться от них даже самому маленькому обломку кристалла драгоценного камня было практически невозможно.

Но пришел, пришел и на «хитную» улицу праздник. И пришел он вместе с революцией.

Летом 1917 года арендаторы еще пытались, повторив опыт «Новой компании изумрудов», втиснуть «хитную» вольницу в какие-то рамки. Они объявили распродажу отвалов со своих копей всем желающим. По одним данным — цена воза была 5 рублей, по другим — 25 и 50 рублей. Вновь на распродажу нахлынули толпы искателей быстрого счастья, вновь были перемыты огромные горы скопившихся отвалов. И опять забродили по всему Уралу легенды о сказочных удачах перемывщиков. Но осенью 1917 года все права арендаторов, как и прочих «эксплуататоров пролетариата», были хитниками аннулированы, и всем пространством изумрудных копей завладели их самочинные артели.

Ходили разговоры, что в ту пору особенно повезло тем, кто хитничал возле разработок, ранее принадлежащих Денисову-Уральскому. В 1917 году там было выбрано немало весьма недурных кристаллов самоцветов. Но власть пролетариата тогда на Урале установилась еще не окончательно. В 1918 году территорию копей вновь заняли «войска порядка», и вновь там появились надсмотрщики арендаторов. И будто предвидя такое развитие событий, когда частных совсем отстранят от разработки земных богатств, природа уральская решила подбросить им несколько утешительных находок. Так, буквально перед окончательным отступлением белых войск с Урала, в июле 1919 года, Липину сказочно повезло: на его прииске добыли уникальный кристалл изумруда темно-зеленого цвета, длиной около 18 сантиметров и около 6 сантиметров в поперечнике. Правда, кристалл этот с одной стороны был сильно растреснут, были трещинки и на других сторонах кристалла, но обрадованный Липин, несмотря на это, все равно надеялся сбить камень не меньше чем за 200 000 рублей.

Но хитники, конечно же, не прерывали своего промысла ни с приходом чехословацких войск, ни с возвращением прежних арендаторов: кому под силу было отменить вольную, не облагаемую государственным налогом добычу зеленого самоцвета?

Советская история изумрудных копей

Межвременье 1918—1919 годов, когда на Среднем Урале распоряжались то большевистские Совдепы, то чехословацкие комендатуры, то колчаковские администраторы, запечатлелось в истории разработок уральских изумрудов одним небезынтересным обстоятельством: смертельно враждовавшие между собой власти, сменявшие друг друга, в одном отношении были поразительно единодушны — они знали цену изумрудам и беспрепятственно финансировали работы геологов по изучению района этого уникального месторождения.

А работы эти ох как назрели!

Еще А.К. Денисов-Уральский в своем достопамятном письме министру торговли и промышленности России констатировал, что «площадь Уральского хребта занимает не меньше 400 тысяч квадратных верст. Безошибочно можно считать разведанными не более 4 тысяч квадратных верст». То есть разведано всего-навсего около одного процента всей площади. Столь же мало, добавим мы, была разведана и территория изумрудного месторождения.

Еще в 1862 году подполковник Корпуса главных инженеров Миклашевский предлагал: дабы поставить добычу изумрудов на твердую научную основу — организовать «правильную», то есть планомерную, разведку и разработку района месторождения. Но и спустя шестьдесят лет эта разумная идея не была реализована. Если не единственное, то одно из главных объяснений этому — последовавшая годом позже (по совету того же подполковника!) передача добычи драгоценного камня в частные руки. Мера эта поспособствовала увеличению выдачи минерала, но вовсе не помогла расширить перспективы месторождения. Быстро сменявшие друг друга арендаторы вовсе не были заинтересованы в том, чтобы вести работы «правильно», — они стремились урвать кус пожирнее да отвалить. Велась типичная хитническая «верхушечная» добыча.

Правда, копошение возле поверхности получило и более объективные, так сказать, объяснения. Во-первых, углубле-

ние выработок потребовало бы установки дорогостоящих водоотливных машин, что в свое время остановило Л. А. Перовского. Во-вторых, еще в первые годы эксплуатации месторождения сложилось мнение, что с углублением выработок уменьшается количество и ухудшается качество добываемых в них камней. Об этом писали еще Коковин и Вейц в «записках», представленных в Кабинет Е. И. В.

Так или иначе, но за первые 80 лет эксплуатации месторождения шахты и разрезы углубились лишь с 13 до 17,5 саженьей (или, по нынешнему, до 37,5 метра). При этом не были определены границы расположения изумрудоносных пород.

И вот тут, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Революция загнала в Екатеринбург крупные научные и производственные силы — вдобавок к немалым силам, ранее уже здесь обосновавшимся. Сейчас это кажется невероятным, но ведь это факт: в октябре 1917 года в Екатеринбурге открылся Уральский горный институт. И в то же время в городе обосновалась эвакуированная из столицы Академия Генерального штаба России, в составе которой всегда были отменные специалисты по картографии.

Так что создалась великолепная возможность наконец-то создать надежную основу для систематизированного научного геологического поиска — детальные карты местности, где расположены изумрудные месторождения. И если учесть отмеченную выше заинтересованность всех сменявших друг друга властей в изумрудах, то не стоит удивляться размаху развернувшихся в то время работ. Были устанавливались геодезические знаки-пирамиды, начались топографические съемки. Работа прерывалась разве что в те дни, когда стрельба шла совсем уж близко. Стоит отметить деятельное участие в съемках профессора геодезии Николая Келля — одного из основателей Горного института.

Работы шли настолько успешно, что к декабрю 1920 года была полностью завершена топографическая съемка всей зоны месторождения. К этому времени на Среднем Урале всерьез и надолго утвердилась советская власть. Изумрудные копи были национализированы. Добычей самоцветов стало управлять новосозданное учреждение с красивым названием Райруда.

Поначалу большевистские власти, не менее своих предшественников нуждавшиеся в твердой валюте, решили орга-

низовать изучение и разработку месторождения в лучших традициях военного коммунизма. Как вспоминал инженер В.А. Вознесенский, руководивший в то время разведочными работами, «рабочие откомандировывались в порядке трудовой повинности местным профессиональным союзом горнорабочих, которым была установлена норма выработки и оплата работ. Норма была дана такая, какая соответствовала дурному питанию рабочих, состоявших на государственном, весьма скудном пайке... Ввиду недостатка в рабочих непрерывности работ не удавалось достигнуть, и промежутки застоя оказывались гораздо больше, чем в работе... Во многих местах вода не давала возможности довести глубину шурфа до коренных пород... Попытка получить бур ни на ближайших асбестовых рудниках, ни в Екатеринбурге не привела к благоприятным результатам...»

Так велись работы в южной части месторождения.

Не лучше обстояли дела и на разведке в центральной части месторождения. «Работы, хотя и были признаны боевыми, даже ударными, как со стороны Уралгоркома, так и Райрудюо, ввиду требования, предъявленного за границую на драгоценные камни и предположения начать добычу изумрудов в возможно непродолжительном времени, велись весьма вяло. Рабочих было откомандировано на них всего 12 человек, между тем приходилось силами тех же рабочих производить ремонт барачков, организовать выпечку хлеба, заготавливать дрова, ездить на рудники в Екатеринбург для получения инструментов, материалов и продовольствия. Все это, а в особенности последнее было сопряжено с большою затратою времени...»

Остается только поражаться энтузиазму геологов и горняков, сумевших в таких условиях и за столь короткий срок и составить точную и достаточно детальную карту практически всего района месторождения, и установить полосы распространения изумрудоносных сланцев в пределах ранее проводимых разработок, и найти неизвестные ранее места, где с уверенностью можно было закладывать совершенно новые выработки. И самое главное, удалось разобраться с геологической позицией изумрудных залежей во вмещающих их породах. Особенность, подмеченная еще Коковиным, удостоверенная позднее наблюдениями и опытом инженера

Михеева и теоретически объясненная А.Е. Ферсманом, была подтверждена новейшими исследованиями: изумруды появились здесь на свет именно в жилах пегматитов.

Теперь самым главным представлялось выработать правильную стратегию добычи и обработки изумрудов.

Разумную стратегию организации работ предлагал в своей записке геолог Ф. Кандыкин: прежде всего, утверждал он, «необходимо подготовить это поле детальной разведкой до начала работ на глубину хотя бы в 10 сажен от поверхности шахтами через 50 сажен по простиранию жил. По мере вскрытия жил производить возможно полное извлечение камней из добытых изумрудоносных пород... Эта работа большая, требующая и времени и... средств таких, какие непривычны для всех предшествующих на это дело затрат и едва ли посильны частным предпринимателям. Поэтому... представляется более осуществимым, если... за дело добычи и обработки изумрудов во всем его объеме примется государство, рассматривая это дело, как чеканку драгоценной монеты... При государственной обогатительной фабрике должна быть организована гранильная мастерская, в которую необходимо привлечь и русских и иностранных первоклассных мастеров для постановки и гранения добываемых камней...»

Кандыкин предлагал не отказываться и от вольного старательства, полагая, что «для развития добычи изумрудов в новых местах... полезно привлечь частную инициативу... вольно-старательский труд в виде отдельных предпринимателей или небольших артелей».

Не то чтобы большевики вняли голосу разума и опыта — просто, следуя догматам своей марксистско-ленинской веры, они были безусловными противниками частной собственности. Так что предсказания геологов о том, что на глубине уральские недра не скудеют, сполна оправдываются. И это обстоятельство могло бы послужить приятным поводом для оптимизма при рассуждении о дальнейшей судьбе уральского месторождения, если б не...

Дело в том, что прочно встает на ноги мощная индустрия по производству синтетических изумрудов, способная выдавать кристаллы высоких ювелирных качеств. И, кроме того, на Западе открыты богатейшие залежи изумрудов.

Немного об искусственных изумрудах

Первую успешную попытку вырастить кристалл изумруда в лабораторных условиях предпринял в 1848 году естествоиспытатель Дж. Эбельмен, о чем он тут же сообщил на страницах парижских «Анналов химической физики». Но лишь через сто лет была освоена промышленная технология изготовления зеленых кристаллов, вследствие чего их стоимость стала существенно ниже стоимости природного камня.

Чтоб прийти к этому итогу, науке пришлось разгадать множество непростых ребусов, загаданных природой. Самый легкий из них — определение химического состава чудо-камня. Довольно быстро ученые установили, что изумруд — это бериллиево-алюминиевый силикат, содержащий примеси хрома, ванадия, тантала. И еще железа. Все эти примеси и определяют его замечательную зеленую травяную окраску со всеми ее оттенками. А образуется изумруд, во всяком случае, на Урале, в столбообразных геологических телах — жилах, возникающих в трещинах земной коры из остывающих в них расплавов особого вида горных пород — пегматитов. Струи этих расплавов, состоящие из газов и жидкости, под огромным давлением проникают в трещины коренных пород, и из них-то и выпадают и начинают расти драгоценные кристаллы. Удалось в конце концов установить, что образование изумрудов в растворах и расплавах происходит при температурах 200—500 градусов по Цельсию и давлениях 30—100 мегапаскалей (примерно от 300 до 1000 атмосфер).

Химический состав, температура, давление — это был как бы ключ к тайне рождения изумруда. Дело было за малым — найти дверь, что открывается тем ключом: воспроизвести в заводских условиях все открытые наукой закономерности. Лишь при массовом производстве стоимость искусственно полученного камня могла быть ниже стоимости природного изумруда. К тому же сама затея имела смысл только при условии, если удастся в точности воспроизвести и глубокую

зеленую окраску, и прозрачность, и прочие чудесные свойства минерала.

Путь к успеху был не прост. Оказалось, что для выращивания изумруда в заводских условиях не годятся методы, успешно применяемые для получения других драгоценных камней. Оказалось, не хочет изумруд выпадать в осадок из пересыщенных растворов химических веществ, входящих в его состав. И тут нашли выход: придумали расплав-флюс (для него использовали молибдат лития), смешали с ним раствор бериллия, алюминия, кремния — основных компонентов изумруда, сконструировали специальную установку, и «процесс пошел». На все это как раз сто лет и понадобилось.

Сегодня искусственных изумрудов изготавливается уже немало. Мировые лидеры их выращивания — фирмы американца К.Ф. Чатема (Сан-Франциско) и француза П. Жильсона — поставляют на рынок десятки тысяч карат синтетических камней. Один только Жильсон производит ежегодно сто стограммовых кристаллов, из которых не менее 10 процентов — великолепные ювелирные экземпляры, не только сопоставимые с природными образцами, но нередко и превосходящие их по равномерности и густоте окраски, по разнообразию ее оттенков. А специалисты фирмы Чатема получают изумруды с любыми видами включений в тело кристалла, имитирующими природные образцы. Они добиваются получения желаемого оттенка зеленого цвета.

Ученые из наших отечественных лабораторий тоже разобрались с цветами уральских изумрудов. Оказалось, что оттенок легкой голубизны нашего камня объясняется привнесением в его кристаллическую решетку ионов двухвалентного железа, а желтоватый оттенок придается камню присутствием в его кристаллической решетке марганца и трехвалентного хрома.

В наши дни большинство синтетических драгоценных камней намного дешевле соответствующих природных аналогов. К примеру, один карат искусственных рубинов стоит 5—6 долларов, а один карат природного рубина может стоить на американском рынке от 1200 до 29 000 долларов (в зависимости от массы камня и его ювелирных свойств). С изумрудом так не получилось. Пока что искусственные изумруды стоят всего в 5—10 раз дешевле природных камней.

МАЛАХИТ

«Этот камень должен считаться поистине русским, так как ни одно месторождение в мире (Австралия, Северная Америка) не может сравниться с богатством этого поделочного материала на Урале».

Такой фразой академик Ферсман в книге «Драгоценные и цветные камни России» начинает описание малахита.

Глубокий знаток камня Александр Евгеньевич Ферсман был увлекающимся экспансивным человеком. Не слишком ли восторженно и тенденциозно?

Не слишком.

Вот свидетельство «постороннего» для России авторитета.

Знаменитый естествоиспытатель Александр фон Гумбольдт посетил Урал в 1829 году. Его спутник, ведший записи — дневники путешествия, Густав Розе отметил после осмотра Гумешевского рудника: «...Малахит в Гумешевском руднике находится в наибольшем среди прочих руд количество. Бывает либо в виде шаров и шариков, либо сплошными массами, либо в виде почковидных, капельниковатых и трубчатых масс. Почковидные и капельниковатые разности превосходят по красоте малахиты из всех прочих известных месторождений на Земном шаре...»

Заметен сразу, не правда ли, среди сухого академического описания месторождения тот же, что и у Ферсмана, восторженный тон: «...превосходит по красоте...»

Впрочем, иного и нельзя было ожидать от настоящих знатоков.

Ведь он воистину прекрасен, этот камень. Даже если не «раскрыт» просто зеленая бугорчатая масса, и то притягивает, привораживает. А если разрезать, да приполировать, да оправить.

Ныне общепризнано, что малахит по полному праву может считаться «русским» камнем. Не будет большим преувеличением назвать малахит и «поистине» уральским камнем. Издавна повелось, что для изучения малахита ученые со всего света съезжались на прославленные уральские месторождения его. Отсюда, с Урала, пошла и современная техника

обработки малахита, признанная во всем мире как техника «Русской мозаики».

Но об этом чуть позже.

Сейчас посмотрим поближе, что это за природный феномен — зеленый камень малахит.

Цитированный выше Густав Розе исчерпывающе описал формы нахождения малахита в природе как натёчные образования в карстовых полостях. Почти на полвека ранее побывал на Урале академик Паллас. Виденные им малахиты он разделил не только по внешнему облику. По Палласу малахит, как поделочный камень, бывает двух родов: «...первый род скорлуповат... к полированию весьма способен... по граненым кускам самые прекраснейшие цветные темно-зеленые полосы...» Еще красочнее академик описывает малахит второго рода: «...изнутри к наруже разлучист, цветом темен, тяжел, богаче первого, на поверхности, как бархат, а в изломе как атлас...»

Интересно проследить, как классификация академика соотносится с делением тех же камней мастеровым людом Урала. Среди уральских горщиков палласовский «малахит первого рода» известен под названием «бирюзовый», иногда — «корпусной, ленточный». По рисунку — это самых разнообразных оттенков и сочетаний зеленого цвета ленты, уложенные параллельными волнистыми струями или свернутые в концентрические зональные кольца. Бирюзовый считается высшим у мастеров сортом малахита. Он более твердый и потому лучше «берет» полировку.

Малахиты второго рода горщиками прозваны были «плисовыми» или «бархатными». В самом деле, если всмотреться, в структуре камня явственно ощущается тонкая зернистость бархата. Эти малахиты в полировке более трудны и ценятся у гранильщиков ниже.

Десятилетием ранее Палласа изучавший Гумешевское месторождение академик Иван Иванович Лепёхин описал еще одну — третью, но, может быть самую поразительную разновидность малахита, названную им «мелкоузорчатой»: «...Тут можно было увидеть разные шурфы, в которых природа разнообразными изображениями играла: иные изображали порядочно начертанные геометрические тела; иные представляли вид растений, другие разных натуральных вещей

показали начертания...» В народе этот вид малахита был призван «кудрявистым» или «как карельская береза». Он и в самом деле напоминает в некоторых образцах густую крону березы на фоне раскаленного полуденного июльского неба, когда несильный ветерок ее слегка раскачивает и она колыханием ветвей и листья создает причудливейшие рисунки.

Один такой «узор редкостный» описан в сказе Павла Петровича Бажова: «...будто из середины-то дерево выступает, а на ветке птица сидит и внизу тоже птица. Явственно видно...»

Малахит, крупнейшие и непревзойденнейшие по качеству и запасам руд месторождения которого были обнаружены в начале XVIII века на Урале, в общем-то известен людям издавна. Объясняется это довольно просто. Историки достоверно установили, что вслед за каменным веком цивилизации человечество вступило сразу в медный век. Медь стала первым металлом, чье название обозначило целую эпоху в развитии человечества. По всей видимости, медь тогда использовалась достаточно широко, коль заслужила такое право. А право это подтверждено многочисленными находками во многих местах земного шара. Очевидно, в хозяйственный обиход были вовлечены достаточно много крупных месторождений меди. Видимо, первые рудознатцы научились отыскивать и добывать медные руды. А малахит, при всей своей необыденности, обычный минерал меди, и известен не менее широко под другим своим названием — «медная зелень». Химически медная зелень на 57,4 % состоит из чистого купрума. Минерал этот типичен для зон окисления медных руд и встречается практически во всех их месторождениях.

В большинстве случаев медная зелень не представляет интереса как поделочный камень. Чаще это тонкая, иногда мелкозернистая однородная зеленая корка. Будто мазнул нерадивый маляр плохо протертой да к тому же и полужасывшей зеленой краской. Так она и присохла, на что попала, неопрятными зелёными лоскутами. Узорный же вариант медной зелени природой создается тогда только, если меднорудная залежь отложилась на мраморах либо известняках. Вследствие каких-то геологических причин залежь

эту с годами выносило на уровень глубин, где активно подвижны грунтовые воды. В ситуации, которая сейчас рассматривается, на грунтовые воды природой возлагается роль той доброй феи, которая из Золушек творит принцесс. Только методы у этой феи очень земные.

Вначале грунтовые воды растворяют ребристые ярко-желтые кубики пирита. Его обычно много бывает в первичных рудах меди. Это действие обогащает грунтовую воду серной кислотой. Такая вода обретает способность переводить в раствор соединения меди, делая их сульфатами, и просачиваясь, уносит их с собою вниз, в мраморную постель оруденения, где заранее она уже проела изрядное число пустот — карстов. Выгрызая карст, вода в карбонатной среде делается щелочной. В щелочных же условиях просачивающиеся в мраморные погребки сульфаты меди выпадают в осадок. Процесс этот медленный. Так говорится — выпадают в осадок. На самом деле происходит неспешное ритмичное наслоение микроскопических выделений медной зелени, иногда в форме нескоро нарастающих трубочек сталактитов, чаще в форме бугорчатых наростов на крышках и стенках погребка, нередко в виде радиально-лучистых конкреций — стяжений вокруг каких-либо центров кристаллизации. Иногда водный поток усиливается и срываются капельковатые струйки, рассыпаются по дну пустотки, дробятся, но новыми наплывами объединяются, и этот вновь и вновь повторяющийся во всех видах процесс созидает из меняющихся по концентрации, интенсивности, химизму осадков водного бикарбоната меди меняющиеся по расцветке, толщине и рисунку слоёчков агрегаты удивительного по цвету и неповторимости узора зеленого минерала — сказочно прекрасного малахита.

Фея закончила работу — принцесса перед вами...

Затем у природы бывало два пути.

Либо она решала больше не вмешиваться — и заданный ею процесс непрерывного превращения вещества продолжался далее и на новом его этапе узорная медная зелень разрушалась, замещаясь силикатами либо фосфатами меди, а также лимонитом, соединениями марганца и еще бог весь чем, либо на природу находил стих хозяйской рачительности и она решала кое-что приберечь из своих поделок: и она «кон-

сервировала» малахит, укутывая его образования в карстовой полости плотной упаковкой из глинистых частиц, оберегая тем от разложения его агрессивными водами.

Несомненно, что первые добытки меди докопались и до этих погребков. И открылся миру необычайный зеленый камень с русалочьими глазами.

Познание малахита прошло все обычные ступени людского познания природы. Бросающаяся в глаза необычность его рисунков прежде всего навела людей на мысль, что здесь не обошлось без вмешательства высших сил.

Камень становится фетишем.

Древнейшие известные разработки малахитовых залежей расположены на Синайском полуострове. Им не менее шести тысяч лет. Древние египтяне первыми, по-видимому, и определили, что «мафек» (именно таким названием они определили малахит, Джордж Кунц переводит это слово как «лучший из зеленых камней») является самым надежным защитником носящего его от ядовитых гадов, от дурного глаза, и вообще от колдовства. Особенно могущественным талисманом мафек становился, если на его поверхности награвировывалось солнце. Ведь общеизвестна, что солнце, как источник всего светлого, является естественным смертельным врагом сил темного царства, всех чародеев, колдунов, демонов, ведьм. Они ничего ведь так не боятся, как яркого солнечного света. Понятно, что объединение двух столь могущественных сил делало носящего малахитовый с солнцем талисман практически неуязвимым.

С легкой руки египтян в это поверил весь Древний мир.

И вот уже первые иудейские священнослужители, как предполагает исследователь того периода Майер, навешивают на себя нагрудные амулеты из этого камня (священный же), а на нем гравировуют имя «Хам». Для верности, чтобы иудейский амулет не путали с талисманом иноверцев-египтян, камень, из которого он был изготовлен, назвали «шохэм».

Достойным богов считался этот камень и древними греками. Они облицевали этим камнем колонны храма Афродиты в Эфесе. Видимо, это один из наиболее древних дошедших до нас фактов использования малахита как поделочного камня.

Древним грекам малахит обязан и своим теперешним названием — маляхэ, в переводе — «мальва».

«Чудесные» свойства малахита не были забыты и в Средние века.

В Италии его чтили за непревзойденное другими предметами умение ограждать владельца от влияния дурного глаза. Видимо, итальянцы пришли к такой мысли от сходства концентрически-зонального рисунка малахитов в некоторых его штуфах с формой зрачка глаза. А еще итальянцы называли малахит «павлин-камень», потому что и по форме и по цвету его рисунок походит на окраску павлиньего хвоста. В Италии амулетам из малахита придавали треугольную форму (так повелось ещё от этрусков) и оправляли камень в серебро.

В Германии малахит почитался как камень, предохраняющий от падений и вообще предостерегающий своего хозяина о приближении несчастья. В последнем случае он подавал ему знак, разрываясь на части.

Но особенное признание малахит заслужил на ниве охраны младенчества. Он признанный защитник детей. Весь Древний мир знал, что если к колыбели ребёнка привязать кусочек малахита, то все злые духи будут держаться поодаль от неё и спать он будет мирно и крепко.

Это свойство малахита почиталось и на Урале.

До начала XVIII века в основном тем малахит был и известен. Экзотический камень, не более. Для того чтобы малахит стал там популярен и как поделочный камень, надо было совсем немного. Надо было, чтобы нашли его достаточно много.

Вот это-то как раз и случилось в то время на Урале.

Первым было открыто Гумешевское месторождение, расположенное на нынешней северо-западной окраине города Полевского Свердловской области. Нашли его в 1702 году жители Арамильской слободы Сергей Бабин и Козьма Сулея. Нашли по следам древних разработок и не менее древним остаткам от плавки руд — «изгаринам». И позднее при разведке и разработке месторождения находили многочисленные следы деятельности рудознатцев и металлургов ушедших поколений: медные ломы, кожаные сыромятные сумы,

обрывки одежды, «изгарины», а однажды обнаружили и их останки. Историки датируют время этих древних разработок серединой — концом первого тысячелетия до н. э.

В 1735 году по распоряжению В.Н. Татищева казна приступила к разработке Гумёшевского месторождения. Но, видно, тогдашние царёвы металлурги достаточно не знали технологии обработки и плавки подобных руд. Завод работал в убыток. Так продолжалось до 1759 года, когда титулярный советник купец Алексей Турчанинов «выходил» в столице себе убыточный рудник вместе с Сысертским, Полевскими и Северским заводами. Турчанинов к этому времени прогорел на солеварении и крупно задолжал. Гумёшки были его последней ставкой; чтобы их заполучить, он, по собственному потом признанию, не одни башмаки износил и не одну площадь истоптал в столице, да и долгов это прибавило, ему, наверное, немало.

Турчанинов действовал не вслепую. Предварительно он показал гумёшевские руды своим пермским мастерам и они обдумали новую технологию выплавки меди. Знал Турчанинов и о частых находках малахита на Гумёшках. Новый хозяин, по всему виду, был рачителен и прибыль извлекать умел. Он сразу понял, что осваивать месторождение надо комплексно, что не только медь, но и узорный зеленый камень могут принести ему солидный куш. Вначале нашел мастеров. Затем организовал умелую рекламу. Для пропаганды камня щедро и широко дарил его музеям. Приглашал на Гумёшки ученых и коллекционеров. И всяко поощрял полевских мастеров творить разные поделки из него. И добился-таки. И толковая реклама сработала, и красота камня во всю мощь мастерами была показана — с 60-х годов XVIII века и навсегда уральские малахиты приобрели мировую славу. Не остался внакладе и Турчанинов. Своим наследникам он оставил два миллиона рублей.

Восприемники его дела хорошо понимали роль малахита в прибылях хозяйства. Не без умысла поклонился в 1789 году Турчанинов-младший Екатерине II полуторатонным голубой красоты камнем — и императрице угодил и престиж камня поднял. И вот уже используют цари его для дружеских подношений. Самым ценным подарком Александра I Наполеону счи-

тались стол, ваза и канделябр из малахита. Несколько высоко ценим стал этот камень, подчеркивает факт, что посещение малахитового рудника было включено в программу поездки императора Александра I на Урал в 1824 году наряду с посещением гремевших тогда на весь мир Миасских золотых россыпей. Есть даже картина — державный горщик любитесь своеручно добытой глыбиной этого камня. Добычу глыбы той ему, видимо, умело организовали, по аналогии с добычей пары золотых самородков, что император тоже своеручно намыл из двух либо трех тачек песка на реке Ташкутарганке.

Скоро Гумёшевское месторождение не могло уже удовлетворять спроса, все увеличивающегося и умело подогреваемого.

И тут подоспело открытие сказочно богатых малахитовых залежей на Меднорудянском руднике возле города Нижнего Тагила. Владельцы этого рудника, Демидовы, не растерялись. Им хорошо был ведом путь, надежный и кратчайший к прибылям. Из первых же крупных находок Анатолий Демидов велит вырубить малахитовый храм — восьмиколонную ротонду, изысканно-строгую и нарядную, и подносит ее Николаю I для установки в Исаакиевском соборе.

Но красный день в биографии Меднорудянского месторождения состоялся в 1836 году, когда несколько севернее шахты «Авроринской» был добыт уникальной величины малахитовый монолит. Специальную статью этой находке — «Колоссальная глыба малахита Тагильского меднорудянского рудника» — посвятил Санкт-Петербургский «Горный журнал». В статье отмечалось: «Тагильский же малахит, обнаженный от пород, заключающий в себе вес до 3000 пуд, имеющий плотное сложение и нежный бирюзовый цвет, есть произведение, которого до сих пор еще не встречали в коре земного шара... Малахит вид имеет мелко и крупнопочковатый и венчатый, цвета от темно-зеленого до высокого бирюзового, выходящего с превосходными к полировке фигурами. Если употребить сей малахит на украшения, то ими можно выложить поверхность в 13 440 квадратных вершков...»

По имеющимся материалам, эта находка и по сей день нигде в мире не превзойдена.

Теперь в России малахита стало достаточно. Ещё и по другому случаю находка состоялась вовремя. В 1837 году приключился пожар в Зимнем дворце. Надо было восстанавливать царскую резиденцию. И, подготовленный подношением Демидова, Николай I принимает предложение архитектора А.П. Брюллова восстановить сгоревший яшмовый зал зодчего Монферрана с заменой в облицовке колонн яшмы на малахит.

Пятьдесят тысяч рублей стоило казне изготовление на Екатеринбургской и Петергофской гранильных фабриках малахитовых пластинок для отделки колонн, других деталей этого зала из меднорудянского малахита. Хватило этого малахита и на огромную вазу, посланную в подарок Николаем I Фридриху-Вильгельму III в Берлин, где она и поныне хранится в Берлинском музее. Хватило и на множество ваз, столешниц, других всяких поделок, что сейчас хранятся в Эрмитаже и иных знаменитейших музеях мира, вызывая восторженное изумление и поклонение и искусствоведов, и знатоков камня.

Искусствовед А.Н. Воронихина: «В камнерезном искусстве того периода столешницы из различных цветных камней, отличающиеся красотой и яркостью, занимали значительное место. Но такого богатства сочетаний цвета, оттенков и рисунков, как это можно наблюдать в малахите, не встречается ни в одном камне. Столешницы начала девятнадцатого века выполнены сочно и живописно. Цвет и оттенки камня звучат в них в полную силу...»

Академик А.Е. Ферсман: «Надо посетить залы Эрмитажа, окинуть взором его вазы и чаши, надо в малахитовом зале Зимнего дворца научиться ценить этот кричащий вычурный камень, надо посмотреть эти достижения русской техники и искусства, чтобы сказать, что можно сделать из русского камня...»

Максимальная добыча малахита пришлась на годы, когда в России творили талантливые зодчие Монферран, Брюллов, Гальберг, Штакеншнейдер. Малахит хорошо пришелся к нарядной парадности барокко и изысканной витиеватости рококо — господствовавших тогда стилей архитектуры и искусства. И даровитые мастера широко применяли этот камень для архитектурной отделки и для изделий прикладного искусства. Вазы Гальберга и Штакеншнейдера, столешницы Монферрана, малахитовые колонны Брюллова, выпол-

ненные руками мастеровых Екатеринбурга и Петергофа, — сегодня национальная гордость России.

А еще малахит в старые годы шел на изготовление очень прочной зеленой краски. Наш современник ужасается: малахитом красили крыши. Действительно, посмотрев на сплошную зеленую бесчисленность крыш старого Полевского, можно ужаснуться: сколько же здесь размазано малахитовых шкатулок и эрмитажных ваз! Но не стоит уж слишком сокрушаться. Для приготовления краски использовали предки наши не поделочный малахит, а крошку от поделок из малахита, либо вовсе уж бросовый камень.

С годами запасы малахита на Урале уменьшались и к началу XX века практически истощились. Стали строго учитываться даже небольшие находки малахита. Администрация Меднорудянского рудника принимала в начале 1900-х годов чрезвычайные меры для предотвращения хищений малахита. Вся территория рудника была обнесена высоким забором. Вход и выход возможен стал для всех только через проходную, где проходящих подвергали досмотру и обыску. Руды, в которых мог быть малахит, подавались в специальное помещение, где глинистая порода старательно промывалась, а обнаруженные куски плотного малахита протирались и отправлялись в браковочный зал.

С уменьшением запасов малахита резко уменьшился и поток изделий малахитовой промышленности.

Это положение сохранилось и до сих пор. В любом сегодняшнем уральском ювелирном либо сувенирном магазине навалом экзотического чароита и сибирского тоже нефрита, есть изделия из яшмы, агата, родонита, змеевик пошел в ход, а малахита практически не бывает, разве что африканский завезут.

Видимо, кардинально положение может измениться только с открытием на Урале новых малахитовых залежей. Возможно ли это? Что говорят специалисты?

Крупный ученый-минералог, доктор геолого-минералогических наук, профессор Свердловского горного института Г.Н. Вертушков полагает, что:

«...Для возрождения в полном объеме малахитовой промышленности на Урале необходимо найти новые контактово-метасоматические месторождения меди типа Меднору-

дянска или Гумёшек, в коре выветривания которых будут окисленные медные руды и поделочный малахит. Выход малахита от количества меди в коре выветривания составляет около 1 %, следовательно, в новом месторождении... должны быть запасы меди порядка пятидесяти — ста тысяч тонн. В этом случае камнеобрабатывающая промышленность будет обеспечена запасами малахита в пятьсот — тысячу тонн».

В общем-то это месторождение меди средних размеров, меньше Меднорудянского в три-пять раз. Но его ещё надо найти. А помнится, А.Е. Ферсман говаривал, что руду можно найти там только, где она есть.

Профессор Вертушков полагает, что такая руда на Урале еще есть. Вообще, по его мнению, «...поиски контактово-метасоматических месторождений меди на Урале — одна из важнейших задач не только для обеспечения камнеобрабатывающей промышленности малахитом, но и для обеспечения медной промышленности Урала рудной базой...» Ведь «в прошлых двух столетиях на Урале большая часть меди была получена из того типа месторождений; достаточно указать такие месторождения, как Турьинские рудники, где медные руды добываются более двух столетий. Поиски этого типа месторождений за последние 70—50 лет были прекращены».

Действительно, усилия современных уральских геологов главным образом направлены на отыскание медных руд колчеданного типа (как южноуральские, к примеру) или меднопорфирового. Г.Н. Вертушков полагает, что «забытый» тип месторождений на Урале может быть выявлен, и перспективной для его поисков является огромная площадь в десятки тысяч квадратных километров, опосковать которую, по его мнению, даже не в состоянии одно поколение геологов. Поэтому поиски сейчас надо сосредоточить на наиболее перспективных участках, и Вертушков указывает их. Это заболоченные площади в районе Нейво-Рудянки — Кировграда и далее на север до Быньгов, район Левихи — Черноисточинска и многие еще места на Урале.

Может быть, он и прав.

Может быть, в скором времени вновь пойдет с рудников «большой уральский малахит», возродя его былую славу.

А что — может и быть.

Но у этой радостной надежды есть еще одна сторона.

Коль пойдет малахит, кто же его обрабатывать станет? Кто возьмет на себя нелегкую ношу носителя традиций непревзойденных уральских камнерезов?

Старые мастера ушли. Недавно умер и Оберюхтин. Умелец, каких поискать. Недаром его приглашали реставрировать малахитовый зал Эрмитажа. Умер и унес с собой секрет заделочной мастики — святая святых малахитчиков. Малахит ведь камень хрупкий, часто пористый, с раковинками. Для целостности рисунка эти поры и раковинки мастера заделывают мастикой, в состав которой входят воск, канифоль, толченый малахит, еще кое-что. Так вот, у всех почти что мастеров заплатки быстро тускнели на основном-то фоне, а оберюхтинская годы и годы стоит, и неотличима.

Последние свои годы Оберюхтин прожил почти молча. Он тихо возился со штучными работами в своем закутке на заводе «Уральский самоцвет» и лишь иногда тихо бурчал: «Разве же они камень работают?.. Им лишь стекло резать, а и то б поглядеть — доверил бы... К нему камень пришел... Погляди, что он есть, какого строю... Подумай, как его людям оказать. Нет, он хват, да сразу — шир-шир пилой. Норму накромял — и доволен. Одно слово — резун...»

И только немногим близким по духу людям он выговаривался: «Ведь в нашем деле что само важно? А то важно, что не ты рисунок камню даешь, а ты из камня рисунок вынимаешь. У каждого — от камня свой лик. Ты его и окажи. Ты камень-то огляди сперва. Камень — он блазнить любит. Кажись, уж все ухватил да увидел. Хват молоток. Ан еще погоди. Околтать всегда успеешь. У молодого рука да глаз скорые да неточные. Чуть-чуть не доглядел — вся красота и ушла в обой. А тогда не поворишь. Неспешно еще разок огляди, да смекни. Камень — он тоже сурьезный подход чувствует. И тогда уж себя непременно окажет».

А разошедшись, понимающим ученикам показывал и как узорную поделку из малахита набирать:

— Самый простой набор — это ленточный. Напили из корпусного камня дощечек и складывай, чтобы лента вилась. Это простой набор. А то есть еще набор «мятым бархатом». Для него идет... Мастер открывал какой-то ящичек и доста-

вал небольшую плитку зеркально отполированного мелко-узорчатого малахита, — ... камень «кудреватого» сорта. Режешь его аккуратненько — и прилаживай. Красота, кто понимает. Чинил я одну такую вазу в Эрмитаже...

Мастер замолкал. То ли вспоминал, то ли по-стариковски отдыхал... Его не торопили. И спустя немного он продолжит:

— Посложнее будет набор глазками. Для этого напилишь из бирюзовых почечек дощечек ровненьких и составляй с пониманием. Тут уже хорошая сметка нужна, чтобы все дощечки в узор сплести, а не просто все их на одну доску скласть. Как в этом наловчишься, берись за набор на две стороны. Это как узор к зеркалу поднести, да так их вместе и скласть. Работа эта выдумку любит. Часто делают так — режут узор пополам и обратно складывают. А кто с выдумкой, тот бабочку подберет, аль еще кого покрасивше. Иногда годы уйдут, пока рисунок найдешь да камень подберешь.

И опять умолкал мастер. Обведет взглядом учеников, помолчав: не устали? Не устали, внимание в глазах. Тогда и продолжит:

— А еще повыкрутасистей — набор на четыре стороны. Здесь много камня переберешь, пока сберешь потребные дощечечки. Мудреный узор. Как делаешь-то. Разделил круг начетверо, и складывай по четвертинкам, да чтоб сходно во всех было. Большая работа. Но и красота большая... А собирать лучше на железном листе, в крайности на дереве. Поклеишь все, тогда швы да ямочки и заделывай. Коли «мягкий бархат» работал, там можно швы со щебеночной класть. Набил малахиту меленько, да с мастикой и заложил. В другие набери швы лучше делать прямые — удобнее так поделку-то складывать. А уж коли узор на камне напрямую его резать не дает али поделка такая, веди кривой шов. Работы, конечно, поболее, да делу получше. Только плотненько подгоняй. Да мастику-то клади на горячий камень — так она лучше во все поры пройдет...

В хорошую почву сеял умение старый мастер. Славны его ученики. Из них — Бакулин Владимир Яковлевич — главный художник завода «Уральские самоцветы», член Союза художников СССР...

И он уже ныне покойный...

Добрых мастеров-камнерезов готовило в своё время Екатеринбургское художественно-промышленное училище. Недаром его выпускников без испытаний брал к себе на работу знаменитый мастер Фаберже.

В советское время преемником традиций художественно-промышленного училища стало известное в городе Свердловске училище № 42, начавшее свою работу первого сентября 1945 года. Большая гордость училища — его музей. Все экспонаты здесь сработаны его учениками. И сработаны знатно. Вот кубок «Мир» — участник выставки в Лондоне в 1962 году.

Шкатулка из яшмы выставлялась в Брюсселе в 1958 году.

Есть, конечно, здесь и «малахитовая шкатулка». Её представляли в 1964 году на Выставке Достижений Народного Хозяйства, в Москве. И вообще, училище имеет на этой выставке свою постоянную экспозицию. В 1984 году удостоили его экспозицию дипломом I степени.

Значит, живо мастерство?..

Но хмур общественный смотритель музея, мастер-камнерез Анатолий Александрович Кузнецов, элегантный интеллигент с широкой плоской ладонью мастерового.

— Конечно, — говорит он, — и сейчас есть толковые ребята. Вот в моей группе в 1985 году окончили Володя Елисеев, Пыжьянов, еще кое-кто — камень уже видят, понимают. Да ведь их до толку-то учить да учить надо. А где учить? Раньше у нас камнерезных мест рабочих было шестнадцать, а теперь всего три. А с другой стороны взять. На чем учить? Учебника стоящего нет. Так вот из рук в руки только навык и передаешь. И еще. Учиться у больших мастеров надо бы. А где они, мастера? На весь Свердловск осталось только три члена Союза художников — камнерезов по твердому камню. Это в камнерезной-то столице России!

Хмур и сосредоточен мастер. Говорит он, а руки его заняты. Бережно, даже нежно пеленают они в бумагу ребячьи работы из музея: готовится мастер к походу в дальнюю школу, на урок профориентации...

Этажом ниже, прямо под музеем, зал, где установлены шлифовальные станки. Почти все они включены, гудят, и у одного забрызганный полировочной зелёнкой веснушчатый паренек деловито протирает ветошкой какую-то замысловатую выточку из бирюзового малахита. Видно, не привлекла его простая работа — снял фасочку, и гуляй. Пошёл за рисунком, заложил сложный срез в поделку.

А что, может, камень ему себя и окажет...

ЗОЛОТО

Уралу, уральцам — особая честь в истории русского золота. И потому, что именно на Урале первую русскую залежь самородного золота нашли, и потому, что не кем иным — уральцами открыты богатейшие золоторудные провинции в Сибири, ставшие и поныне основой процветающей мощной золотопромышленности страны.

Золото долго не давалось в руки русским рудознателям. Издревле, казалось бы, всем было ведомо — много в уральских недрах драгоценного металла. Загляните в труды Геродота. Этот ученый, «отец истории», жил в V веке до н. э. Он собрал и записал очень многие и поныне не потерявшие ценность сведения о жизни давно ушедших народов и государств. Немало страниц Геродот посвятил золоту скифов. Он не знал достоверно, где они брали металл для изготовления многочисленных золотых вещей, но приводит несколько легенд об этом. По одной из них, скифы брали золото в Рифейских горах, где было его видимо-невидимо, поскольку оно ежегодно прорастало там из глубин земли обильными пшеничными стрелами и затем, подобно зернам с перезревшего колоса, осыпалось на землю драгоценными крупинками.

Если вдуматься, в этой легенде примитивно понята и изложена принятая повсеместно и бытующая до сих пор гипотеза о происхождении многих золотых залежей. Из раскаленных недр к поверхности по пронизывающим земную кору разломам и трещинам вздымались струи золотоносных

горячих растворов. Проникая в верхние, уже остывшие горизонты горных пород, они остывали и становились стутками и ниточками драгоценного металла в ветвящихся кварцевых жилах. Примерно так формируются многие так называемые «коренные» месторождения золота.

Описанный выше процесс происходит большей частью в горах. Горы с годами разрушаются. Многие ветви кварцевых жил появляются на дневной поверхности, и здесь, под действием воды, льда и солнца, раскалываются, дробятся, высвобождая, рассыпая вокруг кусочки, крупницы драгоценного металла. Ручьями, речками, вешними потоками эти кусочки сносятся в речные долины, где они, тяжелее намного по удельному весу всех обычных песчинок, скапливаются на дне, образуя золотые россыпи.

Просто диву даешься: разве не запечатлен в легенде Геродота этот процесс?

Сохранились и достоверные сведения о древнем уральском золоте. Сегодня мы располагаем точными сведениями о том, что золотодобыча на Урале велась уже в древнейшие времена.

Вот, к примеру, документ*, датированный 1670 годом: «В прошедшем, во 7177-м** году, в ведомостях Сибирской губернии из Тобольска показано, что в Тобольском уезде, около р. Исети и по окружности оной, русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые и серебряные вещи и посуду, чего ради велено взять известие: откуда те татары в прежние времена такое золото и серебро получали, или из какого государства оно к ним привожено было? На то в ответствии далматского монастыря от старца именем Лота объявлено: что от башкирцев уведомился, в башкирском-де дистрикте за каменными горами при устьях (вернее, в вершинах. — *Примечание историка.*) рек Уфы, Гадая и Яика, в горах бесчисленное сокровище золотых и серебряных руд обретается, и в прежние времена старинные сибирские татары и калмыки из тех гор золотую и серебряную руду

* В. Радлов. Сибирские Древности. СПб., 1891 г.

** 7177 году по летоисчислению от Сотворения мира или в 1669 году по принятому сейчас летоисчислению.

добывали и плавляли; что-де и ныне те признаки плавильных печей и копанных ям видны, и об оных рудах те башкирцы нагайской нации у престарелой женщины, которая была в полону в улусе царевича Рючука и оной от роду имелось более ста лет, — уведомились, что в древние лета оные люди, которые в тех местах жили, означенную руду копали и плавляли». «...И по тому старцеву объявлению для подлинного проведения и свидетельства означенных гор посланы были из Тобольска некоторые служилые люди, которые в том свидетельстве объявили, что около помянутых гор нашли они реку, называемую Тасми, которая впадала в реку ж Вай (точнее, в Ай. — Примечание историка.) и гора обстоит в длину на семь верст, шириною в одну версту, а в вышину на 200 сажен и больше. На оной горе никакого жилища не имеется токмо башкирское кочевье, или жилище, от оной горы расстоянием состоит на один день или с небольшим езды. И от того их жилища на оной горе проложена дорога, по которой они, приезжая, из оной горы добывают золотую и серебряную руду, и из оной выплавляют золото и серебро, и тайным образом продают российскому народу по 12 рублей пуд».

А вот интересное сообщение В.П. Яркова, известного деятеля уральской золотопромышленности и писателя:

«На Султанском прииске Рамеевых, расположенном на реке Султанке, правом притоке реки Кизил, во время работ были обнаружены следы древней разработки золотоносных кварцевых жил при помощи каменных орудий. Найдены куски дробленого кварца, а на обнаженных верховой разработкой жилах установлены следы простого соскабливания капленности металлического золота...

На этом же прииске, наряду с коренным, добывалось и россыпное золото. В золотоносном песке были найдены медные или бронзовые орудия, проушный топор, долото и два куска глиняного сосуда. Найденные предметы датируются примерно тысячным годом до новой эры».

По данным Д.Д. Соколова, «...на зауральских приисках бывшего Орского уезда при выборке золотоносного песка были найдены три обломка каменных орудий, поступившие

затем в Оренбургский музей. Один из обломков сопровождался черепками глиняной посуды с орнаментом».

Как видим, истоки для возникновения звенящих изобильным золотом легенд и преданий были самые весомые.

Розыски золота русскими на Урале начались сразу же после 1472 года — завоевания князем Федором Пестрым «пермской земли». Но дело оказалось далеко не простым. Золото не давалось. А новые подданные царя, очевидно, не жаждали делиться с пришельцами тайнами его местоположения. Разуверившись, по всей видимости, в доморощенных рудознатцах, Иван III обратился в 1486 году к венгерскому королю Матвеем Корвину и австрийскому императору Фридриху III с просьбой прислать мастеров, которые бы умели выискивать золотую и серебряную руду: «...понеже (как писал царь Корвину) в моей земле руда золотая да серебряная есть, да не умеют ее разделить с землею». Уже в 1491 году первые иностранные рудоискатели, «немцы Иван да Виктор», возглавили поисковые работы в Северном Приуралье.

Несмотря на все усилия и помощь иностранцев, золото на Урале не было обнаружено еще на протяжении двухсот пятидесяти лет. Первое же «домашнее» золото в России было получено в начале XVIII века*, после открытия в Сибири в 1689 году знаменитых Нерчинских месторождений серебряных руд. Промышленную разработку этих месторождений начали в 1704 году. А через десять лет, в 1714 году, любознательный пробовальный мастер первой химической лаборатории России — «Купецкой палатки» — Иван Мокеев, произведя по собственной инициативе пробы доставленных из Нерчинска руд, установил в них значительную примесь золота. И в жарком споре с иностранцем-пробирером доказал техническую возможность его извлечения из исходных руд. В 1719 году Мокеев начал систематическую работу по выделению золота из нерчинских серебряных руд, дав Рос-

* Вообще, летописи сообщают, что небольшое количество золота (вряд ли более 200—500 грамм) было найдено в 1497 году на реке Цильме. Царь Иван III несказанно обрадовался находке и повелел отлить из этого золота медаль своей дочери Феодосии. На большее цильминского золота не хватило. Конечно, эту находку нельзя признать сколь-нибудь значимой в развитии золотой промышленности на Руси.

сии первое отечественное золото. Одновременно он показал потомкам замечательный пример комплексного использования месторождений минерального сырья. Правда, золота из нерчинских руд извлекали не очень много. С 1719 до 1747 года Мокеев получил всего 1 пуд 5 фунтов (18 килограммов) драгоценного металла.

Но в дальнейшем подвижнический труд Мокеева стал практически не нужен.

Россия получила наконец залежи своего самородного золота. Они нашлись на Урале.

Первооткрывателем российского самородного золота стал крестьянин, раскольник из деревни Шарташ Екатеринбургского ведомства Ерофей Марков. Это произошло 21 мая 1745 года.

Вот как описано знаменательное событие в документе тех лет: «1745 года мая 21 дня в здешней (Екатеринбургской. — Л.С.) канцелярии главных заводов правления помянутый раскольник Марков объявил и сказал сего же года до Николина или после Николина дня, а подлинно в который не упомнит, едуци он в проезд от той Шарташской к Становской деревне, отъехав версты с три, усмотрел между Становской и Пышминской деревнях дорог наверху земли светлые камушки, подобные хрусталу, и для вынятия их в том месте землю копал глубиною с человека, сыскивая лучшей доброты камней. Только хороших не нашел и между оными нашел плиточку, как кремешок, на которой знак с одной стороны в ноздре как золото и тут же между камешками нашел таких же особливо похожих на золото крупинки три или четыре, а подлинно не упомнит...»

Марков предъявил в Канцелярии «...один камешек, в коем находятся частки, подобные золоту». Конечно же, тот камешек был немедленно опробован. «...В объявленном камешке, по усмотрению Канцелярии, явилось, что в оном подлинно имеется малыми частицами самородное золото...»

От первой находки до первого месторождения еще много воды утекло. И отчаивались, и Маркова чуть жизни не лишили, озлобясь, что золото не сразу в руки далось. Но, по всему, под счастливой звездой родился раскольник Марков, легкий был у него глаз. Именно там, где впервые выкопал

он «камешок с частками, подобными золоту», в 1747 году была заложена шахта, давшая начало богатому руднику, известному как Первоначальный. С 1748 года в нем добыли около 340 килограммов драгоценного металла.

Рудник этот поистине оказался первоначальным. В его окрестностях к началу XIX века было выявлено еще около 70 золоторудных мест, почти на каждом из которых были заложены и работали рудники. Постепенно выяснилось, что Марков открыл месторождение мирового класса — уникальное Березовское месторождение, вошедшее в геологические учебники всех стран мира. К 1806 году счет золота, добытого здесь, шел уже на сотни пудов.

Находка Маркова вызвала к жизни золоторудную промышленность России. Поэтому думается, надо привести хотя бы краткие сведения: кто он, откуда, как попал на Урал.

Пожалуй, исчерпывающе о том сказал известный краевед Н.К. Чупин в книге «Географический и статистический словарь Пермской губернии». Книга вышла в 1873 году. В ней при описании Березовского месторождения автор посвятил несколько строк и его первооткрывателю: «...одновременно с Екатеринбургом завелась в 6 верстах к северо-востоку от него довольно людная деревня Шарташ при озере того же имени, населившаяся пришлыми из разных мест внутренней России (преимущественно из Балахны и с р. Керженца) раскольниками, между которыми было много ремесленников и торговых людей. Многие из них переселились вскоре потом в Екатеринбург, что весьма много способствовало его экономическому развитию. В числе первых поселенцев-раскольников был Ерофей Марков из Московского уезда, крестьянин Троице-Сергиевского монастыря, пришедший на Урал в 1724 году (как это видно из переписной книги 1735 года)...» А в книге написано: «1735 года Перепись живущим в Екатеринбурге городе и за городом и в деревнях Варташской и Становской незаписным, с пачпортами и без пачпортов, кои имеют раскол неремесленные, живущие для купечества и работы и в раскол впади в малых летах по наущению родителей своих... В Екатеринбурге... Ерофей Марков, Московского уезда, Вохонской волости с 1724 года... В своем дворе Ерофей Марков сын сказал се он от роду 40 лет

у него сестра родная Ксения 20 лет. Родом он Московского уезда, Вохонской волости деревни Демидовы Троице-Сергиева монастыря крестьянин. Здесь живет по данному пашпорту со штапного двора Коломенского полку с 724 г. В раскол впал в малых летах по наущению родителей своих, понеже и родители его в таком же расколе были и в оном расколе в оклад нигде не полаген и за раскол денег не плачивал. А ныне желает в оный раскол в оклад приписаться с сестрою здесь при Екатеринбурге и за раскол платить деньги». Кстати, это немаловажно, что Марков раскольник. Ведь, как свидетельствует Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, «раскольники были отличными работниками, самыми надежными поставщиками разных припасов, и, особенно, были полезны по части приискания новых руд». Подчеркнем: имение «по части приискания новых руд».

И хотя основной их деятельностью была крестьянская работа, кержак Марков, как и многие его братья по вере, кроме крестьянской работы, пробавлялся еще поиском и продажей «строганцев» и «тумпасов» (так в старину назывались кристаллы горного хрусталя). И в счастливый для России день он отправился набрать кристаллов (видимо, по заказу) для икон Троицкой лавры.

Удача кержака подняла на поиски золота многих уральцев. Воистину можно сказать, что последовавшее затем выявление золоторудных месторождений Урала было делом всенародным. Кого только не найти в списке первооткрывателей! Здесь и екатеринбургские рудоприказчики Петр и Степан Бабины, и невьянский крестьянин Полевин, казак Иванов и рядовой Попов, и многие, многие другие.

Остановимся на нескольких этапных открытиях.

9 июля 1797 года. Официальная дата открытия миасского жильного золота. Честь его обнаружения принадлежит профессиональному рудоискателю обер-берггауптману 3-го класса Евграфу Мечникову. Это было первое золото Южного Урала.

17 января 1799 года. В Канцелярию главного заводов правления в Екатеринбурге поступило донесение от отставного казака из Чебаркульской крепости Родиона Волхина: «Прошлого 1798 года, найдены мною той же губернии от

Санарской крепости в 10 верстах по течению реки Санары на левую сторону в горе прииски: первый примерно от оной реки в одной, от того в пяти, а третий в четырех, а от него четвертый в одной версте...» Так было открыто одно из самых известных месторождений золота на Урале — Кочкарское. В том же году границы месторождения уточнились находками казака Уйской крепости Спиридона Фоминых и его товарищей.

1814 год. Красная дата в истории уральской, российской и мировой золотопромышленности. В этот год на Урале было сделано эпохальное открытие — впервые в России обнаружено россыпное золото. Немного найдется в истории цивилизации геологических открытий такой значимости для жизни целой страны, как это. Вот лишь одна сторона появления уральских россыпей. До их открытия доля России в мировой добыче золота едва достигала трех процентов. Вскоре после начала разработок россыпного золота Россия стала ведущей золотодобывающей страной планеты.

Нашел первую россыпь золота на Урале Лев Иванович Брусницын. Он не был случайным человеком в горном деле. Сын мастерового, на одиннадцатом году жизни поступил промывальщиком на Екатеринбургские золотые прииски. Выучился грамоте и быстро — сметливый, упорный, труд любит — пошел вверх. К тридцати годам он уже технический директор крупной по тем временам золотопромывальной фабрики. Затем становится руководителем ряда больших промыслов. Его опыт и хватку ценили. Посылали осваивать новые производства, «вытягивать» отстающие — по всему Уралу и даже в Сибирь.

Брусницын имел значительные успехи в золотоискательном деле. В частности, обнаружил новые участки богатых руд на уфалейских месторождениях. Хорошее знание коренного золота и помогло Брусницыну сделать вершинное дело жизни — открыть россыпное. При обследовании отвалов Березовского рудника Петропавловской фабрики он обратил внимание на две крупинки металла, совершенно не похожие на прошедшие фабричную обработку. Дело в том, что золото коренных руд после протолочки и промывки кварцевых жил становится расплюснутым, имеет рванины по краям. Найденные крупинки были более светлого цвета, округлые, без

всяких следов прохождения через дробильные толчеи. Россыпное золото! Многих трудов стоило Брусницыну найти место, откуда попали необычные золотишки в его лоток, он добрался до богатых золотоносных песков.

Л.И. Брусницын составил «записку» о своем открытии: «В 1814 году я нередко промывал пески прежде протолоченных руд... так как они, от несовершенства их до того обработки, заключали в себе еще довольно золота, и тем умножал вымывку его».

Отметим: Брусницын тогда уже тогда руководил работами фабрики, но тем не менее лично мыл песок, чтобы уменьшить отходы производства. «Вот была, — писал Брусницын, — радостная для меня находка; это было все равно, что блуждавшему в море и потерявшему уже надежду, вдруг попасть на берег. Тогда я, кажется, горы срыл бы земель и пустился отыскивать пески золотые...» Кончается записка тоже характерно: «О! Такая это была радость, которой нельзя передать... Надобно сказать, что ощущать такой восторг в целую жизнь доводится немногим. Я доньше и в особенности видя теперь такое развитие золотого промысла, источники которого доставляют государству нашему огромное богатство, не могу вспомнить об открытии без особенного восторга».

Брусницын, несмотря на сделанное им для отечества, в служебных чинах далеко не вышел. В отставку в 1845 году отправился в незначительном по его трудам звании оберштейгера и с незначительной наградой — серебряной медалью для ношения на шее. А память о сделанном им постепенно стерлась. Его постигла частая участь благодетелей своего народа: его просто забыли. В этой связи хочется сказать вот еще что.

15 января 1987 года исполнилось 130 лет со дня смерти Л.И. Брусницына. В России было напечатано только одно газетное сообщение в год кончины о нем — в «Санкт-Петербургских ведомостях». Потрясенный автор писал: «Кто-то из почитателей его заслуг сказал однажды чрезвычайно наивно: “Льву Ивановичу, по всей справедливости, следовало получить чин коллежского регистратора, но он не искал этого”. Мы же думаем, что он сошел в могилу, если не коллежским регистратором, зато истинным благодетелем тех, которые разумно воспользовались его открытием, и надеемся, что со

временем имя Брусницына займет почетное место в истории нашей промышленности и капиталы, возрождения которых он был виновником, — дадут процент на сооружение памятника русским открывателям золота».

Советские исследователи отвели Льву Ивановичу достойное его место в истории российской золотопромышленности. А вот до памятника разговор пока не дошел. А жаль...

Открытие Брусницыным нового типа золоторудных месторождений — легкообогатимого, доступного для отработки самыми примитивными способами и даже одному человеку — положило начало волне русской золотой лихорадки. В короткое время стихия искательства явила миру беспрецедентные золотые клады Урала, Алтая, Сибири.

Даже царствовавший тогда Александр I не мог устоять перед манящим признаком старательского «фарта». Дело было так. В 1824 году, недалеко от мест, где Евграф Мечников обнаружил первое южноуральское золото, на маленькой уральской речке Ташкутарганке, приток Миасса, была найдена богатейшая россыпь, на которой заложили прииск и назвали его Царево-Александровским. 23 сентября того года на «свой» прииск пожаловал сам император. Он потребовал старательский инструмент, чтобы лично попытаться счастья. 22 пуда песка перелопатил «государь Всея Руси», и был по-царски вознагражден его пот. В этой гряде песка обнаружился более чем трехкилограммовый самородок золота. Правда, легенды говорят, что подбросило его под царскую лопату услужливое приисковое начальство.

В свой «золотой век» — первую половину прошлого века да и позднее — Урал из года в год изумлял своими сокровищами. Особенно находками уникальных даже по мировым меркам самородков золота. Они чаще попадались старателям Южного Урала.

Именно здесь были найдены самые большие самородки в истории русской золотодобычи. Каждый из них удостоился имени. Наиболее известны самородки «Большой треугольник», «Большой» и «Малый Тыелгинские», «Заячьи уши».

Самородок «Большой треугольник» весом около 32,04 кг до сих пор чемпион в истории отечественной золотопромышленности. Найден он был тоже возле речки Ташкутарганки.

К 1842 году знаменитые Царево-Александровский и расположенный рядом с ним Царево-Николаевский прииски почти совсем оскудели. Недолго век золотых россыпей. От знаменитых недавно еще месторождений остался невыработанным только один целик пород — под золотопромывательной фабрикой. Решили фабрику разобрать и промыть оставшиеся пески. 26 октября 1842 года под самым основанием фабрики и была обнаружена эта редчайшая по размерам глыба золота в 2 пуда 7 фунтов 92 золотника весом. И это была не единичная находка. Под фабрикой сохранялось необыкновенно богатое гнездо: из одного пуда намывали до 300 грамм золота, здесь же было найдено еще более полусотни самородков весом от одного до семи фунтов. Уникальный клад природы.

Тыелгинские самородки также были обнаружены возле города Миасса. На речке Тыелге, левом притоке Миасса, находился заброшенный Староандреевский прииск, работы на котором велись в 30—40-х годах прошлого столетия. Потом работы там по неизвестным причинам прекратились. Ходили слухи, что богатейшую золотую жилу скрыли рабочие, обзлившиеся на начальство прииска. В 1935 году на старую шахту пришла бригада старателей А. Сурова. За считанные дни разработки в шахте было добыто более 40 килограмм золота, и среди них два уникальных самородка — «Большой» (весом 14 кг 231 г) и «Малый» (весом 9 кг 386 г) Тыелгинские.

Вообще 1935 год был счастливым для южноуральских старателей. К югу от Миасса, недалеко от Царево-Александровского прииска, после Октябрьской революции переименованного в Ленинский, чуть ли не на обочине дороги старатель Петр Симонов решил пройти шурф. Дело было в октябре, земля промерзла и очень туго поддавалась. Притомившийся старатель присел отдохнуть. Мимо проходили две девушки. Озорные, решили они «утереть нос» мужику. Недолго думая, взяли у него лом и кайло и быстро сняли мерзлый слой! «Теперь, мол, старайся!» И убежали, смеясь. Симонов, отдохнув, подошел к шурфу и не поверил своим глазам: прямо под слоем обледенелой земли выказался нестерпимым блеском самородок золота. За удивительную похожесть на головку зверька самородок получил название «Заячьи уши». Веса у самородка оказалось 3 кг 343 г.

История открытия уральских залежей золота хранит и другие курьезные случаи.

Есть выражение: «открытие на кончике пера». Это когда кто-нибудь приходит к находке на основании долгих бдений за письменным столом, в результате сложных вычислений и умозаключений, работы пером по обработке косвенных данных.

А одна из крупных золотоносных жил на Урале была открыта... по анализу художественного произведения — анализу, написанного другим пером. Было так. А.П. Серебровский, начальник управления «Главзолото», любил художественную литературу. Однажды ему в руки попал роман Мамина-Сибиряка «Золото». Сюжет романа строился на описании горестной судьбы горного мастера, которому колоссально повезло — он нашел жилу, содержащую очень много золота. Но... находка не принесла старому штейгеру покоя и удовольствия. Напротив, его семью стали преследовать несчастья. Погиб старший сын, куда-то сгинула дочь. Решив, что корень всех бед его — в найденной жиле, он в припадке яростного безумия затопил шахту с жилой и сам погиб при этом.

Серебровского поразили не красоты стиля писателя и не тонкие сюжетные находки повествования. Он, много работавший на Березовском месторождении, с удивлением обнаруживал в описаниях Мамина-Сибиряка многочисленные точно примеченные детали и расположения жилья жителей рудничных поселков и описания тамошних шахт и даже геологического строения участка. Справился — действительно Мамин-Сибиряк писал этот роман по фактам жизни березовцев. Тогда он приказал проверить по архивам, были ли такие случаи на шахтах в Березовске. И действительно, в одном из документов была описана точно такая ситуация... «впав в безумие, затопил шахту». Серебровский приказал отыскать эту шахту, и если действителен таковая окажется, откачать из нее воду и поглядеть, может, в самом деле там есть что-то стоящее.

Эта шахта была названа Адамовская. И дала стране немало золота.

В XIX веке золотые россыпи Урала разрабатывались столь интенсивно, что, по мнению многих специалистов, к началу

Первой мировой войны на Урале не осталось россыпей нетронутых. Перспективы золотодобычи здесь не вызвали оптимизма тогдашних ученых. Преобладающее мнение выразил в 1897 году В.Я. Кричевский, написав в журнале «Научное обозрение»: «Пройдет еще немного времени, как на Урале будет брошена на вашгерд последняя лопатка золото-содержащих песков». Так он подвел итог докладам о состоянии золотой промышленности Урала на состоявшемся тогда Международном геологическом конгрессе.

Суровый приговор. Но позднее появились и другие мнения. Так, известный исследователь Урала Е.Н. Барбот-де-Марни писал в опубликованной в 1910 году книге «Урал и его богатства»: «Количество известных коренных месторождений золота на Урале с содержанием, вполне дающим возможность выгодной их эксплуатации, и не требующих особенно сложных методов добычи и обработки, весьма значительно, начиная с самых северных районов и кончая южными приуральскими степями. Но число разрабатывающихся кварцевых жил, не говоря уже о других типах коренных месторождений, сравнительно невелико... Нет никакого сомнения, что разработка коренных месторождений на Урале еще находится в зачаточном состоянии и что с течением времени центр тяжести золотого дела переместится с россыпью на коренные месторождения».

Далеко смотрел ученый. На Урале сейчас действительно разрабатываются активно несколько месторождений коренного золота.

Но и россыпи еще рано списывать со счетов.

В 1942 году знаменитый геолог, академик В.А. Обручев написал: «Целый ряд опытов, выполненных в разное время и на разных приисках Союза, выявили с полной убежденностью, что в отходах промывки золотоносных россыпей содержится золото в количестве, часто в несколько раз превышающее количество, добываемое при промывке и могущее быть извлечено. Ни одну россыпь нельзя считать окончательно выработанной и в общем запасы золота в россыпях Союза очень велики».

Так что не стоит раньше времени списывать Урал из золотодобывающих провинций планеты.

Об этом говорит и современное состояние золотодобычи в мире и на Урале, в частности...

«Золото нужно всем, везде и всегда. И так будет вечно!» — утверждал еще в стародавние времена древнегреческий философ.

XXI век доказал — развитие цивилизации только повышает запросы общества и промышленности на этот замечательный металл. После некоторого периода спада мировых цен за золото, весьма, кстати, кратковременного и незначительного, на мировых рынках вновь улучшается его конъюнктура. И хотя прежние мировые лидеры золотодобычи — Южно-Африканская республика, Северная и Южная Америка — несколько снизили объемы извлечения из недр валютного металла, это было немедленно, и с лихвой, компенсировано. Серьезно увеличили добычу золота Индонезия, Австралия, Китай. Хотя и в Южной Америке она не везде уменьшилась. Добавила свой взнос в рост мировых его запасов бурно развивающаяся республика Перу.

В 2003 году рудники и прииски мира выдали 2600 тонн золота. Астрономическая цифра...

Россия, некогда лидер мировой золотодобычи, не отстает. В 2003 году ее шахтеры и старатели поставили около 180 тонн золота. Немалая доля. И тоже добавили — выдали на 6 почти тонн больше, чем в предыдущем году. Стабильно наращивают добычу и предприятия Урала. Свердловская и Челябинская области и сегодня идут здесь в первых рядах. И, что приятно отметить, в крае увеличивается число золотодобывающих предприятий. Если в 2002 году на Урале работали на драгоценный металл 12 приисков и рудников, то в начале 2003-го — уже 18. А всего на сегодня запрошены и выданы около 30 лицензий на разведку и разработку уральских коренных и россыпных месторождений золота.

Поэтому обоснованными видятся расчеты, что в 2010 году страна получит уже 205 тонн, а в 2020 году — 235 тонн этого металла.

Помогают росту добычи и применение новых приемов извлечения металла из недр.

Самый разительный пример — отработка коренных месторождений. Теперь металл из них все чаще извлекают не шахтами.

На Светлинском руднике, в частности, золото добывают методом кучного выщелачивания. Это когда в землю через один строй скважин закачивают химические реактивы, а другим строем их, уже обогащенных золотом, откачивают.

На Березняковском добыча идет другим способом — бактериального выщелачивания. Нашли таких инфузорий-сластен, что приобрели вкус к ауруму, питаются им. Вот и удалось применить это их свойство при разработке месторождений. И небезуспешно. В 2002 году такими способами из 400 тысяч тонн руды было получено почти полтонны золота. И с намного меньшими затратами.

В заключение добавим: золото было и остается основой экономической устойчивости стран. В золотовалютных резервах Центрального банка России на 1 ноября 2005 года из 165 миллиардов долларов 3,7 миллиарда приходится на золото...

КАМЕННОЕ МАСЛО КАМЕННОГО ПОЯСА

Уральцам нефть, гудрон, асфальт были известны с незапамятных времен. В старинных хрониках сохранились описания, как башкиры разводили костры в ненастную погоду. Они поливали их каменным маслом. Да и упоминания о нефтепроявлениях многократно встречаются в тех же хрониках. Правда, чаще всего при описании неприятных житейских ситуаций у переселенцев. Например, приводилось с досадою бросать уже почти законченные колодцы. Нередко получалось: не успевали добраться до воды, как поверх нее образовывалась радужная пленка и из сруба начинало разить дурным запахом.

На Урале исстари знахари собирали лепешки гудрона, использовали его, обкладывая больные места. Хорошо помогало от ломоты в костях, нутряных хворей. Быстрее заживлялись раны.

Известно, что чуть ли не в самые первые годы своего царствования Петр I повелел набрать боченок нефти из печорских болот и отправить на исследование голландским медикам. Пусть определяют, на что можно употребить. Задумав выпускать в России газету, он в первом же номере приказал поместить такую заметку: «Из Казани пишут, на реке Соку нашли много нефти и медной руды...» Кстати, на реке Сок раскручивалась через два столетия вся интрига поисков нефти в уральских предгорьях.

Первым естествоиспытателем, который описал места на Урале, где встречаются нефтепроявления, был Петр Иванович Рычков — первый член-корреспондент Российской Академии наук — в 30-е годы XVIII века. В своей фундаментальной работе «Топография Оренбургская» он перечисляет ряд мест, где будущие исследователи обнаружат богатейшие месторождения. Вот выдержка из его труда: «...На заяицкой же степи, от Оренбурга в полуденную сторону верховой езды дней двенадцать, в вершинах реки Сагыз (коя впадает в реку Эмбу), на степи, в полуверсте от той речки, сказывают, есть нефтяное место, кое по тамошнему Смольным называют, в длину сажен на полтораста, а в ширину до ста сажен. Сия материя завсегда поднимается, опускается и расплывается, так как бы кипела, но не горяча, и ежели верблюд или лошадь зайдет в сию место, то так увязнет, что и вытащить невозможно. Такой тяжелый тут дух, что никакая птица сего места перелететь не может...» А ведь это прямое указание на перспективы найти большую нефть на южном фланге Урало-Волжской нефтяной провинции.

Много еще подобных мест указал П.И. Рычков. Среди них упоминалась и река Сок, как и нефтяные ключи по речке Нармаде.

Именно на этих ключах и было затеяно первое, вероятно, в российской истории нефтеперерабатывающее предприятие. Задумал его местный житель, башкир Набир Уразметов, волостной старшина по должности. В 1752 году он затеял на свой страх и риск обследование выходов нефти на Уфимском уезде. Причем целью его было приискать надежное место для заведения предприятия по добыче и расфасовке целебного «горного масла». Он бомбардировал необычны-

ми просьбами столицу. Наконец упорство башкирского старшины было вознаграждено. Берг-коллегия дозволила-таки ему возведение небывалого заводика. И строил он его усердно несколько лет. Только смерть оборвала исполнение мечты этого пионера российской нефтепромышленности на уральской земле.

Труды Рычкова и Уразметова не остались незамеченными. Наверняка памятью о них, академик Иван Лепехин, объезжая в научной командировке уральские земли, в 1770 году сделал пометочку в своих записках «о небольшом ключике горной нефти, которую испускала из себя жила каменного угля», и о густом асфальте в самом яру (реки) Белой близ деревни Копсякуловой и Яр-Биш-Кодака. Лепехин писал о тех самых местностях, где через сто шестьдесят лет взовьются первые мощные южноуральские нефтяные фонтаны. Почему пришлось ждать столь долго? Ведь уже в 1859 году в Пенсильвании из скважин выбросило струи нефти, и сразу же мир обуюла «нефтяная лихорадка»! Тому есть несколько причин. Одна — в борьбе в России двух научных школ нефтяников.

В 1837 году «Горный журнал» опубликовал отчет геогноста штабс-капитана горных инженеров Александра Родионовича Гернгросса (второго) о его «поисках в Симбирской, Казанской, Оренбургской губерниях для открытий месторождений асфальта». Особенностью этого отчета была не только похвальная старательность обследования, но и фиксация новых способов употребления нефти: «...возле деревни Костичей, — читаем мы, — где всякий асфальт встречается больше, чем в других местах, кузнецы употребляют его для воронения железных изделий, что предохраняет их от ржавчины и придает им более опрятный вид». Нечто подобное уже давно испытал в деле другой талантливый офицер корпуса горных инженеров, проходивший службу недалеко от мест, где работал Гернгросс, на Златоустовском оружейном заводе, Павел Петрович Аносов, в своих изысканиях по раскрытию секрета изготовления булатных сталей...

Гернгросс не ограничился описанием находок асфальта, но и заметил много других видов нефтепроявлений: «кроме асфальта, находится на обследованном пространстве... нефть различной густоты и чернобурого цвета... (как напри-

мер) в яме, глубиною в три, а шириною в четыре фута вода покрывается с поверхности черною и весьма липкою нефтью, и хотя ее довольно часто счерпывают, но в продолжение нескольких дней она снова наполняется...» К сожалению, последующими исследователями не придано должное значение такому из отмеченных им фактов: «Сера, растворенная в воде, находится в чрезвычайном изобилии почти по всей Оренбургской губернии...» А ведь сера — важнейший поисковый признак нефтеносности. Гернгросс (второй) первым ввел в научную литературу обоснование для вывода о практически сплошной нефтеносности Урало-Волжского региона. Только через сто лет этот вывод будет подтвержден трудами советских геологов.

Нельзя не остановиться еще на колоссальной важности выводов, к которым пришел штабс-капитан. Первый из них: «Обнаруживающиеся в трещинах мелового рухляка (т.е. в разрушенных отложениях мела. — *Л.С.*) и более всего в нижних частях его, накипи асфальта рождают мысль, что он и в настоящее время образуется от соединения каким-либо химическим процессом смолистых частиц и что коренное месторождение его скрыто в каменном черепе Земли...» Выводы из «мысли» Гернгросса на многие годы определили канву дискуссий об уральских нефтепроявлениях. Он считает, что нефть — это «соединение смолистых частиц», т.е. образована из органического, как он полагает, скорее всего растительного исходного вещества. Вывод этот и поныне разделяют многие советские специалисты. Существенно и прямое указание Гернгросса, что основные нефтяные богатства края залегают в нижних горизонтах земных слоев, до них глубоко, добраться будет непросто, но они там непременно есть. Если бы к нему прислушались, когда появилась соответствующая буровая техника, то нефтяные фонтаны Урала взвились бы значительно раньше. К сожалению, к мнению молодого ученого тогда не прислушались.

Одной из решающих причин недоверия к выводам Гернгросса послужило обстоятельство, что совсем другого мнения об уральских нефтепроявлениях придерживался другой естествоиспытатель — английский ученый Мурчисон, геолог с мировым именем, оказавший огромное влияние на по-

нимание геологии Урала и Предуралья. В частности, именно он первым выделил в истории развития Земли достаточно протяженный период (сорок пять миллионов лет), наиболее полно изученный им тогда на Урале и в память о том названный пермским.

Мурчисон изучал геологию нашего края в 1841 году. Осмотр нефтепроявлений входил в его программу. Тщательный анализ условий их залегания, положения в разрезах отложений, сопоставление вмещающих их пород в разных местах и определение окаменелых остатков фауны и флоры привели великого ученого к однозначному выводу. Все виденные им нефтепроявления приурочены к выделенному им периоду в истории Земли — пермскому. Вывод этот и поныне учеными подтверждается. Великолепный пример блистательной научной работы.

Но там, где ученый ушел от анализа конкретных фактов, вступил на почву «теоретических» рассуждений, его выводы отнюдь не обладали такой же доброкачественностью. По вопросу происхождения нефти Мурчисон оказался категорическим сторонником гипотезы ее неорганического происхождения. Он был убежден, что нефть образовалась вместе с серой и одновременно с накоплением других отложений в заливавшее тогдашний Урал пермском море. Небезупречное утверждение. Правда, Мурчисон был также убежден, что пропитанные нефтью и серой пермские отложения распространены по всему Уралу.

Как мы видим, гипотезы Гернгросса по всем основным идеям весьма противоречили весомым заявлениям очень уважаемого специалиста с мировым именем. Понятно, к кому больше прислушивались геологи.

В 1863 году «Горный журнал» поместил на своих страницах докладную записку генерального консула России в Нью-Йорке барона Остен-Сакена и заключение на нее ведущего тогда специалиста по геологии России генерал-лейтенанта горной службы Гельмерсена и комментариев к документам ученого комитета горного ведомства.

Что же сообщал барон-дипломат, по долгу службы своей вроде бы весьма далекий от геологии? В Соединенных Штатах тогда поднимался нефтяной бум. Незадолго до того в

штате Пенсильвания была пробурена первая промышленная нефтеносная скважина.

Он, оказывается, обратился к правительству по весьма немаловажной причине. В офис к российскому генконсулу заявился некий весьма бойкий американец. У посетителя оказались далеко идущие планы. Поначалу он стал прояснять перспективу экспорта в Россию американского «петроля» (масла, приготовленного из нефти, пояснил Остен-Сакен), а потом сообщил, что вознамерен лично заняться этим делом и весьма рассчитывает на поддержку российского представителя.

Остен-Сакен проявил себя истинным патриотом. Не торопясь выдавать авансы предпринимателю, он решил поначалу досконально разобраться в состоянии нефтепромышленности и в Америке, и в России, и лишь затем что-либо советовать своему правительству.

Первым делом дипломат провел несколько встреч со знающими людьми. Один из них, видный геолог доктор Ньюберри, недоуменно справился у барона: «А зачем вам наш петроль»? Оказалось, Ньюберри неплохо ориентируется в особенностях геологии многих уголков России и пришел к абсолютной убежденности: нефти здесь можно отыскать никак не меньше, чем в Америке. Ученый азартно вызывался лично приехать в России и указать чуть ли не точные места, где надобно бурить на нефть.

И барон пишет обо всем услышанном своему правительству, настоятельно убеждая взвесить мнение авторитетного американца «о вероятности открытия источников петроля во внутренних губерниях России». Остен-Сакен предложил подумать о приглашении доктора Ньюберри или другого столь же знающего геологию нефти ученого.

Докладная записка генерального консула в Нью-Йорке была немедленно передана для изучения и рекомендаций императорскому Горному ведомству. Здесь заняться им поручили генерал-лейтенанту горной службы Гельмерсену, известному всей Европе геологу. Он отнесся к предположению и предложению американца без должного оптимизма: «Не видно, на чем, собственно, господин Ньюберри основывает заключение, что петроль может находиться во многих

местах Европейской России, но видно, что он недостаточно знаком со свойствами наших почв... За исключением меловой почвы (меловой период в истории развития Земли более поздний, чем пермский. — Л.С.) во всех прочих осадочных образованиях России в разных местах и с разною целью были углубляемы буровые скважины, доведенные иногда до 800 футов (244 метра. — Л.С.) и ни в одной из них не оказалось признаков нефти... Отсюда резюме: На основании этих данных, надобно полагать, что в России (не говоря о западном побережье Каспийского моря) нет надежды на открытие нефти и что поиски и разведка, предлагаемые бароном Сакеном, едва ли могли бы увенчаться успехом... В России черные смолы нигде не заключаются в горных породах в виде капельной жидкости, но бывает тесно смешаны... то со сланцевыми глинами нижней силурийской почвы в Эстляндии, с горючим сланцем тиманских гор, также с горючим сланцем юрской почвы в Сибирской и Оренбургской губерниях и с глинами и рухляками... на Волге и на реке Соке, около Сергиевских серных вод. В последней местности, по показаниям некоторых лиц, нефть в малых количествах всплывает на воде. Это единственный в России пункт, на котором поиски на нефть имели бы некоторое основание, но, полагаю, что поиски эти должны быть предоставлены частным лицам, а не горному ведомству».

Заключение Гельмерсена поступило на рассмотрение к его коллегам по руководству императорской геологией. В ученом горном комитете трудились тогда большей частью высокие профессионалы. Случаи нефтепроявлений и условия их расположения многие из них знали отнюдь не понаслышке, а из личных наблюдений. И большинство решилось возразить почтенному академику. Не так, мол, все просто и к умному слову и из-за океана не грех прислушаться. Было принято решение: материалы обсуждения предоставить на суд геологической общественности. Пусть она определит, чья позиция вернее — оптимистическая заокеанская или пессимистическая отечественная.

В то же время комитет предложил капитану корпуса горных инженеров Романовскому (третьему), командированному на Волгу и в Предуралье на поиски каменного угля, вни-

мательно следить при ведении работ за признаками нефтеносности, определять место для специальной скважины под разведку нефти. Кстати, Гельмерсен побывал на месте, у Романовского, и опубликовал в 1865 году в третьем номере «Горного журнала» свое заключение: только у Сергиевска на реке Сек может быть и можно поискать нефть. И больше нигде в Центральной России.

Точку зрения Гельмерсена веско подтвердил своими работами инженер Васильев, в то же время, что и Романовский, по поручению оренбургского генерал-губернатора проводивший разведку на уголь. На берегу реки Белой — в деревне Яшбикардак, в месте, указанном еще Лепехиным как перспективное на поиски нефти, были пройдены штольни, несколько шахт и пробурена скважина. Именно в том месте, где пузырились нефтяные ключики, описанные Иваном Лепехиным, горные выработки Васильева подсекли несколько тоненьких выклинок угольных пластов. Гельмерсен открыто торжествовал, и совсем не к месту в нашем уже веке выяснилось, что здесь мы имеем место с обычной ошибкой в диагностике породы. Васильев назвал каменным углем маломощные пластики асфальта. Можно предположить, что ошибся геолог из-за твердой убежденности, что нефти здесь быть не должно; думал он так не без глубокой веры в авторитет Гельмерсена.

Кто знает, как было все на самом деле?

Во всяком случае, находка «каменного угля» у деревни Яшбикардак послужила немаловажным «подтверждением» позиции тех, кто полагал поиски нефти здесь бесперспективными.

И уже ничего не смогло изменить мнение Романовского вопреки Гельмерсену (третьему), после проведения своих работ на каменный уголь возле Сергиевска и по другим местам Самарской луки, результаты которых подтвердили, что нефть здесь искать следует.

Пока ученые набирали аргументы и факты, в своих дискуссиях апробировали их, будоражащие слухи о сказочных барышах американских нефтепромышленников не давали покоя русским предпринимателям.

«Горный журнал» в седьмом номере 1867 года поместил отчет подполковника горной службы Еремеева о поиске им

нефти. Особое внимание в нем заслуживает описание второй после Надыра Уразметева попытки промышленного освоения гудронных песчаников. Он обнаружил залитые водой три шахты и буровую скважину. Работы эти были приняты в прошедшем году бугульминским помещиком Н.Я. Малакиенко с целью открытия благонадежного месторождения нефти. Но, к сожалению, по причинам, от него не зависящим, буровую скважину пришлось оставить на глубине 14 сажен. По журналу: «... шахты густо пропитаны нефтью. Но собрано всего двадцать ведер ее... На откосе ручья, в сажени от уровня воды вытекал ключ нефти и серы. Он образовал пропластки и отдельные неправильные гнезда вязкого асфальта иногда до пуда весом. Месторождение это заарендовано у крестьян г. Малакиенко на 12 лет. Он добыл здесь более 2000 пудов асфальта, из которого получал превосходного качества керосин...»

Вот он, характернейший момент!

Пока ученые мужи горного ведомства терзались сомнениями, поисками несомненных доказательств — есть ли здесь крупные залежи нефти, близко или глубоко они залегают, предприимчивые люди уже стремились пробиться к ней, запустить в хозяйственный оборот, и, естественно, получить от нее прибыль.

Только прибыль далеко не всегда покрывал огромные расходы на разведку и разработку мелких залежей. Вот и доход Малакиенко от полученного им «превосходного качества керосина» далеко не уравновесил затраты его на проходку штольни, шахт, ведение бурения. Малакиенко разорился.

Пожалуй, разорение этого подвижника российской нефтепромышленности, в непосильных потугах попытавшегося в одиночку разрешить все проблемы урало-волжской нефти, было практически неизбежно.

Подать руку помощи начинающему нефтепромышленнику решил Г.Д. Романовский (третий), успевший к тому времени съездить в США, изучить тамошние месторождения нефти. Он предлагает правительству «помочь предприятию г. Малакиенко казенными средствами», поскольку у того уже вчистую на осталось средств на ведение разведочных

работ, а станки установлены в перспективных местах. Удача придет, надо только углубить скважины, убеждает Романовский. Что же до нахождения средств на продолжение поисков, то он предлагает тратить казенные средства лучше на них, нежели на дорогостоящие командировки инженеров в Америку.

Броде бы убедительно звучали доводы Романовского, настолько убедительно, что нашелся промышленник, решивший и рискнуть заложить разведочные скважины на выходах отложений верхнего девона по берегу реки Ухты напротив устья ее притока Нефть-Иоль. И привалила удача рисковому купцу М.К. Сидорову. В первой же скважине был им получен приток и нефти, и газа.

Казалось бы, удача Сидорова должна была радикально повлиять на темпы разведки, ведь прогноз Романовского блестяще подтвердился. И действительно, вроде бы что-то стонулось. В 1865 году горное ведомство решилось наконец-то заложить проходку двух глубоких скважин для поисков каменного угля и оценки нефтеносности глубоких горизонтов в зоне Самарской луки. Да не судьба была найти тогда здесь нефть. Зааварилась скважина, хотя и достигла самых больших в ту пору глубин в России, пройдя 446 метров. Через много лет стали бурить глубже и оказалось — до нефти еще столько же. Сказалась эта неудача сокрушительным ударом по аргументации Романовского в глазах руководителей казенной геологии в России. Кстати, вскоре ее главой был назначен уже знакомый нам Гельмерсен, верно убежденный в том, что нефти в России, кроме Баку, нет и тратить на поиски ее в других местах поэтому просто безрасходно.

Тем не менее находились рисковые предприниматели, искавшие нефть на свой страх и риск. Двое из них — Некернов и Попов — облюбовали места, указанные еще Лепехиным у Ишимбая и Копсягулово. Арендовав землю у башкир, они принялись копать в песчаниках, пропитанных здесь нефтью и гудроном. Отсутствие значительных средств, возможности вести достаточно глубокое бурение, обусловили провал и этой попытки.

Такой результат сильно никого не удивил.

Ученые геологи сразу же припомнили десятилетней давности малоутешительный опыт разведок Малакиенко, который пытался найти нефть в похожей геологической обстановке. Потому неудача Некернова и Попова была определена ими как естественный итог бесперспективных поисков в заведомо неблагоприятном месте.

Такое вот бесстрастное резюме на крах надежд и разорение энтузиастов.

И даже предпринятое в 80-х годах блестящее по тщательности, замечательное по тонкости наблюдений и эффективности выводов исследование профессора А.П. Павлова, доказавшего, что почти все известные нефтепроявления Заволжья и Южного Урала приурочены к огромному вертикальному разлому в земной коре, по которому, как писал он, «...нефть и асфальт проникли извне, найдя себе путь на поверхность из глубины по трещинам пород... в те породы, строение которых допускало такое проникновение...», не изменило позиции официальных кругов.

Ну и что, сказал приехавший из Петербурга проверить доводы Павлова виднейший тогда специалист Геологического комитета С.Н. Никитин, после того как внимательно просмотрел предъявленные ему доказательства, — есть эти ваши трещины. Да, действительно, признаки нефти, лепешки гудрона встречаются здесь в земных слоях разной древности. А промышленной нефти в этих местах все равно нет. Потому что быть не должно. И все тут. Сильна оказалась традиция, заложенная Гельмерсенем.

Но если в профессиональной среде мнение Никитина звучало весомо, почти непререкаемо, то в среде деловых людей все заявления ученых пробовались, как говорится, на зуб. Слишком высоки ставки.

В конце прошлого века увлекается поиском нефти городской голова Мензелинска А.Ф. Дубинин. На паях с купцом Резаковым в тех же местах он бурит пять скважин. Недостаток средств снова не позволил забраться поглубже в землю — только до 64 метров. Но и там обнаружили обнадеживающие признаки нефти.

Но добраться до сколько-нибудь заметных притоков нефти им также не удалось. Дубинин обращается за помощью

в Горный комитет. Он берет на себя смелость утверждать: пропитанные нефтью песчаники, в которые вгрызлись буры его скважин, — только буйки, вестники богатейших залежей нефти, затаившихся здесь на больших глубинах. Убежденный сторонник неорганической теории происхождения нефти, ссылаясь на доводы ее апологетов, Дубинин верит, что область распространенности глубинных нефтяных залежей простирается здесь на сотни и сотни километров. Он заявляет, что выходы нефти по рекам Сок и Белой — проявления этой огромной нефтеносной провинции, главные запасы которой сконцентрированы на Урале. Увы, Петербург не разделяет его прозорливой гипотезы! «Затраты на разведки нефтяных месторождений, известных по реке Белой и в бассейне рек Сок и Шемша, могут быть оправданы лишь тем, что, будучи ведены с достаточной научной подготовкой, они могут дать ответ и на другой, практически важный вопрос, а именно, на распространение и возможность эксплуатации в новых районах гудронных песчаников...»

Да, в этом послании-отписке сконцентрировалось многое.

И прозрачный намек на некомпетентность корреспондента («с достаточной научной подготовкой») и неколебимая убежденность в невозможности открыть здесь нефтяные залежи, а только «гудронные песчаники» и, естественно, только в пермских отложениях, и осознанная исключительность — только этому ведомству подвластно истинное понимание государственного интереса — «другой практически важный вопрос»!

О, есть ли пределы самоуверенности российских бюрократов?!

Однако вернемся к берегам реки Белой.

Чтобы окончательно добить провинциального выскочку, в 1901 году в места его разведок прибыл старший геолог Геологического комитета действительный статский советник А.А. Краснопольский. Его заключение категорично: «Ходатайство господ Дубинина и Резяпова об организации за счет правительства разведочных на нефть работ близ Н.-Бураниной удовлетворению подлежать не может...» А чтобы окончательно добить нахальных дилетантов, бросает в дело главный козырь: «...потому что около деревень Урман-Ко-

дак и Яр-Биш-Кодак, находящихся от Н.-Буранчиной в 10 и 7 верстах, были уже произведены от правительства разведки на каменный уголь в 1864 году горным инженером Васильевым и не дали положительных указаний на счет признаков нефти, о которых писал еще Лепёхин...» Закрепило его ошибку мнение видных геологов В.А. Меллера, А.П. Карпинского.

Тут самое, думается, время приостановиться и немного разобраться: а были ли, так сказать, объективные основания у ученых споров о «праве на существование» уральской нефти. Не пахивало ли в них «лысенковщиной», как бы мы определили сегодня попытки решать научные споры силовыми методами и подтасовками.

Пожалуй, нет.

Геологическая наука того времени только осваивала все многообразие проблем, связанных с поисками нефти. И важнейшим перед ней тогда (да и сегодня во многом они не утратили своей остроты) стояли существенные вопросы: как произошла нефть, в каких местах она отлагается, каким образом скапливается? И более тонкие вопросы, возникающие уже при изучении конкретных залежей в конкретных местностях: в какого возраста отложениях она образовалась и если где и залегают, то здесь же и образовалась или была выдвлена из других мест, или сама мигрировала в поисках более комфортного места расположения?

Малая геологическая изученность огромной территории от Волги до Урала, отрывочность сведений о нефтепроявлениях здесь, десятки лет тянущаяся разведка их, не давшая за десятки лет определенного ответа — есть или нет здесь надежда открыть значительные залежи нефти на глубине, породили в ученой среде своего рода агностицизм. Появились высказывания видных специалистов — наука не может помочь искать здесь нефть. Вот что написано по этому поводу известным геологом Ивановым в 1904 году в журнале «Нефтяное дело» — органе очень авторитетном среди предпринимателей: «...мы должны признать, что данных для признания этих месторождений благонадежными нет. Однако к этому заключению мы пришли не потому, что буровые скважины гг. Малакиенко и Шандора дали отрицательные

результаты, а просто потому, что вообще не существует никаких указаний на благонадежность нефтяного месторождения, кроме прямой добычи нефти скважиной или шахтой... ответить на это может только буровая скважина, проведенная до глубины, доступной для выгодной эксплуатации...» Столь откровенный призыв к доизучению урало-волжских нефтепроявлений, неприятие состояния, в котором оказывался любой специалист, вынужденный делать выводы о нефтеносности района и не имеющий для этого нормального обоснования, могли подвигнуть на действия кого угодно, но не державный Геологический комитет. Он величаво отмолчался. Но ни мнения своего, ни, естественно, позиции, не изменил.

Неуверенность в перспективах района, много раз доказанная ненадежность помещения капитала в разведки нефти здесь могли смутить авантюриста из любой страны, да только не отечественных наших купцов-ухарей. Им не привыкать стать играть с судьбой в орлянку.

В 1911 году один из рискованных предпринимателей — подполковник А.И. Срослов — сделал последнюю перед революцией попытку добраться до глубинных нефтяных залежей Урала. Он пошел по проторенному пути — арендовал на двенадцать лет у башкирской общины участок земли от Ишимбаевой до Копсякуловой и заложил там шахту. Шахта наткнулась под наносами речными на трехметровую толщу гудрона, а на глубине десяти метров — еще метр гудрона с пропластками засохших сгустков нефти в полтора сантиметра... Тогда же служивший на Урале геолог Ф.И. Кандыкин сделал скрупулезный обзор зафиксированных нефтепроявлений в Предуралье: «...между Нижне-Буранчинским селением и Ишимбаевским островом, по правому берегу Белой на всю длину надельных земель башкир-вотчинников... замечается нефтяной запах в породах над горизонтом реки Белой... то же — на землях Копсякуловских башкир... По левому берегу смолистые прослойки попадают и ниже острова, так что вся длина реки, где в породах слышен запах нефти и есть скопление смолы в песках, будет не меньше 5 верст. Около Ярмыс-Куля по его левую сторону на 163 сажени вверх по протоку Белой наблюдается истечение нефти из круто поставленных пористых пермских слоев. В одном

месте на южном участке рассматриваемого обнажения истекающей нефтью песчаников обогащены галечники р. Белой и теперь они представляются гудронным пластом до полутора аршин толщиной, расположенному полосой по берегу длиной до трех сажен... Сгустки смолы появляются иногда довольно высоко над пермскими коренными породами в 1—1,5 квадратных аршина и толщиной 1—2 вершка. Около Ишимбаевского острова было известно местным жителям, что по середине Белой можно достать в незаиленном месте насыщенную нефтью серовато-синюю глину. Щупом мы добыли такую породу, причем замечалось большое выделение пузырей, что всплывали и разливались по воде радужными пленками до 2,5 аршин. Поднятие пузырей нефти наблюдалось и во многих других местах между Ярмыс-Кулем и Ишимбаевским островом...

Около Ярмыс-Куля скважиной I Дубинина (находится от берега в 80 с небольшим саженях), пройден ряд серых глин с западом сероводорода и в конце (ее) попадались довольно крупные куски самородной серы. Нефть показывалась в их горизонтах 10, 26, 29 саженей. Скважина 2 подсекла немного нефти на 12 сажени...»

В отчете угадывается вопрос коллегам из Геологического комитета: Как же это вы, господа, за столько лет не пожелали как следует разобраться в сути вопроса? Ведь такое обилие фактов не может быть случайным. Но Кандыкин молод был еще тогда. Не по плечу ему было тягаться с генералами от геологии. Тем не менее он готовился к бою.

Подходящий для этого момент наступил, когда Срослов и поддержавший его по поручению Уфимского земства окружной инженер Н.С. Ставровский обратились к правительству с ходатайством продолжить разведку за счет казны. Кандыкин решительно поддерживает их.

«За истекшие пятьдесят лет вопрос о нефтеносности Урало-Волжского бассейна не продвинулся ни в ту ни в другую сторону. Как были признаки нефти, так они и остались. Теперь вопрос стоит здесь более или менее определенно... Чтобы определить практическое значение этих залежей, надо делать разведку... По обилию признаков нефтеносности Стерлитамакское месторождение выделяется из всех извест-

ных нам в этой области и поэтому начинание г. Срослова нельзя не приветствовать и если он ходатайствует об организации казенных разведок, ему следует помочь...

По имеющемуся кредиту геолога при Уральском горном управлении можно пройти две скважины... Если этой разведкой будет установлено, что кроме двух известных гидронных залежей на этой глубине окажутся и другие или будет заметно обильное выделение газов, то тогда следует поставить тут глубокое бурение...»

Кандыкин подписал эти строки в 1913 году.

Ответ из столицы ждать пришлось недолго. Геологический комитет не порекомендовал горному ведомству проведение разведок на Урале за счет казны. Снова провал.

Чем объяснить такое устойчивое невнимание людей, определяющих геологическую политику в России? Возможно, взятками людей, не заинтересованных в новых открытиях нефти. Академик И.М. Губкин свидетельствует: «...поиски новых нефтяных районов не были в программе тогдашней хищнической политики и деятельности нефтяных акул. В Баку, например, они задерживали не только поиски новых месторождений и их разведку, но задерживали саму разведку уже открытых месторождений. В стране перед империалистической войной все время ощущался недостаток в нефти — был постоянный нефтяной голод. Зато цены на нефть росли непрерывно...

Нет сомнения, что капиталисты имели в геологических рядах свою хорошо осведомленную агентуру, точка зрения которой значительно расходилась с официальной точкой зрения (на перспективы недр Поволжья и Урала на нефть. Л.С.)... В период 1910—1914 годов некоторые районы (Урало-Волжской) области были объектом пристального внимания нефтяной фирмы Нобель. Представители фирмы Нобель объезжали некоторые районы и заключили договоры с крестьянскими сельскими обществами. Договоры заключались о том, что сельское общество выносило решение о запрещении производства на его землях каких то ни было геологических и горных работ. За это решение представитель Нобеля платил крестьянам изрядные деньги. Платил, следовательно, за то, чтобы они не допускали открытия тайн земных

недр. Для Нобеля, самого богатого нефтепромышленника в России, открытие новых нефтяных районов в России было нежелательно, так как это повело бы к снижению цен на нефть и, следовательно, к сокращению его баснословных прибылей.

Но очевидно, что Нобель был твердо уверен в наличии нефти в Урало-Поволжской области, так как под фантазию ни один промышленник денег бы давать не стал.

Интересно отметить, что особым вниманием Нобеля пользовался район Туймазы... Хорошая была осведомленность у Нобеля...»

Однако было бы неверно утверждать, что все геологи на тогдашней государственной службе были недалновидными либо получали денежное содержание за недалновидность. Уральское горное ведомство, например, создало представительную комиссию, чтобы разобраться наконец с проблемой-ведомство стоит или не стоит вкладывать значительные средства в разведку глубоких горизонтов недр Южного Урала. В результате обстоятельного и серьезного изучения и геологии района и всего спектра мнений о ней комиссия заключила: «...ввиду общегосударственного значения нефтяных месторождений желательно произвести средствами казны поиски для определения наиболее насыщенных нефтью... отложений в районе Нижне-Буранинского и Ишимбаевского селений и по изучении полученных данных выбрать места для заложения средствами казны глубокого бурения, каковым надлежит дознать действительную ценность данного месторождения...»

Эти строки появились через 50 лет после заключений Романовского перед Первой мировой войной. К поиску подтолкнула и активность иностранцев. Англичане, например, организовали компанию «Казан Ойл Филд», активно принялись за разведку в Приволжье, и уже появились у них надеживавшие результаты.

В 1916 году, пожалуй, впервые после Романовского (третьего), официальный представитель центральной геологической службы России Замятин признал, что заволжские нефтепроявления и гудронные пески на Урале имеют общие источники, чем наконец-то официально признал право на

существование Урало-Волжской нефтяной провинции. Свое мнение он подтвердил и при советской власти.

У молодой Республики Советов положение было просто отчаянное. Обратимся к свидетельству академика Губкина: «...царил настоящий топливный голод: не было нефти, не было угля, не было дров. Страна замерзала, прекращалось ее кровообращение — транспорт. Великий Ленин искал выхода из чрезвычайно трудного положения... В начале 1918 года по его приказу была организована экспедиция в Ухтинский нефтеносный район... Он не давал покоя такому сонному и неповоротливому учреждению, как Геологический комитет и понуждал его искать для молодой республики и нефть, и уголь, и свинец...»

Владимир Ильич в то время был немыслимо перегружен, но он не упускал из-под внимания проблему волго-уральской нефти и для ее разрешения приказал подключить к делу авторитетных геологов, таких, как К.П. Калицкий и И.М. Губкин. Кстати, они — сторонники полярно разнящихся точек зрения. Первый полагал, что асфальтовые лепешки и нефтяные лужи — остатки некогда обширных залежей, второй решительно утверждал, что это выплески с далеких глубин.

Известный основательностью своих исследований, Калицкий тщательно описал все имевшиеся нефтепроявления, разнес их по продуманной классификации. Да только одного не захотел увидеть он, убежденный сторонник мнения, что залежи нефти не мигрируют в принципе, — что у мнения этого нет фактического обоснования, за ним только механизм самовнушения. Калицкий был убежден, что в случае с уральскими нефтепроявлениями он встретился с остатками первичных нефтяных залежей. И «что с самого начала в пластах было слишком мало нефти, говоря точнее, материала для образования нефти...»

Позиция Калицкого и его единомышленников предполагала практическое свертывание поисков нефти на Урале и в Заволжье. Губкина и его сторонников — предполагала развертывание здесь глубинного бурения широкого размаха.

Как и прежде, руководство Геологического комитета придерживалось первой позиции. «Обращаясь к вопросу о так называемых первоисточниках нефти, необходимо прежде всего исключить мысль о связи указанных признаков с ка-

кими-либо глубокими отложениями... Необходимо ограничиться в данном случае рамками отложений, вмещающих признаки нефти, т.е. пермской системой, — пишет в 1928 году один из видных его геологов. И подводит итог: — ...вряд ли интересны районы с обнаженными пластами нефтеносных свит в Самарской губернии, по западному склону Среднего Урала и тому подобных местах».

И.М. Губкин, ставший в 1920 году профессором Московской горной академии, его единомышленники, известные геологи А.Н. Розанов, А.Л. Архангельский, ряд других категорически с тем не согласны. Они непрерывно указывают «первичникам», что те «в упор» не желают видеть неудобные для них факты: «...присутствие битуминозных пород в девонских и каменноугольных отложениях западного склона Урала в бассейне Сима и Инзера, наличие включений битума в каменноугольных отложениях не только Самарской луки, но и у деревни Камышлы и в Стерлитамакском месторождении на реке Белой...», что по их мнению, указывает на очень реальную возможность обнаружения здесь «...второго, более глубокого, возможно, более мощного и лучше сохранившегося от истощения нефтеносного пласта...»

Стараниями Губкина и поддержавших его специалистов в 1928 году была сформирована комиссия, которая еще раз должна была взвесить аргументы обеих сторон. Но в том же году противники Губкина эту комиссию и прикрыли.

Руководство в геологии сменилось, и его мнение о постановке поисковых работ на Урале и в Заволжье на нефть было безапелляционным и уничтожающим: «Это такая же авантюра, как и Курская магнитная аномалия».

Впрочем, они торжествовали недолго. Грандиозный рынок индустриализации страны требовал надежного сырьевого обеспечения, и осенью 1928 года Директорат нефтяной промышленности категорично заявил, что без обнаружения новых обильных нефтяных месторождений не может быть и речи о стабильном снабжении страны керосином, бензином, мазутом. Сторонники поисков нефти на Урале и в Поволжье были снова замечены.

Час большой уральской нефти пробил в апреле 1929 года. Следует сказать: обстоятельства этого эпохального открытия

похожи в главных чертах на обстоятельства всех почти больших открытий. В том смысле, что случаются они вроде бы всегда неожиданно. А было так.

Профессор П.И. Преображенский производил онтуривание открытых им на Западном Урале залежей крупнейшего в мире Соликамского месторождения калийных солей. Все шло по скрупулезно продуманному плану. И вдруг из скважины № 20 в районе поселка Чусовские Городки с глубины 332 метра выбросило мощнейший нефтяной фонтан.

Весть мигом облетела всю страну. «Эта скважина, — отмечал позднее Иван Михайлович Губкин, — сыграла ту роль, которую сыграла в 1859 году скважина, пробуренная в Пенсильвании... — положила начало развитию американской нефтяной промышленности. Скважина в Чусовских городках тоже положила начало развитию новой Урало-Волжской нефтяной области...»

Интерес к первому нефтяному фонтану на Урале был проявлен чрезвычайный. Как утверждают современники, все газеты СССР ежедневно публиковали телеграммы о поведении нефтяной струи, результаты анализов нефти, замеры дебита скважины. Осенью 1929 года в Чусовские городки прибыла правительственная комиссия, возглавлял ее заместитель председателя Высшего Совета Народного Хозяйства М.В. Косиор, дать оценку открытию с геологических позиций было доверено группе специалистов, руководил которой И.М. Губкин. Он предложил обширный план поисковых работ по всему региону.

И снова внимание обращается на Южное Предуралье. По предложению геолога А.А. Блохина в 1931 году было заложено несколько скважин южнее города Стерлитамака, у Ишимбая, где уже несколько раз предпринимались безуспешные попытки добраться до глубинной нефти. Казалось бы, место безнадежно скомпрометировано, но Блохин настойчиво убеждал всех, что геологическая ситуация у Ишимбая точно такая же, что и возле Чусовских городков, божился и клялся, что она самая перспективная на Южном Урале. И ему поверили.

В 1931 году здесь были заложены скважины глубокого бурения. Но... как случается в судьбах почти всех великих

открытий, и в освоении уральской нефти произошла вскоре заминка.

Поднявший такой переполох Чусовской фонтан вскоре стал иссякать. Оказалось, это не крупное месторождение. Из него выкачали всего лишь несколько сотен тысяч тонн нефти. Самая глубокая скважина здесь достигла глубины в 1798 метров. Бурение же на других участках возле него пока ничего не дало. Иного, собственно, и ожидать было бы несерьезно.

Многokратное увеличение объемов и глубин бурения, как следствие, потребовало и многократного увеличения числа специалистов, занятых этим делом. А где их сразу взять на всю страну? Из деревень? Вчерашние пахари, знакомые с сохой да косой, в лучшем случае с конной молотилкой — вот основной костяк новых кадров. Приток опытных иностранных специалистов был весьма незначителен. Так что бурение шло медленно, трудно, с частыми авариями, поломками оборудования. А нефть, всем это стало очевидно, залежала на Урале на больших глубинах. И добираться до них — долгая и тяжелая работа.

А нет быстрых успехов — всегда слышнее голоса маловеров.

Под впечатлением «пустых» 1930 и 1931 годов, не принесших ни одной новой скважины с нефтяными фонтанами — так, признаки нефти обнаруживались, но ничего, о чем бы можно громко отрапортовать, — стали заметно оживать противники уральской нефти. Найдя удобный предлог — конечно же, экономия народных средств, — они на одном из совещаний в 1931 году выступили с четко оформленной позицией: прекратить бурение на «пустых» структурах, на «мертвую» нефть, ведь значительно целесообразнее, на их взгляд, будет вложить деньги в разведку более надежных районов Кавказа.

Малoverы начали потихоньку свертывать геологическую разведку и буровые работы на нефть. В августе 1931 года была сделана попытка прекратить бурение скважиной 703 на реке Белой южнее Стерлитамака. Основания для такого решения, как представлялось руководству треста «Восток-нефть», были веские. Ведь скважина эта уже намного превзошла уровень глубин, на которых в Чусовских городках

лежала нефть. И только яростное противостояние Блохина и поддержавшего его Губкина, ставшего к тому времени руководителем геологической службы страны, а также руководителей Башкирии, позволило продолжить разведку.

Воистину героическими усилиями велась она здесь. В те годы Башкирия была глухой провинцией. До ближайшей железнодорожной станции от места бурения (возле Ишимбаево) протянулось сто двадцать верст степного бездорожья, буровое оборудование доставлялось большей частью конными обозами, автомобили тонули в здешних снегах. Весенние разливы рек отрезали Ишимбаево от остального мира на полтора-два месяца. А поломки были часты — из-за низкой квалификации основной массы работников, да и техника не выдерживала эксплуатации в таких условиях.

Решающей оказалась помощь местных властей. Они сделали все для успеха поисковых работ. Сломался насос — срочно ищут такой же и снимают с какой-нибудь мельницы. Понадобился для ремонтных целей сверлильный станок — дефицит в той глухомани — забрали на Стерлитамакской электростанции, но выручили. И так во всем.

И в мае 1932 года на газетные полосы всего мира прорвался ликующий рапорт победителей: «Стерлитамак, 21. Уже семь дней скважина 703 непрерывно выбрасывает фонтаны газа. Скважина 702 на глубине 570 метров вступила в нефтеносные известняки и выбросила свыше 50 тонн чистой нефти».

Поскольку скважины находились в двадцати пяти километрах друг от друга, то и самым отчаянным пессимистам стало очевидно: найдено весьма богатое месторождение.

«Открытие Ишимбаевского нефтяного месторождения, — говорит академик, лауреат Ленинской премии А.А. Трофимук, — явилось поворотным пунктом в создании нефтедобывающей промышленности в районах между Волгой и Уралом».

Поздравить поисковиков на место разведок прибыл сам Губкин. По праву, первые его поздравления были А.А. Блохину, а тот немедленно затеял новую разведку. Он настаивает: пока удобное летнее время, надо начинать глубинное бурение, считая, что местная нефть «...образовалась не в тех породах, в которых она встречена, а на больших глубинах,

поэтому нельзя оставлять без разведок более глубокие горизонты...» И утверждал он это вопреки мнению еще одного признанного тогда авторитета — А.Д. Архангельского, вообще-то горячего сторонника поисков нефти на Урале, но убежденного, что все ее залежи здесь, так же как и у Чусовских городков, — пермского возраста. Сразу доказать свою правоту Блохину не удалось.

Доказательство утверждений Блохина появилось много позднее — на пермской земле. 2 апреля 1936 года с глубины 953 метра здесь забил фонтан из каменноугольных отложений.

Прав оказался Блохин. Его правота — это и правота Романовского, еще в середине прошлого века ратовавшего за поиски нефти на Урале и в Заволжье на глубоких горизонтах.

С той поры началась история нефтепромыслов второго Баку. Как свидетельствует академик А.А. Трофимук, в 1956 году добыча нефти только одного района из этой группы месторождений превысила добычу Каспийских промыслов.

Несколько слов о судьбе уральского горючего газа. Находить его поначалу стали на восточном склоне Урала. В 1931 году в Курганской (ныне) области на землях Березовского совхоза, расположенного в 35 километрах от Звериноголовской, искали воду. На глубине десять — двенадцать метров из скважины неожиданно ударила струя газа. Этот газ не горел. Углеводородов не содержал. Но вскоре из скважины недалеко от станции Макушино ударила струя горючего газа с глубины 620—719 метров. От этих находок перекинулся мостик к великим открытиям газа на Тюменском севере и в районе Оренбурга.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск: ОГИЗ. 1932.
2. *Анисимов А.Ф.* Космологические представления народов коми. М.— Л., 1959.
3. Аркаим. Исследования, поиски, открытия. Челябинск. 1995.
4. *Архипова Н.П., Ястребов Е.В.* Как были открыты Уральские горы. Челябинск.
5. ЮУКИ. 1982.
6. *Бадер О.Н., Оборин В.А.* На заре истории Прикамья. Ижевск, 1958.
7. *Бакланов Н.Б.* Натуралии г. де Геннина как источник по истории техники в России. М.: Наука, 1968.
8. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. Ч. 2. СПб., 1826. Гл. V.
9. *Бахрушин С.В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII веках. Н., 1928.
10. *Берх В.Н.* Биографическое известие о члене Берг-коллегии Блюэре // Горный журнал. 1828. Кн. 6.
11. *Берх В.Н.* Жизнеописание Виллима Геннина // Горный журнал. 1826. Кн. 1—5.
12. *Бахрушин С.В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927.
14. *Белоусов М.Д.* Исторический очерк медного производства на Урале // Пермский край Пермь, 1895.
15. *Введенский А.Д.* Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М.: ИСЭЛ, 1962.

16. *Введенский А.А.* Торговый дом XVI—XVII веков. Л., 1924.
17. Выдающиеся духовные писатели и деятели по церковно-нравственному возрождению края. Пермь. 1911.
18. *Гагарин Ю.В.* История религии и атеизма народа коми. М.: Наука, 1978.
19. *Геннин В.И.* Описание Уральских и Сибирских заводов. М.: Изд. АН СССР, 1937.
20. *Генинг Г.Ф.* Этнический процесс в первобытности. Свердловск. 1970.
21. Геология СССР. Т. XII. XIII (Урал) М.: Недра., 1969.
22. Герберштейн З. Записки о московитских делах. СПб., 1908.
23. *Геродот.* История. Т. 4. СПб., 1888.
24. *Данилевский В.В.* Русская техника. Л.: ЛГЖИКИ, 1948.
25. *Дмитриев А.А.* К истории Сибирского вопроса // Пермский край. Пермь, 1895.
26. *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Вып. 4. Пермь, 1893.
27. Ермак Тимофеевич, славный сын земли Русской. Свердловск: СУКИ, 1989.
28. Житие Святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897.
29. *Заходер Б.П.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.
30. *Игнатъев А.А.* Священник Яков Васильевич Шестаков. Сарапул, 1918.
31. *Иофа Л.Е.* Города Урала. М.: ГеографГиз, 1951.
32. История Урала с древнейших времен до 1861 года. М.: Наука, 1989.
33. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1821.
34. *Карамзин Н.М.* История государства Российского // Москва, 1988. № 1—2.
35. *Канивец В.И.* Палеолит крайнего северо-востока Европы. М., 1976.
36. Краткие сообщения Института археологии. Вып. 157. 1979.
37. *Кузьмин А.Г.* Падение Перуна (становление христианства на Руси). М.: Мол. гвардия, 1988.
38. *Кафенгауз Б.Б.* История хозяйства Демидовых в XVII—XIX вв. Т. 1. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1949.

39. *Кузьмин А.Г.* В.Н. Татищев. М., 1981.
40. *Кузин А.А.* История открытия рудных месторождений в России до середины XIX века. М.: Изд. АН СССР, 1961.
41. *Лидер В.А.* Четвертичные отложения Урала. М.: Недра, 1976.
42. *Максимов М.М.* Русский геологоразведчик В.И. Геннин. М.: Недра, 1966.
43. *Матвеев А.К.* От Пай-Хоя до Мугоджар. Свердловск: СУКИ, 1984.
44. Материалы по изучению туркмен и Туркмении. Т. 1, 1939.
45. *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М. — Л., 1936.
46. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М. — Л.; Наука, 1941.
47. *Павленко Н.И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М.: Изд. АН СССР, 1963.
48. Повесть о Стефане, епископе Пермском. СПб., 1862.
49. Подробное сказание о жизни и чудесах Святого Праведного Симеона Верхотурского, чудотворца, и о чествовании святых мощей его. М., 1897.
50. *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII веке. Новосибирск: Наука, 1974.
51. Полное собрание русских летописей. Т. 35. М.: Наука, 1957.
52. *Попов Е.* Великопермская и Пермская епархии. 1379—1879. Пермь, 1879.
53. *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М.: Наука, 1972.
54. *Пронин А.А.* Основные черты истории тектонического развития Урала М.: Недра, 1966.
55. Рассказы об уральской истории. Свердловск: СУКИ, 1990.
56. Родословная господ Строгановых // Пермский край. Т. 3, Пермь, 1895.
57. *Романов Н.М.* Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 5. СПб., 1909.
58. Русский биографический словарь. СПб., 1913.
59. Русское православие / вехи истории /. М.: НПЛ, 1989.
60. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1991.
61. *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука. 1987.

62. *Сальников К.В.* Древнейшие памятники истории Урала. М., 1959.
63. *Санин В.* На Веселых горах. Екатеринбург, 1910.
64. Сибирские летописи. СПб., 1907.
65. Сказание о жизни и трудах Святого Стефана, епископа Пермского. СПб., 1856.
66. *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982.
67. Советская археология. Вып. 1—5. 1981.
68. *Соколова З.П.* Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972.
69. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: ИСЭЛ, 1963. Кн. 10.
70. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 6. М.: Наука. 1956.
71. *Струмилин С.Г.* История черной металлургии в СССР. М.: Изд. АН СССР, 1954.
72. Сущность и значение церковных обрядов в религиозно-нравственной жизни православного христианства. Екатеринбург, 1910.
73. *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России М., 1950.
74. *Устюгов Н.В.* Солеваренная промышленность Соликамской в XVII веке. М.: Изд. АН СССР, 1957.
75. *Хабаров А.В.* Очерки по истории геологоразведочных знаний в России. Ч. 1. М.: Изд. МОИП, 1950.
76. *Чернецов А.Б.* Стефан Пермский — просветитель народа коми // Русская речь. 1987. № 1.
77. *Чупин Н.К.* Статистический словарь Пермской губернии.
78. *Шакинко И.М.* Василий Татищев. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986.
79. *Шишонко В.Н.* Пермская летопись. Т. 1—7. Пермь, 1881—1899.
80. *Щапов А.П.* Сочинения. Т. 1. СПб., 1900.
81. *Юхт А.И.* Василий Никитич Татищев. М.; Наука, 1986.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
КРАЙ ОБРЕТАЕТ ИМЯ	5
РИФЕЙ, КАМЕНЬ, КАМЕННЫЙ ПОЯС — УРАЛ.....	5
КАК РОДИЛИСЬ УРАЛЬСКИЕ ГОРЫ	22
КАК ЧЕЛОВЕК ПРИШЕЛ НА УРАЛ	32
БИТВА ЗА КАМЕННЫЙ ПОЯС, ИЛИ КАК УРАЛ СТАЛ ЧАСТЬЮ РОССИИ	49
КАЗАНСКАЯ ДОБЫЧА	49
ПУТЬ НА УРАЛ ТРОПЯТ ПЕРСЫ	53
РЕКОРДЫ МАНСИЙСКИХ МЕТАЛЛУРГОВ	55
НА ДОРОГУ К УРАЛЬСКИМ БОГАТСТВАМ ВЫХОДЯТ АРАБЫ	57
ВИКИНГИ ОТКРЫВАЮТ БИАРМИЮ	58
НОВГОРОДЦЫ И ЗАВОЛОЧЬЕ	61
НОВГОРОДЦЫ, СУЗДАЛЬЦЫ, БУЛГАРЫ: СХВАТКА ЗА УРАЛ	63
В БОРЬБУ ВСТУПАЕТ МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО	71
УРАЛЬСКИЕ КОНКИСТАДОРЫ	82
СТРОГАНОВЫ	85
ОДИН ДЕНЬ АНИКИЯ СТРОГАНОВА	87
КТО ТЫ, ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ?..	118
ПЕРВООСВОИТЕЛИ КРАЯ	135
ТУМАШЕВЫ	135
ЯКОВ ЛИТВИНОВ И СЫНОВЬЯ	139
ТУМАШЕВЫ	144
ПЕТР ПЕРВЫЙ, МАГНИТ-РУДА И ДЕМИДОВЫ	151
ФЕДОР ИВАНОВИЧ МОЛОДОЙ	167

ТУРЧАНИНОВЫ	175
САВВА ЯКОВЛЕВ (СОБАКИН)	182
«СЛАВА ДЕЛ ЭТИХ ЗАГРЕМЕЛА В МИРЕ», ИЛИ У ИСТОКОВ КАЗЕННОЙ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КРАЯ	186
УРОКИ АЗОВА И НАРВЫ	188
ИОГАНН БЛИЕР	193
ВАСИЛИЙ ТАТИЩЕВ	195
«ГОРНАЯ ВОЙНА» НА УРАЛЕ	201
ГЕОРГ ВИЛЬГЕЛЬМ ДЕ ГЕННИН	206
ОТ ИДОЛОВ К КРЕСТУ (ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ НА УРАЛЕ)	220
РЕЛИГИИ ПРАУРАЛЬЦЕВ	222
ХРИСТИАНИЗАЦИЯ УРАЛЬСКИХ НАРОДОВ	226
СТЕФАН ПЕРМСКИЙ	230
РАСКОЛЬНИКИ	242
В.Н. ТАТИЩЕВ И РАСКОЛ НА УРАЛЕ	246
ЖИТИЕ СВЯТОГО СИМЕОНА, ВЕРХОТУРСКОГО ЧУДОТВОРЦА	251
ПРИЛОЖЕНИЯ	260
ИЗУМРУДЫ УРАЛА	260
МАЛАХИТ	295
ЗОЛОТО	309
КАМЕННОЕ МАСЛО КАМЕННОГО ПОЯСА	323
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	346

Научно-популярное издание

Тайны Земли Русской

Сонин Лев Михайлович

ТАЙНЫ СЕДОГО УРАЛА

Редактор *М.К. Залеская*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *Н.В. Власкин*

Художественное оформление *Е.А. Забелина*

ООО «Издательский дом «Вече»
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.000129.01.08 от 16.01.2008 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 29.12.2008. Формат 84г108 1/32.
Гарнитура «SchoolBookС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 11. Тираж 7000 экз. Заказ № Т-1756.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

Священные Рифейские горы Гиперборейского Севера,
Каменный Пояс, за которым открываются
«незнаемые» просторы Югорского лукоморья.

Таков Урал в преданиях старины.

В его истории слились воедино саги викингов
о легендарной Биармии, летописные повествования
о русских землепроходцах, волшебные сказы о Хозяйке

Медной горы. Истинным средоточием тайн,
сокровищницей России предстает Урал и на страницах
этой книги. Ее автор, екатеринбургский писатель

Лев Сонин рассказывает о секретах древних
пермских рудокопов и об уральских самоцветах,
о Ермаке и о Строгановых, о первоосвоителях сурового
и прекрасного горного края...

ISBN 978-5-9533-3368-9

9 785953 333689

The logo for the publisher VEЧE, featuring a stylized flame or crown shape above the word "ВЕЧЕ" in a bold, sans-serif font.

ВЕЧЕ